

*К. Маркс
Ф. Энгельс
В.И. Ленин*

●

О РЕЛИГИИ

86.1
М27

К. Маркс
Ф. Энгельс
В.И. Ленин

●

О РЕЛИГИИ

*Издание второе,
дополненное*

18470/2

Централизованная
библиотечная система
Молотовской области г. Л-да
ЦРБ им. Светлова

Москва
Издательство
политической литературы
1983

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И.
М27 О религии.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1983.—
 368 с.

Во второе, дополненное издание тематического сборника включены важнейшие высказывания классиков марксизма-ленинизма об истории и сущности религии, о ее закономерном отмирании в условиях коммунистического общества, об отношении коммунистической партии и социалистического государства к религии, церкви и верующим. Сборник составлен с учетом учебных программ факультетов научного атеизма вечерних университетов марксизма-ленинизма и рассчитан на пропагандистов, преподавателей и студентов, на всех, занимающихся атеистической проблематикой.

Составители: И. А. Галицкая, Ю. В. Пицник, Э. Г. Филимонов.

М $\frac{0101010000-149}{079(02)-83}$ 72-83

86.1
2

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Мысли К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина об атеизме, религии, церкви — важная составная часть теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, имеющая непреходящее значение. Высказывания основоположников научного атеизма о социальных и гносеологических корнях религии, ее классовой сущности, ее происхождении, эволюции и закономерном отмирании в условиях коммунистического общества являются тем научным теоретическим фундаментом, на основе которого строится политика коммунистической партии и социалистического государства по отношению к религии, церкви, верующим.

В этот тематический сборник включены прежде всего те работы основоположников научного атеизма, которые имеют актуальное значение для практики атеистического воспитания, для разоблачения буржуазно-клерикальных фальсификаторов, стремящихся извратить марксистско-ленинское учение о религии. Такая подборка основных идей классиков марксизма-ленинизма по проблемам научного атеизма даст возможность читателям глубже овладеть основами марксистско-ленинского атеизма.

РЕЛИГИЯ КАК ФОРМА
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

1. РЕЛИГИЯ— ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ
В ГОЛОВЕ ЧЕЛОВЕКА
СТИХИЙНЫХ СИЛ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

...Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения. Этот первоначальный процесс прослежен при помощи сравнительной мифологии — по крайней мере у индоевропейских народов — до его первого проявления в индийских ведах, а в дальнейшем своем развитии он детально исследован у индусов, персов, греков, римлян, германцев и, насколько хватает материала, также у кельтов, литовцев и славян. Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы,— силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил*. На дальнейшей ступени развития вся совокуп-

* Этот двойственный характер, который впоследствии приобрели образы богов, был причиной возникшей впоследствии путаницы в мифологиях,— причиной, которую проглядела сравнительная мифология, продолжающая односторонне видеть в богах только отражение сил природы. Так, у некоторых германских племен бог войны обозначается по-древнескандинавски Тир, по-древневерхненемецки Цю, что соответствует, следовательно, греческому Зевсу, латинскому Юпитеру («Юпитер» вместо — «Диупитер»); у других он называется Эр, Эор, соответствуя, таким образом, греческому Аресу, латинскому Марсу.

ность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на *одного* всемогущего бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека. Так возник монотеизм, который исторически был последним продуктом греческой вульгарной философии более поздней эпохи и нашел свое уже готовое воплощение в иудейском, исключительно национальном боге Ягве. В этой удобной для использования и ко всему приспосабливающейся форме религия может продолжать свое существование как непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным, до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил.

Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 328—329

Таким образом, это * понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами). Это понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе какую-нибудь категорию, а остается все время на *почве* действительной истории, объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики и в силу этого приходит также к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в «самосознании» или превращением их в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор, — что не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории. Эта концепция показывает, что история не растворяется в «самосознании», как «дух от духа», а что каждая ее ступень застаёт в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу про-

* — материалистическое понимание истории. *Сост.*

изводительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства. Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общества, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде «сущности человека», что они обожествляли и с чем боролись,— реальная основа, действию и влиянию которой на развитие людей нисколько не препятствует то обстоятельство, что эти философы в качестве «самосознания» и «Единственных»¹ восстают против нее. Условия жизни, которые различные поколения застают в наличии, решают также и то, будут ли периодически повторяющиеся на протяжении истории революционные потрясения достаточно сильны, или нет, для того, чтобы разрушить основы всего существующего; и если нет налицо этих материальных элементов всеобщего переворота,— а именно: с одной стороны, определенных производительных сил, а с другой, формирования революционной массы, восстающей не только против отдельных сторон прежнего общества, но и против самого прежнего «производства жизни», против «совокупной деятельности», на которой оно базировалось,— если этих материальных элементов нет налицо, то, как это доказывает история коммунизма, для практического развития не имеет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась *идея* этого переворота.

Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту действительную основу истории, или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом. При таком подходе историю всегда должны были писать руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом; действительное производство жизни представлялось чем-то доисторическим, а историческое — чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над миром. Этим самым из истории исключается отношение людей к природе, чем создается противоположность между природой и историей. Эта концепция могла видеть в истории поэтому только громкие и пышные деяния и религиозную, вообще теоретическую, борьбу, и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи она вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи*. Так, например, если какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто «политическими» или «религиозными» мотивами,— хотя «религия» и «политика» суть только формы ее действительных мотивов,— то ее историк усваивает себе это мнение. «Воображение», «представление» этих определенных людей о своей действительной практике превращается в единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и опре-

деляет ее. Если примитивная форма, в которой осуществляется разделение труда у индусов и египтян, порождает кастовый строй в государстве и в религии этих народов, то историк воображает, будто кастовый строй есть та сила, которая породила эту примитивную общественную форму. В то время как французы и англичане держатся, по крайней мере, политической иллюзии, которая все же наиболее близка к действительности, немцы возвращаются в сфере «чистого духа» и возводят религиозную иллюзию в движущую силу истории. Гегелевская философия истории, это — последний, достигший своего «чистейшего выражения» плод всей этой немецкой историографии, с точки зрения которой все дело не в действительных и даже не в политических интересах, а в чистых мыслях, которые представляются впоследствии также и святому Бруно как ряд «мыслей», где одна пожирает другую и под конец исчезает в «самосознании»*. Еще последовательнее святой Макс Штирнер, который решительно ничего не знает о действительной истории и которому исторический процесс представляется просто историей «рыцарей», разбойников и призраков, историей, от видений которой он может спастись, конечно, только посредством «безбожия». Эта концепция в действительности религиозна: она предполагает религиозного человека как первичного человека, от которого исходит вся история, а действительное производство средств к жизни и самой жизни заменяет в своем воображении религиозным производством фантазий. Все это понимание истории, вместе с его разложением и вытекающими отсюда сомнениями и колебаниями, — лишь *национальное* дело немцев и имеет только *местный* интерес для Германии; таков, например, важный, неоднократно обсуждавшийся в последнее время вопрос, как, собственно, можно «попасть из царства божия в царство человеческое», как будто это «царство божие» когда-нибудь существовало где-либо, кроме фантазии, а многоученые мужи не жили постоянно — сами того не ведая — в «царстве человеческом», к которому они ищут теперь дорогу, и как будто задача научного развлечения — ибо это не больше, как развлечение, — имеющего целью разъяснить курьезный характер этого образования теоретических заоблачных царств, не заключалась, наоборот, как раз в том, чтобы показать их возникновение из действительных земных отношений. Вообще эти немцы всегда озабочены лишь тем, чтобы сводить всякую существовавшую уже бессмыслицу к какому-нибудь другому вздору, т. е. они предполагают, что вся эта бессмыслица имеет какой-то особый *смысл*, который надо раскрыть, между тем как все дело лишь в том, чтобы объяснить эти теоретические фразы из существующих действительных отношений. Действительное, практическое уничтожение этих фраз, устранение этих представлений из сознания людей достигается, как уже сказано, изменением условий, а не тео-

* Пометка Маркса на полях: «Так называемая *объективная* историография заключалась именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения в отрыве от деятельности. Реакционный характер». *Ред.*

ретическими дедукциями. Для массы людей, т. е. для пролетариата, этих теоретических представлений не существует и, следовательно, по отношению к нему их не нужно уничтожать, а если эта масса и имела когда-нибудь некоторые теоретические представления, например религию, то они уже давно уничтожены обстоятельствами.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч., т. 3, с. 36—40

2. РЕЛИГИЯ — ОПИУМ НАРОДА

Для Германии *критика религии* по существу окончена, а критика религии — предпосылка всякой другой критики.

Земное существование заблуждения скомпрометировано, раз опровергнута его *небесная oratio pro aris et focis* *. Человек, который в фантастической действительности неба искал некое сверхчеловеческое существо, а нашел лишь *отражение* себя самого, не пожелает больше находить только *видимость* самого себя, только не-человека — там, где он ищет и должен искать свою истинную действительность.

Основа пррелигиозной критики такова: *человек создает религию*, религия же не создает человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Но *человек* — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они — *превратный мир*. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur **, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовной *усладой* которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа.

Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, сле-

* — самоапология (буквально: речь в защиту алтарей и очагов). *Ред.*

** — вопрос чести. *Ред.*

довательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком. Критика религии освобождает человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, строил свою действительность как освободившийся от иллюзий, как ставший разумным человек; чтобы он вращался вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого.

Задача истории, следовательно, — с тех пор как исчезла *правда потустороннего мира*, — утвердить *правду посюстороннего мира*. Ближайшая *задача философии*, находящейся на службе истории, состоит — после того как разоблачен *священный образ* человеческого самоотчуждения — в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его *несвященных образах*. Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии* — в критику *права*, *критика теологии* — в критику *политики*.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 414—415

Религия для нас уже не *причина* мирской ограниченности, а лишь ее *проявление*. Поэтому мы объясняем религиозные пути свободных граждан государства их мирскими путями. Мы не утверждаем, что гражданам государства должны покончить со своей религиозной ограниченностью, чтобы уничтожить свои мирские пути. Мы утверждаем, что они покончат со своей религиозной ограниченностью только тогда, когда уничтожат свои мирские пути. Мы не превращаем мирские вопросы в *теологические*. Мы превращаем теологические вопросы в мирские. После того как историю достаточно долго объясняли суевериями, мы суеверия объясняем историей.

Маркс К. К еврейскому вопросу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 388

3. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА РЕЛИГИОЗНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как присвоение *человеческой жизни*, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному бытию*. Религиозное отчуждение как таковое про-

исходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*, — его упразднение охватывает поэтому обе стороны. Понятно, что если у различных народов это движение *начинается* либо в одной, либо в другой из этих областей, то это зависит от того, протекает ли подлинная *признанная* жизнь данного народа преимущественно в сфере сознания или же в сфере внешнего мира, является ли она больше идеальной или же реальной жизнью.

Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 117

Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, т. е. в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

...Религиозное самоотчуждение с необходимостью проявляется в отношении мирянина к священнослужителю или — так как здесь дело касается интеллектуального мира — также к некоему посреднику и т. д. В практическом действительном мире самоотчуждение может проявляться только через посредство практического действительного отношения к другим людям.

Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 91, 96

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована.

...Фейербах сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [Gemüt] обособленно и предположить абстрактного — *изомированного* — человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, некая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами.

...Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2—3

В религии люди превращают свой эмпирический мир в некую лишь мыслимую, представляемую сущность, противостоящую им как нечто чуждое. Объясняется же это опять-таки не посредством выведения из каких-нибудь других понятий, из «Самосознания» и тому подобной чепухи, а из всего существующего доньше способа производства и общения, который так же не зависит от чистого понятия, как изобретение сельфактора и использование железных дорог не зависят от гегелевской философии. Если он² уж хочет говорить о «сущности» религии, т. е. о материальной основе этой фантастической сущности, то он должен искать ее не в «сущности Человека» и не в предикатах бога, а лишь в материальном мире, который любая ступень развития религии застаёт уже существующим.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*.— Соч., т. 3, с. 146

Религия и есть признание человека окольным путем, признание через *посредника*. Государство есть посредник между человеком и свободой человека. Как Христос есть посредник, на которого человек перекладывает всю свою божественность, всю свою *религиозную ограниченность*, так и государство есть посредник, в которого он вкладывает всю свою небожественность, всю свою *человеческую свободу*.

Маркс К. К еврейскому вопросу.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 389

Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех возможных «богов», которые ведь представляют собой лишь более или менее неясное и искаженное отображение самого человека. Если поэтому Карлейль

повторяет вслед за Беном Джонсоном, что человек утратил свою душу и начинает теперь замечать ее отсутствие, то правильнее было бы сказать: человек утрачивал в религии свою собственную сущность, отчуждал от себя свою человечность, и теперь, когда с прогрессом истории религия поколеблена, он замечает свою пустоту и неустойчивость. Но для него нет иного спасения, он может снова обрести свою человечность, свою сущность не иначе, как преодолев коренным образом все религиозные представления и решительно, чистосердечно вернувшись не к «богу», а к себе самому.

Энгельс Ф. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 593—594

4. СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ И ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ

Современное общество все построено на эксплуатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения, принадлежащим к классам землевладельцев и капиталистов. Это общество — рабовладельческое, ибо «свободные» рабочие, всю жизнь работающие на капитал, «имеют право» лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы для борьбы за свое экономическое освобождение, но никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом.

Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоеывая себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

Ленин В. И. Социализм и религия.—
Полн. собр. соч., т. 12, с. 142—143

Каутский довел марксизм до неслыханного prostituirования и превратился в настоящего попа. Поп *уговаривает* капиталистов перейти к мирной демократии — и называет это диалектикой: если вначале была свободная торговля, а потом монополии и империализм, то отчего бы не быть «ультраимпериализму» и опять свободной торговле? Поп *утешает* угнетенные массы, разрисовывая блага этого «ультраимпериализма», хотя этот поп не берется даже сказать, «осуществим» ли таковой! Справедливо указывал Фейербах защищавшим религию тем доводом, что она утешает человека, на реакционное значение утешений: кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам.

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину.

Ленин В. И. Крах II Интернационала.—
Полн. собр. соч., т. 26, с. 236—237

...Фейербах очень метко ответил тем, кто защищает религию, как источник «утешения» для людей, что утешать раба есть занятие выгодное для рабовладельца, а настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига, а вовсе не «утешает» их. Лакей прикрашивает, прихорашивает фальшивые цветы, служащие для «утешения» наемных рабов в том, что они скованы цепями наемного рабства. Сторонник освобождения людей от на-

омного рабства срывает с цепей фальшивые, украшающие их цветы, чтобы рабы научились сознательнее и сильнее ненавидеть свои цепи, скорее сбросили их и протянули руку за живыми цветами.

Ленин В. И. В лакейской.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 140

Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами *невозможна* революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликует реакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное *только ей* экономически и политически. 3) Ненависть к *своему* правительству и к *своей* буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма, и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против *своего* правительства.

Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистской войне.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 290—291

5. УНИЧТОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЕЙ РЕЛИГИИ — ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития.

Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 90

Вместе с развитием богатства, а потому также с развитием новых сил и расширявшегося общения индивидов разлагались те экономические условия, на которых покоилось общество, те поли-

тические отношения различных составных частей общества, которые этому соответствовали, религия, в форме которой общество воспринималось в идеализированном виде (как общество, так и религия, в свою очередь, покоились на некотором данном отношении к природе, к которой сводится всякая производительная сила), характер, взгляды и т. д. индивидов. *Уже одного развития науки* — т. е. наиболее основательной формы богатства, являющейся как продуктом, так и производителем богатства — было достаточно для разложения этих обществ. Но *развитие науки*, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает *развитие производительных сил человека*, т. е. развитие богатства.

Маркс К. Экономические рукописи
1857—1859 годов.— Маркс К., Энгельс Ф.
Соч., т. 46, ч. II, с. 33

Но мы уже неоднократно видели, что в современном буржуазном обществе над людьми господствуют, как какая-то чуждая сила, ими же самими созданные экономические отношения, ими же самими произведенные средства производства. Фактическая основа религиозного отражения действительности продолжает, следовательно, существовать, а вместе с этой основой продолжает существовать и ее отражение в религии. И хотя буржуазная политическая экономия и дает некоторое понимание причинной связи этого господства чуждых сил, но дело от этого ничуть не меняется. Буржуазная политическая экономия не в состоянии ни предотвратить кризисы вообще, ни уберечь отдельного капиталиста от убытков, от безнадежных долгов и банкротства, ни избавить отдельного рабочего от безработицы и нищеты. До сих пор еще в ходу поговорка: человек предполагает, а бог (т. е. господство чуждых человеку сил капиталистического способа производства) располагает. Одного только познания, даже если оно идет дальше и глубже познания буржуазной политической экономии, недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*. И когда это действие будет совершено, когда общество, взяв во владение всю совокупность средств производства и планомерно управляя ими, освободит этим путем себя и всех своих членов от того рабства, в котором ныне их держат ими же самими произведенные, но противостоящие им, в качестве непреодолимой чуждой силы, средства производства, когда, следовательно, человек будет не только предполагать, но и располагать, — лишь тогда исчезнет последняя чуждая сила, которая до сих пор еще отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 329—330

...Религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, теорией которой она является, она гибнет сама собой.

Маркс К. Письмо Руге от 30 ноября 1842 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 252

...Религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию.

Маркс К. Ответю корреспонденту американской газеты «Chicago Tribune» в первой половине декабря 1878 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, с. 474

•

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ
И ЕЕ РАННИЕ ФОРМЫ

1. НАУЧНО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

18470/2

Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод. Недостатки абстрактного естественнонаучного материализма, исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности.

Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383

Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и

вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (обожествление природы).

Здесь сразу видно, что это обожествление природы или это определенное отношение к природе обуславливается формой общества, и наоборот. Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу — их ограниченное отношение к природе, и именно потому, что природа еще почти не видоизменена ходом истории; но с другой стороны, сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан. Это баранье, или племенное, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершившимся само собой или «естественно возникшим» благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т. д. и т. д. Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда *. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д. Но если даже эта теория, теология, философия, мораль и т. д. вступают в противоречие с существующими отношениями, то это может происходить лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующей производительной силой.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч., т. 3, с. 29—30

* Пометка Маркса на полях: «С этим совпадает первая форма идеологов, *попы*». *Ред.*

2. РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ — ПОРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе. Но, раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам. Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии. Эти первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям. У одного ряда таких групп народов, именно у арийского (так называемого индоевропейского), процесс этого развития подробно исследован сравнительной мифологией. Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги. Все эти боги жили в представлении людей лишь до тех пор, пока существовала создавшая их нация, и падали вместе с ее гибелью. Старые национальности погибли под ударами римской мировой империи, экономических условий возникновения которой мы не можем здесь рассматривать. Старые национальные боги пришли в упадок, этой участи не избежали даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима. Потребность дополнить мировую империю мировой религией ясно обнаруживается в попытках ввести в Риме поклонение, наряду с местными, всем сколько-нибудь почтенным чужеземным богам. Но подобным образом, императорскими декретами, нельзя создать новую мировую религию.

...Мы видим, стало быть, что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, следовательно, экономическими отношениями людей, делающих эти изменения. И этого здесь достаточно.

*Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец
классической немецкой философии.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21,
с. 313, 315*

Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте и без всякой мистификации и спекуляции — вскрыть связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они *в действительности*, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях*.

Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, — подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В прямую противоположность немецкой философии, спускающей с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, пред-

* Далее в рукописи перечеркнуто: «Представления, которые создают себе эти индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо об их собственной телесной организации. Ясно, что во всех этих случаях эти представления являются сознательным выражением, — действительным или иллюзорным, — их действительных отношений и деятельности, их производства, их общения, их общественной и политической организации. Обратное допущение возможно лишь тогда, когда, помимо духа действительных, материально обусловленных индивидов, предполагается еще какой-то особый дух. Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это есть опять-таки следствие ограниченности способа их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений». *Ред.*

ставляют себе,— мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как *их* сознание.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*.— Соч., т. 3, с. 24—25

Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству. А параллельно с дальнейшим развитием мозга шло дальнейшее развитие его ближайших орудий — органов чувств. Подобно тому как постепенное развитие речи неизменно сопровождается соответствующим усовершенствованием органа слуха, точно так же развитие мозга вообще сопровождается усовершенствованием всех чувств в их совокупности. Орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей. А чувство осязания, которым обезьяна едва-едва обладает в самой грубой, зачаточной форме, выработалось только вместе с развитием самой человеческой руки, благодаря труду.

Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию. Это дальнейшее развитие с момента окончательного отделения чело-

века от обезьяны отнюдь не закончилось, а, наоборот, продолжалось и после этого; будучи у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, иногда даже прерываясь местными и временными движениями назад, оно в общем и целом могучей поступью шло вперед, получив, с одной стороны, новый мощный толчок, а с другой стороны — более определенное направление благодаря тому, что с появлением готового человека возник вдобавок еще новый элемент — *общество*.

...Труд начинается с изготовления орудий. А что представляют собой наиболее древние орудия, которые мы находим, — наиболее древние, судя по найденным предметам, оставшимся нам в наследство от доисторических людей, и по образу жизни наиболее ранних исторических народов, а также и наиболее примитивных современных дикарей? Эти орудия представляют собой орудия охоты и рыболовства; первые являются одновременно и оружием. Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на пути к превращению в человека. *Мясная пища* содержала в почти готовом виде наиболее важные вещества, в которых нуждается организм для своего обмена веществ; она сократила процесс пищеварения и вместе с ним продолжительность других вегетативных (т. е. соответствующих явлениям растительной жизни) процессов в организме и этим сберегла больше времени, вещества и энергии для активного проявления животной, в собственном смысле слова, жизни. А чем больше формировавшийся человек удалялся от растительного царства, тем больше он возвышался также и над животными. Как приучение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи наряду с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека, так и привычка к мясной пище наряду с растительной чрезвычайно способствовала увеличению физической силы и самостоятельности формировавшегося человека. Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрее и полней совершенствоваться из поколения в поколение. С позволения господ вегетарианцев, человек не мог стать человеком без мясной пищи, и если потребление мясной пищи у всех известных нам народов в то или иное время влекло за собой даже людоедство (предки берлинцев, велетабы или вильцы, еще в X столетии поедали своих родителей), то нам теперь до этого уже никакого дела нет.

Употребление мясной пищи привело к двум новым достижениям, имеющим решающее значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое еще более сократило процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу; второе обогатило запасы мясной пищи, так как наряду с охотой оно открыло новый источник, откуда ее мож-

но было черпать более регулярно, и доставило, кроме того, в виде молока и его продуктов новый, по своему составу по меньшей мере равноценный мясу, предмет питания. Таким образом, оба эти достижения уже непосредственно стали новыми средствами эмансипации для человека. Останавливаться здесь подробно на их косвенных последствиях, как бы важны они ни были для развития человека и общества, мы не можем, так как это слишком отвлекло бы нас в сторону.

Подобно тому как человек научился есть все съедобное, он также научился и жить во всяком климате. Он распространился по всей пригодной для жилья земле, он, единственное животное, которое в состоянии было сделать это самостоятельно. Другие животные, приспособившиеся ко всем климатам, научились этому не самостоятельно, а только следуя за человеком: домашние животные и насекомые-паразиты. А переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится на зиму и лето, создал новые потребности, потребности в жилище и одежде для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые отрасли труда и вместе с тем новые виды деятельности, которые все более отдаляли человека от животного.

Благодаря совместной деятельности руки, органов речи и мозга не только у каждого в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их. Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство. Наряду с торговлей и ремеслами появились, наконец, искусство и наука; из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове — религия. Перед всеми этими образованиями, которые выступали прежде всего как продукты головы и казались чем-то господствующим над человеческими обществами, более скромные произведения работающей руки отступили на задний план, тем более, что планирующая работа голова уже на очень ранней ступени развития общества (например, уже в простой семье) имела возможность заставить не свои, а чужие руки выполнять намеченную ею работу. Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира. Оно и теперь владеет умами в такой мере, что даже наиболее материалистически настроенные естествоиспытатели из школы Дарвина не могут еще составить себе ясного представ-

ления о происхождении человека, так как, в силу указанного идеологического влияния, они не видят той роли, которую играл при этом труд...

И мы, в самом деле, с каждым днем научаемся все более правильно понимать ее законы и познавать как более близкие, так и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход. Особенно со времени огромных успехов естествознания в нашем столетии мы становимся все более и более способными к тому, чтобы уметь учитывать также и более отдаленные естественные последствия по крайней мере наиболее обычных из наших действий в области производства и тем самым господствовать над ними. А чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой и тем невозможной станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, которое распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве.

*Энгельс Ф. Диалектика природы.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 490,
491—494, 496*

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом беспрерывном изменении».

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех донныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, с. 445—446

3. РАННИЕ ФОРМЫ РЕЛИГИИ

При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Собственно торговые народы существуют, как боги Эпикура, лишь в межмировых пространствах¹ древнего мира или — как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях.

Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 89—90

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религия, философия и т. д., — то у них имеется предисторическое содержание, находимое и перенимаемое историческим периодом, — содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существе самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части экономическую основу лишь в отрицательном смысле; низкое экономическое развитие предисторического периода имеет в качестве дополнения, а порой и в качестве условия и даже в качестве причины ложные представления о при-

роде. И хотя экономическая потребность была и с течением времени все более становилась главной пружиной прогресса в познании природы, все же было бы педантизмом, если бы кто-нибудь попытался найти для всех этих первобытных бессмыслиц экономические причины. История наук есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 419

Фетишизм весьма далек от того, чтобы возвысить человека над его чувственными вожделениями, — он, напротив, является «*религией чувственных вожделений*». Распаленная вожделением фантазия создает у фетишиста иллюзию, будто «бесчувственная вещь» может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть. Грубое вожделение фетишиста *разбивает* поэтому свой фетиш, когда тот перестает быть его верноподданнейшим слугой.

Маркс К. Передовица в № 179 «*Kölnische Zeitung*». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 98

Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений *, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. Если она в момент смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее еще какую-то особую смерть. Так возникло представление о ее бессмертии, которое на той ступени развития казалось отнюдь не утешением, а неотвратимой судьбой и довольно часто, например у греков, считалось подлинным несчастьем. Не религиозная потребность в утешении приводила всюду к скучному вымыслу о личном бессмертии, а то простое обстоятельство, что, раз признав существование души, люди в силу всеобщей ограниченности никак не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти тела.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 282

* Еще и теперь у дикарей и варваров низшей ступени повсеместно распространено представление, что являющиеся им во сне человеческие образы суть души, на время покинувшие тело; при этом на действительного человека возлагается ответственность за те его поступки, которые снились видевшему сон. Это заметил, например, им Турн в 1884 г. у индейцев Гвианы.

...Только научившись добывать огонь с помощью трения, люди впервые заставили служить себе некоторую неорганическую силу природы. Какое глубокое впечатление произвело на человечество это гигантское, почти неизмеримое по своему значению открытие, показывают еще теперешние народные суеверия. Изобретение каменного ножа, этого первого орудия, чествовалось еще много времени спустя после введения в употребление бронзы и железа: все религиозные жертвоприношения совершались с помощью каменных ножей. По еврейскому преданию, Иисус Навин приказал совершить обрезание над родившимися в пустыне мужчинами при помощи каменных ножей²; кельты и германцы пользовались в своих человеческих жертвоприношениях только каменными ножами. Но все это давно забыто. Иначе дело обстоит с огнем, получаемым при помощи трения. Много времени спустя после того, как людям стали известны другие способы получения огня, всякий священный огонь должен был у большинства народов добываться путем трения. Еще и поныне в большинстве европейских стран существует народное поверье о том, что чудотворный огонь (например, у нас, немцев, огонь для заклинаний против поветрия на животных) может быть зажжен лишь при помощи трения. Таким образом, еще и в наше время благодарная память о первой большой победе человека над природой продолжает полубессознательно жить в народном суеверии, в остатках язычески-мифологических воспоминаний образованнейших народов мира.

Энгельс Ф. *Диалектика природы*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 430

Уже верное отражение *природы* — дело трудное, продукт длительной истории опыта. Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят *все* культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов, и *consensus gentium**, на которое ссылается доказательство бытия бога, доказывает именно лишь всеобщность этого стремления к олицетворению как необходимой переходной ступени, — а следовательно и всеобщность религии.

Энгельс Ф. *Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу»*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 639

Совершенно подобным же образом³ вследствие олицетворения сил природы возникли первые боги, которые в ходе дальнейшего развития религии принимали все более и более облик внемировых сил, пока в результате процесса абстрагирования — я чуть было не сказал: процесса дистилляции, — совершенно естествен-

* — единогласное мнение народов. *Ред.*

ного в ходе умственного развития, в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов представление о едином, исключительном боге монотеистических религий.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 232—233

5. Общие религиозные представления (мифология) и культовые обряды.

«Индейцы были на свой варварский манер религиозным народом»⁴.

Мифология индейцев до сих пор еще отнюдь не подвергалась критическому изучению; предметам своих религиозных представлений — всякого рода духам — они уже придавали человеческий облик, но низшая ступень варварства, на которой они находились, не знает еще наглядных изображений, так называемых идолов. То был культ природы и стихий, находившийся на пути развития к многобожию. Различные племена имели свои регулярные празднества с определенными формами культа, а именно — танцами и играми; танцы в особенности были существенной составной частью всех религиозных торжеств; каждое племя проводило свои празднества отдельно.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 93

Тогда как у Цезаря германцы частью только что осели на землю, частью еще отыскивали места постоянного поселения, во времена Тацита они имеют уже позади себя целое столетие оседлой жизни; этому соответствовал и несомненный прогресс в производстве средств существования... Рунические письмена (подражание греческим или латинским буквам) были известны лишь как тайнопись и служили только для религиозно-магических целей. Еще было в обычае принесение в жертву людей.

...То, что Бахофен изображает как искупление за нарушение древних заповедей богов, — искупление, ценой которого женщина приобретает право на целомудрие, — в действительности только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в древние времена общности мужей и приобретает право принадлежать только *одному* мужчине. Этот выкуп состоит в ограниченном определенными рамками обычае отдаваться посторонним: вавилонские женщины должны были раз в год отдаваться мужчинам в храме Милитты; другие народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где

они должны были предаваться свободной любви со своими избранниками, прежде чем получить право на вступление в брак; подобные обычаи, облеченные в религиозную оболочку, свойственны почти всем азиатским народам, живущим между Средиземным морем и Гангом. Искупительная жертва, играющая роль выкупа, становится с течением времени все легче, как это уже заметил Бахофен:

«Ежегодно повторявшееся принесение этой жертвы уступает место однократной повинности, гетеризм матрон уступает место гетеризму девушек; вместо того, чтобы практиковать его во время брака, им занимают до брака; вместо того чтобы отдаваться без разбора всякому, отдаются только определенным лицам» («Материнское право», стр. XIX).

У других народов религиозная оболочка отсутствует: у некоторых — в древности у фракийцев, кельтов и др., в настоящее время еще у многих коренных обитателей Индии, у малайских народов, у тихоокеанских островитян и у многих американских индейцев — девушки пользуются до своего замужества полнейшей половой свободой. Это особенно распространено почти всюду в Южной Америке, что может засвидетельствовать каждый, кто проникал хоть немного в глубь этого материка.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 141, 54—55

У ирокезов⁵ торжественное принятие в род происходило на публичном заседании совета племени, что фактически превращало это торжество в религиозную церемонию.

8. Трудно установить у индейских родов наличие особых религиозных празднеств; но религиозные церемонии индейцев более или менее связаны с родом. Во время шести ежегодных религиозных празднеств ирокезов сахемы⁶ и военные вожди отдельных родов в силу своей должности причислялись к «блюстителям веры» и выполняли жреческие функции.

9. Род имеет общее место погребения. У ирокезов штата Нью-Йорк, стесненных со всех сторон белыми, оно теперь исчезло, но раньше существовало. У других индейцев оно еще сохранилось, как, например, у находящихся в близком родстве с ирокезами тускарора, которые, несмотря на то, что они христиане, имеют на кладбище особый ряд для каждого рода, так что в одном ряду с детьми хоронят мать, но не отца. Да и у ирокезов весь род умершего участвует в погребении, заботится о могиле, надгробных речах и т. п.

...Раньше у ирокезов существовали особые религиозные мистерии, названные белыми *medicine-lodges**. Эти мистерии у пле-

* — колдовскими собраниями. *Ред.*

мени сенека устраивались двумя религиозными братствами, имевшими особые правила посвящения новых членов; на каждую из обеих фратрий приходилось по одному такому братству.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 89—90, 92

Согласно греческой истории Грота, афинский род, в частности, покоился на следующих основаниях:

1. Общие религиозные празднества и исключительное право жречества совершать священные обряды в честь определенного бога, предполагаемого родоначальника рода и обозначаемого в качестве такового особым прозвищем.

2. Общее место погребения (ср. «Эмбулид» Демосфена⁷).

3. Право взаимного наследования.

4. Взаимная обязанность оказывать друг другу в случае необходимости помощь, защиту и поддержку.

5. Взаимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девушек-сирот или наследниц.

6. Владение, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом, наличие собственного архонта (старейшины) и казначея.

Далее, несколько родов было объединено во фратрию, но менее тесными узами; однако и здесь мы видим подобного же рода взаимные права и обязанности, в особенности совместное отправление определенных религиозных церемоний и право преследования в случае убийства члена фратрии. Все фратрии одного племени имели, в свою очередь, общие, регулярно повторявшиеся священные празднества, которые возглавлялись избранным из среды благородных (эвпатридов) филобасилеем (старейшиной племени).

Так говорит Грот. Маркс же добавляет к этому: «Однако и сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, прокез)»⁸. Он будет замечен еще явственнее, если мы продолжим исследование несколько дальше.

В самом деле, греческому роду свойственны еще следующие черты:

7. Счет происхождения в соответствии с отцовским правом.

8. Запрещение браков внутри рода, за исключением браков с наследницами. Это исключение и его оформление как закона подтверждают, что старое правило было еще в силе. Это вытекает также из общеобязательного правила, что женщина, выходя замуж, тем самым отказывалась от участия в религиозных обрядах своего рода и переходила к обрядам мужа, во фратрию которого она и зачислялась. Согласно этому, а также известному месту у Диккарха⁹, брак вне своего рода был правилом, а Беккер в «Харик-

ле» прямо считает, что никто не мог вступать в брак внутри своего рода.

9. Право усыновления родом; оно осуществлялось посредством усыновления одной из семей, но с соблюдением публичных формальностей, и только в виде исключения.

10. Право избирать и смещать старейшин. Мы знаем, что каждый род имел своего архонта; о том, что эта должность переходила по наследству в определенных семьях, не говорится в шигде. До конца эпохи варварства всегда следует предполагать отсутствие строгого * наследования должностей, совершенно несовместимого с порядком, при котором богатые и бедные внутри рода пользовались полным равноправием.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 100—102

Фратрия, как и у американцев, была расчленившимся на несколько дочерних родов и объединяющим их первоначальным родом, часто указывавшим еще на происхождение их всех от общего родоначальника. Так, по Гроту,

«все сверстники, члены фратрии Гекатея, признавали одного и того же бога своим родоначальником в шестнадцатом колене».

Все роды этой фратрии были поэтому в буквальном смысле братскими родами. Фратрия встречается еще у Гомера в качестве военной единицы в известном месте, где Нестор советует Агамемнону: построй людей по племенам и фратриям так, чтобы фратрия помогала фратрии, племя — племени¹⁰.— Фратрия, кроме того, имела право и была обязана преследовать за убийство члена фратрии; следовательно, в более раннюю эпоху на ней лежала также обязанность кровной мести. У нее, далее, были общие святыни и празднества, да и само развитие всей греческой мифологии из традиционного древнеарийского культа природы по существу обусловлено было родами и фратриями и происходило внутри них.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 103—104

Отдаваться за деньги было первоначально религиозным актом; это происходило в храме богини любви, и деньги шли в первое время в сокровищницу храма. Гиеродулы¹¹ Анаитис в Армении, Афродиты в Коринфе, а также состоящие при храмах религиозные танцовщицы Индии, так называемые баядерки (искаженное португальское *bailadeira* — танцовщица), были первыми проститутка-

* Слово «строгого» добавлено Энгельсом в издании 1891 г. *Ред.*

ми. Отдаваться посторонним мужчинам — первоначально обязанность каждой женщины — стало впоследствии уделом только этих жриц, как бы замещающих всех остальных.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 69

Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра¹². В эпоху Перикла софисты, Сократ, которого можно назвать олицетворением философии, искусство и риторика вытеснили религию. Эпоха Александра была эпохой Аристотеля, который отверг и вечность «индивидуального» духа и бога позитивных религий. Тем более это верно по отношению к Риму! Читайте Цицерона! Философские учения Эпикура, стоиков или скептиков были религиями образованных римлян в тот именно период, когда Рим достиг вершины своего развития. Если с гибелью древних государств исчезают и их религии, то этот факт не нуждается в особых объяснениях, так как «истинной религией» древних был культ их собственной «национальности», их «государства». Не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий.

Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 98—99

ХРИСТИАНСТВО

1. ХРИСТИАНСТВО — ПРОДУКТ РАЗЛОЖЕНИЯ
АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

К тому же немецкий протестантизм — единственная современная форма христианства, которая достойна критики. Католицизм уже в XVIII веке стоял ниже всякой критики и был просто предметом полемики (что за ослы все-таки эти старокатолики!)¹, английскому протестантизму, распавшемуся на бесконечное множество сект, не было свойственно развитие теологии, разве только такое ее развитие, каждый этап которого фиксировался в виде основания новой секты. Только немец обладает теологией и в силу этого имеет объект для критики — исторической, филологической и философской. Эта критика является продуктом Германии, она была бы невозможна без немецкого протестантизма, и тем не менее она абсолютно необходима. С такой религией как христианство нельзя покончить только с помощью насмешек и нападок. Она должна быть также преодолена научно, то есть объяснена исторически, а с этой задачей не в состоянии справиться даже естествознание.

Энгельс Ф. Заметки о Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 578

Взгляд на все религии, а вместе с тем и на христианство, как на изобретение обманщиков, — взгляд, господствовавший со времени вольнодумцев средневековья вплоть до просветителей XVIII века включительно, — оказался уже неудовлетворительным с тех пор, как Гегель поставил перед философией задачу показать рациональное развитие во всемирной истории.

Вполне понятно, что если стихийно возникшие религии, как поклонение фетишам у негров или общая первоначальная религия у арийцев², возникают без участия обмана, то в их дальнейшем развитии поповский обман очень скоро становится неизбежным. Искусственные же религии, при всей характерной для них искренней восторженности, уже при своем основании не могут обойтись без обмана и искажения истории; также и христианство уже с самого начала имело весьма недурные достижения этого рода, как

показал Бауэр в критике Нового завета. Однако таким образом устанавливается лишь общее явление, но не объясняется конкретный случай, о котором здесь как раз идет речь³.

С религией, которая подчинила себе римскую мировую империю и в течение 1800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы разделаться с ней, необходимо прежде суметь объяснить ее происхождение и ее развитие, исходя из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства. В особенности это относится к христианству. Ведь здесь надо решить вопрос, как это случилось, что народные массы Римской империи предпочли всем другим религиям эту бессмыслицу, проповедуемую к тому же рабами и угнетенными, так что, наконец, честолюбивый Константин увидел в принятии этой бессмысленной религии лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира⁴.

Энгельс Ф. Bruno Бауэр и первоначальное христианство.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 306—307

Для общества товаропроизводителей, всеобщее общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к своим продуктам труда как к товарам, следовательно как к стоимостям, и в этой вещной форме частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.

Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 89

Относительно причин, которые помогли христианству одержать победу и достичь мирового господства, у Бауэра имеются тоже очень ценные данные. Но здесь ему препятствует идеализм немецкого философа, он мешает ему ясно видеть и четко формулировать. Фраза заменяет у него часто в решающем месте существо дела. Поэтому, не вдаваясь в подробности воззрений Бауэра, мы лучше изложим здесь наше понимание этого вопроса, основанное не только на работах Бауэра, но и на собственных исследованиях.

Римское завоевание во всех покоренных странах прежде всего непосредственно разрушило прежние политические порядки, а затем косвенным образом и старые общественные условия жизни. Разрушило, во-первых, тем, что вместо прежнего сословного деления (если не касаться рабства) оно установило простое различие между римскими гражданами и негражданами или подданными государства; во-вторых, и главным образом, — вымогательствами

от имени Римского государства. Если при империи в интересах государства старались по возможности положить предел неустойчивой жажде к обогащению со стороны наместников провинций, то вместо этого появились все сильнее действующие и все туже завинчиваемые гиски налогов в пользу государственной казны — высасывание средств, которое действовало страшно разрушительно. Наконец, в-третьих, римские судьи повсюду выносили свои решения на основании римского права, а местные общественные порядки объявлялись тем самым недействительными, поскольку они не совпадали с римским правопорядком. Эти три рычага должны были действовать с огромной нивелирующей силой, особенно когда они в течение приблизительно двух веков применялись к народам, наиболее сильная часть которых была уже уничтожена или уведена в рабство в результате битв, предшествовавших завоеванию, сопровождавших его, а часто и следовавших за ним. Общественные отношения в провинциях все больше и больше приближались к общественным отношениям в столице и в Италии. Население все больше и больше разделялось на три класса, представлявшие собой смесь самых разнообразных элементов и народностей: богачи, среди которых было не мало вольноотпущенных рабов (см. Петрония⁵), крупных землевладельцев, ростовщиков, или тех и других вместе, вроде дяди христианства Сенеки; неимущие свободные — в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях же им предоставлялось самим заботиться о себе; наконец, огромная масса рабов. По отношению к государству, то есть к императору, оба первых класса были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Особенно в период от Тиберия до Нерона⁶ стало обычным явлением приговаривать богатых римлян к смерти для того, чтобы присвоить их состояние. Материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило уже на армию лангскнехтов⁷, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью. Здесь же место подробно рассматривать, на каких чисто материальных фактах основывалось это убеждение.

Всеобщему бесправию и утрате надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие оставшиеся еще в живых староримляне патрицианского склада и образа мыслей были устранены или вымирали; последним из них является Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось стяжательством и наслаждением богатством, обывательскими сплетнями и интригами. Неимущие свободные, бывшие в Риме пенсионерами государства, в провинциях, наоборот, находились в тяжелом положении. Они должны были работать, да еще в условиях конкуренции рабского труда.

Но они были только в городах. Наряду с ними в провинциях были еще крестьяне — свободные владельцы земли (местами, пожалуй, еще связанные с общинной собственностью) или, как в Галлии, крестьяне, находившиеся в долговой кабале у крупных землевладельцев. Этот класс меньше всего был затронут общественным переворотом; он всего дольше сопротивлялся и религиозному перевороту*. Наконец, рабы, бесправные и безвольные, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака⁸; при этом, однако, большинство из них было некогда свободными или сыновьями свободнорожденных. Среди них, стало быть, должна была еще по большей части сохраняться живая, хотя внешне бессильная, ненависть против условий их жизни...

Таково было материальное и моральное состояние. Настоящее невыносимо; будущее, пожалуй, еще более грозно. Никакого выхода. Отчаяние или поиски спасения в самом пошлом чувственном наслаждении, по крайней мере со стороны тех, которые могли себе это позволить, но таких было незначительное меньшинство. Для остальных не оставалось ничего, кроме тупой покорности перед неизбежным.

Но во всех классах должно было быть известное количество людей, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен него освобождения духовного, утешения в сознании, которое спасло бы их от полного отчаяния. Этого утешения не могла дать ни стоическая философия⁹, ни школа Эпикура, во-первых, потому, что это были философские системы, рассчитанные, следовательно, не на рядовое сознание, а затем, во-вторых, потому, что образ жизни их приверженцев вызывал недоверие к учению этих школ. Для того чтобы дать утешение, нужно было заменить не утраченную философию, а утраченную религию. Утешение должно было выступить именно в религиозной форме, как и все то, что должно было захватывать массы, — так это было в те времена и так продолжалось вплоть до XVII века.

Едва ли надо отмечать, что среди людей, страстно стремившихся к этому духовному утешению, к этому бегству от внешнего мира в мир внутренний, большинство должны были составлять рабы.

Во время этого всеобщего экономического, политического, интеллектуального и морального разложения и выступило христианство. Оно вступило в резкое противоречие со всеми существовавшими до тех пор религиями.

Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 309—311, 312—313

* Согласно Фаллмерайеру еще в девятом веке в Майне (Пелопоннес) крестьяне приносили жертвы Зевсу.

2. ФИЛОСОФСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОЧНИКИ ХРИСТИАНСТВА

...Откуда происходят представления и идеи, которые в христианстве сложились в своего рода систему, и каким образом они достигли мирового господства?

Этим Бауэр занимался до конца своей жизни. Завершающим выводом его исследования является то, что александрийский еврей Филон, который жил еще в 40-м году нашего летосчисления, прагма, глубоким уже стариком, был настоящим отцом христианства, а римский стоик Сенека был, так сказать, его дядей. Многочисленные дошедшие до нас сочинения, приписываемые Филону, возникли фактически из слияния аллегорически и рационалистически понятых еврейских преданий с греческой, а именно, стоической, философией¹⁰. Это примирение западных и восточных воззрений содержит уже все существенные христианские представления: прирожденную греховность человека; логос — слово, которое есть у бога и само есть бог, которое является посредником между богом и человеком; покаяние не путем приношения в жертву животных, а путем принесения своего собственного сердца богу; наконец, и ту существенную черту, что новая философия религии переворачивает прежний порядок вещей, вербуя своих последователей среди бедняков, несчастных, рабов и отверженных, и презирая богатых, могущественных, привилегированных — тем самым предписывается презрение ко всем мирским наслаждениям и умерщвление плоти.

С другой стороны, уже Август позаботился о том, чтобы не только богочеловек, но и так называемое непорочное зачатие стали предписанными государством формулами. Он не только требовал оказания Цезарю и самому себе божеских почестей, но разрешил также распространять слухи, что он, Август Цезарь *divus*, божественный, не является сыном своего отца — человека, а зачат матерью от бога Аполлона. Только не был ли этот бог Аполлон в родстве с тем, которого воспел Гейне¹¹?

Как мы видим, не хватает еще только последнего камня, и все христианство в его основных чертах было бы готово; не хватает воплощения ставшего человеком логоса в определенной личности и его искупительной жертвы на кресте во спасение грешного человечества.

Каким образом этот последний камень был исторически вложен в стоико-филоновские теории, об этом у нас нет действительно достоверных источников. Но несомненно одно: он был вложен не философами, учениками Филона или стоиками. Религии создаются людьми, которые сами ощущают потребность в ней и понимают религиозные потребности масс, а как раз этого обычно не бывает у представителей философских школ. Напротив, во времена всеобщего разложения, — как, например, и теперь, — повсюду встречается широкое распространение философии и религиозной

догматики в опошленной, вульгаризированной форме. Если классическая греческая философия в последних своих формах, — особенно в эпикурейской школе, — приводила к атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению о едином боге и бессмертии человеческой души. Так же и иудейство, рационалистически вульгаризированное благодаря смешению и общению с неевреями и полуевреями, дошло до пренебрежения ритуальными обрядами, до превращения прежнего исключительно еврейского национального бога Ягве* в единственно истинного бога, творца неба и земли, и до признания первоначально чуждого иудейству бессмертия души. Так, монотеистическая вульгарная философия встретила с вульгарной религией, которая преподнесла ей единого бога в совершенно готовом виде. И таким образом была подготовлена почва, на которой у евреев переработка столь же вульгаризированных филоновских представлений могла создать христианство, а, будучи уже создано, христианство могло быть воспринято греками и римлянами. Что христианство произошло из популяризированных филоновских представлений, а не непосредственно из произведений Филона, доказывается тем, что Новый завет почти полностью пренебрегает главной частью этих произведений, а именно аллегорически-философским истолкованием ветхозаветных рассказов. На эту сторону вопроса Бауэр не обратил достаточно внимания.

О том, как выглядело христианство в своем первоначальном виде, можно составить себе представление при чтении так называемого Откровения Иоанна¹². Дикий, сумбурный фанатизм, догматы — лишь в зародыше, а из так называемой христианской морали — только умерщвление плоти; зато, наоборот, множество видений и пророчеств. Образование догматов и этики принадлежит более позднему времени, когда были написаны евангелия и так называемые апостольские послания¹³. Тут-то и была бесцеремонно использована — по крайней мере для морали — стоическая философия, а именно Сенека. Бауэр доказал, что послания часто почти дословно списаны у Сенеки. И действительно, это было замечено даже правоверными христианами, но они утверждали, что, наоборот, Сенека списал с Нового завета, который тогда не был еще и составлен. Догматика развивалась, с одной стороны, в связи со складывавшейся евангельской легендой об Иисусе, с другой стороны, в борьбе между иудео-христианами и христианами из язычников...

Философы были или просто зарабатывающими на жизнь школьными учителями, или же шутами на жалованье у богатых

* Как доказал уже Эвальд, еврей в рукописях, снабженных знаками огласовки, писал под согласными имени Ягве, которые запрещалось произносить, гласные, входящие в состав слова Адонай, произносимого вместо него. Такое написание стало впоследствии читаться как Иегова. Это слово, следовательно, является не именем какого-то бога, а грубой грамматической ошибкой: в древнееврейском языке оно просто невозможно.

кутил. Многие были даже рабами. Что из них получалось, когда дела их шли хорошо, показывает пример господина Сенеки. Этот стойк, проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, имениями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря¹⁴, сам-то в действительности был богачом из той же притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за горло, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как, дескать, с него достаточно его философии. Только очень редкие из философов, как Персий, размахивали, по крайней мере, бичом сатиры над своими выродившимися современниками.— Что же касается другой разновидности идеологов — юристов, то они были в восторге от новых порядков, потому что стирание всех сословных различий позволяло им разрабатывать во всю ширь свое излюбленное частное право; зато они и составили для императоров самое гнусное государственное право, какое когда-либо существовало.

Вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрекла на гибель и их особую религию. Все религии древности были стихийно возникшими племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и срослись с ними. Раз были разрушены эти их основы, сломаны унаследованные общественные формы, установленное политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и соответствующая им религия. Национальные боги могли терпеть рядом с собой других национальных богов у других народов,— и в древности это было общим правилом,— но отнюдь не над собой. Пересадка восточных религиозных культов в Рим вредила только римской религии, но не могла задержать упадок восточных религий. Как только национальные божества не могут уже более охранять независимость и самостоятельность своей нации, они сами ломают себе шею. Так происходило повсюду (за исключением крестьян, особенно в горах). То, что в Риме и Греции сделало вульгарно-философское просвещение,— я чуть было не сказал вольтерьянство,— то в провинциях совершали римское порабощение и замена гордых своей свободой людей отчаявшимися подданными и себялюбивыми негодьями.

Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 307—309, 311—312

Доказательства бытия бога представляют собой не что иное, как *пустые тавтологии*,— например, онтологическое доказательство сводится к следующему: «То, что я действительно (реально) представляю себе, есть для меня действительное представление»,— значит действует на меня, и в этом смысле *все боги*, как языческие, так и христианские, обладали действитель-

ным существованием. Разве не властвовал древний Молох? Разве Аполлон Дельфийский не был действительной силой в жизни греков? Здесь даже критика Канта ничего поделать не может. Если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, если это представление не есть для него произвольное, субъективное представление, если он верит в него, — то для него эти сто воображаемых талеров имеют такое же значение, как сто действительных. Он, например, будет делать долги на основании своей фантазии, он будет *действовать так, как действовало все человечество, делая долги за счет своих богов*. Наоборот, пример, приводимый Кантом, мог бы подкрепить онтологическое доказательство. Действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо, кроме представления, правда, общего или, скорее, общественного представления людей? Привези бумажные деньги в страну, где не знают этого употребления бумаги, и всякий будет смеяться над твоим субъективным представлением. Приди со своими богами в страну, где признают других богов, и тебе докажут, что ты находишься во власти фантазий и абстракций. И справедливо. Если бы кто-нибудь принес древним грекам какого-либо вендского бога, то он нашел бы доказательство несуществования этого бога. Ибо для греков он не существовал. *Чем какая-нибудь определенная страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще — областью, где его существование прекращается.*

Или же доказательства существования бога представляют собой не что иное, как *доказательства бытия существенного человеческого самосознания, логические объяснения последнего*. Например, онтологическое доказательство. Какое бытие является непосредственным, когда мы его мыслим? Самосознание.

В таком смысле все доказательства существования бога представляют собой доказательства его *несуществования, опровержения* всех представлений о боге. Действительные доказательства, наоборот, должны были бы гласить: «Так как природа плохо устроена, то бог существует». «Так как существует неразумный мир, то бог существует». «Так как мысль не существует, то бог существует». Но разве это не означает следующее: *для кого мир неразумен, кто поэтому сам неразумен, для того бог существует. Иными словами: неразумность есть наличное бытие бога.*

Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 232—233

3. НАУЧНАЯ КРИТИКА БИБЛИИ

Немецкая критика библии — единственная до сих пор научная основа наших познаний в области истории первоначального христианства — развивалась по двум направлениям.

Одно направление — *Тюбингенская школа*¹⁵, к которой, понимая ее в широком смысле, следует причислить и Д. Ф. Штрауса. В критическом исследовании она заходит настолько далеко, насколько это возможно для *теологической* школы. Она признает, что все четыре евангелия являются не рассказами очевидцев, а позднейшими переработками утерянных писаний и что из посланий, приписываемых апостолу Павлу, подлинными являются не больше четырех и т. д. Она вычеркивает из исторического повествования как неприемлемое все чудеса и все противоречия, но из остального она пытается «спасти то, что еще можно спасти», и в этом очень ясно проявляется ее характер как школы теологов. Этим она дала возможность Ренану, опирающемуся большей частью на нее, посредством того же метода «спасти» еще гораздо больше и попытаться навязать нам в качестве исторически достоверного материала, кроме большого количества более чем сомнительных новозаветных рассказов, еще и множество прочих легенд о мучениках. Но уж во всяком случае все то, что *Тюбингенская школа* отвергает в Новом завете как неисторическое или подложное, можно считать для науки окончательно устраненным.

Другое направление представлено только одним человеком — *Бруно Бауэром*¹⁶. Его большая заслуга состоит не только в беспощадной критике евангелий и апостольских посланий, но также и в том, что он впервые серьезно занялся исследованием не только еврейских и греко-александрийских, но также чисто греческих и греко-римских элементов, которые и проложили для христианства путь к превращению его в мировую религию. Легенда о христианстве, которое якобы сразу и в готовом виде возникло из иудаизма и которое из Палестины покорило мир своей раз навсегда установленной в главных чертах догматикой и этикой, оказалась полностью развенчанной со времени Бруно Бауэра; она может прозябать еще только на теологических факультетах и среди людей, которые хотят «сохранить религию для народа», даже в ущерб науке. Огромное влияние александрийской школы Филона и греко-римской вульгарной философии — платоновской и в особенности стоической¹⁷ — на христианство, которое при Константине стало государственной религией, далеко еще не установлено во всех деталях, но наличие этого влияния доказано, и это — заслуга преимущественно Бруно Бауэра; он заложил основы доказательства того, что христианство не было ввезено извне, из Иудеи, и навязано греко-римскому миру, но что оно — по крайней мере в том виде, в каком оно стало мировой религией — является характернейшим продуктом этого мира. Разумеется, Бауэр, как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, во многом далеко хватил через край. Чтобы установить на основании также и литературных источников влияние Филона и особенно Сенеки на формирующееся христианство, а новозаветных писателей представить прямыми плагиаторами упомянутых философов, Бауэру пришлось отнести возникновение новой религии на полсотни лет позже, отбросить

не согласующиеся с этим сообщения римских историков и вообще позволить себе большие вольности при изложении истории. По его мнению, христианство как таковое возникает только при императорах из династии Флавиев, а повозветная литература — только при Адриане, Антонине и Марке Аврелии. Вследствие этого у Бауэра исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний о Иисусе и его учениках; эти сказания превращаются в легенды, в которых фазы внутреннего развития первых общин и духовная борьба внутри этих общин переносятся на более или менее вымышленные личности. По Бауэру, местами рождения новой религии являются не Галилея и Иерусалим, а Александрия и Рим.

Итак, если Тюбингенская школа в неопровергнутом ею остатке новозаветной истории и литературы дала нам предельный максимум того, что наука в настоящее время может еще согласиться признать спорным, то Бруно Бауэр дает нам максимум того, что она может в этой истории и литературе опровергать. Между этими границами лежит действительная истина. Можно ли ее установить при нынешних данных, весьма сомнительно. Новые находки, в особенности в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте помогут в этом вопросе гораздо больше, чем какая угодно критика.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 473—474

Историческая и лингвистическая критика библии, исследование вопроса о времени, происхождении и историческом значении различных писаний, входящих в состав Ветхого и Нового заветов, — эта наука не известна в Англии почти никому, за исключением немногих либеральствующих богословов, которые стараются, по возможности, хранить ее в тайне.

Наука эта почти исключительно немецкая. Более того, то многое из нее, что проникло за пределы Германии, — отнюдь не лучшая ее часть; это тот вольводумствующий критицизм, который гордится тем, что свободен от предубежденности и компромиссов, оставаясь в то же время христианским: эти книги, мол, не являются непосредственным откровением святого духа, но представляют божественное откровение через священный дух гуманности и т. д. Так, Тюбингенская школа (Баур, Гфрёрер и др.)¹⁸ пользуется большим успехом в Голландии и Швейцарии, как и в Англии, а если имеется желание пойти немного дальше, то следуют за Штраусом. Такой же умеренный, но совершенно не исторический дух преобладает у известного Эрнеста Ренана, который является лишь жалким плагиатором немецких критиков. Во всех его трудах ему принадлежит только эстетический сентиментализм, которым пропитаны его мысли, и водянистая словесная форма, в которую они облечены.

Энгельс Ф. Книга откровения. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 7

Что Пятикнижие* было сочинено лишь после возвращения иудеев из вавилонского пленения, выяснил еще Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате».

К. Маркс — Лиону Филиппу, 25 июня
1864 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30,
с. 549

Я не понимаю, как ортодоксальные священники могут быть столь ортодоксальны, когда в библии встречаются такие явные противоречия. Как можно согласовать обе генеалогии Иосифа, мужа Марии, различные версии, касающиеся тайной вечери («сие есть кровь моя, сие есть Новый завет в моей крови») и рассказа об одержимых бесами (в первом случае рассказывается, что бес просто вышел, во втором — что бес вошел в свиней), версию, что мать Иисуса отправилась искать своего сына, которого она считала помешанным, хотя она его чудесно зачала, и т. д., — как согласовать все это с верой в правдивость, безусловную правдивость евангелистов? А далее, расхождения в «отче наш», в вопросе о последовательности чудес, своеобразно глубокое толкование у Иоанна, явным образом нарушающее форму повествования, — как понять все это? *Christi ipsissima verba*** с которыми так носятся ортодоксы, гласят в каждом евангелии по-иному. Я уж не говорю вовсе о Ветхом завете. Но в милом Бармене об этом не говорят ни звука, там обучают по совершенно другим принципам. И на чем основывается старая ортодоксия? Ни на чем больше, как только на рутине. Где требует библия буквальной веры в ее учение, в рассказы ее? Где говорит хоть *один* апостол, что все, рассказываемое им, есть непосредственное вдохновение свыше?

Ф. Энгельс — Фридриху Греберу, около
23 апреля — 1 мая 1839 г.— Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч., т. 41, с. 377—378

То, что ты мне пишешь о родословных Иосифа, я уже в основных чертах знал; на это я могу возразить следующее:

1. Где в библии, в какой-нибудь *родословной*, зять, при аналогичных обстоятельствах, называется также *сыном*? Пока мне не укажут такого примера, я это объяснение могу считать лишь натянутым, искусственным.

2. Почему Лука, писавший по-гречески для греков — для греков, которые не могли знать этого иудейского обычая, — не говорит прямо, что дело было так, как ты говоришь?

3. К чему вообще родословная Иосифа? Ведь она совершенно лишняя, так как все три синонитических евангелия¹⁹ определенно говорят, что Иосиф не был отцом Иисуса?

* — название первых пяти книг библии. *Ред.*

** — подлиннейшие слова Христа. *Ред.*

4. Почему такой человек, как Лафатер, не прибегает к этому объяснению и предпочитает оставить противоречие? Наконец, почему сам Неандер, который даже более учен, чем Штраус, говорит, что это — неразрешимое противоречие, виновником которого является автор греческой обработки еврейского Матфея?

Далее, ты не отделаешься так легко от прочих моих сомнений, которые ты называешь «жалким буквоедством». Под вдохновением слова в Вуппертале понимают то, что бог вложил особый глубокий смысл даже в каждое слово; я это достаточно часто слышал в церковного амвона. Я охотно верю тому, что Хенгстенберг не разделяет этого взгляда, ибо из «Kirchen-Zeitung» видно, что у него вообще нет ясных взглядов: он соглашается с каким-нибудь ортодоксом в том, что вслед за тем он вменяет в преступление какому-нибудь рационалисту. Но как далеко простирается вдохновение библии? Конечно, не настолько далеко, чтобы один мог заставить Христа сказать: «Сие есть кровь моя», а другой: «Сие есть Новый завет в моей крови». Почему же бог, который ведь должен был предвидеть спор между лютеранами и реформатами, не предупредил этого злополучного спора столь ничтожным вмешательством? Если допускать вдохновение, то одно из двух: или бог сделал это умышленно, чтобы вызвать спор, но этого я возвести на бога не могу, или бог не заметил этого, но и это мнение было бы равным образом недопустимо. Нельзя также утверждать, чтобы этот спор породил что-нибудь хорошее, а допустить, чтобы он, вызвав трехсотлетний раскол христианской церкви, породил что-нибудь хорошее в будущем, — допустить это опять-таки нет никаких оснований и в этом нет никакой вероятности. Между тем как раз это место о тайной вечере важно. И если здесь имеется какое-нибудь противоречие, то вся вера в библию идет прахом.

Я тебе только скажу напрямик: теперь я пришел к тому, что божественным можно считать лишь то учение, которое может выдержать критику разума. Кто дает нам право слепо верить библии? Только авторитет тех, кто поступал так до нас. Да, коралл более органичный продукт, чем библия, ибо он требует веры в свое цельное, *последовательно развивающееся* содержание. Библия же состоит из многих отрывков многих авторов, из которых многие даже *сами не претендуют* на божественность. И мы обязаны, вопреки нашему разуму, верить ей только потому, что нам это говорят наши родители? Библия учит осуждению рационалистов на вечные муки. Можешь ли ты себе представить, чтобы человек, который всю свою жизнь (Бёрне, Спиноза, Кант) стремился к соединению с божеством, или чтобы такой, как Гуцков, для которого высшая цель в жизни найти ту точку, где положительное христианство могло бы братски слиться с современным образованием, — чтобы он, после своей смерти, был навеки, навеки удален от бога и должен был без конца переносить телесно и духовно гнев божий в самых жестоких муках? Мы не должны мучить даже муху, похи-

щающую у нас сахар, а бог может карять такого человека, заблуждения которого не менее бессознательны, в десять тысяч раз более жестоко и на веки вечные? Далее, грешит ли рационалист, если он искренен, своим сомнением? Ни в коем случае. Ведь он должен был бы всю свою жизнь испытывать самые ужасные угрызения совести; христианство должно было бы, раз он стремится к истине, навязать ему себя с непреодолимой силой истины. Но разве это так? Далее, как двусмысленна позиция ортодоксии по отношению к современному образованию. Говорят, что христианство привело с собой повсюду образование; теперь же вдруг ортодоксия требует, чтобы образование остановилось в разгаре своего прогрессивного движения. Какую цену имеет, например, вся философия, если мы станем верить библии, с ее учением о непознаваемости бога разумом? А между тем, ортодоксия считает вполне целесообразным иметь немножко — только не слишком много — философии. Если геология приходит к другим результатам, чем моисеева история сотворения мира, то ее ругают (см. жалкую статью «Evangelische Kirchen-Zeitung» «Границы изучения природы») ²⁰, если же она приходит якобы к тем же результатам, что и библия, то на нее ссылаются. Если, например, какой-нибудь геолог скажет, что земля, окаменелости свидетельствуют о великом потопе, то на это ссылаются; если же какой-нибудь другой геолог найдет следы различного возраста этих окаменелостей и станет доказывать, что потоп происходил в разное время и в разных местах, то геологию осуждают. Разве это честно? Далее: вот «Жизнь Иисуса» Штрауса, неопровержимое сочинение, почему не напишут убедительного опровержения его? Почему позорят этого поистине почтенного мужа? Много ли найдется таких, которые выступили против него по-христиански, как Неандер, а ведь он не ортодокс? Да, немало сомнений, тяжелых сомнений, с которыми я не могу справиться. Далее, учение об искуплении; почему не извлекают из него той морали, что если кто-нибудь хочет добровольно отвечать за другого, то следует наказывать его? Вы все сочли бы это несправедливостью; но неужели то, что несправедливо в глазах людей, должно стать высочайшей справедливостью перед богом? Далее. Христианство говорит: я делаю вас свободными от греха. Но не стремится ли к тому же и остальной рационалистический мир? И вот вмешивается христианство и запрещает им, рационалистам, это стремление потому-де, что путь рационалистов еще дальше уводит от цели. Если бы христианство показало нам хоть одного человека, которого оно сделало в этой жизни настолько свободным, что он никогда уже не грешил, тогда оно имело бы некоторое право так говорить, — в противном же случае оно не имеет этого права. Далее: Петр говорит о более разумном, более чистом млеке евангелия ²¹. Я этого не понимаю. Мне говорят: это — просветленный разум. Но пусть мне покажут такой просветленный разум, которому это ясно. До сих пор мне еще не встретился ни один, даже для ангелов это «великая тайна». — Я надеюсь, что ты достаточно

хорошего мнения обо мне, чтобы не приписать всего этого кощунственной жажде сомнений и хвастовству; я знаю, что наживу себе этим величайшие неприятности, но от того, что диктуется мне силой убеждения, я, при всех своих стараниях, не могу избавиться. Если я своими дерзкими речами задел, может быть, твои убеждения, то прошу у тебя чистосердечно прощения; я говорил только то, что я думаю, и то, в чем я убежден.

Ф. Энгельс — Фридриху Греберу, 15 июня 1839 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 41, с. 403—406

Ведь библейские догматы надо тоже воспринимать разумом.— Свобода духа, говоришь ты, заключается в отсутствии самой возможности сомнения. Но ведь это — величайшее рабство духа; свободен лишь тот, кто победил в своем убеждении всякие сомнения. И я вовсе не требую, чтобы ты меня разбил; я вызываю на бой всю ортодоксальную теологию, пусть разобьет меня. Если за целых 1800 лет старая христианская наука не сумела выставить никаких возражений против рационализма и отразила лишь немногие из его атак, если она боится борьбы на чисто научной арене и предпочитает обдавать грязью личность противников, то что можно сказать по этому поводу? Да и *способно ли* ортодоксально-христианское учение на чисто научную трактовку?

Ф. Энгельс — Фридриху Греберу, 12—27 июля 1839 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 41, с. 409—410

4. ДОГМАТИКА, ЭТИКА И ЭСХАТОЛОГИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА. ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА

В Новом завете есть, однако, единственная книга, время составления которой можно установить с точностью до нескольких месяцев: она была написана, вероятно, между июнем 67 г. и январем или апрелем 68 года; эта книга, таким образом, относится к самым ранним временам христианства и отражает представления тогдашних христиан с самой наивной правдивостью и соответствующим идиоматическим языком; поэтому для установления, чем действительно было первоначальное христианство, она, по моему мнению, гораздо важнее всех остальных книг Нового завета, текст которых, в том виде как он дошел до нас, написан гораздо позднее. Эта книга — так называемое Откровение Иоанна; и так как эта книга, казалось бы самая туманная во всей библии, стала теперь благодаря немецкой критике самой понятной и ясной, то я хочу рассказать о ней моим читателям.

Стоит только бегло познакомиться с этой книгой, чтобы убедиться, как был экзальтирован не только ее автор, но и та «окружающая среда», в которой он действовал. Наше «Откровение» —

явление не единственное в своем роде и в свое время. Начиная с 164 г. до нашего летосчисления, когда было написано первое подобное, дошедшее до нас произведение, так называемая Книга Даниила, и чуть не до 250 г. нашего летосчисления, приблизительной даты «Песни» Коммодиана²², Ренан насчитывает не менее пятнадцати сохранившихся классических «апокалипсисов», не считая позднейших подражаний. (Я ссылаюсь на Ренана потому, что его книга даже и вне круга специалистов наиболее известна и легче всего доступна.) Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда первостепенную роль играли чудеса, экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала²³ и прочая мистическая колдовская чепуха. Такова была атмосфера, в которой возникло первоначальное христианство, возникло к тому же среди людей такого класса, который больше всякого другого был восприимчив к этим нелепым фантазиям о сверхъестественном. Недаром же в Египте христианские гностики²⁴ во втором столетии христианского летосчисления, как доказывают, между прочим, и лейденские папирусы²⁵, усердно занимались алхимией и вводили в свое учение алхимические представления. А халдейские и еврейские mathematici*, которые, согласно Тациту, дважды — при Клавдии и, вторично, при Вителлии — изгонялись из Рима за колдовство²⁶, занимались только такого рода геометрией, которая, как мы увидим, составляет основное содержание Откровения Иоанна.

К этому надо добавить еще следующее. Все апокалипсисы считают себя вправе обманывать своих читателей. Они — как, например, Книга Даниила, Книга Еноха, апокалипсисы Ездры, Баруха, Иуды и др., Сивиллины книги²⁷ — не только, как правило, написаны совсем другими людьми, жившими большей частью гораздо позднее их мнимых авторов, но вдобавок пророчествуют в своей основной части главным образом о таких событиях, которые давно уже произошли и прекрасно известны действительному автору. Так, автор Книги Даниила в 164 г., незадолго до смерти Антиоха Епифана, вкладывает в уста Даниила, якобы жившего во времена Навуходоносора²⁸, предсказание о возвышении и гибели персидской и македонской мировой державы и о начале мирового господства римлян, чтобы этим доказательством своей пророческой силы сделать читателя восприимчивым к заключительному пророчеству о том, что народ Израиля преодолет все страдания и в конце концов победит. Итак, если бы Откровение Иоанна действительно было сочинением его предполагаемого автора, то оно являлось бы единственным исключением во всей апокалипсической литературе.

* — математики. *Ред.*

Иоанн, за которого выдает себя автор, был во всяком случае весьма уважаемым лицом среди малоазиатских христиан. Об этом свидетельствует тон обращений к семи общинам. Возможно, следовательно, что это — апостол Иоанн, историческое существование которого, правда, не вполне достоверно, но все же весьма вероятно. И если автором был действительно этот апостол, то это лишь подкрепило бы нашу точку зрения. Это было бы наилучшим подтверждением того, что христианство этой книги — действительно подлинное первоначальное христианство. Однако следует попутно отметить, что Откровение определенно не принадлежит тому же автору, которым составлено евангелие или три послания, также приписываемые Иоанну.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 475—476

Откровение состоит из ряда видений. В первом видении появляется Христос, облаченный в одежду первосвященника; он проходит среди семи светильников, представляющих семь азиатских общин, и диктует «Иоанну» обращения к семи «ангелам» этих общин. Здесь уже в самом начале резко проявляется различие между *этим* христианством и мировой религией императора Константина, сформулированной Никейским собором²⁹. Святая троица не только неизвестна, она здесь невозможна. Вместо позднейшего *одного* святого духа мы имеем здесь «семь духов божьих», сконструированных раввинами на основании Книги Исаяи, гл. XI, 2. Христос — сын божий, первый и последний, альфа и омега, но отнюдь не сам бог или равный богу; напротив, он — «начало творения божьего», следовательно, существующая испокон веков, но подчиненная эманация бога, как и упомянутые семь духов. В гл. XV, 3, мученики поют на небе «песнь Моисея, раба божия, и песнь агнца» для прославления бога. Таким образом, здесь Христос выступает не только как подчиненный богу, но даже как поставленный в известном отношении на одну ступень с Моисеем. Христос распят в Иерусалиме (XI, 8), но воскрес (I, 5, 18); он — «агнец», принесенный в жертву за грехи мира, и его кровью искуплены перед богом верующие всех народов и языков. Здесь мы находим ту основополагающую идею, благодаря которой первоначальное христианство смогло развиваться в дальнейшем в мировую религию. Всем тогдашним религиям семитов и европейцев был присущ общий взгляд, согласно которому богов, оскорбленных поступками людей, можно умилостивить жертвой; первая революционная (заимствованная у филоновской школы) основополагающая идея христианства состояла для верующих в том, что одна великая добровольная жертва, принесенная посредником, искупила раз навсегда грехи всех времён и всех людей. Вследствие этого отпадала необходимость всяких дальнейших жертв, а вместе с этим рушилось и основание для множества рели-

гиозных обрядов; но освобождение от обрядности, которая затрудняла или делала запретным общение с иноверцами, было первым условием для мировой религии. И все же обычай жертвоприношения так глубоко вкоренился в нравы народов, что католицизм, восстановивший так много языческого, счел нужным приспособиться к этому обстоятельству введением хотя бы символического приношения даров. Наоборот, относительно догмата о первородном грехе в разбираемой нами книге нет и намека.

Но самое характерное в этих обращениях, как и во всей книге, то, что автору никогда и нигде не приходит в голову называть себя или своих единоверцев иначе, как — *иудеями*. Сектантам в Смирне и Филадельфии, на которых он обрушивается, он бросает такой укор:

«Они говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское».

О пергамских сектантах сказано, что они придерживаются учения Валаама³⁰, который научил Валака вводить в соблазн *сынов Израиля*, чтобы они ели животных, приносимых в жертву идолам, и предавались блуду. Итак, мы имеем здесь дело не с сознательными христианами, а с людьми, выдающими себя за иудеев; правда, их иудейство является новой ступенью развития по отношению к прежнему иудейству, но именно поэтому оно — единственное истинное. Поэтому при явлении святых перед престолом господним сначала идут 144 000 евреев по 12 000 от каждого колена³¹, и только потом следует бесчисленная масса язычников, обращенных в это обновленное иудейство. Вот как мало сознавал наш автор в 69 г. христианского летосчисления, что он — представитель совершенно новой фазы развития религии, фазы, которой предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества.

Итак, мы видим, что христианство того времени, еще не осознавшее само себя, как небо от земли отличалось от позднейшей, зафиксированной в догматах мировой религии Никейского собора; оно до неузнаваемости не похоже на последнее. В нем нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; но зато есть ощущение того, что ведется борьба против всего мира и что эта борьба увенчается победой; есть радость борьбы и уверенность в победе, полностью утраченные современными христианами и существующие в наше время лишь на другом общественном полюсе — у социалистов.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 476—478

В тех двух случаях, где указаны некоторые подробности, обвинение сводится к употреблению в пищу животных, приносимых в жертву идолам, и совершению блуда — два пункта, относительно которых евреи — как древние, так и христиане — вели вечный

спор с обращенными в иудейство язычниками. У этих язычников мясо жертвенных животных не только подавалось на праздничных трапезах, на которых отказываться от угощения было неучтиво, да и могло стать опасным, оно продавалось также на общественных рынках, где не всегда можно было разобрать, кошерное оно или нет. Под блудом же евреи понимали не только внебрачные половые связи, но и брак между родственниками, степень родства которых не допускала этого по иудейскому закону, а также брак между иудеями и язычниками; в таком именно смысле обыкновенно истолковывается это слово в гл. XV, 20 и 29 Деяний апостолов. Но у нашего Иоанна есть свой взгляд и на те половые связи, которые разрешены правоверным иудеям. В гл. XIV, 4, он говорит о 144 000 пребывающих на небе евреев:

«Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники».

И в самом деле, на небе нашего Иоанна нет ни одной женщины. Он принадлежит, следовательно, к тому нередко встречающемуся и в других произведениях первоначального христианства направлению, которое вообще считало половые связи греховными. И если мы примем еще во внимание, что Рим он называет великой блудницей, с которой творили блуд цари земные, пьянея от вина ее блуда, а их купцы земные разбогатели от ее великого распутства, то мы никак не сможем понимать вышеуказанное слово в том узком смысле, который хотела бы ему придать теологическая апологетика, чтобы таким способом выискать подтверждение для толкования других мест из Нового завета. Напротив, эти места обращений ясно указывают на явление, общее всем эпохам глубоких потрясений, а именно на то, что наряду со всеми другими преградами расшатываются и традиционные запреты половых связей. И в первые века христианства наряду с аскетизмом, умерщвляющим плоть, довольно часто проявляется тенденция включить в понятие христианской свободы и более или менее неограниченные связи между мужчиной и женщиной. Так же обстояло дело и в современном социалистическом движении. Какой невероятный ужас вызвала в тридцатых годах в тогдашней Германии, этой «благонравной детской»*, сен-симонистская «réhabilitation de la chair»**, которая в немецком переводе превратилась в «восстановление плоти» [«Wiedereinsetzung des Fleisches»]! И больше всего пришли в ужас именно те господствовавшие тогда благородные сословия (классов у нас в те времена еще не было), которые как в Берлине, так и в своих поместьях и дня не могли прожить, не занимаясь постоянно восстановлением своей плоти! Что если бы эти достопочтенные люди знали еще и Фурье, который предусматривал для плоти и не такие вольности! По мере преодоления утопизма эти экстравагантности уступили место более рациональным и в

* Из стихотворения Гейне «К успокоению». *Ред.*

** — «реабилитация плоти». *Ред.*

действительности гораздо более радикальным понятиям; и с тех пор как Германия из «благонравной детской» Гейне развилась в центр социалистического движения,— над лицемерным негодованием благочестивого высшего света стали только посмеиваться.

Таковы все догматы, содержащиеся в обращениях. В остальном это пламенный призыв к сотоварищам ревностно вести пропаганду, смело и гордо провозглашать себя приверженцами своей веры перед лицом противников, неустанно бороться против внешних и внутренних врагов,— и, поскольку речь идет об этом, эти обращения с таким же успехом могли бы быть написаны каким-нибудь пророчески настроенным энтузиастом из Интернационала.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 480—481

Но этот небесный рай вовсе не открывается для верующих прямо после смерти. Мы увидим, что царство божие, столица которого — новый Иерусалим, завоевывается и раскрывается лишь после ожесточенной борьбы с силами ада. Однако в представлении первых христиан эта борьба ожидалась в близком будущем. Наш Иоанн в самом начале характеризует свою книгу как откровение того, «чему надлежит быть *вскоре*»; вслед за этим, в стихе 3, он возвещает:

«Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего, ибо *время близко*»;

Христос повелевает написать общине в Филадельфии: «Се, *грядущо*». А в последней главе ангел говорит, что он указал Иоанну то, «чему надлежит быть *вскоре*», и повелевает ему:

«Не запечатывай слов пророчества книги сей, ибо *время близко*»;

Христос же сам говорит дважды (стих 12 и 20): «*Грядущо*». Дальнейшее изложение нам покажет, как скоро ожидалось это пришествие.

Апокалипсические видения, которые теперь раскрывает перед нами автор, сплошь заимствованы, и большей частью буквально, из более ранних образцов. Они заимствованы частью у классических пророков Ветхого завета, особенно у Иезекииля, частью — из позднейших иудейских апокалипсисов, составленных по образцу Книги Даниила, в особенности из Книги Еноха, тогда уже написанной, по крайней мере частично. Критика детальнейшим образом установила, откуда заимствовал наш Иоанн каждую картину, каждое грозное предзнаменование, каждое бедствие, ниспосланное неверующему человечеству,— словом, весь материал своей книги; так что Иоанн не только обнаруживает полнейшее духовное убожество, но и явно показывает, что он даже в воображении не переживал своих мнимых экстазов и видений так, как он их описывает.

Последовательность этих видений вкратце такова. Сначала Иоанн видит бога, сидящего на престоле с книгой за семью печатями в руке, а перед ним — закланного, но ожившего агнца (Христа), который признается достойным снять печати. При их снятии происходят всевозможные грозные чудесные знамения. При снятии пятой печати Иоанн видит под алтарем бога души христовых мучеников, убиенных за слово божие, и они возглашали громко:

«Доколе, владыка, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?»

После этого им дают белые одежды и уговаривают их подождать еще немного, так как нужно, чтобы было убито еще больше мучеников. — Итак, здесь в речи еще нет о «религии любви», о призыве: «Любите врагов своих, благословляйте ненавидящих вас» и т. д.; здесь проповедуется месть, неприкрытая месть, здоровая, честная месть гонителям христиан. И так во всей книге. Чем ближе надвигается кризис, чем чаще обрушиваются с неба бедствия и кары, тем с большей радостью сообщает наш Иоанн, что огромная масса людей все еще не желает покаяться в своих грехах, что еще новые бичи божьи должны обрушиться на них, что Христос должен пасти их жезлом железным и топтать точило вина ярости и гнева бога вседержителя, но что нечестивцы все же будут упорствовать в сердцах своих. Это — естественное, свободное от всякого ханжества ощущение того, что происходит борьба и что *à la guerre comme à la guerre**. — При снятии седьмой печати появляются семь ангелов с трубами; каждый раз, как один из них вострубит, свершаются новые страшные знамения. После того как вострубил седьмой, на сцену выходят новые семь ангелов с семью чашами гнева господня, которые изливаются на землю; опять новые бедствия и кары, в основном это большей частью утомительное повторение того, что уже много раз говорилось. Затем появляется жена-Вавилон, великая блудница в багряной одежде, сидящая на водах, упоенная кровью святых и мучеников иисусовых; это — великий город на семи холмах, царствующий над всеми царями земли. Она сидит на звере с семью головами и десятью рогами. Семь голов означают семь холмов, а также и семь «царей». Из этих царей пять пали, один есть, а седьмой еще придет, а после него еще придет один из первых пяти, смертельно раненный, но исцеленный. Последний будет царствовать на земле 42 месяца, или 3½ года (половина священных семи лет), будет преследовать верующих, предавая их смерти, и воцарится безбожие. Но затем последует великая решительная битва; святые и мученики будут отомщены разрушением великой блудницы-Вавилона и всех ее приверженцев, то есть огромной массы людей; дьявол будет низвергнут в преисподнюю и заключен там на тысячу лет, в течение которых воцарится Христос вместе с воскресшими из мертвых му-

* — на войне, как на войне. *Ред.*

чениками. Но по истечении тысячи лет дьявол снова освободится, и произойдет новое великое сражение духов, в котором он будет окончательно побежден. Затем последует второе воскресение из мертвых, когда и остальные мертвые пробудятся и предстанут перед судилищем бога (заметьте — бога, а не Христа!), и верующий вступит в новые небеса, на новую землю и в новый Иерусалим для вечной жизни.

Поскольку все это построено исключительно на иудейско-христианском материале, здесь содержатся почти только чисто иудейские предствления. С тех пор как для народа Израиля наступили в этом мире тяжкие времена, начиная с обложения данью ассирийцами и вавилонянами, разрушения обоих царств, Израиля и Иудеи, и вплоть до порабощения Селевкидами, следовательно от Исаяи до Даниила, всякий раз во время бедствия предсказывается появление спасителя. У Даниила, XII, 1—3, имеется даже предсказание о сошествии Михаила, ангела-хранителя евреев, который спасет их от великого бедствия; многие воскреснут из мертвых, произойдет своего рода страшный суд, и учителя, наставлявшие народ на праведный путь, будут вечно сиять как звезды. Христианским в Откровении Иоанна является лишь резкое подчеркивание близкого наступления царства Христа и блаженства воскресших верующих, главным образом мучеников.

Объяснением смысла этого предсказания в той мере, в какой оно относится к событиям того времени, мы обязаны немецкой критике, особенно Эвальду, Люкке и Фердинанду Бенари. Благодаря Ренану это объяснение стало доступно также и небогословским кругам. Что великая блудница-Вавилон означает Рим,— город на семи холмах,— это мы уже видели. О звере, на котором она сидит, в гл. XVII, 9—11, сказано следующее:

«семь голов» (зверя) «суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей; из них пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и, когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой и из числа семи и пойдет в погибель».

Здесь зверь означает римское мировое владычество, представляемое последовательно семью императорами, из которых один был смертельно ранен и больше не царствует, но исцелился и возвратится, чтобы в качестве восьмого установить царство богульства и святотатства. Ему будет дано

«вести войну со святыми и победить их, и поклонится ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у агнца; всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание зверя на правую руку их, или на чело их, и никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его 666» (XIII, 7—18).

Мы лишь констатируем, что здесь, таким образом, упоминается бойкот как одно из средств, применявшихся против христиан со стороны римской мировой державы,— следовательно, ясно, что

это является изобретением дьявола, — и переходим к вопросу, кто же этот римский император, который уже однажды царствовал, был смертельно ранен и исчез, но вернется как восьмой по порядку и будет играть роль антихриста.

Считая Августа первым по порядку, вторым был Тиберий, третьим — Калигула, четвертым — Клавдий, пятым — Нерон, шестым — Гальба. «Пять пали, один есть». То есть Нерон уже пал, а Гальба существует. Гальба царствовал с 9 июня 68 г. до 15 января 69 года. Но вслед за его восшествием на престол восстали легионы на Рейне под предводительством Вителлия, между тем как в других провинциях военные бунты готовились другими полководцами. В самом Риме подняли мятеж преторианцы, убили Гальбу и провозгласили императором Отона.

Отсюда следует, что наше Откровение было написано в царствование Гальбы. Вероятно, в конце его правления или же, самое позднее, во время трехмесячного (до 15 апреля 69 г.) царствования Отона — «седьмого». Но кто же восьмой, который был и которого нет? Это раскрывает нам число 666.

У семитов — халдеев и иудеев — было в то время в ходу магическое искусство, которое основывалось на двояком значении букв. Приблизительно за 300 лет до нашей эры древнееврейские буквы стали употребляться также в качестве чисел: а = 1; b = 2; g = 3; d = 4 и так далее. Прорицатели, предсказывавшие с помощью каббалы, подсчитывали сумму цифровых значений букв какого-либо имени и таким путем пытались пророчествовать; например, составляя слова или словосочетания с тем же цифровым значением, они делали для носителя этого имени выводы, касающиеся его будущего. Тем же языком чисел выражались также тайные слова и тому подобное. Это искусство называли греческим словом *gematria*, геометрия. Халдеи, занимавшиеся этим по профессии и названные Тацитом *mathematici*, были при Клавдии, а позже при Вителлии изгнаны из Рима, вероятно, за «грубые бесчинства».

Именно посредством такой математики возникло также и наше число 666. За ним скрывается имя одного из первых пяти римских императоров. Но Ирией в конце второго столетия знал кроме числа 666 еще вариант — 616, появившийся во всяком случае в то время, когда многим была еще известна загадка этого числа³². Если искомое решение подойдет одинаково к обоим этим числам, то оно тем самым будет проверено.

Это решение было дано Фердинандом Бенари в Берлине. Имя это — Нерон. Число основано на **קס"ו קס"ו**, Нерон кесарь, то есть на подтверждаемом талмудом и пальмирскими надписями древнееврейском начертании греческих слов *Néron Kaisar*, император Нерон, — слов, которые в виде надписи значились на нероновских монетах, чеканившихся в восточной половине империи. Именно: н (нун) = 50; р (реш) = 200; в (вав) как о = 6; н (нун) = 50; к (коф) = 100; с (самех) = 60; и р (реш) = 200;

в итоге = 666. Если же мы примем за основу латинское начертание *Nero Caesar*, то отпадает второе нуль — 50, и мы получаем $666 - 50 = 616$, то есть вариант Ириней.

Действительно, во времена Гальбы всю Римскую империю охватила внезапная смута. Сам Гальба во главе испанских и галльских легионов двинулся на Рим, чтобы свергнуть Нерона; последний бежал и приказал одному вольноотпущеннику, чтобы он его убил. Но против Гальбы были в заговоре не только преторианцы в Риме, но и военачальники в провинциях; повсюду объявлялись новые претенденты на престол, готовившиеся идти со своими легионами на столицу. Империя, казалось, была отдана во власть междоусобной войны, ее распад казался близким. Ко всему этому распространился слух, особенно на Востоке, что Нерон не убит, а только ранен, что он бежал к парфянам и вернется из-за Евфрата с войсками, чтобы пачать новое, еще более кровавое и страшное правление. Ахайя и Азия были особенно напуганы этими известиями. И как раз около того времени, когда было, по-видимому, написано Откровение, появился лже-Нерон, который с довольно многочисленными приверженцами обосновался вблизи Патмоса и Малой Азии, на острове Китносе в Эгейском море (на нынешней Термии), пока — еще при Отоне — он не был убит. Можно ли удивляться тому, что среди христиан, на которых Нерон предпринял первое серьезное гонение, распространилось мнение, что он вернется как антихрист и что его возвращение и неизбежно связанная с этим еще более настойчивая попытка кровавого истребления новой секты явятся предзнаменованием и прологом второго пришествия Христа, великой победоносной битвы с силами ада, «скорого» установления тысячелетнего царства, уверенностью в наступлении которого позволяла мученикам с радостью идти на смерть?

Христианская и находившаяся под влиянием христианства литература первых двух столетий дает достаточно указаний на то, что тайна числа 666 была тогда известна многим. Ириней, правда, этой тайны уже не знал, но он, как и многие другие люди, жившие вплоть до конца третьего столетия, знал, что под апокалипсическим зверем подразумевается возвращающийся Нерон. Затем теряется и этот след, и рассматриваемое нами сочинение подвергается фантастическим толкованиям правоверных прорицателей будущего; в детстве я сам знал еще стариков, ожидавших вслед за старым Иоганном Альбрехтом Бенгелем наступления конца света и страшного суда в 1836 году. Это пророчество сбылось, и именно в тот год. Но только страшный суд свершился не над греховным миром, а над самими благочестивыми толкователями Откровения. Ибо именно в 1836 г. Ф. Бенари дал ключ к числу 666 и тем положил страшный конец всяким пророческим манипуляциям с числами, этой новой *gematria*.

Относительно царства бесного, которое ожидает верующих, наш Иоанн может дать лишь самое поверхностное описание. Но-

вый Иерусалим довольно велик, по крайней мере по понятиям того времени; он образует квадрат, каждая сторона которого равна 12 тысячам стадий = 2227 км, следовательно, площадью почти в 5 миллионов квадратных километров, больше половины Соединенных Штатов Америки; построен он из чистого золота и драгоценных камней. Там обитает бог среди верных ему, он светит им вместо солнца, и там нет больше ни смерти, ни скорби, ни страданий; поток животворной воды протекает через город, и по берегам его растут древа жизни, приносящие двенадцать раз плоды, которые созревают каждый месяц; листья же «служат для исцеления язычников» (по мнению Ренана, это — вид лечебного чая. «Антихрист», стр. 542)³³. Святые живут здесь вечно.

Так выглядело, насколько мы это знаем, христианство в Малой Азии, в своей главной резиденции, около 68 года. Нет и следа святой троицы — напротив, старый единый и неделимый Иегова позднего иудейства, когда он из иудейского национального божества превратился в единого высочайшего бога неба и земли, который претендует на господство над всеми народами, сулит милость обращенным и безжалостно сокрушает непокорных, верный античному правилу: *pacere subjectis ac debellare superbos* *. В соответствии с этим в день страшного суда в качестве судьи восседает сам этот бог, а не Христос, как изображается в позднейших евангелиях и посланиях. Согласно персидскому учению об эманации, усвоенному поздним иудейством, Христос-агнец изначально происходит от бога, а равным образом происходят — хотя они и рангом ниже — и «семь духов божиих», обязанных своим существованием неправильному пониманию одного поэтического места у Исайи (XI, 2). Все они — не бог и не равные богу, а подчинены ему. Агнец сам приносит себя в искупительную жертву за грехи мира и за это получает на небе определенное повышение в ранге, ибо это его добровольное самопожертвование расценивается на протяжении всей книги как исключительный подвиг, а не как нечто, с необходимостью вытекающее из самой его внутренней сущности. Само собой разумеется, что нет недостатка и в целом небесном придворном штате архангелов, херувимов, ангелов и святых. Чтобы стать религией, монотеизм с давних времен должен был делать уступки политеизму, начиная уже с Зенд-Авесты³⁴. У евреев хронически происходило возвращение к языческим чувственным богам до тех пор, пока создание — после изгнания³⁵ — небесного придворного штата, по персидскому образцу, несколько больше приспособило религию к народной фантазии. И христианство само, даже после того, как оно заменило вечно равного себе застывшего иудейского бога внутренне расчлененным, таинственным триединым божеством, могло вытеснить у народных масс культ старых богов только посредством культа святых; так, по словам Фаллмерайера, культ Юпитера совершенно исчез на Пелопонне-

* — щадить покорившихся и укрощать надменных. *Ред.*

се, в Майне, в Аркадии лишь около IX века («История полуострова Морей», ч. I, стр. 227). Лишь современная буржуазная эпоха с ее протестантизмом снова устраняет святых и принимает, наконец, всерьез монотеизм с расчлененным богом.

Столь же мало известно разбираемому нами сочинению учение о первородном грехе и об очищении верой. Вера этих вопиствующих первых общин совсем не похожа на веру позднейшей торжествующей церкви; наряду с искупительной жертвой агнца ее важнейшим содержанием являются близкое второе пришествие Христа и грядущее в скором времени тысячелетнее царство, и вера эта утверждается лишь деятельной пропагандой, неустанной борьбой с внешним и внутренним врагом, горделивым провозглашением своей революционной точки зрения пред лицом языческих судей, готовностью умереть мученической смертью во имя грядущей победы.

Мы видели, что автор совсем еще не знает, что он — нечто иное, чем иудей. В соответствии с этим во всей книге нет нигде ни слова о крещении, да и многое другое убеждает нас в том, что крещение является институтом второго периода христианства. 144 тысячи верующих евреев подвергаются «запечатлению», а не крещению. О святых на небе и о верующих на земле говорится, что они смыли с себя грехи и омыли свои белые одежды и убелили их кровью агнца, о купельной воде нет и речи. Оба пророка, предшествующие появлению антихриста (гл. XI), тоже никого не подвергают крещению, и, согласно гл. XIX, 10, свидетельство Иисуса — не крещение, а дух пророчества. Во всех этих случаях было бы естественно упомянуть о крещении, если бы оно тогда уже имело значение; поэтому мы можем почти с абсолютной уверенностью заключить, что наш автор не знал крещения, что оно появилось лишь тогда, когда христиане окончательно отделились от иудеев.

Столь же мало знает автор о втором, более позднем таинстве — причащении. Если в лютеранском тексте Христос обещает каждому твердому в вере тиатирцу прийти к нему и причаститься с ним, то это лишь вводит в заблуждение. В греческом тексте стоит *deipnêsb* — я отужинаю (с ним), и английская библия совершенно верно передает это словами: *I shall sup with him*. О причащении даже как о простой поминальной трапезе здесь абсолютно нет речи.

В том, что наша книга с ее столь своеобразно установленной датой — 68 или 69 г. — является самой древней из всей христианской литературы, не может быть сомнения. Нет ни одной другой книги, которая была бы написана таким варварским языком, кишущим гебраизмами, невероятными конструкциями и грамматическими ошибками. Так, в гл. I, 4, сказано дословно следующее:

«Благодать вам и мир от сущий и бывший и будущий».

То, что евангелия и Деяния апостолов представляют собой поздние переработки утерянных теперь сочинений, зыбкую истори-

ческую основу которых в настоящее время уже невозможно распознать под легендарными наслоениями; что даже так называемые «подлинные» послания апостолов являются, согласно Бруно Бауэру, либо более поздними сочинениями *, либо в лучшем случае обработками, посредством вставок и добавлений, старых произведений неизвестных авторов, — это в настоящее время отрицают лишь профессиональные теологи или другие пристрастные историки. Тем важнее то обстоятельство, что здесь мы имеем книгу, время написания которой установлено с точностью до нескольких месяцев, — книгу, рисующую нам христианство в его неразвитой форме, в форме, в которой оно примерно так же относится к государственной религии четвертого века, с ее разработанной догматикой и мифологией, как еще неустойчивая мифология германцев времен Тацита относится к развившимся под влиянием христианских и античных элементов мифам о богах, изложенным в «Эдде»³⁶. Зародыш мировой религии здесь имеется, но этот зародыш еще в одинаковой степени заключает в себе тысячу возможностей развития, которые нашли свое осуществление в бесчисленных позднейших сектах. И этот древнейший памятник периода становления христианства особенно важен для нас именно потому, что он дает нам в чистом виде то, что иудейство — под сильным александрийским влиянием — внесло в христианство. Все позднейшее является западной, греко-римской примесью. Только при посредстве монотеистической иудейской религии просвещенный монотеизм позднейшей греческой вульгарной философии мог принять ту религиозную форму, в которой он только и был в состоянии увлечь массы. Но и найдя такое посредствующее звено, монотеизм мог стать мировой религией лишь в греко-римском мире, путем дальнейшего развития выработанного этим миром круга идей и слияния с ним.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 484—492

В самом деле, борьба с всемогущим вначале миром и одновременно борьба новаторов между собой — одинаково присущи как первым христианам, так и социалистам. Оба великих движения созданы не вождями и пророками, — хотя у обоих имеется достаточно пророков; оба они — массовые движения. А массовые движения на первых порах по необходимости сумбурны; сумбурны в силу того, что всякое мышление масс вначале противоречиво, неясно, бессвязно; сумбурны они, однако, и в силу той роли, какую

* Во французском авторизованном переводе, опубликованном в журнале «Le Devenir social», начало этого предложения дано в следующей редакции: «что даже три-четыре послания апостолов, все еще признававшихся подлинными Тюбингенской школой, являются, как показал своим глубоким анализом Бруно Бауэр, не более как поздними сочинениями»; далее, как в немецком тексте. *Ред.*

на первых порах еще играют в них пророки. Эта сумбурность проявляется в образовании многочисленных сект, борющихся друг с другом по меньшей мере с таким же ожесточением, как и с общим внешним врагом. Так было во времена первоначального христианства, так было в ранний период социалистического движения, как это ни удручало тех благомыслящих обывателей, которые проповедали единство там, где никакого единства не могло быть.

Разве сплоченность рядов Интернационала достигалась посредством какой-либо единой догмы? Напротив. Там были коммунисты в духе французской традиции периода до 1848 г., да и те опять-таки различных оттенков; коммунисты школы Вейтлинга и коммунисты другого рода, из возрожденного Союза коммунистов; прудонисты, преобладавшие во Франции и Бельгии; бланкисты; германская рабочая партия; наконец, анархисты-бакунисты, взявшие на короткое время верх в Испании и Италии,— и это были только главные группировки. Со времени основания Интернационала потребовалась целая четверть столетия для того, чтобы окончательно и повсеместно произошло размежевание с анархистами и могло установиться единство хотя бы в отношении самых общих экономических точек зрения. И это при наших средствах сообщения, при железных дорогах, телеграфе, гигантских промышленных городах, периодической печати и организованных народных собраниях.

Первые христиане были также расколоты на бесчисленные секты, что как раз и служило средством вызывать споры и таким образом достигать впоследствии единства. Уже в этом, нашем, несомненно, самом древнем документе христианства мы находим этот раскол на секты, и наш автор ополчается против них с такой же непримиримостью и ожесточенностью, как против всего греховного внешнего мира. Тут прежде всего николаиты — в Эфесе и Пергаме; далее, те, которые говорят, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское — в Смирне и Филадельфии; приверженцы учения лжепророка, именуемого Валаамом, — в Пергаме; те, которые говорят, что они апостолы, но не являются ими, — в Эфесе; наконец, приверженцы лжепророчицы, названной Иезавелью, — в Тиатире. Подробнее об этих сектах мы ничего не знаем, только о последователях Валаама и Иезавели говорится, что они ели то, что приносилось в жертву идолам, и предавались блуду. Все эти пять сект пытались изобразить как христиан — последователей Павла, а все эти обращения — как обращения, направленные против Павла, лжеапостола, мнимого Валаама и «Николая». Соответствующие весьма малоубедительные аргументы собраны у Ренана, «Св. Павел», Париж, 1869, стр. 303—305, 367—370. Все они сводятся к попытке объяснить эти обращения, исходя из Деяний апостолов и из так называемых посланий Павла, то есть сочинений, которые, во всяком случае в их теперешнем виде, написаны по меньшей мере на 60 лет позднее Откровения; в силу этого содержащиеся в них фактические данные не только

крайне сомнительны, но к тому же они полностью противоречат друг другу. Однако решающим является то соображение, что нашему автору не могло прийти в голову давать одной и той же секте пять различных названий, притом два — для одного Эфеса (лжеапостолы и николаиты), для Пергама — тоже два (валаамиты и николаиты), и в каждом случае к тому же вполне отчетливо как двум различным сектам. Не следует, впрочем, отрицать вероятность того, что в состав этих сект входили и такие элементы, которых в настоящее время назвали бы как паулинистские.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 478—480

Христианство, точно так же как и современный социализм, овладело массами в форме различных сект и в еще большей степени в виде противоречащих друг другу индивидуальных взглядов; из которых одни были более ясными, другие более путанными, причем последние составляли подавляющее большинство; но все они были оппозиционными по отношению к господствующему строю, к «властям предрержащим».

Возьмем, например, нашу Книгу откровения. Мы увидим, что это отнюдь не самая непонятная и таинственная, а, наоборот, самая простая и ясная книга из всего Нового завета. Мы должны пока просить читателя поверить тому, что собираемся ему ниже доказать, именно: что она была написана в 68 г. или в январе 69 г. нашей эры и что она поэтою не только единственная книга Нового завета, дата которой действительно установленна, но и древнейшая из этих книг. Как выглядело христианство в 68 г., мы можем видеть в ней, как в зеркале.

Прежде всего секты и секты без конца. В обращениях к семи церквам в Азии³⁷ упоминаются по крайней мере три секты, о которых мы помимо этого совершенно ничего не знаем: николаиты, валаамиты и последователи некоей женщины, символически названной здесь именем Иезавели. О всех трех сказано, что они разрешали своим последователям принимать в пищу то, что приносилось в жертву идолам, и что они предавались блуду. Любопытный факт: в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на передний план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной. Последние, своего рода филистеры, по-видимому, скоро возобладали здесь; «блуд» всегда связывается с употреблением в пищу «того, что приносилось в жертву идолам»; это было строго запрещено как иудеям, так и христианам, но и отказываться от этого могло быть иногда опасно или по меньшей мере неприятно. Из этого совершенно очевидно, что упомянутые здесь сторонники свободной любви были

вообще склонны со всеми поддерживать хорошие отношения и никоим образом не были склонны идти на мученичество.

Христианство, как и всякое крупное революционное движение, было создано массами. Оно возникло в Палестине, каким образом — нам совершенно неизвестно, в то время, когда новые секты, новые религии, новые пророки появлялись сотнями. Фактически христианство сформировалось стихийно, как нечто среднее из взаимного воздействия наиболее развитых из этих сект и впоследствии было оформлено как учение в результате добавления положений александрийского еврея Филона³⁸, а позднее и широкого проникновения идей стоиков³⁹. Действительно, если мы можем считать отцом христианского учения Филона, то дядей его был Сенека. Некоторые места из Нового завета как будто списаны почти дословно с его сочинений; с другой стороны, в сатирах Персия вы можете найти места, которые кажутся списанными с не существовавшего еще в то время Нового завета. В нашей Книге откровения элементов всех этих учений нельзя найти и следа. Здесь христианство представлено в самой необработанной из дошедших до нас форм. Господствует только один догмат: верующие спасены жертвой Христа. Но как и почему — совершенно нельзя определить. Здесь нет ничего, кроме старой иудейской и языческой идеи о том, что бога или богов следует умилостивлять жертвами, — идеи, которая, будучи преобразованной в специфически христианскую (она в сущности и сделала христианство всеобщей религией), состояла в том, что смерть Христа есть великое жертвоприношение, которое, будучи однажды принесено, имеет силу навеки.

О первородном грехе — ни намека. Ни слова о троице. Иисус — «агнец», но подчиненный богу. Так, в одном месте (XV, 3) он поставлен в одип ряд с Моисеем. Вместо одного святого духа там «семь духов божиих» (III, 1 и IV, 5). Убитые святые (мученики) зывают к богу о мести:

«Доколе, владыка, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (VI, 10) —

чувство, которое впоследствии было тщательно вытравлено из теоретического кодекса христианской морали, по которое на практике проявилось в мести, как только христиане взяли верх над язычниками.

Естественно, что христианство выступает лишь как секта иудаизма. Так, в обращениях к семи церквям говорится:

«Я знаю алосолие тех, которые говорят о себе, что они иудеи» (не христиане), «а они не таковы, но сборище сатанинское» (II, 9);

и опять (III, 9):

«Из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы».

Итак, наш автор в 69 г. нашей эры не имел даже отдаленного понятия о том, что он — представитель новой фазы развития рели-

гии, фазы, которой предназначено стать одним из величайших элементов революции. Точно так же при явлении святых перед престолом господним сначала идут 144 000 евреев, по 12 000 от каждого из двенадцати колен, и только после них допускаются язычники, присоединившиеся к этой новой фазе иудаизма.

Таким было христианство в 68 г., как оно изображено в древнейшей из книг Нового завета, единственной, достоверность которой не может быть оспариваема. Кто был ее автором, мы не знаем. Он называет себя Иоанном. Он даже не претендует быть «апостолом» Иоанном, хотя на основаниях «нового Иерусалима» имеются «имена двенадцати апостолов агнца» (XXI, 14). Следовательно, когда он писал, их, по-видимому, уже не было в живых. Что он был еврей, видно по обильным гебраизмам в его греческом языке, который плохой грамматикой резко выделяется даже среди других книг Нового завета. Что так называемое Евангелие от Иоанна, послания Иоанна и эта книга принадлежат по крайней мере трем различным авторам, ясно доказывает их язык, если бы этого не доказывали изложенные в них учения, которые совершенно расходятся между собой.

Апокалипсические видения, составляющие почти все содержание Откровения, в большинстве случаев дословно взяты у классических пророков Ветхого завета и их позднейших подражателей, начиная с Книги Даниила (около 160 г. до нашей эры пророчествовавшей о событиях, которые происходили веками раньше) и кончая «Книгой Еноха» — апокрифической стряпней, написанной по-гречески незадолго до начала нашей эры. Оригинальное творчество чрезвычайно бедно даже в группировке заимствованных видений. Профессор Фердинанд Бенари — курсу его лекций, читанных в Берлинском университете в 1841 г., я обязан нижеследующими сведениями — показал, исследуя главы и стихи, откуда наш автор заимствовал каждое из своих мнимых видений. Бесполезно поэтому следовать за нашим «Иоанном» во всех его фантазиях...

Итак, таинственная книга становится теперь абсолютно ясной. «Иоанн» предсказывает возвращение Нерона приблизительно к 70-му году и господство террора в его царствование, которое должно продолжаться сорок два месяца, то есть 1260 дней. По прошествии этого срока бог восстанет, победит антихриста — Нерона, разрушит великий город огнем и закует дьявола на тысячу лет. Наступит тысячелетнее царство и т. д. Все это теперь утратило всякий интерес для всех, кроме разве только невежественных людей, которые еще, может быть, пытаются вычислять день последнего суда. Но в качестве достоверной картины почти самого первоначального христианства, картины, нарисованной одним из самих христиан, эта книга имеет большую ценность, чем все остальные книги Нового завета, вместе взятые.

*Энгельс Ф. Книга откровения. — Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 8—10, 12—13*

5. ПРЕВРАЩЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В МИРОВУЮ РЕЛИГИЮ

Во всех религиях, существовавших до того времени, главным была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением обстоятельнейших предписаний относительно приема пищи и омовений, можно было доказать свою принадлежность к определенной религии. В то время как Рим и Греция в этом отношении проявляли терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала наступившему в конце концов упадку. Люди двух разных религий — египтяне, персы, евреи, халдеи — не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека было одной из основных причин гибели Древнего Востока. Христианство не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая, таким образом, все национальные религии и общую им всем обрядность и обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится *первой возможной мировой религией*. Иудейство со своим новым универсальным богом тоже сделало попытку стать мировой религией. Но дети Израиля оставались все время аристократией среди верующих и обрезанных; и даже христианство должно было сначала освободиться от представления (которое еще господствовало в так называемом Откровении Иоанна) о преимуществах христиан из евреев, прежде чем оно могло стать настоящей мировой религией. С другой стороны, ислам, сохранив свою специфически восточную обрядность, сам ограничил область своего распространения Востоком и Северной Африкой, завоеванной и вновь заселенной арабскими бедуинами. Здесь он мог стать господствующей религией, на Западе же нет.

Во-вторых, христианство затронуло струну, которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах. На все жалобы по поводу тяжелых времен и по поводу всеобщей материальной и моральной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе быть не может; в испорченности мира виноваты ты, виноваты все вы, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность! И где бы нашелся человек, который мог бы это отрицать? *Mea culpa!* * Ни один человек не мог отказаться от признания за собой части вины в общем несчастье, и признание это стало теперь предпосылкой духовного спасения, которое одновременно было провозглашено христианством. И это духовное спасение было придумано таким образом, что его легко мог понять член любой старой религиозной общины. Всем этим старым религиям было свойственно представление об искупительной жертве, которая могла умиротворить оскорбленное божество. Как же могло не

* — Моя вина! *Ред.*

пайти тут благоприятной почвы представление о посреднике, который добровольно приносит себя в жертву, чтобы раз навсегда искупить все грехи человечества? Таким образом, общераспространенному чувству, что люди сами виновны во всеобщей испорченности, христианство дало ясное выражение в сознании греховности каждого отдельного человека; в то же время в жертвенной смерти своего основателя христианство создало легко понятную форму внутреннего спасения от испорченного мира, утешения в сознании, к чему все так страстно стремились. Так христианство опять доказало свою способность стать мировой религией — к тому же религией, соответствующей как раз данному миру.

Так и случилось, что среди тысяч пророков и проповедников в пустыне, которые в то время создавали бесчисленное количество своих религиозных новшеств, успех имели только основатели христианства. Не только Палестина, но и весь Восток кишмя кишел такими основателями религий, среди которых господствовала, можно сказать, прямо по Дарвину борьба за идейное существование. Христианство победило главным образом благодаря изложенным выше моментам. А как оно постепенно, в борьбе сект между собой и с языческим миром, путем естественного отбора, все более утверждалось в качестве мировой религии, — этому учит во всех подробностях история церкви первых трех столетий.

Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 313—314

Совершенно неверным является утверждение Фейербаха, что «периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии». Великие исторические повороты *сопровождались* переменами в религии лишь поскольку речь идет о трех доныне существовавших мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе. Старые стихийно возникшие племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, как только бывала сломлена независимость данных племен или народов. У германцев для этого достаточно было даже простого соприкосновения с разлагавшейся римской мировой империей и с ее христианской мировой религией, тогда только что принятой Римом и соответствовавшей его экономическому, политическому и духовному состоянию. Только по поводу этих, более или менее искусственно возникших мировых религий, особенно по поводу христианства и ислама, можно сказать, что общие исторические движения принимают религиозную окраску. Но даже в сфере распространения христианства революции, имеющие действительно универсальное значение, принимают эту окраску лишь на первых ступенях борьбы буржуазии за свое освобождение, от XIII до XVII века включительно. И это объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека, как думает Фейербах, но всей предыдущей историей сред-

них веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию. Но когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла для того, чтобы создать свою собственную идеологию, соответствующую ее классовому положению, она совершила свою великую и законченную революцию — французскую, апеллируя исключительно к юридическим и политическим идеям и думая о религии лишь постольку, поскольку эта последняя преграждала ей дорогу. Но при этом ей и в голову не приходило, что надо заменить старую религию какой-то новой. Известно, какую неудачу потерпел здесь Робеспьер⁴⁰.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 294

6. ХРИСТИАНСТВО И КОММУНИЗМ

В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов. И христианство и рабочий социализм проповедают грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества. И христианство и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователей травили, к ним применяли исключительные законы: к одним — как к врагам рода человеческого, к другим — как к врагам государства, религии, семьи, общественного порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, и христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед. Через триста лет после своего возникновения христианство стало признанной государственной религией римской мировой империи, а социализм за каких-нибудь шестьдесят лет завоевал себе положение, которое дает ему абсолютную гарантию победы.

Таким образом, если г-н профессор Антон Менгер в своей книге «Право на полный трудовой доход» выражает удивление, почему при колоссальной централизации землевладения во времена римских императоров и при безграничных страданиях тогдашнего рабочего класса, состоявшего почти исключительно из рабов, «за падением Западной Римской империи не последовал социализм», то он не замечает как раз того, что этот «социализм», в той мере, в какой он был тогда возможен, действительно существовал и даже достиг господства — в лице христианства. Дело лишь в том, что это христианство, — а в силу исторических предпосылок иначе и не могло быть, — хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни

после смерти, в «тысячелетнем царстве», которое должно-де было наступить в недалеком будущем.

Параллель между обоими этими историческими явлениями напрашивается уже в средние века, при первых восстаниях угнетенных крестьян и в особенности городских плебеев. Эти восстания, как и все массовые движения средних веков, неизбежно выступали под религиозной оболочкой, в форме борьбы за восстановление первоначального христианства, подвергающегося прогрессирующему вырождению*; но всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались весьма осязательные мирские интересы. Ярче всего это обнаружилось в организации чешских таборитов под руководством славной памяти Яна Жижки⁴², но черта эта проходит через все средневековье, постепенно исчезая после Крестьянской войны в Германии, чтобы вновь возродиться у рабочих-коммунистов после 1830 года. Как французские революционные коммунисты, так в особенности Вейтлинг и его последователи ссылались на первоначальное христианство задолго до того, как Эрнест Ренан сказал:

«Если хотите представить себе, чем были первые христианские общины, присмотритесь к какой-нибудь местной секции Международного Товарищества Рабочих».

Этот французский беллетрист, сочинивший церковно-исторический роман «Происхождение христианства» на основе беспримерного даже в современной журналистике бесцеремонного использования немецкой критики библии, сам не знал, сколько правды за-

* Свообразную противоположность этому представляют религиозные восстания мусульманского мира, особенно в Африке. Ислам — это религия, приспособленная для жителей Востока, в особенности для арабов, следовательно, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и ремеслами, а с другой — для кочевников-бедуинов. Но в этом лежит зародыш периодически повторяющихся столкновений. Горожане богатеют, предаются роскоши, проявляют небрежность в соблюдении «закона». Бедуины, которые живут в бедности и вследствие бедности придерживаются строгих нравов, смотрят на эти богатства и наслаждения с завистью и жадностью. И вот они объединяются под предводительством какого-нибудь пророка, махди, чтобы покарать изменников веры, восстановить уважение к обрядам и к истинной вере и в качестве вознаграждения присвоить себе богатства вероотступников. Лет через сто они, естественно, оказываются точно в таком же положении, в каком были эти вероотступники; необходимо новое очищение веры, появляется новый махди, игра начинается сначала. Так обстояло дело со времен завоевательных походов африканских Альморавидов и Альмохадов в Испанию до последнего махди из Хартума, который с таким успехом сопротивлялся англичанам⁴¹. Так же или почти так же обстояло дело с восстаниями в Персии и в других мусульманских странах. Все эти проходившие под религиозной оболочкой движения вызывались экономическими причинами; но, даже в случае победы, они оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому, и столкновения становятся периодическими. Напротив, в народных восстаниях христианского Запада религиозная оболочка служит лишь знаменем и прикрытием для нападения на устаревающий экономический строй; последний в конце концов ниспровергается, его сменяет новый, мир развивается дальше.

ключалось в его вышеупомянутых словах. Хотел бы я видеть бывшего деятеля Интернационала, у которого при чтении, например, так называемого Второго послания Павла к коринфянам не открылись бы старые раны, по крайней мере в одном отношении. Во всем послании, начиная с восьмой главы, звучит вечный, увы, так хорошо знакомый жалобный мотив: *les cotisations ne rentrent pas* — взносы не поступают! Как много самых ревностных пропагандистов шестидесятих годов с понимающим видом пожало было руку автору этого послания, кто бы он ни был, приговаривая: «так и с тобой это бывало тоже!» Мы также можем кое-что рассказать на эту тему — и наше Товарищество кишело коринфянами; эти непоступающие взносы, которые неуловимо порхали перед нашими взорами, вызывая муки Тантала, — ведь это как раз и были знаменитые «миллионы Интернационала»!

Одним из наших лучших источников о первых христианах является Лукиан из Самосаты, этот Вольтер классической древности, который одинаково скептически относился ко всем видам религиозных суеверий и у которого поэтому не было ни религиозно-языческих, ни политических оснований относиться к христианам иначе, чем к любому другому религиозному объединению. Напротив, он их всех осыпает насмешками за их суеверие, — почитателей Юпитера не меньше, чем почитателей Христа; с его плоско-рационалистической точки зрения и тот и другой вид суеверий одинаково нелепы. Этот, во всяком случае беспристрастный, свидетель рассказывает, между прочим, историю жизни одного авантюриста, некоего Перегринна, называвшего себя Протеем, родом из Пария на Геллеспонте. Упомянутый Перегрин в молодости начал свою карьеру в Армении с прелюбодеяния, был пойман на месте преступления и согласно местному обычаю подвергнут самосуду. Счастливо спасшись бегством, он задушил в Парии своего отца и вынужден был скрыться.

«И тут случилось», — цитирую по немецкому переводу Шотта⁴³, — «что он познакомился также с удивительным учением христиан, встречаясь в Палестине с их жрецами и книжниками. И в скором времени он достиг таких успехов, что его учителя казались младенцами по сравнению с ним. Он стал пророком, старшиной общины, руководителем молитвенных собраний, — словом, во всем он был всем; он толковал их писания и сам сочинял их в большом количестве, так что христиане в конце концов стали видеть в нем высшее существо, прибежали к нему как к законодателю и провозгласили его своим главой (епископом)... По этой причине» (то есть как христианин) «Протей был однажды схвачен властями и брошен в тюрьму... Пока он, таким образом, находился в оковах, христиане, которым его заключение представлялось великим несчастьем, предпринимали всевозможные попытки освободить его. Но это не удалось, и тогда они стали с исключительнейшей старательностью всячески о нем заботиться. Уже с рассвета старушки, вдовы и дети-сироты ожидали у ворот его тюрьмы; более впечатлительные христиане даже подкупали тюремную стражу и проводили у него целые ночи; они приносили туда свою еду, читали у него свои священные книги, — словом, возлюбленный Перегрин (тогда он носил еще это имя) был для них по меньшей мере новым Сократом. Даже из некоторых малоазиатских городов приходили к нему посланцы от христианских общин, чтобы

протянуть ему руку помощи, утешить его и выступить в роли его защитников на суде. Прямо невероятно, как быстро эти люди ведае оказываются наготове, когда дело касается их общины; они не жалеют тогда ни труда, ни издержек. Таким образом, Перегрину посыпались тогда деньги со всех сторон, так что тюремное заключение стало для него источником больших доходов. Ведь эти несчастные уверили себя именно в том, что их тела и души бессмертны и что они будут жить вечно; поэтому они презирают смерть, а многие из них даже предают себя смерти добровольно. К тому же самый первый их законодатель внушил им мысль, что все они будут между собой братьями, как только обратятся в иную веру, то есть отречутся от греческих богов и станут поклоняться тому распятому софисту и жить по его предписаниям. Поэтому они презирают все внешние блага без различия и владеют ими сообща — согласно тому учению, которое они просто приняли на веру, без всякой проверки и доказательств. И вот, когда к ним приходит ловкий обманщик, умеющий хитро пользоваться обстоятельствами, он в короткий срок может стать богатым человеком, посмеиваясь в кулак над этими простофилиями. Впрочем, Перегрин был вновь выпущен на свободу тогдашним правителем Сирии».

После описания некоторых его дальнейших приключений далее говорится:

«И вот наш муж вторично отправился» (из Пария) «скитаться, причем вместо каких-либо денег на путевые расходы он довольствовался радушием христиан, которые ведае служили ему охраной и благодаря которым он ни в чем не нуждался. Некоторое время кормился он таким образом. Но когда он нарушил еще и законы христиан,— по-моему, было замечено, что он ел что-то у них запрещенное,— они исключили его из своей общины».

Какие воспоминания юности встают передо мной при чтении этого места у Луккиана! Вот прежде всего «пророк Альбрехт», который примерно с 1840 г. в течение нескольких лет буквально приводил в возбуждение вейтлинговские коммунистические общины Швейцарии⁴⁴, большой, крепкий мужчина с длинной бородой, который пешком исходил всю Швейцарию в поисках слушателей для своего таинственного нового евангелия спасения мира; впрочем, это был, по-видимому, довольно безбидный путаник, и он вскоре умер. Вот его менее безбидный преемник, «д-р» Георг Кульман из Гольштейна, который воспользовался моментом, когда Вейтлинг сидел в тюрьме, чтобы обратить в *свое* евангелие общины Французской Швейцарии, и делал это некоторое время с таким успехом, что переманил даже самого способного, хотя и самого непутевого из членов общины — Августа Беккера. Этот Кульман читал им лекции, изданные в 1845 г. в Женеве под названием: «Новый мир, или царство духа на земле. Возвещение». И в предисловии, составленном его последователями (вероятно, Августом Беккером), говорится:

«Недоставало человека, устами которого были бы выражены все наши страдания, все наши томления и надежды,— словом, все, что так глубоко волнует нашу эпоху в ее сокровеннейшей глубине... Этот человек, которого ждет наша эпоха, появился. Это — д-р Георг Кульман из Гольштейна. Он выступил с учением о новом мире, или о царстве духа, воплотившегося в действительность».

Мне, разумеется, нет надобности добавлять, что это учение о новом мире — не что иное, как самый обыкновенный сентиментальный

бред, облеченный в полубиблейские фразы à la Ламенне и преподнесенный со свойственным пророкам высокомерием. Это не помешало простакам вейтлингианцам носить на руках этого мошенника точно так же, как те азиатские христиане носили Перегрин. И эти самые люди, которые в своем ультрадемократизме и стремлении к уравнительности доходили до крайности, до того, что прониклись непреодолимой подозрительностью к каждому школьному учителю, журналисту, вообще ремесленнику, видя в нем «ученого», желающего их эксплуатировать, — эти люди позволяли мелодраматическому кривляке Кульману внушать им, что в «новом мире» мудрейший, id est * Кульман, будет регулировать распределение благ, а поэтому уже теперь, в старом мире, ученики должны доставлять этому мудрейшему все блага полными пригоршнями, сами же — довольствоваться крохами. И Перегрин-Кульман жил на славу и в полное свое удовольствие за счет общины — до тех пор, пока это продолжалось. Правда, это продолжалось не очень долго; растущий ропот сомневающихся и неверующих, угроза преследований со стороны правительства кантона Ваадт положили конец «царству духа» в Лозанне — и Кульман исчез.

Каждому, кто по собственному опыту знал начальный период европейского рабочего движения, вспомнятся десятки подобных примеров. В настоящее время такие крайности, по меньшей мере в крупных центрах, стали невозможны, но в отдаленных местностях, где движение завоевывает новую почву, такой Перегрин в миниатюре может еще рассчитывать на временный и ограниченный успех. И если и в рабочую партию во всех странах проникают всевозможные элементы, которым нечего ожидать от официального мира или чья песенка в нем уже спета, — противники оспрививания, поборники трезвости, вегетарианцы, антививисекционисты, врачи-натуралисты, проповедники свободных общин⁴⁵, растерявшие свои общины, авторы новых теорий о происхождении мира, бесплодные или неудачливые изобретатели, жертвы действительных или мнимых несправедливостей, прозванные бюрократами «никчемными сутяжниками», честные глупцы и бесчестные обманщики, — то так же обстояло дело и с первыми христианами. Все те элементы, которые высвободил, то есть выбросил за борт, процесс разложения старого мира, одни за другими попадали в сферу притяжения христианства, как единственного элемента, который противостоял этому процессу разложения — ибо само христианство было его собственным неизбежным продуктом — и который поэтому сохранялся и рос, тогда как другие элементы были только мотыльками-однодневками. Не было такого вида фанатизма, глупости или мошенничества, который не проник бы в молодые христианские общины, не находил бы, по крайней мере в отдельных местах и на некоторое время, благосклонных слушателей и ревностных поборников. И как наши первые коммунистическо

* — то есть. *Ред.*

рабочие общины, так и первые христиане отличались беспримерным легковерием по отношению ко всему, что им подходило, так что у нас нет даже уверенности в том, не вкрался ли в наш Новый завет тот или иной отрывок из «большого количества писаний», сочиненных для христиан Перегрином.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 467—472

...В то время как английские социалисты в общем являются противниками христианства и вынуждены страдать от всяких религиозных предрассудков в самом деле верующего населения, французские коммунисты, принадлежащие к нации, которая славится своим неверием, сами являются христианами. Одна из их излюбленных аксиом гласит, что христианство *есть* коммунизм — *«le Christianisme c'est le Communisme»*. Они стараются это подтвердить ссылками на библию, на то, что первые христиане якобы жили на общинных началах и т. д. Но все это только показывает, что эти добрые люди отнюдь не являются наилучшими христианами, хотя и называют себя таковыми; ибо если бы это было так, они лучше бы знали библию и убедились бы, что если немногие места из библии и могут быть истолкованы в пользу коммунизма, то весь дух ее учения, однако, совершенно враждебен ему, как и всякому разумному начинанию.

Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 532

Социальные принципы христианства располагали сроком в 1800 лет для своего развития и ни в каком дальнейшем развитии со стороны прусских консисторских советников не нуждаются.

Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата.

Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанную консисторским советником компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испы-

танием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать пронзительности и ханжества, пролетариат же — революционер.

Маркс К. Коммунизм газеты «*Reinischer Beobachter*». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 204—205

Христианство знало только *одно* равенство для всех людей, а именно — равенство первородного греха, что вполне соответствовало его характеру религии рабов и угнетенных. Наряду с этим оно, в лучшем случае, признавало еще равенство избранных, которое подчеркивалось, однако, только в самый начальный период христианства. Следы общности имущества, которые также встречаются на первоначальной стадии новой религии, объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве. Очень скоро установление противоположности между священником и мирянином положило конец и этому зачатку христианского равенства. — Наводнение Западной Европы германцами устранило на столетия все представления о равенстве, создав постепенно социальную и политическую иерархию столь сложного типа, какого до тех пор еще не существовало. Но одновременно оно вовлекло в историческое движение Западную и Центральную Европу и создало впервые компактную культурную область, где впервые возникла система преимущественно национальных государств, которые друг на друга влияли и держали друг друга в страхе. Таким путем была подготовлена почва, на которой только и стало возможным в позднейшее время говорить о человеческом равенстве, о правах человека.

Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 105—106

Равенство — справедливость. — Представление о том, что равенство есть выражение справедливости, принцип совершенного политического и социального строя, возникло вполне исторически. В первобытных общинах равенства не существовало, или оно существовало лишь в весьма ограниченных размерах для полноправного члена отдельной общины и сочеталось с существованием рабства. То же и в античной демократии. Равенство всех людей — греков, римлян и варваров, свободных и рабов, уроженцев государ-

ства и иностранцев, граждан государства и тех, кто только пользовался его покровительством, и т. д.— представлялось античному человеку не только безумным, но и преступным, и было последовательно, что первые его начатки в христианстве подвергались преследованиям.— В христианстве впервые было выражено отрицательное равенство перед богом *перед богом всех людей как грешников* и в более узком смысле равенство тех и других детей божьих, искупленных благодатью и кровью Христа. Как та, так и другая концепция вытекала из роли христианства как религии рабов, изгнанных, отверженных, гонимых, угнетенных. С победой христианства этот момент отступил на задний план, наиболее важной стала прежде всего противоположность между верующими и язычниками, правоверными и еретиками.— Усиление городов и, вместе с тем, более или менее развитых элементов как буржуазии, так и пролетариата неизбежно должно было вновь вызвать постепенное пробуждение требования равенства как условия буржуазного существования, а с этим было связано то, что пролетарии из политического равенства стали выводить равенство социальное. Впервые это было резко выражено — конечно, в религиозной форме — в Крестьянской войне.— Буржуазная сторона требования равенства была резко, — но еще в виде общечеловеческого требования, — сформулирована впервые у Руссо. Как и при всех требованиях буржуазии, пролетариат и в данном случае, как роковая тень, следует за буржуазией и делает свои выводы (Бабёф). Эту связь между буржуазным равенством и пролетарскими выводами следует развить более подробно.

Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 636—637

Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным.

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм — это лишь святая вода, которую поп крошит озлобление аристократа.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, с. 449

Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения.

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их

общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении».

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех доныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Соч., т. 4, с. 445—446

Во Франции в 1685 г. кальвинистское меньшинство было подавлено, обращено в католичество или изгнано⁴⁶. Но к чему это повело? Уже тогда свободомыслящий Пьер Бейль был в расцвете

своей деятельности, а в 1694 г. родился Вольтер. Насильственные меры Людовика XIV только облегчили французской буржуазии возможность осуществить свою революцию в нерелигиозной, исключительно политической форме, которая одна лишь и соответствовала развитому состоянию буржуазии. Вместо протестантов в национальных собраниях заседали свободомыслящие. Это означало, что христианство вступило в свою последнюю стадию. Оно уже не способно было впредь служить идеологической маскировкой для стремлений какого-нибудь прогрессивного класса; оно все более и более становилось исключительным достоянием господствующих классов, пользующихся им просто как средством управления, как уздой для низших классов. При этом каждый из господствующих классов использует свою собственную религию: землевладельцы-дворяне — католический иезуитизм или протестантскую ортодоксию; либеральные и радикальные буржуа — рационализм. Вдобавок на деле оказывается совершенно безразличным, верят или не верят сами эти господа в свои религии.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 315

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня *«заработной платы рабочего»*. Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как *«особой силы»* для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 43

ПРАВОСЛАВИЕ

1. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЦАРСКОЙ РОССИИ —
ВРАГ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде о необходимости признания законом *свободы совести*. Консервативная печать, с «Московскими Ведомостями»¹ во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная, как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор — действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия.

Стахович — уверяют «Моск. Вед.» — «не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стахович, весельчак, душа общества, краснобай...» (1901 г., № 348). Тем хуже для вас, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки-помещики заговорили о свободе совести, значит несть поистине числа тем гнусностям, которые чинят наши попы с нашей полицией. — «...Какое дело нашей «интеллигентной» легкомысленной толпе, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичам, до нашей святыни, православной веры и до наших заветных к ней отношений?»... Опять-таки: тем хуже для вас, господа защитники самодержавия, православия, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейского самодержавия, если оно даже религию настолько пропитало духом кутузки, что «Стаховичи» (не имеющие никаких твердых убеждений в религиозных вопросах, но заинтересованные, как увидим ниже, в прочности религии) проникаются полным равнодушием (если не ненавистью) к этой пресловутой «народной» святыне! — «...Они нашу веру называют заблуждением!! Они издеваются над нами за то, что мы, благодаря этому «заблуждению», боимся и бежим греха, исполняем безропотно наши обязанности, как бы тяжелы они ни были, за то, что мы находим силы и бодрость переносить горе, лишения и чуждаемся гордости при удачах и в счастьях»... Вот в чем суть-то! Святыня православия тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество

устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали*. Слушайте дальше: ...«Они и не подозревают, что, благодаря тому же «заблуждению», они, гг. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело».

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений» «спят спокойно» и Стаховичи, и Обломовы, и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющей все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

Но, проговорившись в одном пункте, «Моск. Вед.» слишком дешево отделались от другого интересного вопроса. Они явно заблуждаются, думая, что Стаховичи «не подозревают» указанного значения религии и требуют либеральных реформ просто по «легкомыслию». Такое объяснение враждебного политического направления уже очень ребячески паивно! А что г. Стахович в данном случае явился именно глашатаем целого либерального направления, — это лучше всего доказали сами «Моск. Вед.»: иначе к чему было поднимать целый поход против одного доклада? к чему было говорить не о Стаховиче, а о Стаховичах, об «интеллигентной толпе»?

Ленин В. И. Политическая агитация и «классовая точка зрения». — Полн. собр. соч., т. 6, с. 264—266

«Факт печально-знаменательный, еще поныне небывалый, и много небывалых бед сулят России такие факты, возможные только при уже очень далеко подвинувшейся нашей социальной деморализации...» Так писали «Московские Ведомости» в передовой статье № 268 (29 сент.) по поводу речи орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде в Орле (съезд этот закончился 24 сентября)... Ну, уже если в среду предводителей дворянства, этих первых лиц в уезде и вторых — в губернии, проникла «социальная деморализация», то где же в самом деле конец «духовной моровой язве, охватывающей Россию»?

В чем же дело? А в том, что сей г. Стахович (тот самый, который хотел предоставить орловским дворянам места сборщиков по питейной монополии: см. № 1 «Зари», «Случайные заметки») сказал горячую речь в защиту свободы совести, причем «дошел в сво-

ей бестактности, чтобы не сказать цинизме, до того, что внес такое предложение»*:

«Ни на ком в России не лежит более, чем на миссионерском съезде, долг провозгласить необходимость свободы совести, необходимость отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры. И я предлагаю орловскому миссионерскому съезду так прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригодным порядком!..»

Разумеется, насколько наивно было со стороны «Московских Ведомостей» произвести г. Стаховича в Робеспьеры (это жизне-радостный-то М. А. Стахович, которого я так давно знаю, Робеспьер! писал в «Новом Времени» г. Суворин, и трудно было без смеха читать его «защитительную» речь), — настолько же, в своем роде, был наивен г. Стахович, предлагая попам ходатайствовать «пригодным порядком» о свободе совести. Это все равно, что на съезде станowych предложить бы ходатайствовать о политической свободе!

Едва ли есть надобность добавлять читателю, что «сонм духовенства с архипастырем во главе» отклонили предложение г. Стаховича «и по существу доклада и по несоответствию его задачам местного миссионерского съезда», по выслушании «серьезных возражений» со стороны преосвященнейшего епископа орловского Никанора, профессора Казанской духовной академии Н. И. Ивановского, редактора-издателя журнала «Миссионерское Обозрение»² В. М. Скворцова, миссионеров-священников таких-то и кандидатов университета — В. А. Тернавцева и М. А. Новоселова. Можно сказать: союз «науки» и церкви!

Ленин В. И. Внутреннее обозрение. — Полн. собр. соч., т. 5, с. 335—337

И до какой же безграничной степени должна доходить «демократизация», вносимая в русскую жизнь вообще и в жизнь нашей

* «Московские Ведомости», там же. Извиняюсь пред читателями за свою симпатию к «Московским Ведомостям». Что прикажете делать! По моему, все же это — самая интересная, самая последовательная и самая *дельная* политическая газета в России. Ведь нельзя же назвать «политической» в собственном смысле литературу, которая в лучшем случае подбирает кое-какие интересные сырые фактики и вздыхает вместо всяких «мудрствований». Не спору, что это может быть очень полезно, но это не политика. Точно так же и литературу нововременского пошиба нельзя называть в настоящем смысле слова политической, несмотря на то (или лучше вследствие того), что она чересчур политична. Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только умение подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед властью имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать с подобием общественного мнения. А «Московские Ведомости» свою линию ведут и не боятся (им-то бояться нечего!) идти впереди правительства, не боятся касаться и иногда очень откровенно самых щекотливых пунктов. Полезная газета, незаменимый сотрудник революционной агитации!

деревни в особенности полицейским произволом и инквизиторской травлей сектанства, чтобы даже камни возопияли! Чтобы предводители дворянства горячо заговорили о свободе совести!

Вот, из речи г. Стаховича, маленькие примерчики тех порядков и тех безобразных явлений, которые возмущают в конце концов и самых «жизнерадостных».

«Да возьмите сейчас,— говорит оратор,— в миссионерской библиотеке братства справочную книжку о законах, и вы прочтете, что одна и та же статья 783-я, II т., I ч., среди забот станowego об искоренении дуэлей, пасквиелей, пьянства, неправильной охоты, совмещения мужского пола и женского в торговых банях поручает ему наблюдение за спорами против догматов веры православной и соращение православных в иную веру или раскол!» И ведь действительно есть такая статья закона, возлагающая на станowego кроме перечисленных оратором еще много других таких же обязанностей. Для большинства жителей городов эта статья, конечно, покажется простым курьезом, как назвал ее и г. Стахович. Но для мужика за этим курьезом скрывается bitterer Ernst — горькая правда о бесчинствах низшей полиции, слишком твердо памятующей, что до бога высоко, до царя далеко.

А вот конкретные примеры, воспроизводимые нами вместе с официальным опровержением «председателя совета орловского православного петропавловского братства и орловского епархиального миссионерского съезда, протоиерея Петра Рождественского» («М. В.» № 269, из «Орловского Вестника» № 257):

«а) В докладе (г. Стаховича) сказано об одном селении Трубчевского уезда:

«С согласия и ведома и священника и начальства заперли заподозренных штундистов в церкви, принесли стол, накрыли чистою скатертью, поставили икону и стали выводить по одному.— Приложись!»

— Не хочу прикладываться к идолам...— А! *пороть тут же.* Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну, а которые до 4 раз *выдерживали».*

Между тем, по официальным данным, напечатанным в отчете орловского православного петропавловского братства еще в 1896 г., и по устному сообщению священника Д. Переверзева на съезде, описанная расправа православного населения с сектантами с. Любца, Трубчевского уезда, происходила *по постановлению сельского схода и где-то на селе, но никак не с согласия бывшего тогда местного священника и огнюдь не в церкви;* и этот печальный инцидент имел место *18—19 лет тому назад,* когда о миссии в орловской епархии не было и поминана».

«Московские Ведомости», перепечатывая это, говорят, что г. Стахович в своей речи привел *только два факта.* Может быть. Но за то и факты же это! Опровержение, основанное на «официальных данных» (от станowego!) отчета православного братства, *только подкрепляет* всю силу возмущивших даже жизнерадостного

дворянина безобразий. В церкви или «где-то на селе» происходила порка, полгода или 18 лет тому назад, — это дела нисколько не меняет (разве, впрочем, в одном: всем известно, что в последнее время преследования сектантов стали еще более зверскими, и образование миссий стоит с этим в прямой связи!). А чтобы местный священник мог стоять в стороне от этих инквизиторов в *зипуне*, — об этом, отец протоиерей, лучше бы в печати-то не говорили*. Осмеют! Конечно, «согласия» своего на уголовно-наказуемое истязание «местный священник» не давал, точно так же, как святая инквизиция не карала никогда сама, а передавала в руки светской власти, и не проливала никогда крови, а только предавала сожжению.

Второй факт:

«б) В докладе говорится:

«Только тогда у миссионера-священника не сойдет с языка тот ответ, который мы тоже здесь слышали: — *Вы говорите, батюшка, их было вначале 40 семей, а теперь 4. Что ж остальные? — А милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь*».

На самом же деле, в деревне Глыбочке, Трубчевского уезда, о которой в данном случае идет речь, по сведениям братства, в 1898 году было штундистов не 40 семейств, а 40 душ обою пола, включая сюда и 21 душу детей; сослано же было в Закавказье, по постановлению окружного суда, в том же году лишь 7 человек, за совращение ими других лиц в штунду. Что же касается фразы местного священника: «*милостью божьей сосланы*», то она случайно была брошена им в закрытом заседании съезда, в непринужденном обмене мнений между членами одного, тем более, что означенный священник всем известен раньше и обнаружил себя на съезде одним из *достоинейших* пастырей-миссионеров».

Это опровержение уже совсем бесподобно! Случайно сказал в непринужденном обмене мнений! Это-то и интересно, потому что все мы слишком хорошо знаем, какую цену имеют слова официальных лиц, официально ими изрекаемые. И если сказавший эти «душевные» слова батюшка — «один из достоинейших пастырей-миссионеров», то тем более они имеют значения. «Милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь» — эти великолепные слова должны стать не менее знаменитыми в своем роде, чем защита митрополитом Филаретом крепостного права на основании священного писания.

Лешин В. И. Внутреннее обозрение.—
Полн. собр. соч., т. 5, с. 337—339

Из 109 миллионов десятин земли у частных владельцев семь миллионов находится в руках *удела*, т. е. в частной собственности

* В своем возражении на официальные поправки г. Стахович писал: «Что значится в официальном отчете братства, я не знаю, но утверждаю, что священник Переверзев, рассказав на съезде подробности и оговорив, что гражданские власти знали (*sic!!!*) о состоявшемся приговоре, на лично мною поставленный вопрос: А знал ли батюшка? — ответил: Да, тоже знал». Комментарии излишни.

членов царской фамилии. Царь со своей семьей — первый из помещиков, самый крупный помещик на Руси. У одной фамилии больше земли, чем у полумиллиона крестьянских семей! Далее, у церквей и монастырей — около шести миллионов десятин земли. Наши попы проповедуют крестьянам нестяжание да воздержание, а сами набрали себе правдой и неправдой громадное количество земли.

Ленин В. И. К деревенской бедноте.—
Полн. собр. соч., т. 7, с. 146

Интересным косвенным подтверждением сказанного являются данные о распределении вкладчиков по роду занятий. Данные эти относятся к владельцам почти 3 млн. (2942 тыс.) книжек с суммой вкладов в 545 млн. руб. Средний вклад оказывается равным 185 руб.— как видите, сумма, ясно указывающая на преобладание среди вкладчиков тех, составляющих ничтожное меньшинство русского народа, «счастливец», которые имеют родовое или благоприобретенное имущество. Самые крупные вкладчики — *духовенство*: 46 млн. р. на 137 тыс. книжек, т. е. по 333 р. на книжку. Попечение о спасении души паствы — дело, должно быть, небезвыгодное... Затем — *землевладельцы*: 9 млн. р. на 36 тыс. кн., т. е. по 268 р. на кн.; далее — *торговцы*: 59 млн. р. на 268 тыс. кн., т. е. по 222 р. на кн.; потом *офицеры* — по 219 р. на кн., гражданские чиновники — по 202 р. Лишь на шестом месте стоит «земледелие и сельские промыслы»: 640 тыс. кн. на сумму 126 млн. р., т. е. по 197 р. на кн.; затем «занятия на частной службе» — по 196 р.; «прочие занятия» — по 186 р.; городские промыслы — по 159 р.; «услужение» — по 143 р.; *работа на фабриках и заводах* — по 136 р., и на последнем месте «нижние воинские чины» — по 86 р.

Ленин В. И. Из экономической жизни
России.— Полн. собр. соч., т. 6, с. 283

2. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

Кстати, раз уже пришлось вспомнить Филарета, несправедливо было бы обойти молчанием напечатанное в журнале «Вера и Разум»³ за 1901 г. * письмо «ученого либерала» к преосвященному Амвросию, архиепископу харьковскому. Автор подписался: «почетный гражданин из бывших духовных Иероним Преображен-

* Пользуемся случаем поблагодарить корреспондента, приславшего нам отдельный оттиск из этого журнала. Наши командующие классы очень часто не стесняются показываться *au naturel* (в натуральном виде. *Ред.*) в специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях. Давно пора нам, революционерам, приняться систематически утилизировать эту «богатую сокровищницу» политического просвещения.

ский» и кличку «учевого (!) либерала» дала уже ему редакция, убоившаяся, должно быть, «бездны премудрости». Ограничимся воспроизведением нескольких мест из этого письма, которое еще и еще раз показывает нам, что политическое мышление и политический протест проникают невидимым путем в неизмеримо более широкие круги, чем иногда кажется.

«Я уже старик, мне под 60 лет, на своем веку мне немало приходилось наблюдать уклонений от исполнения церковных обязанностей и по совести скажу, что во всех случаях причиной тому было наше духовенство. А за *«последние события»* так приходится даже усердно благодарить наше современное духовенство, оно открывает глаза многим. Теперь не только востальные писаря, но стар и млад, образованные, малограмотные и едва читающие, все теперь стремятся читать великого писателя земли русской. За дорогую пену достают его сочинения (заграничного издания «Свободного Слова»⁴, свободно обращающиеся в народе во всех странах мира, кроме России), читают, рассуждают, и решения, конечно, не в пользу духовенства. Масса людская теперь уже начинает понимать, где ложь и где правда, и видит, что духовенство наше говорит одно, а делает другое, да и в словах своих частенько себе же противоречит. Много правды можно было бы высказать, но ведь с духовенством нельзя говорить откровенно, оно сейчас же не преминет донести, чтобы карали и казнили... А ведь Христос привлекал не силою и казнию, а правдою и любовию...

...В заключении своей речи Вы пишете: «есть у нас великая сила для борьбы — это самодержавная власть благочестивейших государей наших». Опять подтасовки и опять мы не верим Вам. Хотя вы, *просвещенное* духовенство, стараетесь уверить нас, что «преданы самодержавной власти от сослов матери» (из речи нынешнего викария при наречении во епископа), но мы *непросвещенные*, не верим, чтобы годовой ребенок (хотя бы и будущий епископ) уже рассуждал об образе правления и отдавал преимущество самодержавию. После неудавшейся попытки патриарха Никона разыграть в России роль римских пап, совмещавших на Западе духовную власть с главенством светским, церковь наша, в лице выспших своих представителей — митрополитов, всецело и навсегда подчинилась власти государей, и иногда деспотически, как это было при Петре Великом, диктовавшем ей свои указы. (Давление Петра Великого на духовенство в деле осуждения царевича Алексея.) В XIX столетии мы видим уже полную гармонию светской и церковной власти в России. В суровую эпоху Николая I, когда пробуждавшееся общественное самосознание, под влиянием великих социальных движений на Западе, и у нас выдвинуло единичных борцов против возмутительного порабощения простого народа, церковь наша оставалась совершенно равнодушной к его страданиям, и, вопреки великого завета Христа о братстве людей и милосердии к ближним, ни один голос из среды духовенства не раздался в защиту обездоленного народа от сурового помещичьего произвола, и это только потому, что правительство не решалось пока положить руку на крепостное право, существование которого Филарет Московский прямо оправдывал текстами св. писания из ветхого завета. Но вот грянул гром: Россия была разбита и политически унижена под Севастополем. Разгром ясно открыл все недочеты нашего дореформенного строя, и прежде всего молодой, гуманный государь (обязанный воспитанием своего духа и воли поэту Жуковскому) разбил вековые цепи рабства, и, по злой иронии судьбы, текст великого акта 19-го февраля был дан для редактирования с христианской точки зрения тому же Филарету, очевидно, поспешившему изменить, согласно духу времени, свои взгляды на крепостное право. Эпоха великих реформ не прошла бесследно и для нашего духовенства, вызвав в его среде при Макарии (впоследствии митрополит) плодотворную работу переустройства наших духовных учреждений, куда также было им пропущено, хотя малое, окно в область гласности и света. Наступившая после

1-го марта 1881 года реакция принесла с собою и в духовенство соответствующий элемент деятелей во вкусе Победоносцева и Каткова, и в то время, когда передовые люди страны в земстве и обществе подают петиции об отмене остатков телесных наказаний, церковь молчит, не обмолвившись ни одним словом осуждения защитников розги, — этого орудия возмутительного унижения человека, созданного по образу и подобию божию. Ввиду всего сказанного, будет ли несправедливо предположить, что все наше духовенство, в лице своих представителей, *при изменившемся сверху режиме*, так же будет славословить государя конституционного, как славит оно теперь самодержавного. Итак, зачем лицемерие, ведь не в самодержавии тут сила, а в монархе. Петр I тоже был богоданный самодержец, однако духовенство его и до сих пор не очень-то жалуется, и Петр III был такой же самодержец, собиравшийся остричь и образовать наше духовенство, — жаль, не дали ему поцарствовать года два-три. Да если бы и ныне царствующий самодержец Николай II соизволил выразить свое благоволение достославному Льву Николаевичу — куда бы вы попрыгались с своими козырями, страхами и угрозами?

Напрасно вы приводите текст молитв, которые духовенство возносит за паря, — этот набор слов, на тарабарском наречии, ни в чем никого не убеждает. Самодержавие ведь у нас: прикажут и напишете молитвы втрое длиннее и более выразительней».

Ленин В. И. Внутреннее обозрение. — Полн. собр. соч., т. 5, с. 339—342

Возможен и более вероятен другой исход революции, именно та «полная победа демократии с рабочим классом во главе ее», о которой говорит «Извещение». Нечего и говорить о том, что мы сделаем, что только в наших силах, для достижения этого результата, для устранения условий, допускающих первый исход. И объективные исторические условия складываются благоприятно для русской революции. Бессмысленная и позорная война затягивает мертвую петлю над царским правительством и создает необыкновенно выгодный момент для революционного уничтожения военщины, для широкой пропаганды народного вооружения взамен постоянных армий, для быстрого проведения этой меры при сочувствии ей массы населения. Долгое и безраздельное господство самодержавия накопило невиданное, пожалуй, в истории количество революционной энергии в народе: наряду с громадным рабочим движением пиритесь и растет крестьянское восстание, сплачивается мелкобуржуазная демократия в лице преимущественно представителей свободных профессий. Ирония истории наказала самодержавие тем, что даже дружественные по отношению к нему общественные силы, вроде клерикализма, должны организовываться отчасти против него, ломая или раздвигая рамки полицейского бюрократизма. Брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни, выделение клерикалов, появление христианских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т. д.: все это играет как нельзя больше на руку революции, создавая благоприятнейшую почву для агитации за полное отделение церкви от государства. Вольные и не-

вольные, сознательные и бессознательные союзники революции растут и множатся не по дням, а по часам. Вероятность победы народа над самодержавием усиливается.

Ленин В. И. Третий съезд РСДРП.—
Полн. собр. соч., т. 10, с. 217—218

Даже священники, эти ультрареакционеры, нарочито содержимые правительством черносотенные мракобесы, пошли дальше кадетов в своем аграрном проекте. Даже они заговорили о понижении «искусственно повышенных цен» на землю, о прогрессивном налоге на землю с освобождением от всякого налога участков, не превышающих потребительной нормы. Почему деревенский священник, этот урядник казенного православия, оказался *больше* на стороне мужика, чем буржуазный либерал? Потому что деревенскому священнику приходится жить бок о бок с мужиком, зависеть от него в тысяче случаев, даже иногда — при мелком крестьянском земледелии попов на церковной земле — бывать в настоящей шкуре крестьянина. Деревенскому священнику из самой что ни на есть зубатовской Думы⁵ придется вернуться в деревню, а в деревню, как бы ее ни чистили карательные экспедиции и хронические военные постой Столыпина, *нельзя вернуться* тому, кто встал на сторону помещиков. Таким образом оказывается, что реакционнейшему попу труднее, чем просвещенному адвокату и профессору предать мужика помещику.

Да, да! Гони природу в дверь, она влетит в окно. Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немыслимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контрреволюционности буржуазного либерализма.

Ленин В. И. О «природе» русской революции.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 12—13

В «Московских Ведомостях»⁶ (№ 345, от 15 дек. 1902 г.) помещено «Письмо к издателю» рабочего Ф. А. Слепова, которое мы перепечатаваем *целиком* ниже. Во-первых, нам хочется поощрить нашего почтеннейшего «собрата по перу», г. редактора «М. Вед.» Грингмута, поместившего столь интересный документ. А в поощрении г. Грингмут, несомненно, нуждается, ибо его высокополезная деятельность по доставлению (и освещению) материала для революционной агитации за последнее время как-то ослабела, потускнела... задора стало меньше. Стараться надо больше, коллега! Вот-первых, петербургским рабочим в высшей степени важно теперь следить за каждым шагом зубатовщины, регулярнее собирать, шире распространять и обстоятельнее разъяснять всем и каждому сведения о том, как обиявшиися с шпионами рабочие беседуют с

бывшими, настоящими и будущими генералами, великосветскими дамами и «истинно русскими» интеллигентами.

Вот это письмо, которое мы снабжаем некоторыми примечаниями в скобках:

...Члены «Русского собрания» выслушали благосклонно (еще бы не благосклонно слушать рабочих, помогающих полиции в ее деле! *Ред.*) наши доклады и многие высказались в том смысле, что надо серьезно задуматься над вопросом о рабочих и дать рабочим возможность и способы выбиться из-под влияния социалистического учения (интересная картина: генералы и попы, зубатовские шпионы и верные полицейскому духу писатели собрались «помогать» рабочему выбиваться из-под влияния социалистического учения! — а кстати также и помогать вылавливать неосторожных рабочих, которые пойдут на удочку. *Ред.*)...

Ленин В. И. Московские зубатовцы в Петербурге.— Полн. собр. соч., т. 7, с. 88, 86—87

Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь *поднимать* стихийность до сознательности. Говорить же, что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могут совлечь движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов,— это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе — тоже необходимый результат взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов.

Ленин В. И. Беседа с защитниками экономизма.— Полн. собр. соч., т. 5, с. 363

Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении⁷ и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих,— все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться начальству или, наконец, просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачашую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Но делать все это — вовсе не значит забывать о том, что в кон-

це концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделим плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.) и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации.

Ленин В. И. Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 115

Что поп Гапон — провокатор, за это предположение говорит как будто бы тот факт, что он участник и коновод зубатовского общества. Далее, заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошнре и посвободнее разрастись стачечному движению, что правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) *хотело* вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях. Английские корреспонденты указывают даже, что энергичное участие именно зубатовцев в движении должно было быть особенно выгодным для правительства при таком положении дел. Интеллигенция революционная и сознательные пролетарии, которые всего скорее бы, вероятно, запаслись оружием, не могли не чуждаться зубатовского движения, не могли не сторониться от него. Правительство имело таким образом особенно свободные руки и играло беспроигрышную игру: пойдут-де на демонстрацию наиболее мирные, наименее организованные, наиболее серые рабочие; с ними сладить ничего не стоит нашему войску, а урок пролетариату будет дан хороший; повод для расстрела на улице всех и каждого будет великолепный; победа реакционной (или великокняжеской) партии при дворе над либералами будет полная; репрессия последует самая свирепая.

И английские и консервативные немецкие газеты прямо приписывают правительству (или Владимиру) такой план действия. Очень вероятно, что это правда. События кровавого дня 9 января замечательно подтверждают это. Но существование такого плана несколько не исключает и того, что поп Гапон мог быть *бессознательно* орудием такого плана. Наличие либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название: «новоправославное» движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на

вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению, тем более, что письма Гапона, написанные им после бойни 9 января о том, что «у нас нет царя», призыв его к борьбе за свободу и т. д., — все это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания.

Как бы там ни было, тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо во всяком случае энергичное участие в поднятом (хотя бы и зубатовцем поднятом) стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов. Такой тактики держались, как видно из вышеприведенных писем, и наши товарищи из Петербургского комитета РСДРП⁸. Как бы ни были «хитры» планы реакционной придворной клики, действительность классовой борьбы и политического протеста пролетариев, как авангарда всего народа, оказалась во много раз шире. Что полицейские и военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение, — это факт. Революционная энергия и революционный инстинкт рабочего класса прорвались с неудержимой силой вопреки всяким полицейским уловкам и ухищрениям.

Ленин В. И. Революционные дни. Поп Гапон. — Полн. собр. соч., т. 9, с. 210—211

Бросая общий взгляд на события кровавого воскресенья, всего более поражаешься этим сочетанием наивной патриархальной веры в царя и ожесточенной уличной борьбы с оружием в руках против царской власти. Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата. Недаром европейские буржуазные газеты говорят, что Россия 10-го января уже не то, чем была Россия 8-го января. Недаром названная нами выше немецкая социал-демократическая газета⁹ вспоминает, как 70 лет тому назад начиналось рабочее движение в Англии, как в 1834 г. английские рабочие уличными демонстрациями протестовали против запрещения рабочих союзов, как в 1838 году около Манчестера вырабатывали они на громадных собраниях «народную хартию» и пастор Стивенс провозглашал, что «всякий свободный человек, который дышит вольным божьим воздухом и ходит по вольной божьей земле, имеет право на свой собственный очаг». И этот же самый пастор приглашал собравшихся рабочих взяться за оружие.

У нас в России во главе движения тоже оказался священник, который за один день перешел от призыва — идти с мирным хода-

тайством к самому царю — к призыву начинать революцию. «Товарищи, русские рабочие!», — писал свящ. Георгий Гапон после кровавого дня в письме, прочтенном на собрании либералов. — «У нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу. Благословляю вас на сегодня. Завтра я буду среди вас. Сегодня я занят сильно работой на наше дело».

Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже *только* обманывающих царя чиновников. Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру. Каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера. Они не могли идти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувства и настроение, их уровень знания и политического опыта выразил свящ. Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому неведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати.

Понятно теперь, почему петербургские социал-демократы, письма которых мы привели выше, относились вначале и не могли не относиться с недоверием к Гапону. Человек, носивший рясу, веривший в бога и действовавший под высоким покровительством Зубатова и охранного отделения, не мог не внушать подозрений. Искренне или неискренне рвал он на себе рясу и проклинал свою принадлежность к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ, этого не мог с уверенностью сказать никто, кроме разве людей, близко знавших Гапона лично, т. е. кроме ничтожной горстки людей. Это могли решить только развертывающиеся исторические события, только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос в пользу Гапона.

Сможет ли социал-демократия овладеть этим стихийным движением? — с тревогой спрашивали себя наши петербургские товарищи, видя неудержимо быстрый рост всеобщей стачки, захватывающей необычайно широкие слои пролетариата, видя неотразимость влияния Гапона на такие «серые» массы, которые могли бы

увлечься и провокатором. И социал-демократы не только не поддерживали наивных иллюзий насчет возможности мирного ходатайства, они спорили с Гаповом, они прямо и решительно отстаивали все свои взгляды и всю свою тактику. И история, которую творили рабочие массы без социал-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона. Великий князь Владимир, действующий от имени царя и со всей властью царя, взялся своим подвигом палача показать рабочим массам то, и именно то, что социал-демократы всегда показывали и будут показывать им печатным и устным словом.

Массы рабочих и крестьян, сохранившие еще остаток веры в царя, не могли идти на восстание, — сказали мы. После девятого января мы вправе сказать: теперь они могут идти и пойдут на восстание. «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул их на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропадут даром.

Социал-демократии остается позаботиться о возможно более широком распространении вестей о петербургских кровавых днях, о большей сплоченности и организованности своих сил, о более энергичной пропаганде давно уже выдвинутого ею лозунга: *всенародного вооруженного восстания...*

Ленин В. И. *Революционные дни. «Царь-батюшка» и баррикады.* — Полн. собр. соч., т. 9, с. 216—219

«Мы¹⁰ будем только рады, если вслед за священником, популяризовавшим в массах наше требование разрыва государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход на Зимний дворец, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в последний бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти».

Да, мы тоже будем рады этому, но мы желали бы, чтобы чувство радости по поводу *возможных* приятностей не затемняло нашей логики. Что значит: *русская революция* обогатится священником или генералом? Это значит, что священник или генерал станут сторонниками или вожаками революции. Эти «новички» могут быть вполне сознательными сторонниками революции или не вполне. В последнем случае (наиболее вероятном по отношению к новичкам) мы должны не радоваться, а печалиться их несознательности и *всеми силами исправлять, пополнять ее*. Пока мы этого не сделали, пока масса идет за малосознательным вожаком, приходится сказать, что не социал-демократия использует все элементы, а все элементы используют ее. Сторонник революции, вчерашний священник или генерал, или чиновник, может быть полным

предрассудков буржуазным демократом, и, поскольку за ним пойдут рабочие, постольку буржуазная демократия «использует» рабочих.

Ленин В. И. Должны ли мы организовать революцию? — Полн. собр. соч., т. 9, с. 272

3. ВОИНСТВУЮЩИЙ КЛЕРИКАЛИЗМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Прения в Государственной думе по вопросу о смете синода, затем о возвращении прав лицам, покинувшим духовное звание, и, наконец, о старообрядческих общинах дали чрезвычайно поучительный материал для характеристики русских политических партий со стороны их отношения к религии и церкви. Бросим общий взгляд на этот материал, останавливаясь, главным образом, на прениях по смете синода (стенографические отчеты о прениях по другим из указанных выше вопросов нами еще не получены).

Первый вывод, который особенно бросается в глаза при рассмотрении думских прений, состоит в том, что воинствующий клерикализм в России не только имеется налицо, но явно усиливается и организуется все больше. 16-го апреля епископ Митрофан заявил: «первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтенным высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая все стороны освещала бы со своей этической точки зрения... Что же причиной, что мы не пришли к этому идеальному положению?.. Вина в тех, которые разделяют с вами» (т. е. с кадетами и «левыми») «эти скамьи, именно, депутаты духовенства, принадлежащие к оппозиции. Они первые возвысили свой голос и заговорили, что это не больше, как зарождение клерикальной партии, и что это в высшей степени нежелательно. Конечно, говорить о клерикализме русского православного духовенства не приходится — никогда тенденций подобного рода у нас не было, и мы, желая выделиться в отдельную группу, преследовали чисто моральные, этические цели, а теперь, господа, когда вследствие такого несогласия, внесенного левыми депутатами в нашу братскую среду, последовало разделение и раздробление, теперь вы» (т. е. кадеты) «обвиняете нас в этом».

Епископ Митрофан в своей неграмотной речи выболтал тайну: левые, видите, виноваты в том, что отбили часть думских попов от образования особой «моральной» (это слово, конечно, удобнее для надувания народа, чем «клерикальной») группы!

Почти месяц спустя, 13-го мая, епископ Евлогий прочел в Думе «постановление думского духовенства»: «православное думское духовенство в подавляющем большинстве находит»... что во имя «первенствующего и господствующего положения православной церкви» недопустимы ни свобода проповеди для старообрядцев, ни явочный порядок открытия старообрядческих общин, ни наименование старообрядческих духовных лиц священнослужителями.

«Чисто моральная точка зрения» русских попов вполне обнаружила себя, как чистейший клерикализм. «Подавляющее большинство» думского духовенства, от имени которого говорил епископ Евлогий, составили, вероятно, 29 правых и умеренно правых священников третьей Думы, а может быть, и 8 священников октябристов. К оппозиции отошли, должно быть, 4 священника группы прогрессистов и мирнообновленцев и один из польско-литовской группы.

Какова же «чисто моральная, этическая точка зрения подавляющего большинства думского (третьеиюньского, следует добавить) духовенства»? Вот несколько выдержек из речей: «Я только говорю, что инициатива этих (т. е. церковных) преобразований должна исходить изнутри церкви, а не извне, не со стороны государства и, конечно, не со стороны бюджетной комиссии. Ведь церковь есть учреждение божественное и вечное, ее законы непреложны, а идеалы жизни государственной, как известно, подвергаются постоянным изменениям» (епископ Евлогий, 14 апреля). Оратор вспоминает «тревожную историческую параллель»: секуляризацию церковных имуществ при Екатерине II. «Кто может поручиться за то, что бюджетная комиссия, выразившая в настоящем году пожелание подчинить их (церковные средства) государственному контролю, в следующем году не выскажет пожелания переложить их в общегосударственное казначейство, а затем и совсем передать заведование их из власти церковной к власти гражданской или государственной?.. Церковные правила говорят, что если вверены епископу души христианские, то тем более должны быть вверены церковные имущества... Ныне стоит перед вами (депутатами Думы) ваша духовная мать, святая православная церковь, не только как перед народными представителями, но и как перед своими духовными детьми» (там же).

Перед нами — чистый клерикализм. Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения. Для нее депутаты Думы не только — вернее не столько — народные представители, сколько «духовные дети».

Это не чиновники в рясах, как выразился с.-д. Сурков, а крепостники в рясах. Защита феодальных привилегий церкви, открытое отстаивание средневековья — вот суть политики большинства третьедумского духовенства. Епископ Евлогий вовсе не исключение. Гепецкий тоже вопит против «секуляризации», как недопустимой «обиды» (14 апреля). Поп Машкевич громит *октябристский* доклад за стремление «подорвать те исторические и канонические устои, на которых стояла и должна стоять наша церковная жизнь», «сдвинуть жизнь и деятельность русской православной церкви с канонического пути на тот путь, на котором... действительные князья церкви — епископы — должны будут уступить почти все свои права, унаследованные от апостолов, князьям светским»... «Это есть не что иное, как... посягательство на чужую собствен-

ность и на права церкви и на ее достоиние». «Докладчик нас ведет к разрушению канонического строя церковной жизни, он хочет подчинить православную церковь, со всеми ее хозяйственными функциями, Государственной думе, такому учреждению, которое состоит из самых разнообразных элементов, и терпимых и нетерпимых вероисповеданий в нашем государстве» (14 апреля).

Русские народники и либералы долго утешали себя или, вернее, обманывали себя «теорией», что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для борьбы «князей церкви» со светской властью и т. п. В числе прочих народнических и либеральных иллюзий наша революция рассеяла и эту иллюзию. Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целостности и неприкосновенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью», в частности. Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным. Как только политической свободой, свободой организации масс начали пользоваться, захватив ее в конце 1905 г., пролетариат и передовые элементы буржуазной демократии, так потянулись к самостоятельной и открытой организации и реакционные классы. Они не организовывались и не выступали особенно наглядно при нераздельном абсолютизме не потому, что были слабы, а потому, что были сильны, — не потому, что они не способны были к организации и политической борьбе, а потому, что они не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации. Они не верили в возможность массового движения против самодержавия и крепостников в России. Они полагались всецело на то, что для удержания черни достаточен кнут. Первые же раны, нанесенные самодержавию, заставили социальные элементы, поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в нем, выйти на свет божий. С массами, которые способны были создать 9-ое января, стачечное движение 1905 г. и октябрьско-декабрьскую революцию, нельзя уже бороться *только* старым кнутом. Надо выступать на поприще самостоятельных политических организаций; надо, чтобы Совет объединенного дворянства организовывал черные сотни и развертывал самую бесшабашную демагогию; надо, чтобы «князья церкви — епископы» организовали реакционное духовенство в самостоятельную силу.

Третья Дума и третьедумский период русской контрреволюции характеризуются как раз тем, что эта организация реакционных сил прорвалась наружу, начала развертываться в общенациональном масштабе, потребовала особого черносотенно-буржуазного «парламента». Воинствующий клерикализм показал себя воочью, и российской социал-демократии неоднократно придется теперь быть наблюдательницей и участницей конфликтов буржуазии клерикальной с буржуазией антиклерикальной. Если общая наша задача состоит в том, чтобы помогать пролетариату сплотиться в осо-

бый класс, умеющий отделить себя от буржуазной демократии, то в эту задачу входит, как часть, использование всех средств пропаганды и агитации, в том числе и думской трибуны, для разъяснения массам отличия социалистического антиклерикализма от антиклерикализма буржуазного.

Ленин В. И. Классы и партии в их отношении к религии и церкви.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 429—433

Духовенство собирается наводнить IV Думу.

Как отнестись к этому выступлению духовенства на политическую арену?

Демократия никогда не может стоять на той точке зрения, что духовенству не следует участвовать в политической жизни. Это — точка зрения архиреакционная. Приводит она только к казенному лицемерию и ни к чему больше. В жизни абсолютно невозможны, неосуществимы никакие меры, отстраняющие от политики и от классовой борьбы ту или иную группу или часть населения.

Вспомним, что Бебель и немецкие социал-демократы были за свободу агитации иезуитов в Германии. Мы против либеральных фраз о «запрещении» агитации иезуитов, — говорили с.-д. Мы не боимся иезуитов. Пусть иезуиты имеют *полную свободу* агитации, — но пусть и нам, социал-демократам, обеспечат полную свободу агитации. Вот как рассуждал Бебель и немецкие социал-демократы.

Рабочие демократы в России борются против подделки избирательного (и всякого другого) права в пользу помещиков или духовенства и т. д., а вовсе не против свободы участия духовенства в политической жизни. Мы стоим на точке зрения классовой борьбы и требуем полной свободы участия в политике любого класса, сословия, пола, народа, слоя или группы населения.

Либералы рассуждают по этому вопросу неправильно, недемократически. Например, кн. Трубецкой, под аплодисменты «Речи», писал недавно:

«Превращение церкви в политическое орудие достигается ценой ее внутреннего разрушения». Проект наводнения Думы духовенством он называл «антихристианским и антицерковным».

Это неправда. Это лицемерие. Это — глубоко реакционная точка зрения.

Трубецкой и другие либералы стоят на точке зрения *недемократической* в своей борьбе с клерикализмом. Они проводят под флагом неучастия духовенства в политической борьбе более прикрытое (и потому гораздо более вредное) его участие.

Рабочая демократия — за свободу политической борьбы для всех, в том числе и для духовенства. Мы не против участия духовенства в выборной борьбе, в Думе и пр., а *исключительно* против средневековых привилегий духовенству. Мы клерикализма не боимся, мы с ним охотно — на свободной и равной для всех трибу-

не — поспорим. Духовенство всегда участвовало в политике *прикровенно*; ничего кроме пользы для народа, и большой пользы, не будет от того, если духовенство станет участвовать в политике *откровенно*.

Ленин В. И. *Либералы и клерикалы.* — Полн. собр. соч., т. 21, с. 469—470

По сообщениям газеты ¹¹, на съездах мелких землевладельцев и настоятелей церквей в 46 губерниях Европейской России было выбрано 7990 уполномоченных, из них 6516 священников. Последние составили 82%.

Полные итоги по 50 губерниям мало могут изменить этот вывод.

Посмотрим же на значение таких выборов.

От мелких землевладельцев и от приходов выбирается, по закону, один уполномоченный *на полный избирательный ценз*, установленный для участия в съезде землевладельцев. Значит, количество уполномоченных должно быть пропорционально количеству земли у избирателей.

По статистике 1905 года имеем для 50 губерний Европейской России такие данные:

Церковных земель	1,9 млн. десятин
Земель в частной собственности духовных лиц	0,3 » »
<hr/>	
<i>Итого у духовенства . . .</i>	<i>2,2 млн. десятин</i>
<hr/>	
Земель в частной собственности	
» » » » мещан	3,7 » »
» » » » крест.	13,2 » »
» » » » прочих	2,2 » »
<hr/>	
<i>Итого мелкого землевладения «светского»</i>	<i>19,1 млн. десятин</i>

Здесь мелкое землевладение учтено, вероятно, менее полно, чем земли духовенства. И все же получается, что всего земель мелкого землевладения в частной собственности 21,3 млн. десятин, из них у духовенства 2,2 млн. десятин, т. е. *немного более 1/10!* А уполномоченных духовенство провело *свыше восьми десятых!!*

Как могло это быть? Очень просто. Мелкие землевладельцы крайне редко ездят на выборы: и средств нет, и интереса мало, и тысячи полицейских препятствий свободе выборов. А попам «внушено» всем явиться.

Попы будут голосовать за кандидатов, угодных правительству. Вот почему *даже помещики* — не говоря уже о буржуазии — ропщут. И октябристы и националисты ропщут. Все обвиняют правительство в том, что оно «*делает*» выборы. А помещики и крупная буржуазия *сами* хотели бы *делать* выборы.

Столкновение происходит, значит, между абсолютизмом, с одной стороны, помещиками и буржуазными тузами, с другой. Правительство хотело опереться на помещиков и верхи буржуазии; на этом, как известно, построен весь закон 3-го июня 1907 г.¹²

Оказалось, *даже* с октябристами правительство ужиться не может. *Даже* феодально-буржуазной монархии «удовлетворительно» для этих классов свойства наладить *не удалось*.

Эта неудача, бесспорно, фактически признана правительством, которое стало организовывать в лице подчиненного, подначального духовенства *своих собственных чиновников!*

В исторической науке этот прием правительства, сохранившего существенные черты абсолютизма, называется бонапартизмом. Не определенные классы служат опорой в этом случае, или не они только, не они главным образом, а искусственно подобранные, преимущественно из разных зависимых слоев набранные элементы.

Чем объясняется возможность такого явления в «социологическом» смысле, т. е. с точки зрения классовой борьбы?

— Уравновешиванием сил враждебных или соперничающих классов. Если, например, Пуришкевичи соперничают с Гучковыми и Рябушинскими, то правительство, при некотором уравновешении сил этих соперников, может получить *больше* самостоятельности (конечно, в известных, довольно узких пределах), чем при решительном перевесе одного из этих классов. Если же это правительство исторически связано преемственностью и т. п. с особенно «яркими» формами абсолютизма, если в стране сильны традиции военщины и бюрократизма в смысле невыборности судей и чиновников, то пределы этой самостоятельности будут еще шире, проявления ее еще... откровеннее, приемы «подбирания» избирателей и голосующих по приказу выборщиков еще грубее, произвол еще ошутительнее.

Нечто подобное и переживает современная Россия. «Шаг по пути превращения в буржуазную монархию» осложняется перениманием методов бонапартизма. Если во Франции буржуазная монархия и бонапартистская империя явственно и резко отличались одна от другой, то уже в Германии Бисмарк дал образцы «сочетания» того и другого типа, с явным перевесом тех черт, которые Маркс называл «военным деспотизмом»¹³, — не говоря уже о бонапартизме.

Карась, говорят, любит жариться в сметане. Неизвестно, любит ли обыватель «жариться» в буржуазной монархии, в старом крепостническом абсолютизме, в «новейшем» бонапартизме или в военном деспотизме или, наконец, в известной смеси всех этих «методов». Но если с точки зрения обывателя и с точки зрения так называемого «правового порядка», т. е. с *чисто* юридической, формально-конституционной точки зрения разница может казаться весьма небольшой, то с точки зрения классовой борьбы разница здесь существенная.

Обывателю не легче от того, если он узнает, что бьют его не

только по-старому, но и по-новому. Но *прочность* давящего обывателей режима, *условия развития* и разложения этого режима, способность этого режима к быстрому... фиаско — все это в сильной степени зависит от того, имеем ли мы перед собой более или менее явные, открытые, прочные, прямые формы господства определенных классов или различные опосредствованные, неустойчивые *формы* такого господства.

Господство *классов* устраняется труднее, чем пронизанные обветшалым духом старины, неустойчивые, поддерживаемые подобранными «избирателями» формы надстройки.

Эксперимент Саблера и Макарова с «организацией» духовенства на выборах в IV Думу представляет каждому не мало интереса и в «социологическом» и в практически-политическом отношении.

Ленин В. И. Духовенство на выборах и выборы с духовенством.— Полн. собр. соч., т. 22, с. 129—132

Как известно, в настоящее время употребляются самые отчаянные усилия, чтобы *поднять* все духовенство на выборах в IV Государственную думу и организовать его в сплошную черносотенную силу.

Крайне поучительно видеть, что *вся* русская буржуазия — и правительственная, октябристская, и оппозиционная, кадетская, — с одинаковым усердием и волнением разоблачает эти планы правительства и осуждает их.

Русский купец и русский либеральный помещик (вернее, пожалуй, либеральничавший) боятся усиления безответственного правительства, желающего «подобрать» себе голоса послушных батюшек. Само собой разумеется, что демократия еще гораздо решительнее либерализма является оппозиционной (выражаясь мягко и неточно) по этому пункту.

Мы уже указывали в «Правде» на недемократическую постановку вопроса о духовенстве либералами, которые либо прямо защищают архиреакционную теорию о «невмешательстве» духовенства в политику, либо мирятся с этой теорией.

Демократ безусловно враждебен *самомалейшей подделке* избирательного права и выборов, но он безусловно *за* прямое и открытое вовлечение самых широких масс всякого духовенства в политику. Неучастие духовенства в политической борьбе есть вреднейшее лицемерие. На деле духовенство *всегда* участвовало в политике прикровенно, и народу принесет лишь пользу переход духовенства к политике откровенной.

Выдающийся интерес по этому вопросу представляет статья старообрядческого епископа Михаила, помещенная на днях в «Речи». Взгляды этого писателя очень наивны: он воображает, например, что «клерикализм (нам) России неведом», что до революции его (духовенства) дело было только небесное и т. п.

Но поучительна фактическая оценка событий этим, видимо, осведомленным человеком.

«...Что торжество выборов не будет торжеством клерикализма, — пишет еп. Михаил, — кажется мне бесспорным. Объединенное, хотя искусственно, в то же время, конечно, оскорбленное этим хозяйничаньем над их голосами и совестью, духовенство увидит себя в середине между двумя силами... И отсюда необходимый перелом, кризис, возврат к естественному союзу с народом. Если бы клерикальное и реакционное течение... успело окрепнуть и вырвет само собою, этого, может быть, и не было бы. Теперь, когда духовенство вызвано из покоя еще с остатками прежнего смятения, оно будет продолжать свою историю. И демократизм духовенства — неизбежный и последний этап этой истории, который будет связан с борьбой духовенства за себя».

В действительности речь должна идти не о «возврате к естественному союзу», как наивно думает автор, а о распределении между борющимися классами. Ясность, широта и сознательность такого распределения от вовлечения духовенства в политику, на верное, выиграют.

А тот факт, что осведомленные наблюдатели признают наличность, жизненность и силу «остатков прежнего смятения» даже в таком социальном слое России, как духовенство, следует очень принять к сведению.

Ленин В. И. *Духовенство и политика.* — Полн. собр. соч., т. 22, с. 80—81

4. ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войске есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сентиментальные и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны!

Ленин В. И. *Положение и задачи социалистического интернационала.* — Полн. собр. соч., т. 26, с. 41

...Обращение к гучковско-милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «побожецки», любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой. Помещики и купцы слушают проповедь, продолжают утеснять и грабить народ и восторгаются тем, как хорошо умеет «батюшка» утешать и успокаивать «мужичков».

Совершенно такую же роль — независимо от того, сознают они это или нет — играют все те, кто с добренькими речами о мире обращается к буржуазным правительствам во время настоящей, империалистской войны. Буржуазные правительства иногда вовсе отказываются выслушивать такие речи и даже запрещают их, иногда позволяют говорить их, раздавая направо-налево обещания, что они-то ведь и воюют ради быстреего заключения «самого справедливого» мира и что виноват только их неприятель. Разговоры о мире, обращенные к буржуазным правительствам, оказываются на деле *обманом народа*.

Ленин В. И. Письма из далека.— Полн. собр. соч., т. 31, с. 51—52

...В эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны. Только слащавые попы — все равно, христианские или «светские» в лице салонных, парламентарных социалистов — могут не видеть, не понимать, не осязать этой необходимости. Только мертвые «человеки в футляре» способны отстраняться из-за этого от революции вместо того, чтобы со всей страстью и решительностью бросаться в бой тогда, когда история требует решения борьбой и войной величайших вопросов человечества.

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 57—58

КАТОЛИЦИЗМ И ПРОТЕСТАНТИЗМ

1. РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ
КАК ЦЕНТР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Духовенство — представитель идеологии средневекового феодализма — не в меньшей степени испытало влияние исторического перелома. В результате изобретения книгопечатания и роста потребностей все более расширяющейся торговли, оно лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования. Разделение труда происходило и в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов отобрало у духовенства ряд наиболее влиятельных должностей. Духовенство также начинало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своей все возрастающей леностью и невежеством. Но, чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благодаря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами.

Духовенство распадалось на два совершенно различных класса. *Аристократический* класс составляла духовная феодальная иерархия: епископы и архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. Эти высшие сановники церкви либо сами были имперскими князьями, либо же в качестве феодалов, подчинявшихся верховной власти других князей, владели обширными пространствами земли с многочисленным крепостным и зависимым населением. Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали еще более бесстыдно. Для того чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаемую церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных мужей обычным и излюбленным мошенническим приемом. Однако, хотя помимо обычных феодальных повинностей и оброков они собирали также и десятину, всех этих доходов оказывалось еще недостаточно. Чтобы выжать у народа еще больше средств, они пользовались — и долгое время весьма успешно —

изготовлением чудотворных икон и мощей, устройством благочестивых паломничеств, торговлей индульгенциями.

На этих прелатах и их бесчисленной, с усилением политических и религиозных гонений все возрастающей жаждармерии из монахов и была сосредоточена ненависть к попам не только народа, но и дворянства. В тех случаях, когда они были подчинены непосредственно империи, они являлись помехой князьям. Привольная жизнь откормленных епископов, аббатов и их армии монахов вызывала зависть дворянства и негодование народа, который должен был все это оплачивать, и это негодование становилось тем сильнее, чем больше бросалось в глаза кричащее противоречие между образом жизни этих прелатов и их проповедями.

Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах. Их деятельность контролировалась сравнительно мало и, несмотря на всю свою важность для церкви, была в тот момент гораздо менее необходимой, чем полицейская служба монахов, находившихся на казарменном положении. Поэтому они оплачивались гораздо хуже и их духовные наделы были большей частью очень скудны. Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы, и потому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев. Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили из-за этого свою жизнь на эшафоте. Народная ненависть к попам обращалась против них лишь в единичных случаях.

Подобно тому как над князьями и дворянством стоял император, так над высшим и низшим духовенством стоял *papa*. Как императору платили «всеобщий пфенниг»¹, имперские налоги, так и папе шли общие церковные налоги, которыми оплачивалась роскошь римской курии. Ни в одной стране эти церковные налоги не взыскивались — благодаря могуществу и многочисленности попов — с большим усердием и большей строгостью, чем в Германии. Особенно строго собирались аннаты² при освобождении епископских кафедр. С ростом потребностей изобретались новые средства для добывания денег: торговля реликвиями, продажа индульгенций, юбилейные сборы и т. д. Таким образом, из Германии ежегодно текли в Рим огромные суммы денег, и возрастающий вследствие этого гнет не только увеличивал ненависть к попам, но возбуждал и национальное чувство, особенно среди дворянства, в то время наиболее национального сословия.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 350—352

Когда Европа вышла из средневековья, поднимавшийся городской средний класс * был его революционным элементом. Признанное положение, которое он завоевал себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для его способностей к расширению. Развитие среднего класса, *буржуазии*, стало уже несовместимо с феодальной системой, поэтому феодальная система должна была пасть.

Но крупным интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим грекоправославным, так и с мусульманским миром. Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным сеньором, потому что ей принадлежало не менее третьей части всех земельных владений в католических странах. Прежде чем начать успешную борьбу против светского феодализма в каждой стране и в отдельных его сферах, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 306

Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим. Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага — сарацин³. Западноевропейский мир, представлявший собой группу народов, развитие которых происходило в условиях постоянно изменявшихся взаимоотношений, объединялся католицизмом. Это теологическое единство было не только идейным. Оно действительно существовало и не только в лице папы, монархического средоточия этого единства, но прежде всего в лице церкви, организованной на феодальных и иерархических началах. Владея в каждой стране приблизительно третьей частью всех земель, церковь обладала внутри феодальной организации огромным могуществом. Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах. Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исход-

* В немецком тексте, начиная с этого места и до абзаца, открывающегося словами: «Новый исходный пункт был компромиссом» (стр. 309, т. 22), употребляемые Энгельсом выражения «middle class», «bourgeoisie» переведены термином «бюргерство» («Bürgerthum»); далее эти же выражения переводятся им термином «буржуазия» («Bourgeoisie»). *Ред.*

ным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви.

Однако в недрах феодализма развивалось могущество бюргерства. Новый класс выступил против крупных землевладельцев. Городские бюргеры были прежде всего исключительно товаропроизводителями и торговцами, между тем как феодальный способ производства покоился по преимуществу на собственном потреблении продуктов, произведенных внутри узкого круга, — на потреблении частью самими производителями, частью феодалами, облагавшими их поборами. Скроенное по мерке феодализма католическое мировоззрение не могло больше удовлетворять этот новый класс, так как оно не соответствовало созданным им новым условиям производства и обмена. Тем не менее и этот класс еще долгое время оставался в оковах всемогущей теологии. Все реформационные движения и связанная с ними борьба, происходившая с XIII до XVII столетия под религиозной вывеской, были по своему теоретическому содержанию лишь многократными попытками бюргерства, городских плебеев и поднимавшегося вместе с ними на восстания крестьянства приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и жизненному укладу новых классов. Но так не могло долго продолжаться. Религиозное знамя развеялось в последний раз в Англии в XVII веке, а менее пятидесяти лет спустя новое мировоззрение выступило во Франции уже без всяких прикрас и это *юридическое мировоззрение* должно было стать классическим мировоззрением буржуазии.

Это было теологическое мировоззрение, которому придали светский характер. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство. Экономические и общественные отношения, которые ранее, будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством. Поскольку товарообмен в масштабе общества и в своем наиболее развитом виде вызывает, особенно благодаря системе авансирования и кредита, сложные договорные отношения и тем самым предъявляет требование на общепризнанные правила, которые могут быть даны только обществом в целом, — на правовые нормы, установленные государством, — постольку создалось представление, будто эти правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим фактам, а формальным установлениям, вводимым государством. А так как конкуренция — эта основная форма взаимосвязи свободных товаропроизводителей — является величайшей уравнивательницей, то равенство перед законом стало основным боевым кличем буржуазии. Тот факт, что борьба этого нового восходящего класса против феодалов и защищавшей их тогда абсолютной монархии должна была, как всякая классовая борьба, стать политической борьбой, борьбой за обладание государственной вла-

стью, и вестись за *правовые требования*, — этот факт способствовал упрочению юридического мировоззрения.

Но буржуазия породила своего антипода, пролетариат, а с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще раньше, чем буржуазия окончательно завоевала политическую власть. Так же как в свое время буржуазия в борьбе против дворянства еще долго придерживалась по традиции теологического мировоззрения, так и пролетариат вначале перенимал от противника юридический способ мышления и в нем искал оружие против буржуазии. Первые пролетарские партийные объединения, как и их теоретические представители, оставались всецело на юридической «правовой почве», только они себе сконструировали не такую «правовую почву», какая была у буржуазии. С одной стороны, требование равенства было расширено в том смысле, что юридическое равенство должно быть дополнено общественным равенством. С другой стороны, из положений Адама Смита, гласящих, что труд является источником всякого богатства, но что рабочий, однако, должен поделиться продуктом своего труда с землевладельцем и капиталистом, был сделан вывод о несправедливости такого раздела и необходимости совершенно упразднить его, либо, по крайней мере, видоизменить в пользу рабочего. Однако уже наиболее выдающиеся мыслители среди ранних социалистов — Сен-Симон, Фурье и Оуэн — почувствовали, что, оставаясь в этом вопросе на чисто юридической «правовой почве», нельзя устранить бедствий, порожденных буржуазно-капиталистическим способом производства и, особенно, современной крупной промышленностью, и это побудило их совершенно покинуть юридическо-политическую область и объявить бесплодной всякую политическую борьбу.

Обе эти точки зрения были одинаково непригодны для того, чтобы послужить точным и всесторонним выражением освободительных стремлений рабочего класса, вызванных его экономическим положением. Требование равенства не менее, чем требование полного трудового дохода, приводило к неразрешимым противоречиям, когда нужно было дать им конкретную юридическую формулировку, причем суть дела, преобразование способа производства, оставалась более или менее не затронутой. Отказ великих утопистов от политической борьбы был одновременно отказом от классовой борьбы, то есть единственно возможного способа проявления жизнедеятельности того класса, в интересах которого они выступали. Обе точки зрения абстрагировались от тех исторических условий, которым они были обязаны своим существованием, обе апеллировали к чувству: одни к чувству справедливости, другие — к чувству человечности. Обе облакали свои требования в форму благочестивых пожеланий, о которых нельзя было сказать, почему они должны быть осуществлены именно теперь, а не на тысячу лет раньше или позже.

Рабочий класс, который вследствие превращения феодального способа производства в капиталистический был лишен всякой соб-

ственности на средства производства и для которого под воздействием механизма капиталистического способа производства это отсутствие собственности стало состоянием, неизменно передающимся по наследству всем последующим поколениям,— этот класс не может в юридической иллюзии буржуазии найти исчерпывающее выражение своих жизненных условий. Он может сам вполне осознавать эти свои жизненные условия только в том случае, если будет рассматривать вещи такими, какие они есть в действительности, а не сквозь юридически окрашенные очки. А в этом помог ему Маркс своим материалистическим пониманием истории, доказав, что все юридические, политические, философские, религиозные и тому подобные представления людей в конечном счете определяются экономическими условиями их жизни, их способом производства и обмена продуктов. Тем самым было выдвинуто мировоззрение, отвечающее условиям жизни и борьбы пролетариата; отсутствию собственности у рабочих могло соответствовать только отсутствие иллюзий в их головах. И это пролетарское мировоззрение совершает теперь свое победное шествие по всему миру.

Энгельс Ф. Юридический социализм.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21,
с. 495—498

Поучительно посмотреть, как организует, например, массы народа германская реакционная партия «центра», т. е. католиков. Они стремятся вызвать в массах защиту капитализма под лозунгами религии и «патриотизма». И католикам в Германии удалось сорганизовать предрассудки и темноту народных масс — отчасти благодаря тому, что католики в Германии — меньшинство населения, и это меньшинство одно время подвергалось преследованиям со стороны государства. Массы же трудящихся и эксплуатируемых всегда инстинктивно сочувствуют преследуемым. Реакционеры-католики сумели использовать это настроение.

Католики создали массовую организацию — так называемый «Народный союз католической Германии». Союз насчитывает $\frac{3}{4}$ миллиона членов. Организация строго централизована. Цель ее: защита «христианского» (а на деле капиталистического) строя и борьба с «разрушительными» (т. е. социалистическими) стремлениями.

Во главе союза стоит правление из 24-х членов. Из них 9 заняты делопроизводством правления, а остальные — представители разных округов, отдельных крупных городов и т. д. На каждые 20—40 католических семей назначается по одному «доверенному лицу». Все доверенные лица поступают по директивам правления.

Господа католики, воюя с социал-демократами, кричат обыкновенно, что с.-д. агитаторы живут на гроши рабочих. Но сами католики в своей организации поступают точно так же: во всяком сколько-нибудь важном пункте у них есть *платные агитаторы*.

Работа в партийном правлении организована совершенно по фабричному. 20 специальных служащих заняты «литературой»: один следит за богословием, другой — за аграрным вопросом, третий — за с.-д. движением, 4-й — за ремесленниками и т. д. Делают вырезки и выписки из газет и журналов, ведется регистратура. Работают стенографы. В особой библиотеке 40 000 томов. Составляются письма в газеты — «корреспонденции», печатаемые в десятках католических газет. Ведется особая «социально-политическая», особая «апологетическая» (т. е. защищающая религию и христианство) корреспонденция. Издаются серии брошюр по всем вопросам. Рассылается в год до 5000 конспектов разных рефератов. Особое отделение работает над пропагандой посредством кинематографа. Справочное бюро выдает бесплатно всяческие справки: за 1912 год их выдано свыше 18 000 тысяч.

Католических студентов систематически привлекают к пропаганде и агитации, — пользуясь в особенности ваканциями. Доверенные лица (их несколько *десятков тысяч*) съезжаются на особые «социальные курсы». Для специального «обучения» борьбе против с.-д. служат особые двухмесячные курсы при партийном правлении. Особые двухнедельные курсы устроены для крестьян, для учителей, для приказчиков и т. д.

Недурно работают немецкие католики-черносотенцы. Но вся их работа слабое подражание работе германских социал-демократов.

Ленин В. И. Организация масс немецкими католиками. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 188—190

2. ПРОТЕСТАНТИЗМ КАК БУРЖУАЗНАЯ ФОРМА ХРИСТИАНСТВА. ЛЮТЕРАНСТВО. КАЛЬВИНИЗМ. АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В средние века, в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодальной иерархией. А когда окрепло бюргерство, в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь, сначала у альбигойцев в Южной Франции в эпоху высшего расцвета ее городов⁴. Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде. И подобно тому как бюргерство с самого начала создало себе придаток в виде не принадлежавших ни к какому определенному сословию неимущих городских плебеев, поденщиков и всякого рода прислуги — предшественников позднейшего пролетариата, — так и рели-

гиозная ересь уже очень рано разделилась на два вида: бюргерско-умеренный и плебейски-революционный, ненавистный даже и бюргерским еретикам.

Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости поднимавшегося бюргерства. Когда это бюргерство достаточно окрепло, его борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор по преимуществу местный характер, начала принимать национальные масштабы. Первое крупное выступление произошло в Германии — так называемая Реформация. Бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, чтобы объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия — плебеев в городах, низшее дворянство и крестьян в деревне. Прежде всех потерпело поражение дворянство; поднялось крестьянское восстание, представляющее собой высшую точку всего этого революционного движения. Но города не поддержали крестьян, и революция была подавлена войсками владетельных князей, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями. С тех пор на целых три столетия Германия исчезает из числа стран, самостоятельно и активно действующих в истории.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314

Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов. В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попом, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Доктрины церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и

богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет собой хорошо известный факт; многое заимствовал из нее также и Мюнцер. Ереси представляли собой отчасти реакцию патриархальных альпийских пастухов на проникновение к ним феодализма (вальденсы⁵), отчасти оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов (альбигойцы⁶, Арнольд Брешианский и т. д.), частью же открытое восстание крестьян (Джон Болл, Венгерский проповедник в Пикардии⁷ и т. д.). Патриархальную ересь вальденсов, так же как и восстание швейцарцев, мы можем здесь оставить в стороне как реакционную, по форме и содержанию, попытку отгородиться от исторического развития, имевшую к тому же только местное значение. В двух других формах средневековой ереси мы уже в XII веке находим предвестников той великой противоположности между бюргерской и крестьянско-плебейской оппозицией, которая привела к гибели Крестьянскую войну. Эта противоположность продолжает существовать в течение всего позднего средневековья.

Ересь городов — а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует *gouvernement à bon marché*, дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего *église à bon marché*, дешевой церкви. Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения замкнутого сословия священников. Это дешевое устройство устраивало монахов, прелатов, римскую курию — словом, все, что в церкви было дорогостоящим. Города, бывшие сами республиками, хотя и находившимися под опекой монархов, своими нападениями на папство впервые выразили в общей форме то положение, что нормальной формой господства буржуазии является республика. Их враждебное отношение к ряду догматов и церковных установлений объясняется отчасти тем, что уже было сказано выше, отчасти прочими условиями их жизни. Например, причину их яростных нападков на безбрачие духовенства никто так хорошо не объясняет, как Боккаччо. Арнольд Брешианский в Италии и Германии, альбигойцы в Южной Франции, Джон Уиклиф в Англии, Гус и каликстинцы⁸ в Богемии * были главными представителями это-

* — Чехии. *Ред.*

го направления. То обстоятельство, что оппозиция против феодального строя выступает здесь лишь в виде оппозиции против *церковного* феодализма, объясняется довольно просто тем, что города уже всюду были признанным сословием и имели достаточно возможностей для борьбы с светским феодализмом, опираясь на свои привилегии, с помощью оружия или в сословных собраниях.

Как в Южной Франции, так и в Англии и Богемии мы видим уже, что большая часть низшего дворянства присоединяется к борьбе городов против попов и примыкает к ересям — явление, которое объясняется зависимостью низшего дворянства от городов, а также общностью интересов тех и других в их оппозиции к князьям и прелатам. С этим явлением мы снова встретимся в Крестьянской войне.

Совершенно иной характер носила та ересь, которая являлась прямым выражением потребностей крестьян и плебеев и почти всегда сочеталась с восстанием. Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов божиих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрицев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства. Эта крестьянско-плебейская ересь, которую в период расцвета феодализма, например, у альбигойцев, еще с трудом можно отделить от бюргерской, развивается в резко выделяющееся партийное воззрение в XIV и XV веках, когда она выступает, как правило, уже совершенно самостоятельно рядом с бюргерской ересью. Таковы, например, Джон Болл, проповедник восстания Уота Тайлера в Англии рядом с последователями Уиклифа и табориты⁹ рядом с каликстинцами в Богемии. У таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и в начале XVI века у представителей плебеев в Германии.

К этой форме ереси примыкает экзальтация мистических сект, флагеллантов, лоллардов¹⁰ и т. д., продолжавших революционную традицию в периоды, когда движение было подавлено.

Плебеи в то время были единственным классом; находившимся совершенно вне существующего официального общества. Они стояли как вне феодальных, так и вне бюргерских связей. Они не обладали ни привилегиями, ни собственностью; у них не было даже обремененного тяжелыми повинностями владения, которое

имелось у крестьян и мелких бюргеров. Они были во всех отношениях неуми и несправны; условия их существования не имели никакого непосредственного касательства к действовавшим в то время учреждениям, которые их совершенно игнорировали. Они были живым симптомом разложения феодального и цехово-бюргерского общества и в то же время первыми предвестниками современного буржуазного общества.

Это положение плебеев объясняет, почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она, по крайней мере в мечтах, должна была выйти даже за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества; почему она, не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуться сомнению учреждения, представления и взгляды, которые были свойственны всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам. Хилиастические мечтания¹¹ раннего христианства представляли удобный исходный пункт для этого. Но в то же время это стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насильем над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускались тогдашними условиями. Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений.

Это резко противоречащее действительности, но вполне объясняющееся условиями жизни плебеев предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в *Германии*, у *Томаса Мюнцера* и его партии. Правда, у таборитов уже существовала своего рода хилиастическая общность имущества, однако, лишь в качестве чисто военной меры. Только у Мюнцера эти проблески коммунистических идей впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы, только у него впервые они формулируются с известной определенностью, и, начиная с него, мы встречаем их снова в каждом великом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением, подобно тому как в средние века борьба свободного крестьянства против все более и более опугивающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодального гнета.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360—364

Группировка столь разнообразных в то время сословий в более крупные объединения¹² была почти невозможна уже в силу децентрализации, независимости отдельных местностей и провинций друг от друга, взаимной отчужденности провинций в промышленном и торговом отношении и плохого состояния путей сообщения. Эта группировка возникает лишь вместе с всеобщим распространением революционных религиозно-политических идей в период Реформации. Выступление различных сословий в защиту этих идей или против них привело, правда, с большим трудом и лишь приблизительно, к концентрации немецкой нации, разбившейся на три больших лагеря: католический, или реакционный, лютеровский, или бюргерско-реформаторский, и революционный. Если и в этом великом расколе нации мы обнаруживаем мало последовательности, если в двух первых лагерях мы отчасти находим одни и те же элементы, то это объясняется тем состоянием разложения, в котором находилось большинство унаследованных от средневековья официальных сословий, и той децентрализацией, в результате которой одни и те же сословия в различных местах временно могли примыкать к противоположным течениям. За последние годы мы так часто имели возможность наблюдать в Германии аналогичные явления, что нас не должно поражать кажущееся столь пестрым переплетение сословий и классов при гораздо более сложных отношениях XVI столетия.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 359

В то время как в первом из трех больших лагерей, в *консервативно-католическом*, собрались все те элементы, которые были заинтересованы в сохранении существующих порядков, т. е. имперская власть, духовные и частично светские князья, более богатые слои дворянства, прелаты и городской патрициат, под знаменем *бюргерско-умеренной лютеровской реформы* объединились имущие элементы оппозиции — масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатиться посредством конфискации церковных имуществ и стремившихся использовать удобный случай для завоевания большей независимости от империи. Наконец, крестьяне и плебеи объединились в *революционную* партию, требования и доктрины которой резче всего были сформулированы Мюнцером.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 364

Даже с исторической точки зрения теоретическая эмансипация имеет специфически практическое значение для Германии. Ведь *революционное* прошлое Германии теоретично, это — *реформация*.

Как тогда революция началась в мозгу *монаха*, так теперь она начинается в мозгу *философа*.

Правда, Лютер победил рабство по *набожности* только тем, что поставил на его место рабство по *убеждению*. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека.

Но если протестантизм не дал правильного решения задачи, то все же он правильно поставил ее. Речь теперь шла уже не о борьбе мирянина с *попом вне мирянина*, а о борьбе со своим *собственным внутренним попом*, со своей *поповской натурой*. И если протестантское превращение немца-мирянина в попа эмансипировало светских пап, *князей*, со всей их кликой — привилегированными и филистерами, — то философское превращение немца, проникнутого поповским духом, в человека будет эмансипацией *народа*. Но подобно тому как эмансипация не должна остановиться на князьях, так и *секуляризация* имуществ не остановится на *захвате церковных имуществ*, который раньше других был осуществлен лицемерной Пруссией. Тогда Крестьянская война, это наиболее радикальное событие немецкой истории, разбилась о теологию. Ныне, когда сама теология разбита, наиболее резкое проявление несвободы в немецкой истории — наш *status quo* — разобьется о философию. За день до реформации официальная Германия была самым покорным рабом Рима. За день до своей революции она — покорный раб того, что меньше Рима, раб Пруссии и Австрии, заскоружлых юнкеров и филистеров.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422—423

Когда вспыхнула Крестьянская война, и притом в местностях, где князья и дворяне были большей частью католиками, Лютер попытался выступить в роли посредника. Он решительно обрушился на власти. Они-де сами своими притеснениями вызвали восстание; против них возмутились не крестьяне, а сам бог. Но, с другой стороны, разумеется, и восстание также есть антибожеское дело и противно евангелию. В конце концов он призвал обе стороны к взаимным уступкам и предложил им покончить дело полюбовно.

Однако вопреки этим благонамеренным посредническим предложениям восстание стало быстро распространяться, охватив даже протестантские, подвластные лютеранским князьям, дворянам и городам области, и быстро переросло бюргерскую «благоразумную» реформу. В непосредственной близости от Лютера, в Тюрингии, устроила свою штаб-квартиру наиболее решительная фракция повстанцев, возглавляемая Мюпцером. Еще несколько

успехов, и вся Германия была бы охвачена пламенем, Лютер был бы окружен и, возможно, прогнан сквозь пики как предатель, а вся бюргерская реформа была бы сметена бурным потоком крестьянско-плебейской революции. Для раздумья больше не было времени. Перед лицом революции все старые раздоры были забыты; по сравнению с шайками крестьян слуги римского содома были невинными агнцами, кроткими сынами божьими; бюргеры и князья, дворяне и попы, Лютер и папа соединились «против кровожадных и разбойничьих шаек крестьян»¹³.

«Каждый, кто может, должен рубить их, душить и колоть, тайно и явно, так же, как убивают бешеную собаку», — восклицает Лютер. — «Поэтому, возлюбленные господа, придите на помощь, спасайте; коли, бей, дави их, кто только может, и если кого постигнет при этом смерть, то благо ему, ибо более блаженной смерти и быть не может». Не следует только проявлять к крестьянам ложного милосердия. Люди, проявляющие жалость к тем, кого сам бог не только не жалеет, но хочет наказать и погубить, сами присоединяются к бунтовщикам. Впоследствии и сами крестьяне научатся благодарить бога за то, что, отдав одну корову, они могут мирно пользоваться другой; князьям же восстание покажет, каков дух у черни, управлять которой надлежит только силой. «Мудрец говорит: *cibus, opus et virga azino* *, с крестьян довольно и овсяной мякины; они не слушают слова и неразумны — пусть же внушат им послушание кнут и ружье, они сами того заслужили. Мы должны молиться за них, дабы они покорились; не будет этого, не должно быть места и для милосердия. Пусть скажут им тогда свое слово ружья, иначе они наделают в тысячу раз больше бед».

Совершенно таким же языком заговорили наши блаженной памяти социалистические и филантропические буржуа, когда пролетариат после мартовских дней потребовал своей доли в плодах победы.

Своим переводом библии Лютер дал в руки плебейскому движению мощное оружие. Посредством библии он противопоставил феодализованному христианству своего времени скромное христианство первых столетий, распадающемуся феодальному обществу — картину общества, совершенно не знавшего много-сложной, искусственной феодальной иерархии. Крестьяне все-сторонне использовали это оружие против князей, дворянства и попов. Теперь Лютер обратил его против крестьян и составил на основании библии настоящий дифирамб установленной богом власти, дифирамб, лучше которого не в состоянии был когда-либо изготовить ни один блюдолиз абсолютной монархии. С помощью библии были санкционированы и княжеская власть божьей милостью, и безропотное повиновение, и даже крепостное право. Это было отречение не только от крестьянского восстания, но и от бунта самого Лютера против духовной и светской власти; Лютер, таким образом, предал князьям не только народное, но и бюргерское движение.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 367—368

* — пища, кладь и кнут — ослу. Ред.

Лютер и Мюнцер по своим доктринам, а также по своему характеру и своим выступлениям являются каждый подлинным представителем своей партии.

За период от 1517 до 1525 г. *Лютер* проделал ту же эволюцию, которую современные немецкие конституционалисты проделали в период от 1846 до 1849 г. и которую проделывает всякая буржуазная партия, оказавшаяся временно во главе движения и обгоняемая в ходе этого движения находящейся позади нее плебейской или пролетарской партией.

Когда в 1517 г. Лютер впервые выступил против догматов и строя католической церкви, его оппозиция вовсе не имела еще сколько-нибудь определенного характера. Не выходя за пределы требований прежней бюргерской ереси, она не исключала также ни одного более радикального направления, да и не могла этого делать. В первый момент необходимо было, чтобы все оппозиционные элементы оказались объединенными, нужно было развязать самую решительную революционную энергию, нужно было противопоставить католическому правоверию всю массу существовавших до того времени ересей. Точно таким же образом наши либеральные буржуа еще в 1847 г. были революционными, называли себя социалистами и коммунистами и носились с идеями эмансипации рабочего класса. В этот первый период деятельности Лютера его сильная крестьянская натура проявляла себя самым бурным образом.

«Если их» (т. е. римских попов) «неистовое бешенство будет продолжаться и далее, то вряд ли, думается мне, найдется иное хорошёе средство его обуздать, кроме одного: королям и князьям прибегнуть к силе, снарядиться и напасть на этих вредных людей, которые отравляют весь мир, и раз навсегда *оружием*, а не словами положить конец их игре. Если мы караем воров мечом, убийц виселицей, а еретиков огнем, то не должны ли мы тем скорее напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома, напасть на них *со всевозможным оружием в руках и омыть наши руки в их крови!*»

Но этот первый революционный пыл оказался непродолжительным. Молния, которую метнул Лютер, попала в цель. Весь немецкий народ пришел в движение. С одной стороны, крестьяне и плебеи увидели в его воззваниях против попов, в его проповеди христианской свободы сигнал к восстанию; с другой стороны, к нему примкнули более умеренные бюргеры и значительная часть низшего дворянства; общий поток увлек за собой даже князей. Одни думали, что настал день для того, чтобы свести счеты со всеми своими угнетателями, другие желали лишь положить конец могуществу попов и зависимости от Рима, уничтожить католическую иерархию и обогатиться посредством конфискации церковных имуществ. Партии размежевались и обрели своих представителей. Лютер должен был сделать выбор между ними. Он, протеже курфюрста Саксонского, почтенный виттенбергский профессор, ставший в одну ночь могущественным и знаменитым, великий человек, окруженный целой свитой при-

верженцев и лстецов, не колебался ни одной минуты. Он отрекся от народных элементов движения и перешел на сторону бюргеров, дворян и князей. Его призывы к истребительной войне против Рима замолкли; Лютер стал теперь проповедовать *мирное развитие и пассивное сопротивление* (ср., например, «К дворянству немецкой нации», 1520 и т. д.). На приглашение Гуттена явиться к нему и Зиккингену в Эбернбург, центр дворянского заговора против попов и князей, Лютер ответил:

«Я не хотел бы, чтобы евангелие *отстаивалось насиллием и пролитием крови*. Слово победило мир, благодаря слову сохранилась церковь, словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насалия и падет».

Этот поворот или, вернее, это более точное определение направления Лютера положило начало тем торгам и переторжкам вокруг подлежащих сохранению или реформированию учреждений и догматов, тем отвратительным дипломатическим пройскам, соглашательству, интригам и сделкам, результатом которых и явилось Аугсбургское вероисповедание, эта выторгованная в конце концов конституция реформированной бюргерской церкви¹⁴. Это было такое же барышничество, как и то, которое в политической форме с тошнотворной точностью повторилось совсем недавно в немецких национальных собраниях, согласительных собраниях, в палатах по пересмотру конституции и Эрфуртском парламенте. Мещанский характер официальной реформации в этих переговорах обнаружился самым явным образом.

То, что Лютер, сделавшийся с этого момента официальным представителем бюргерской реформы, стал проповедником прогресса в рамках закона, имело серьезные причины. Большинство городов перешло на сторону умеренной реформы; низшее дворянство все больше присоединялось к ней; часть князей была за нее, другая колебалась. Ее успех можно было считать обеспеченным, по крайней мере, в значительной части Германии. Если бы мирное развитие продолжалось и в дальнейшем, остальные области не могли бы долго сопротивляться напору умеренной оппозиции. Всякое же насильственное потрясение должно было привести к конфликту умеренной партии с крайней, плебейско-крестьянской, должно было оттолкнуть от движения князей, дворянство и многие города; осталось бы только два вероятных исхода: либо крестьяне и плебеи взяли бы верх над бюргерской партией, либо все партии прогресса оказались бы раздавленными католической реставрацией. А как буржуазные партии, одержав хотя бы самую скромную победу, пытаются при помощи прогресса в рамках закона лавировать между Сциллой революция и Харибдой реставрации, тому мы имели не мало примеров за последнее время.

Так как в силу общих социальных и политических условий того времени результаты всякого изменения неизбежно должны были пойти на пользу князьям и увеличить их власть, то и бюр-

герская реформа, чем резче отделялась она от плебейских и крестьянских элементов; тем все более и более должна была подпасть под контроль принявших реформацию князей. Сам Лютер все больше становился их холопом, и народ ясно отдавал себе в этом отчет, когда говорил, что Лютер стал таким же княжеским прислужником, как и другие, и когда в Орламюнде он проводил Лютера градом камней.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 364—367

Противопоставим теперь бюргерскому реформатору Лютеру плебейского революционера *Мюнцера*.

Томас Мюнцер родился в *Штольберге*, у подножья Гарца, около 1498 года¹⁵. Его отец, жертва произвола штольбергского графа, окончил, по-видимому, свою жизнь на виселице. Уже пятнадцати лет от роду Мюнцер основал в школе в Халле тайный союз против архиепископа Магдебургского и римской церкви вообще. Его глубокие познания в тогдашней теологии рано обеспечили ему докторскую степень и место капеллана в женском монастыре в Халле. Здесь он проявляет уже величайшее презрение к церковным догматам и обрядам, совершенно опускает во время обедни слова о пресуществлении и ест, как рассказывает о нем Лютер, тело господне неосвященным. Главным предметом его изучения были сочинения средневековых мистиков, особенно хилястические произведсния Иоахима Калабрийского. Тысячелетнее царство, страшный суд над выродившейся церковью и развращенным миром, которые предсказывал и изображал этот писатель, казались Мюнцеру с началом Реформации и характерного для того времени всеобщего возбуждения уже близкими. Его проповеди в окрестных деревнях встречали горячее одобрение. В 1520 г. он прибыл в качестве первого евангелического проповедника в Цвиккау. Здесь он застал одну из тех экзальтированных хилястических сект, которые продолжали тайно существовать во многих местностях; их временное смирение и уединение служили лишь прикрытием нараставшей оппозиции низших слоев общества существующему строю, и теперь, с ростом всеобщего возбуждения, они стали все более открыто и настойчиво давать о себе знать. Это была секта анабаптистов¹⁶, во главе которой стоял Никлас *Шторх*. Они проповедовали приближение страшного суда и тысячелетнего царства; у них были «видения, экстазы и нисхождения пророческого духа». В скором времени у них возник конфликт с цвиккауским советом. Мюнцер встал на их стороне, хотя он никогда безоговорочно к ним не примыкал и скорее сам подчинил их своему влиянию. Совет решительно выступил против анабаптистов; они вынуждены были покинуть город, а вместе с ними также и Мюнцер. Это произошло в конце 1521 года.

Мюнцер отправился в Прагу и, завязав сношения с уцелевшими элементами гуситского движения, попытался здесь обосноваться; но написанное им воззвание привело лишь к тому, что он должен был бежать также из Богемии. В 1522 г. он сделался проповедником в Альштедте, в Тюрингии. Здесь он начал свою деятельность с реформы богослужения. Он совершенно отменил латинский язык еще до того, как Лютер осмелился пойти так далеко, и распорядился читать народу не только воскресные тексты из евангелия и апостольских посланий, но и всю библию. В то же время он организовал пропаганду в близлежащих местностях. Народ стекался к нему со всех сторон, и вскоре Альштедт стал центром народного движения против попов во всей Тюрингии.

Мюнцер все еще оставался прежде всего теологом; он все еще направлял свои удары почти исключительно против попов. Однако он не был проповедником спокойной дискуссии и мирного прогресса, каким уже тогда сделался Лютер, а продолжал прежние громовые проповеди Лютера, призывая саксонских князей и народ к вооруженному выступлению против римских попов.

«Говорит же Христос: «Я пришел принести не мир, а меч». Что же вы (саксонские князья) «должны сделать этим мечом? Не иначе, как устранить и уничтожить злых, преграждающих путь евангелию, если только вы хотите быть слугами господа. Христос строго-настрого повелел (Евангелие от Луки, гл. 19, 27): «Врагов моих приведите сюда и избежите передо мною»... Оставьте пустую болтовню, будто сила божья должна сделать это без помощи вашего меча, ибо, в противном случае, он заржавеет в ножнах. Тех, кто противится божественному откровению, следует убивать без всякого милосердия, подобно тому как Езекия, Кир, Иосия, Даниил и Илья сокрушили жрецов Ваала, ибо иначе христианская церковь не сможет вернуться к своим исконным началам. С наступлением жатвы следует вырвать плевелы из вертограда божья. Господь сказал (Пятая книга Моисея, гл. 7): «Не жалейте безбожников, разбейте их алтари, разбейте и сожгите идолы их, чтобы гнев мой не обрушился на вас»¹⁷.

Но эти призывы к князьям оказались тщетными, тогда как среди народа революционное возбуждение продолжало с каждым днем нарастать. Мюнцер, идеи которого становились все более определенными, все более смелыми, решительно отмежевался теперь от бюргерской реформации и стал с той поры открыто выступать и как политический агитатор.

Его теолого-философские доктрины были направлены против всех основных догматов не только католицизма, но и христианства вообще. В христианской форме он проповедовал пантеизм, обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями¹⁸ и местами соприкасающийся даже с атеизмом. Он отказывался рассматривать библию как единственный и безусловный источник откровения. Настоящее и живое откровение, по его мнению, есть разум, откровение, которое существовало во все времена и у всех народов и которое существует до сих пор. Противопоставлять разуму библию значило

бы убивать дух мертвой буквой, ибо святой дух, о котором говорит библия, не есть нечто, существующее вне нас; святой дух и есть наш разум. Вера является не чем иным, как пробуждением разума в человеке, и потому обладать верой могли и язычники. Посредством этой веры, посредством пробудившегося разума человек уподобляется божеству и достигает блаженства. Поэтому рай не является чем-то потусторонним, его нужно искать в этой жизни, и призвание верующих состоит в том, чтобы установить этот рай, т. е. царство божье, здесь на земле. Подобно тому как не существует потустороннего рая, не существует и потустороннего ада и вечного проклятия. Точно так же не бывает никакого другого дьявола, кроме дурных страстей и вожделений человека. Христос был таким же человеком, как и мы, пророком и учителем, и его таинство причащения есть лишь простая поминальная трапеза, во время которой едят хлеб и пьют вино без всякой мистической приправы.

Эти взгляды Мюнцер проповедовал, большей частью прикрывая их той же самой христианской фразеологией, которой долгое время должна была прикрываться и новейшая философия. Но основная архиеретическая мысль повсюду отчетливо выступает в его произведениях, и мы видим, что он придавал этому библейскому покрову гораздо меньшее значение, чем многие ученики Гегеля в новейшее время. А между тем современную философию отделяют от Мюнцера целых три столетия.

Его политическая доктрина тесно примыкала к этим революционным религиозным воззрениям и так же далеко выходила за пределы тех общественных и политических отношений, которые были тогда непосредственно налицо, как и его теология выходила за пределы господствовавших в то время представлений. Подобно тому как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму, и даже накануне февральской революции¹⁹ многие современные коммунистические секты не обладали таким богатым теоретическим арсеналом, каким располагали «мюнцерцы» в XVI веке. Эта программа, которая представляла собой не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди этих плебеев пролетарских элементов, требовала немедленного установления царства божьего на земле — тысячелетнего царства, предсказанного пророками, — путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию и устранения всех учреждений, находившихся в противоречии с этой якобы раннехристианской, в действительности же совершенно новой церковью. Но под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они

не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство. Для того чтобы осуществить все это не только во всей Германии, но и во всем христианском мире, нужно основать союз; князьям и дворянам следует предложить присоединиться к нему; если они этого не сделают, союз должен при первом удобном случае свергнуть их с помощью оружия или уничтожить.

Мюнцер немедленно принялся за организацию этого союза. Его проповеди становились все более пламенными и революционными. Не ограничиваясь нападками на попов, он с той же страстностью обрушился на князей, дворянство и патрициат, гневными словами изображал существующий гнет и противопоставлял ему свою фантастическую картину тысячелетнего царства социально-республиканского равенства. Одновременно он выпускал один революционный памфлет за другим и рассылал во все стороны своих эмиссаров; сам же он принялся за организацию союза в Альштедте и его окрестностях.

Первым плодом этой пропаганды было разрушение часовни св. Марии в Меллербахе под Альштедтом, согласно заповеди: «Разружьте их алтари, разбейте их столбы, сожгите их идолы, ибо вы священный народ» (Второзаконие, гл. 7, 6). Саксонские князья сами явились в Альштедт, чтобы прекратить волнения, и приказали вызвать Мюнцера в замок. Здесь он произнес проповедь, подобную которой им не приходилось выслушивать от Лютера, этой «в холе живущей плоти виттенбергской», как назвал его Мюнцер. Ссылаясь на Новый завет, он настаивал на том, чтобы безбожные правители, в особенности попы и монахи, носящие евангелие как ересь, были истреблены. Безбожники не имеют права жить, разве только по милости избранных. Если князья не истребят безбожников, то господь отнимет у них меч, *ибо сила меча принадлежит всей общине*. Главными виновниками ростовщичества, воровства и разбоя являются князья и дворяне; они присваивают себе всякое создание: рыбу в воде, птицу в воздухе, все произрастающее на земле. И после этого они еще проповедуют беднякам заповедь: не укради. Сами же они забирают все, что только попадает под руку, грабят крестьянина и ремесленника, дерут с них шкуру; последним же стоит только совершить самый пустячный проступок, как их отправляют на виселицу, и ко всему этому доктор Люгнер* приговаривает: аминь.

«Господа сами виновны в том, что бедняк становится их врагом. Они не хотят устранить причины возмущения; как же может, в конце концов, установиться мир? О любезные господа, как славно господь перебьет железным посохом старые горшки! Истинно говорю вам, я буду возмущать народ. Прощайте!» (Ср. Циммерман. «Крестьянская война», ч. II, стр. 75).

* Игра слов: «Lügner» — «лжец» (Мюнцер имеет в виду Лютера). *Ред.*

Мюнцер напечатал свою проповедь. В наказание за это его типограф в Альштедте должен был, по повелению герцога Иоганна Саксонского, покинуть страну, а все произведения самого Мюнцера были объявлены подлежащими цензуре герцогского правительства в Веймаре. Но Мюнцер пренебрег этим приказом. Он немедленно же напечатал в имперском городе Мюльхаузене чрезвычайно мятежное сочинение, в котором призывал народ

«расширить брешь, чтобы весь мир мог увидеть и понять, что представляют собой наши важные господа, столь нечестиво превратившие бога в размалеванного человечка».

Он закончил это сочинение словами:

«Великое потрясение предстоит выдержать всему миру; разыграется такое представление, что безбожники будут низвергнуты, а униженные возвышены».

В качестве эпиграфа «Томас Мюнцер с молотом» привел на заглавном листе:

«Знай, я вложил мои слова в уста твои, я поставил тебя сегодня над людьми и царствами для того, чтобы ты искоренял, разрушал, рассеивал и разбивал и чтобы ты строил и насаждал. Воздвигнута железная стена против королей, князей и попов и против народа. Пусть же они вступят в борьбу, и победа чудесным образом приведет к гибели могущественных безбожных тиранов».

Разрыв Мюнцера с Лютером и его партией назрел уже давно. Лютер был вынужден сам принять ряд церковных реформ, которые Мюнцер ввел, не спрашивая его. Он следил за деятельностью Мюнцера с раздражением и недоверием умеренного реформатора к более энергичной и радикальной партии. Уже весной 1524 г. Мюнцер написал Меланхтону, этому прообразу филистерского, чахлого кабинетного ученого, обвиняя его и Лютера в полном непонимании движения. Они стремятся задуть его с помощью слепой веры в библейскую букву, и все их учение источено червями.

Лютер неоднократно вызывал Мюнцера на диспут; но последний, готовый в любой момент принять бой перед народом, не имел ни малейшего желания пускаться в богословский спор перед предубежденной публикой Виттенбергского университета. Он не хотел превращать «свидетельство духа в привилегию высшей школы». Если Лютер искренен, то пусть он использует свое влияние для того, чтобы прекратить преследования типографа Мюнцера и цензурные запреты, дабы спор мог быть беспрепятственно разрешен в печати.

И вот, после издания упомянутой революционной брошюры Мюнцера, Лютер открыто выступил с доносом на него. В своем печатном «Письме к саксонским князьям против мятежного духа» Лютер объявил Мюнцера орудием сатаны и призвал князей вмешаться и изгнать из страны возбудителей мятежа, так как они не довольствуются одной лишь проповедью своих вредных учений, но призывают к восстанию и насильственному противодействию властям.

Первого августа Мюнцер должен был держать ответ перед князьями в Веймарском замке по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Против него имелись в высшей степени компрометирующие факты: напали на след его тайного союза, было обнаружено, что он приложил руку к созданию объединений среди рудокопов и крестьян. Ему пригрозили изгнанием. Едва успев вернуться в Альштедт, он узнал, что герцог Георг Саксонский требует его выдачи: были перехвачены написанные его рукой письма союза, в которых он призывал подданных Георга к вооруженному сопротивлению врагам евангелия. Если бы он не покинул города, он был бы выдан городским советом.

Между тем все более возрастающее возбуждение среди крестьян и плебеев чрезвычайно благоприятствовало мюнцеровской пропаганде. Для этой пропаганды Мюнцер нашел неоценимых агентов в лице анабаптистов. Члены этой секты, не имея никаких определенных положительных догматов, связанные только общей оппозицией против всех господствующих классов и общим символом вторичного крещения, аскетически строгие в образе жизни, неутомимые, фанатичные и бесстрашные в своей агитации, все более и более сплачивались вокруг Мюнцера. Лишенные из-за преследований какого-либо определенного места жительства, они бродили по всей Германии, всюду возвещая новое учение, в котором Мюнцер разъяснил им их собственные потребности и стремления. Несчетное число их было замучено пытками, сожжено или подвергнуто другим видам казни; но мужество и выдержка этих эмиссаров оставались непоколебимыми, и успех их деятельности при быстром росте народного возбуждения был необычайно велик. Поэтому после своего бегства из Тюрингии Мюнцер нашел почву везде подготовленной и мог обратиться куда хотел.

Под Нюрнбергом, куда первоначально направился Мюнцер, примерно за месяц до его прибытия было в зародыше подавлено крестьянское восстание. Мюнцер начал здесь тайную агитацию; вскоре стали появляться люди, защищавшие его самые смелые богословские положения относительно необязательности библии и недействительности таинств; они объявили Христа простым человеком, а власть светских господ безбожной. «Тут бродит сатана, дух из Альштедта!» — воскликнул Лютер. Здесь, в Нюрнберге, Мюнцер напечатал свой ответ Лютеру. Он прямо обвинил его в том, что тот льстит князьям и своей половинчатостью поддерживает реакционную партию. Но невзирая на это, народ все же добьется свободы, и доктор Лютер окажется тогда в положении пойманной лисы. — Совет наложил на это сочинение запрет, и Мюнцер был вынужден покинуть Нюрнберг.

Отсюда он отправился через Швабию в Эльзас, Швейцарию и обратно в верхний Шварцвальд, где уже за несколько месяцев до того вспыхнуло восстание, ускоренное в значительной мере его анабаптистскими эмиссарами. Эта пропагандистская поезд-

ка Мюнцера, несомненно, существенным образом способствовала организации народной партии, четкому определению ее требований и, наконец, началу всеобщего восстания в апреле 1525 года. Здесь особенно отчетливо выступают обе стороны деятельности Мюнцера: с одной стороны — среди народа, к которому он обращался на единственно тогда понятном массам языке религиозного пророчества, и, с другой стороны — среди посвященных, которым он мог открыто говорить о своих конечных стремлениях. Если еще раньше, в Тюрингии, он сумел собрать вокруг себя группу наиболее решительных людей, выходцев не только из народа, но также из низшего духовенства, и поставить их во главе тайного союза, то теперь он становится средоточием всего революционного движения Юго-Западной Германии, организатором объединения, распространившегося от Саксонии и Тюрингии, через Франконию и Швабию, вплоть до Эльзаса и швейцарской границы. Теперь среди его учеников и руководителей союза мы видим целый ряд южногерманских агитаторов, большей частью революционных священников: Хубмайера в Вальдсхуте, Конрада Гребеля из Цюриха, Франца Рабмана в Гриссене, Шаппелера в Меммингене, Якоба Вее в Лейпгейме, доктора Мантеля в Штутгарте. Сам он большей частью оставался в Гриссене, на шафхаузенской границе, объезжая отсюда Хегау, Клетгау и другие места. Кровавые преследования, которые встревоженные князья и дворяне повсюду предприняли против этой новой плебейской ереси, не мало содействовали усилению революционного духа и более тесному сплочению союза. Так агитировал Мюнцер около пяти месяцев в верхней Германии; когда же приблизился момент осуществления заговора, он вернулся в Тюрингию, где он хотел сам руководить восстанием и где мы с ним опять встретимся.

Мы увидим, как верно отражали характер и поведение обоих партийных вождей позицию самих партий, как точно переизразил характер движения и трусливое угодничество перед князьями соответствовали колеблющейся и двусмысленной политике бюргерства и как революционная энергия и решимость Мюнцера воспроизводились среди наиболее развитой части плебеев и крестьян. Различие состояло лишь в том, что, в то время как Лютер довольствовался выражением взглядов и стремлений большинства своего класса и благодаря этому приобрел среди него чрезвычайно дешевую популярность, Мюнцер, напротив, пошел значительно дальше обычных представлений и непосредственных требований плебеев и крестьян и только из избранной части тогдашних революционных элементов создал партию, которая, поскольку она стояла на уровне его идей и разделяла его энергию, всегда оставалась лишь незначительным меньшинством восставшей массы.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 368—376

Штраус и Фейербах! Кто из них прав в недавно поднятом вопросе о понятии чуда? ²⁰ Штраус, который рассматривает вопрос как теолог, а следовательно предвзято, или же Фейербах, который рассматривает его как не-теолог, следовательно свободно? Штраус, который видит вещи такими, какими они *представляются* в глазах спекулятивной теологии, или же Фейербах, который их видит такими, каковы они *на самом деле*? Штраус, который так и не высказывает окончательного суждения о том, что есть чудо, и вдобавок предполагает, что за чудом стоит еще особая духовная сила, отличная от желаний (как будто желание не есть эта самая, предполагаемая им сила духа или человека; как будто, например, желание быть свободным не является *первым* актом свободы), или же Фейербах, который без всяких обиняков говорит: чудо есть реализация естественного, т. е. человеческого, желания сверхъестественным способом? Кто из них прав? Лютер,— весьма солидный авторитет, бесконечно превосходящий всех протестантских догматиков, вместе взятых, ибо религия была для него *непосредственной истиной*, так сказать *природой*,— Лютер пусть решит, кто из них прав.

Лютер говорит, *например*,— ибо можно было бы привести из его сочинений бесчисленное множество аналогичных мест,— по поводу воскрешения мертвых в евангелии от Луки (гл. 7):

«Дела нашего господина, Иисуса Христа, мы должны читать иначе и *выше*, чем дела людей, ибо того ради начертаны они для нас, чтобы по ним мы могли познать, какой он всемогущий владыка,— а именно, *такой владыка и бог, который в состоянии помочь, когда никто больше не может помочь*; следовательно, ни один человек не упал так низко, чтобы бог не был в состоянии ему помочь, как бы велико ни было бедствие». «И что же для нашего господина бога невозможно, так что мы в этом деле не могли бы с упованием положиться на него? Ведь он *создал из ничего землю и небо и все остальное*. Из года в год покрывает он деревья вишнями, сливами, яблоками, грушами, и ничего ему для этого не требуется. Для любого из нас немыслимо зимой, когда лежит снег, извлечь из-под снега хотя бы одну вишенку. Бог же — такое существо, которое *все может создать*, которое *может сделать живым то, что было мертвым, и вызвать к жизни то, что не существовало*. Таким образом, как бы низко какое-либо существо ни пало, для нашего господина бога оно пало не настолько низко, чтобы он не мог его поднять и поставить. Мы должны познать эти дела бога и понять, что для него нет ничего невозможного и что, когда нам худо, мы, полагаясь на его всемогущество, должны учиться неустрашимости. Пусть придет турок или другая какая-либо беда,— мы должны помнить, что есть такой радатель и спаситель, чья десница всемогуща и в силах помочь. Такова правильная, истинная вера». «В боге надо черпать отвагу и не приходиться в уныние. Ибо то, что не в состоянии сделать я и другие люди, то может сделать он. Если ни я, ни другие люди не в состоянии помочь, то он может мне помочь и спасти меня от смерти, как говорится в 68-м псалме: *Есть у нас бог, который помогает, и царь царей, который спасает от смерти*. Поэтому сердце наше должно быть полно отваги и упования на бога. Такие сердца поистине служат богу и любят его, это — сердца, которые не поддаются унынию и страху». «В боге и сыне его, Иисусе Христе, мы должны черпать отвагу. Ибо что не можем сделать мы, то может сделать он; чего у нас нет, то есть у него. Если мы сами не можем помочь себе, то может помочь он,— и он это делает с радостью и охотой, как мы здесь видим» (Сочинения Лютера [часть XVI], Лейпциг, 1732, стр. 442—445).

В этих немногих словах вы имеете *апологию* всей книги Фейербаха²¹,— апологию тех определений *провидения, всемогущества, творения, чуда, веры*, которые в этой книге даны. Стыдитесь, христиане,— благородные и простые, ученые и неученые,— *стыдитесь*, что *антихристианину* пришлось показать вам сущность христианства в ее подлинном, неприкрытом виде.

Маркс К. Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 28—29

Но наряду с немцем Лютером выступил француз Кальвин. С чисто французской остротой выдвинул он на первый план буржуазный характер реформации, придав церкви республиканский, демократический вид. Между тем как лютеранская реформация в Германии вырождалась и вела страну к гибели, кальвинистская реформация послужила знаменем республиканцам в Женеве, в Голландии и в Шотландии, освободила Голландию от владычества Испании и Германской империи и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции, происходившего в Англии. Здесь кальвинизм явился подлинной религиозной маскировкой интересов тогдашней буржуазии, поэтому он и не добился полного признания после революции 1689 г., окончившейся компромиссом между частью дворянства и буржуазией²². Восстановлена была английская государственная церковь, но уже не в прежнем своем виде, не в виде католицизма с королем, играющим роль папы: теперь она была сильно окрашена кальвинизмом. Старая государственная церковь праздновала веселое католическое воскресенье и преследовала скучное воскресенье кальвинистов. Новая, проникнутая буржуазным духом, ввела именно это последнее, еще и поныне украшающее Англию.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314—315

Я коснулся, таким образом, лишь двух пунктов, в которых поднимающийся средний класс должен был прийти в столкновение с существующей церковью. Но этого будет достаточно, чтобы доказать, во-первых, что в борьбе против притязаний католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; во-вторых, что всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляясь в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и торгово-предпринимательских элементов городов, то сильный отклик он неизбежно встречал в мас-

сах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 307

Длительная * борьба европейской буржуазии против феодализма достигала своей высшей точки в трех крупных решающих битвах.

Первой была так называемая протестантская Реформация в Германии. Ответом на призыв Лютера к борьбе против церкви явились два политических восстания: сначала — низшего дворянства под предводительством Франца фон Зиккингена (1523), а затем — Великая крестьянская война 1525 года. Оба они были подавлены главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городского бюргерства, — нерешительности, на причинах которой мы здесь не можем останавливаться. С этого момента борьба выродилась в грызню между местными князьями и центральной властью ** и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы. Лютеранская реформация установила в ней во всяком случае новую религию — именно такую, какая и нужна была абсолютной монархии. Не успели крестьяне на северо-востоке Германии принять лютеранство, как они были из свободных людей низведены до положения крепостных.

Но там, где Лютера постигла неудача, победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже наиболее священный экономический символ веры — стоимость золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов? Если лютеранство в Германии стало

* В немецком тексте вместо слова «Длительная» напечатано: «Великая». *Ред.*

** В немецком тексте вместо слов «центральной властью» напечатано: «императорской центральной властью». *Ред.*

послушным орудием в руках князей *, то кальвинизм создал республику в Голландии и деятельные республиканские партии в Англии и прежде всего в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии. Средний класс городов дал ему первый толчок, а йоменри ** сельских районов привело его к победе.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 307—308

Причины такого рода явлений совершенно ясны ²³. Прежде всего этому сильно способствует фабричный труд. Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, — и в большинстве случаев, начиная уже с шестилетнего возраста, — прямо предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности. Ткачи-одиночки сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и иссушают свой спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей — мистицизм или пьянство. Этот мистицизм в той грубой и отвратительной форме, в которой он там господствует, неизбежно порождает противоположную крайность, и в результате получается, что *народ* там состоит только из «добропорядочных» (так зовут мистиков) и беспутного сброда. Уже одно это расслоение на два враждебных лагеря, независимо от их природы, могло бы само по себе убить всякое развитие народного духа. Да и чего ждать хорошего, если даже исчезновение одного из лагерей не могло бы помочь, ибо оба они одинаково поражены чахоткой? Если и встречаются там иногда здоровые люди, то это почти исключительно столяры или иные ремесленники, все они переселились сюда из других местностей; попадаются крепкие люди и среди местных кожевников, но достаточно трех лет такой жизни, чтобы физически и духовно их погубить: из пяти человек трое умирают от чахотки, и причина всему — пьянство. Все это, однако, не приняло бы таких ужасающих размеров, если бы не безобразное хозяйничанье владельцев фабрик и если бы мистицизм не был таким, каков он есть, и не угрожал распространиться еще больше. Среди низших классов господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих в Вуппертале; сифилис и легочные болезни настолько распространены, что трудно этому поверить; в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках — только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они

* В немецком тексте вместо слова «князей» напечатано: «мелких немецких князей». *Ред.*

** В немецком тексте вместо слова «йоменри» напечатано: «среднее крестьянство (yeomenry)». *Ред.*

заменяют, вдвое против той заработной платы, какую он дает малолетнему. Но у богатых фабрикантов эластичная совесть, и оттого, что зачухнет одним ребенком больше или меньше, душа пиетиста²⁴ еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви. Ибо установлено, что из фабрикантов хуже всех со своими рабочими обращаются пиетисты: они всевозможными способами снижают рабочим заработную плату якобы для того, чтобы лишить их возможности пьянствовать, однако при выборах проповедников они всегда первые подкупают своих людей.

В низших сословиях мистицизм господствует больше всего среди ремесленников (фабрикантов я к ним не причисляю). Печальное зрелище, когда видишь на улице этакую сгорбившуюся фигуру в предлинном сюртуке с зачесанными на пробор по пиетистской моде волосами. Но кто действительно хочет узнать эту породу людей, должен зайти в какую-нибудь мастерскую пиетиста, кузнечную или сапожную. Там восседает мастер, справа подле него — библия, слева, по крайней мере очень часто, — водка. Работой там себя не утруждают: мастер почти всегда читает библию, время от времени пропускает рюмочку, а иногда с хором подмастерьев затягивает духовную песню; но главным занятием всегда бывает осуждение своего ближнего. Как видите, это направление здесь такое же, как и везде. Ревностное стремление пиетистов обращать людей в свою веру не остается бесплодным. Среди обращенных, — причем большей частью обращение приписывается чуду, — особенно много горьких пьяниц и им подобных. Но в этом и нет ничего удивительного: все эти прозелиты — опустившиеся, тупые люди, и убедить их — сущие пустяки; обратившись в пиетистскую веру, они несколько раз на неделе дают растрогать себя до слез, а втихомолку ведут свою прежнюю жизнь. Несколько лет назад все это шарлатанство внезапно вскрылось к ужасу всех ханжей. Появился какой-то американский спекулянт под именем пастора Юргенса; он несколько раз произносил проповеди при огромном стечении народа, ибо большинство полагало, что он, как американец, должен быть непременно темнокожим или даже черным. Каково же было изумление, когда он оказался не только белым, но вдобавок еще таким проповедником, что вся церковь заливалась слезами; впрочем, эти слезы вызывались тем, что он сам начинал выть, когда все средства растрогать публику не достигали цели. Верующие в один голос выражали свое изумление; правда, слышались возражения со стороны некоторых разумных людей, но их просто-напросто объявляли безбожниками. Скоро Юргенс стал устраивать тайные сборища, получать богатые подарки от своих видных почитателей и жить припеваючи. Его проповеди посещались усерднее всех других; его тайные сборища бывали переполнены, каждое его слово заставляло плакать и мужчин и женщин. Все теперь уверовали, что он, по меньшей мере, наполовину пророк и построит новый Иерусалим, но в один пре-

красный день всему этому шутовству пришел конец. Вдруг обнаружилось, какие дела творились на этих тайных сборищах; господина Юргенса сажают под замок, и в течение нескольких лет он должен был, находясь под следствием в Хамме, приносить покаяние за свое благочестие. Потом его выпускают, взяв обещание исправиться, и выпроваживают обратно в Америку. Стало также известно, что он еще раньше, в Америке, показал свои художества, вследствие чего его оттуда выслали; тогда, чтобы не разучиться, он устроил репетицию в Вестфалии, где из милости или, вернее, из-за слабости, проявленной властями, его отпустили без дальнейших расследований, и, наконец, он увенчал свою беспутную жизнь, повторив все это еще раз в Эльберфельде. Когда же обнаружилось, что делалось на собраниях сего благородного мужа, все ополчилось против него и никто его и знать не хотел; все от него отшатнулось, от Ливана до Соленого моря *, то есть от горы Риттерсхаузен до плотины у Зоннборна на Вуппере.

Но истинным центром всего пиегизма и мистицизма является реформатская община в Эльберфельде. Испокон веку она отличалась строго кальвинистским духом, который в последние годы, в результате назначения самых ханжеских проповедников, — сейчас их там хозяйничает сразу четверо, — превратился в самую дикую нетерпимость и мало чем отличается от папистского духа. Там на собраниях учиняют форменные судилища над еретиками; там обсуждается поведение каждого, кто не посещает собраний; там рассуждают следующим образом: такой-то читает романы, и хотя в заголовке и значится «христианский роман», но ведь пастор Круммахер объявил романы безбожными книгами; а такой-то, казалось, был богобоязненным человеком, но третьего дня его видели на концерте, и они всплескивая руками в ужасе от неслыханного греха. А если какой-нибудь проповедник прослышет рационалистом (так именуют они всякого, кто хоть на йоту разойдется с ними во мнениях), то его уже не оставят в покое, за ним тщательно следят, совершенно ли черный на нем сюртук и вполне ли правоверного цвета на нем брюки; и горе ему, если его увидят в сюртуке с синеватым отливом или в рационалистическом жилете! Если же окажется, что кто-либо не верит в предопределение, то над ним тотчас же будет произнесен приговор, что он не намного лучше лютеранина, а лютеранин ведь недалеко ушел от католика, ну а католик и идолопоклонник прокляты по самой природе своей. Но что же это за люди, которые так говорят? — Невежды, которые вряд ли знают, на каком языке написана библия — на китайском, на еврейском или же на греческом — и судят обо всем, к месту или не к месту, со слов какого-нибудь проповедника, раз и навсегда признанного правоверным.

Этот дух существовал с тех пор, как реформаты получили здесь преобладание, но оставался незаметным, пока проповедник

* — библейское название Мертвого моря. *Ред.*

Г. Д. Круммахер, умерший несколько лет назад, не принялся всячески его культивировать именно в этой общине; вскоре мистицизм расцвел пышным цветом, но Круммахер умер раньше, чем плод созрел; произошло это уже при его племяннике, д-ре Фридрихе Вильгельме Круммахере, который так тонко усовершенствовал и уточнил это учение, что недоумеваешь, за что принять все в целом — за нелепость или кощунство. Итак, плод созрел, но никто не в состоянии сорвать его и поэтому он со временем неизбежно сгниет и упадет самым жалким образом.

Готфрид Даниель Круммахер, брат известного своими притчами д-ра Ф. А. Круммахера в Бремене, умер около трех лет назад в Эльберфельде после долголетней службы. Когда больше двадцати лет назад один проповедник в Бармене стал излагать с кафедры учение о предопределении не в столь строгой форме, как Круммахер, то прихожане начали курить в церкви, подняли шум и стали прерывать его речь под тем предлогом, что такая еретическая проповедь — вовсе не проповедь, так что власти были вынуждены вмешаться. Тогда Круммахер написал барменскому магистрату ужасающе грубое письмо, наподобие того, какое Григорий VII написал бы Генриху IV²⁵, и повелел не трогать ханжей, ибо они, мол, только защищали дорогое их сердцу евангелие; в том же роде он произнес и проповедь. Но его только высмеяли. Все это характеризует тот дух, которому он остался верен до самой своей смерти. К тому же, он отличался такими странностями, что про него ходили тысячи анекдотов, судя по которым его следует считать либо большим чудачком, либо исключительно грубым человеком.

Д-р Фридрих Вильгельм Круммахер, человек лет сорока, высокий, крепкий, с внушительной фигурой; однако, с тех пор как поселился в Эльберфельде, он начал заметно увеличиваться в объеме. Прическу он носит весьма своеобразную, в чем ему подражают все его приверженцы. Кто знает, быть может, когда-нибудь еще станет модой носить волосы à la Круммахер, однако такая мода превзошла бы по безвкусице все предшествовавшие, даже пудренные парики.

Студентом он принимал участие в гимнастической демагогии²⁶, сочинял песни свободы, на Вартбургском празднестве²⁷ нес знамя и выступал с речью, которая, как говорили, произвела сильное впечатление. Эти свои привольные годы он еще часто вспоминает с кафедры такими словами: «когда я еще был в лагере хеттеев и хананеев». Позднее он был избран реформатской общиной в Бармене пастором и только с этого времени приобрел свою репутацию проповедника. Едва он появился, как уже вызвал своим учением о строгом предопределении раскол не только между лютеранами и реформатами, но и среди последних, между строгими и умеренными сторонниками учения о предопределении. Однажды какой-то старый правоверный лютеранин возвращался из гостей несколько подвыпивши, а ему нужно было перейти через

ветхий мост. В его состоянии это, вероятно, показалось ему не совсем безопасным и он начал рассуждать так: если ты переберешься через мост благополучно, это будет хорошо, если же неблагополучно, то ты упадешь в Вуппер, и тогда реформаты скажут, что так оно и должно было быть; но так быть не должно. Тогда он вернулся, нашел неглубокое место и перебрался вброд по пояс в воде с блаженным чувством, что он лишил реформатов повода для торжества.

Когда в Эльберфельде появилось вакантное место, на него выбрали Круммахера, и в Бармене вскоре прекратились всякие раздоры, но зато в Эльберфельде они стали еще более ожесточенными. Уже вступительная проповедь Круммахера вызвала возмущение у одних и привела в восторг других; раздоры все более усиливались, в особенности потому, что вскоре у каждого проповедника, хотя все они были одинаковых взглядов, образовалась своя собственная партия, составлявшая его единственную аудиторию. Потом всем это надоело, и вечный крик: я за Круммахера, я за Коля и т. д., прекратился не из любви к миру, а потому, что партии обособлялись друг от друга со все большей определенностью.

Круммахер бесспорно обладает выдающимся ораторским, а также и поэтическим дарованием; его проповеди никогда не бывают скучными, переход от одной мысли к другой — уверенный и естественный; он силен преимущественно в антитезах и в изображении мрачных картин — описание преисподней у него всегда отличается новизной и смелостью, сколько бы раз он ни возвращался к этой теме. С другой стороны, он слишком часто прибегает к библейской фразеологии и присущим ей образам, которые, несмотря на их, по большей части, остроумное применение, в конце концов неизбежно повторяются; попеременно с ними — какая-нибудь в высшей степени прозаическая картина из обыденной жизни или рассказ о его собственной судьбе и самых незначительных его переживаниях. Все это он тащит на кафедру, к месту или не к месту; недавно он в двух проповедях потчевал своих набожных слушателей рассказом о своей поездке в Вюртемберг и Швейцарию; в них он говорил о четырех своих победоносных диспутах с Паулюсом в Гейдельберге и Штраусом в Тюбингене, правда, совершенно иначе, чем отзывается об этом в одном письме Штраусу. — Его декламация местами очень хороша, и его сильная, убедительная жестикауляция часто вполне уместна, но временами поразительно манерна и безвкусна. Тогда он мечется по кафедре, наклоняется во все стороны, стучит по ней кулаком, топает ногами, как боевой конь копытом, и к тому же так кричит, что стекла звенят и люди на улице шарахаются с испугу. Тогда уж и слушатели начинают рыдать; сначала плачут молодые девицы, затем врывается душераздирающее сопрано старых женщин, и эту какофонию завершают своими стонами расслабленные пьяные пиетисты, которых его слова пронизали бы до мозга костей, если бы у них еще был мозг в костях; и сквозь этот рев раздается могучий

голос Круммахера, который возглашает перед всем собранием бесчисленные проклятия, осуждающие грешников, или рисует дьявольские сцены.

А уж его учение! Невозможно понять, как человек может уверовать в такие вещи, которые находятся в полнейшем противоречии с разумом и с библией. Тем не менее Круммахер с такой остротой сформулировал доктрину, проследил и укрепил ее во всех выводах, что нельзя ничего отвергнуть, если принять основу, а именно неспособность человека по собственному побуждению желать добра, а тем более творить его. Отсюда проистекает необходимость дарования этой способности извне, а так как человек не в состоянии даже желать добра, то бог должен ему навязать эту способность. Ею наделяет человека по своему произволу свободная божественная воля, что также, по крайней мере по внешней видимости, опирается на писание.— На таком вздорном суждении покоится все учение; немногие избранные, *nolentes volentes**, обретают блаженство, другие осуждаются навеки: «Навеки? — Да, навеки!!» (Круммахер). Далее в писании сказано: никто не приходит к отцу, как только через меня; но язычники не могут прийти к отцу через Христа, ибо они Христа не знают, следовательно, все они существуют лишь затем, чтобы наполнить преисподнюю.— Среди христиан много званых, да мало избранных; а многие званые были призваны только для вида: бог, надо думать, звал их не слишком настойчиво, остерегаясь, как бы они, чего доброго, не послушались его; все это во славу божию и дабы им не было прощения. Затем в писании также сказано: мудрость божию для мудрецов сего мира — глупость; эти слова мистики толкуют как приказ строить свое вероучение возможно бессмысленнее, чтобы хоть как-нибудь оправдалось это изречение. Как все это вяжется с учением апостолов, которые говорят о разумном богослужении и разумном млеке евангелия,— тайна сия непостижима для разума.

Такие поучения портят все проповеди Круммахера; не столь сильно они выступают лишь в тех местах, где он говорит о противоположности между земной роскошью и смирением Христа или между гордыней светских владык и гордостью бога. Здесь очень часто пробивается еще какой-то отзвук его былой демагогии, и если бы он говорил не такими общими фразами, правительство не оставило бы эти проповеди без внимания.

Энгельс Ф. Письма из Вупперталя.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 455—
462

В стране, где «христианство является существенной частью законов страны» (*Christianity is part and parcel of the laws of the land*), *государственная церковь* является необходимой частью

* — хотят они или не хотят. *Ред.*

конституции. Англия по своей конституции — по существу христианское государство, и притом вполне развитое, крепкое христианское государство; государство и церковь совершенно слиты и нераздельны. Но это единство церкви и государства может существовать только в одном из христианских вероучений с исключением всех остальных, и эти исключенные секты тем самым объявляются, конечно, еретическими и подвергаются религиозному и политическому преследованию. Так обстоит дело в Англии. Испоко веку их всех смешивали в одну категорию, отстраняли их, как нонконформистов или диссентеров от всякого участия в государственной деятельности, препятствовали им в отправление их культа и преследовали уголовными законами. Чем ревностнее они высказывались против единства церкви и государства, тем усерднее господствующая партия защищала это единство и возводила его в один из жизненных устоев государства. Поэтому, когда христианское государство было в Англии еще в полном расцвете, в порядке дня было также преследование диссентеров, в особенности католиков, преследование, правда, менее ожесточенное, но более универсальное, более упорное, чем религиозные преследования в средние века. Острая болезнь перешла в хроническую, внезапные припадки кровожадной ярости католицизма превратились в холодный политический расчет, силившийся истребить иноверие более мягким, но непрерывным давлением. Преследование было перенесено на светскую почву и этим сделано более невыносимым. Непризнание тридцати девяти статей²⁸ перестало быть богоульством, но вместо этого было возведено в государственное преступление.

Однако исторический прогресс нельзя было остановить; различие между законодательством 1688 г. и общественным мнением 1828 г. было так велико, что в этом году сама палата общин увидела себя вынужденной отменить наиболее суровые законы против диссентеров. Test-Act и религиозные параграфы Corporation Act²⁹ были отменены; через год последовала эмансипация католиков, несмотря на бешеную оппозицию тори. Тори, блюстители конституции, были вполне правы в своей оппозиции, ибо ни одна из либеральных партий, равно как и радикалы, не нападали на самую конституцию. Конституция должна была и для них оставаться основой, а на почве конституции одни только тори были последовательны. Они понимали и говорили, что упомянутые меры должны повлечь за собой падение англиканской церкви и неизбежное также падение конституции; что дать диссентерам активное гражданское право — значило уничтожить *de facto* англиканскую церковь, санкционировать нападки на нее; что это крайне непоследовательно по отношению к государству вообще, когда предоставляют участие в управлении и законодательстве католику, который ставит авторитет папы выше авторитета государственной власти. Либералы не могли опровергнуть их аргументов; тем не менее, эмансипация прошла, и пророчества тори начинают уже сбываться.

Англиканская церковь стала, следовательно, благодаря этому пустым звуком и отличается от других вероисповеданий лишь только тремя миллионами фунтов, получаемыми ежегодно, и некоторыми мелкими привилегиями, которых хватает как раз на то, чтобы подогревать борьбу против нее. Сюда относятся церковные суды, в которых англиканский епископ пользуется исключительной, но очень мало значащей юрисдикцией, и бремя которых состоит главным образом в судебных издержках, затем — местный церковный налог, который тратится на поддержание зданий, находящихся в распоряжении государственной церкви; диссентеры подлежат юрисдикции этих судов и должны участвовать в уплате этого налога.

Однако не только законодательство *против* церкви, но и законодательство *в защиту* церкви способствовало тому, чтобы сделать государственную церковь пустым звуком. Ирландская церковь всегда была пустым звуком, законченной государственной или правительственной церковью, полной иерархией, от архиепископа вплоть до викария, которой недостает только общины и призвание которой состоит в том, чтобы проповедовать и служить молебны перед пустыми стенами. Английская церковь, правда, имеет свою публику, хотя и она в немалой мере была вытеснена диссентерами, особенно в Уэльсе и фабричных округах, но хорошо оплачиваемые духовные пастыри не очень-то заботятся о своей пастве. «Если вы хотите ввергнуть в презрение и погубить касту священников, то оплачивайте ее хорошо», — говорит Бентам, и английская и ирландская церковь подтверждает справедливость этого афоризма. В сельских местностях и городах Англии нет для народа ничего более ненавистного, ничего более презренного, чем church-of-England parson *, а у такого благочестивого народа, как английский, это что-нибудь да значит.

Понятно, что чем более ничтожной и незначительной становится репутация англиканской церкви, тем крепче держится за нее консервативная и вообще строго конституционная партия; отделение церкви от государства могло бы исторгнуть слезы даже у лорда Джона Рассела; понятно также, что чем более ничтожной становится репутация церкви, тем тяжелее и ощутимее становится ее гнет. Особенно ирландская церковь оказывается самой ненавистной, так как она самая ничтожная по своему значению; она не имеет иной цели, как только ожесточать народ, напоминать ему, что он — народ порабощенный, которому завоеватель навязывает свою религию и свои учреждения.

Таким образом, Англия находится теперь в стадии перехода от определенного христианского государства к неопределенному, к государству, основой которого является не определенное вероисповедание, а нечто среднее из всех существующих вероисповеданий — неопределенное христианство. Разумеется, уже и старое,

* — священник англиканской церкви. *Ред.*

определенное христианское государство принимало меры защиты против неверия, и акт о вероотступничестве 1699 г. карает неверие также лишением пассивного гражданского права и тюрьмой; акт никогда не был отменен, но и никогда больше не применялся. Другой закон, ведущий происхождение от времен Елизаветы, предписывает, чтобы каждый, кто в воскресенье без уважительных причин не посещает церковь (если не ошибаюсь, даже предписывается епископальная церковь, ибо Елизавета не признавала диссентерских церквей), наказывался за это денежным штрафом или тюрьмой. Этот закон часто еще применяется в сельских местностях; даже здесь, в цивилизованном Ланкашире, в нескольких часах езды от Манчестера, есть несколько ханжей — мировых судей, которые, как подтвердил в палате общин две недели тому назад М. Гибсон, депутат от Манчестера, присудили множество людей за неаккуратное посещение церкви к тюремному заключению, в отдельных случаях до шести недель. Главные же законы против неверия это те, которые объявляют неспособным принести присягу и наказывают за богохульство всякого, кто не верит в бога или в потустороннее воздаяние и возмездие. Богохульством считается все, что стремится вызвать презрение к библии или христианской религии, а также и прямое отрицание существования бога; в наказание полагается тюрьма — обычно один год — и денежный штраф.

Но и неопределенное христианское государство уже клонится к упадку, раньше, чем оно получило официальное признание законодательным путем. Акт о вероотступничестве, как уже сказано, совершенно устарел; предписание посещения церкви также в достаточной степени устарело и проводится только в исключительных случаях; закон о богохульстве точно так же отживает свой век — благодаря неустрашимости английских социалистов, в особенности Ричарда Карлейля — и применяется лишь кое-где, в местах, особенно отличающихся ханжеством, например, в Эдинбурге; где это возможно, избегают даже отказа в допущении к присяге. Христианская партия стала настолько слабой, что, как она сама понимает, строгое применение этих законов повлекло бы за собой вскоре их отмену, — и потому она предпочитает молчать, чтобы над головой неверующих по крайней мере оставался висеть дамоклов меч христианского законодательства и продолжал, быть может, действовать как угроза и предостережение.

ХРИСТИАНСКОЕ СЕКТАНТСТВО

Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма,— а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличие революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставить носителем революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая обусловила бы революционность своего движения революционным настроением крестьянства. Ничего подобного мы ведь и не думаем предлагать русским социал-демократам. Мы говорим лишь, что рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, *пройти мимо* тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам.

Ленин В. И. Проект программы нашей партии.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 228—229

Принимая во внимание, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений в России, II съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантства в целях привлечения его к социал-демократии. В виде опыта съезд разрешает тов. В. Бонч-Бруевичу издавать, под контролем редакции ЦО, популярную газетку

«Среди сектантов» и поручает ЦК и редакции ЦО принять необходимые меры к осуществлению этого издания и его успеху и к определению всех условий его правильного функционирования.

Ленин В. И. II съезд РСДРП. 28. Проект резолюции об издании органа для сектантов.— Полн. собр. соч., т. 7, с. 310

К сожалению, я не очень многое могу сказать в защиту «Рассвета»¹. До сих пор этот опыт действительно приходится признать не совсем удавшимся. Бонч-Бруевич — литератор неопытный и мог рассчитывать на помощь других литераторов в партии. Помощи этой он не встретил, и при таких условиях возлагать всю ответственность за неудачу на него одного несправедливо. Пока прошло всего лишь пять месяцев со времени начала издания. Возможно, что орган еще сможет стать на ноги, особенно, если к нему придут на помощь другие литераторы. Кое-что все-таки сделано: связи среди сектантов расширяются и в Америке и в России. Кроме того, следует заметить, что в денежном отношении это издание не ложится на плечи партии, так как «Рассвет» издается на отдельные средства. Считаю закрытие «Рассвета» преждевременным и предлагаю продолжать опыт.

Ленин В. И. Речь о газете «Рассвет», 5 (18) июля.— Полн. собр. соч., т. 8, с. 441

..Наш прямой долг разъяснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он проистекать из столкновения земцев с министерством внутренних дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадурками², крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии.

Ленин В. И. Политическая агитация и «классовая точка зрения».— Полн. собр. соч., т. 6, с. 268—269

Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босняка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразеях и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «внутри», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч., и проч., и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и *основное* условие воспитания революционной активности масс.

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян, по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых невинных культурных начинаний и т. п.? Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба», что ему мало «сулит» это «осязательных результатов», мало дает «положительного»? Нет, подобное мнение есть, повторяем, не что иное, как попытка свалить с большой головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейнианство тож) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это), — и самый серый рабочий поймет *или почувствует*, что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда — сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра продемонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех жандармов в рясе, что делают работу святой инквизиции, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы *бросать* в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей *обязанности*, а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта.

РЕЛИГИИ ВОСТОКА

1. ИСЛАМ И ИУДАИЗМ

Вчера я прочел книгу об арабских надписях, о которой я тебе говорил¹. Она не лишена интереса, хотя и противно, что в каждой строке проглядывает поп и апологет библии. Своим величайшим триумфом автор считает то, что ему удалось обнаружить у *Гиббона* несколько ошибок в древней географии, из чего он делает вывод, что и гиббоновская теология тоже никуда не годится. Книга называется «Историческая география Аравии, составленная преподобным Чарлзом Форстером». Наиболее интересные выводы из нее следующие:

1) Приводимая в Книге бытия генеалогия, выдаваемая за генеалогию Ноя, Авраама и т. д., является довольно точным перечислением бедуинских племен того времени по степени родства их диалектов и т. д. До настоящего времени бедуинские племена называют себя, как известно, Бени Салед, Бени Юсуф и т. д., то есть сыновья такого-то и такого-то. Подобные названия, обязанные своим происхождением древнепатриархальному способу существования, приводят в конце концов к такого рода генеалогии. Перечисление колен в Книге бытия подтверждается в большей или меньшей степени древними географами, а новейшие путешественники свидетельствуют, что эти старинные имена, хотя и измененные в соответствии с местными диалектами, продолжают по большей части существовать и теперь. Из этого вытекает, что сами евреи являются таким же мелким бедуинским племенем, как и все остальные, но пришли в столкновение с другими бедуинами в силу местных условий, земледелия и т. д.

2) По поводу великого арабского нашествия², о котором мы говорили раньше, выясняется, что бедуины, подобно монголам, периодически совершали нашествия, что Ассирийское и Вавилонское царства были основаны бедуинскими племенами на том же самом месте, где впоследствии возник Багдадский халифат. Основатели Вавилонского царства, халдеи, продолжают еще и теперь существовать в той же местности под тем же самым именем Бени Халед. Быстрое возникновение громадных городов Ниневии и Вавилона

происходило точно так же, как и создание, всего лишь триста лет тому назад, таких же гигантских городов Агры, Дели, Лахора, Муттана в Ост-Индии в результате вторжения афганцев или татар. Таким образом, мусульманское нашествие в значительной степени утрачивает характер чего-то особенного.

3) Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, — они были, видимо, таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их архитектурные сооружения. Это также многое объясняет в мусульманском нашествии. Что же касается религиозного надувательства, то из древних южноарабских надписей, в которых все еще преобладает старинная, национально-арабская традиция монотеизма (как у американских индейцев), причем еврейский монотеизм является лишь *небольшой частицей* ее, — из этих старинных надписей, по-видимому, следует, что религиозная революция Мухаммеда, как и *всякое* религиозное движение, была *формально реакцией*, мнимым возвратом к старому, к простому.

Теперь мне совершенно ясно, что еврейское так называемое священное писание есть не что иное, как запись древнеарабских религиозных и племенных традиций, видоизмененных благодаря раннему отделению евреев от своих соседей — родственных им, но оставшихся кочевыми племен. То обстоятельство, что Палестина с арабской стороны окружена пустыней, страной бедуинов, объясняет самостоятельность изложения. Но древнеарабские надписи, традиции и коран, а также и та легкость, с которой распутываются все родословные и т. д., — все это доказывает, что основное содержание было арабским или, вернее, общесемитическим, так же, как у нас с «Эддой»³ и германским героическим эпосом.

Ф. Энгельс — К. Марксу, около 26 мая
1853 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч.,
т. 28, с. 209—210

Твое письмо о евреях и арабах * я прочел с большим интересом. Между прочим: 1) У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части. 2) Во времена Мухаммеда торговый путь из Европы в Азию сильно изменился, и города Аравии, принимавшие ранее большое участие в торговле с Индией и т. д., находились в торговом отношении в упадке; это, конечно, также дало толчок. 3) Что же касается религии, то это можно свести к общему вопросу, на который легко ответить: почему история Востока *принимает вид* истории религий?

По вопросу об образовании восточных городов нет ничего более блестящего, наглядного и яркого, чем книга старого Франсуа

* См. настоящее издание, с. 136—137.

Бернье (он девять лет был врачом у Аурангзеба): «Путешествия, содержащие описание государства Великого Могола и т. д.». Он также очень хорошо описывает состояние военного дела, организацию снабжения продовольствием этих громадных армий и т. д. Он говорит об этом между прочим:

«Главное ядро составляет кавалерия, пехота не так многочисленна, как говорят, если не смешивать с настоящими воинами всех тех слуг и торговцев, которые следуют за армией. Если же считать всех, то, пожалуй, правильно насчитывать двести и триста тысяч в одной только армии, двигающейся за государем; иногда в ней бывает и больше людей, например в тех случаях, когда рассчитывают, что государь надолго покидает столицу. Все это, однако, не удивит того, кому знакомо невероятное множество палаток, кухонь, одежды, всякого скарба и часто даже женщин, а следовательно и слонов, верблюдов, быгов, лошадей, носильщиков, поставщиков фуража и продовольствия, торговцев всякого сорта и слуг, которые тянутся за этими армиями; все это не покажется странным тем, кто знаком с положением и своеобразным управлением страны, кому известно, что *государь является единственным собственником всех земель* в государстве, откуда неизбежно вытекает, что целые *столицы*, как Дели или Агра, живут почти исключительно за счет войска и поэтому вынуждены следовать за государем, когда тот отправляется на некоторое время в поход. Города эти отнюдь не похожи на Париж, в сущности говоря, это *военные лагеря*, только несколько более благоустроенные и удобнее расположенные, чем лагеря, разбитые в открытом поле».

По поводу похода Великого Могола в Кашмир с армией в 400 000 человек и т. д. он говорит следующее:

«Трудно понять, чем и как можно прокормить в походе такую огромную армию, такое громадное количество людей и животных. Чтобы понять это, достаточно представить себе, что индийцы, как оно и есть на самом деле, очень умеренны и непритязательны в пище и что из всей этой огромной массы всадников едва ли десятая или даже двадцатая часть ест в походе мясо. Они довольствуются своим кичри — смесью вареного риса с овощами, политого топленым маслом. Далее надо иметь в виду, что верблюды очень выносливы в работе и легко переносят голод и жажду; им надо немного пищи и едят они все, что угодно. На стоянках погонщики верблюдов пускают их пастись поблизости, и они едят там все, что найдут. Кроме того, кунцы, которые содержат лавки в Дели, обязаны содержать их также и в походе, точно так же и мелкие торговцы и т. д... Наконец, что касается фуража, то все эти бедняки разбредаются по окружающим деревьям, чтобы купить там что-нибудь и заработать на этом. Самое обычное и основное их занятие состоит в том, что они чем-то вроде скребка срезают чахлую траву с целых полей, обмывают или отряхивают ее и приносят затем на продажу в армию...»

Бернье совершенно правильно видит, что в основе всех явлений на Востоке (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ даже к восточному небу.

К. Маркс — Ф. Энгельсу, 2 июня 1853 г. —
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28,
с. 214—215

Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы

не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы, в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию⁴ вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве). Британское правительство в Индии организовало № 1 и № 2, придав им более филистерский вид, а № 3 совсем забросило, в результате чего индийское земледелие гибнет. Свободная конкуренция там совершенно оскандалилась. Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок; этим объясняется тот непонятный иначе факт, что целые области, прежде прекрасно возделанные, теперь заброшены и пустыжны (Пальмира, Петра, развалины в Йемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане). Этим объясняется и тот факт, что достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет. К этому же разряду явлений относится, по моему мнению, и уничтожение южноарабской торговли в период, предшествующий Мухаммеду, которое ты совершенно справедливо считаешь одним из важнейших моментов мусульманской революции. Я недостаточно хорошо знаком с историей торговли шести первых столетий христианской эры, чтобы быть в состоянии судить, насколько именно общие, мировые материальные условия заставили предпочесть торговый путь через Персию к Черному морю и через Персидский залив в Сирию и Малую Азию торговому пути через Красное море. Но во всяком случае немалую роль играло то, что в упорядоченном персидском царстве Сасанидов караваны ходили сравнительно безопасно, в то время как Йемен с 200 до 600 г. почти постоянно находился в порабощении у абиссинцев, которые завоевывали и грабили страну. Города Южной Аравии, находившиеся еще в римские времена в цветущем состоянии, в VII в. представляли собой пустынные груды развалин. Соседние бедуины за эти 500 лет создали чисто мифические, сказочные легенды об их происхождении (см. коран и арабского историка Новаири), а алфавит, которым были сделаны надписи в этих городах, был почти совершенно неизвестен, хотя *другого не было*, так что фактически *всякая письменность* была забыта. Подобные явления дают повод заключить, что наряду с вытеснением, вызванным общими торговыми условиями, произошло и прямое насильственное разрушение, которое можно объяснить только вторжением эфиопов. Изгнание абиссинцев произошло за 40 лет до Мухаммеда; это было первым актом пробуждающегося арабского национального чувства, которое по-

мимо того подогревалось нашествиями с севера персов, доходивших почти до Мекки. К изучению истории самого Мухаммеда я приступлю только на днях. Пока что мне представляется, что эта история носит характер бедуинской реакции против оседлых, но все больше пришедших в упадок городских феллахов⁵, которые были сильно расколоты и в религиозном отношении и религия которых представляла собой смесь культа природы с разлагающимся иудейством и христианством.

Отрывки из старого Бернье действительно прекрасны. Как приятно снова прочесть что-нибудь, написанное старым, трезвым, здравомыслящим французом, который всегда попадает в самую точку, не подавая и вида, что он это замечает.

*Ф. Энгельс — К. Марксу, 6 июня
1853 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28,
с. 221—222*

2. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА РЕЛИГИЙ ИНДИИ

Индостан — это Италия азиатских масштабов. Гималайские горы соответствуют Альпам, равнины Бенгалии — равнинам Ломбардии, Деканский хребет — Апеннинам, а остров Цейлон — острову Сицилии. То же богатство и разнообразие даров земли и та же раздробленность в политическом устройстве. И подобно тому как в Италии время от времени меч завоевателя лишь насильственно объединял различные национальные массы, точно так же мы видим Индостан — в те периоды, когда он не находится под гнетом мусульман, или моголов, или британцев — разделенным на столько же независимых и враждующих между собой государств, сколько он насчитывает городов или даже деревень. Однако в социальном отношении Индостан представляет собой не Италию, а Ирландию Востока. И это странное сочетание Италии и Ирландии, мира сладострастия и мира печали, было предвосхищено в древних традициях религии Индостана. Эта религия одновременно является религией чувственных излишеств и религией умерщвляющего плоть аскетизма, религией Лингама и религией Джаггернаута, религией монаха и религией баядерки⁶.

Я не разделяю мнения тех, кто верит в существование золотого века Индостана, хотя для подтверждения своего взгляда и не стану приводить, как это делает сэр Чарлз Вуд, в качестве доказательства Кули-хана. Но возьмите для примера времена Аурангзеба, или эпоху, когда моголы появились на севере, а португальцы — на юге, или период вторжения мусульман и период гентархии в Южной Индии⁷, или, если вы хотите идти назад к еще более глубокой древности, возьмите мифологическую хронологию самих брахманов, которая относит начало бедствий Индии к эпохе более отдаленной, чем даже та, к коей христианство относит сотворение мира.

*Маркс К. Британское владычество в Индии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9,
с. 130—131*

...Идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма... они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались невероятные жестокости, как истребляли население больших городов, — спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика, соблаговолившего обратить на них свое внимание. Мы не должны забывать, что эта лишенная достоинства, неподвижная, растительная жизнь, эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала в Индостане даже убийство религиозным ритуалом. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, predetermined природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого особенно проявляется в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Ханумани и перед коровой Сабалой⁸.

Маркс К. Британское владычество в Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 135—136

ИСТОРИЯ АТЕИЗМА И СВОБОДОМЫСЛИЯ

1. АТЕИЗМ В ДРЕВНОСТИ

История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Луккиана.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 418

Людям, знакомым с делом, известно, что по предмету этой работы¹ не существует никаких сколько-нибудь пригодных предварительных работ. Болтовню Цицерона и Плутарха продолжают повторять до настоящего времени. Гассенди, освободивший Эпикура от интердикта², наложенного на него отцами церкви в всем средневековье, этой эпохой воплощенного бессмыслия, дает в своих комментариях один только интересный момент. Он старается как-нибудь примирить свою католическую совесть со своим языческим знанием, Эпикура — с церковью, что было, конечно, напрасным трудом. Это равносильно тому, как если бы захотели набросить на цветущее, полное жизни тело греческой Лаисы христианское монашеское одеяние. Гассенди скорее сам учится у Эпикура философии и не может нам сообщить по поводу философии Эпикура что-либо поучительное...

Если в виде приложения добавлена критика полемики Плутарха против теологии Эпикура, то это сделано потому, что полемика эта не является чем-то единичным, но характерна для определенного направления, очень отчетливо выражая отношение теологизирующего рассудка к философии.

В этой критике остается, помимо прочего, незатронутым также и то, насколько неправильна вообще точка зрения Плутарха, когда он привлекает философию пред судилище религии. По этому по-

воду достаточно привести, вместо всяких рассуждений, одно место из Давида Юма:

«Для философии, *верховный авторитет* которой должен был бы повсюду признаваться, является, конечно, своего рода унижением, что ее по всякому поводу заставляют извиняться за ее выводы и оправдываться перед всяким искусством и всякой наукой, которым она не угодила. При этом вспоминается король, которого обвиняют в государственной измене против своих собственных подданных».

Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противникам: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах».

Философия этого не скрывает. Признание Прометей:

По правде, всех богов я ненавижу,

есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческое самосознание высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никакого божества.

А в ответ заячьим душам, торжествующим по поводу того, что положение философии в обществе, по-видимому, ухудшилось, она повторяет то, что Прометей сказал слуге богов, Гермесу:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса³.

Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре.

Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 152—154

Насколько разъяснения святого Макса по поводу скептиков идут по той же колее, видно уже из того, что он считает их философию более радикальной, чем философию Эпикура. Теоретическое отношение людей к вещам скептики свели к *видимости*, а на практике все оставили по-старому, сообразуясь с этой видимостью точно так же, как другие сообразуются с действительностью; они только переменили название. Эпикур же, наоборот, был подлинным радикальным просветителем древности, он открыто нападал на античную религию, и от него ведет свое начало атеизм римлян, поскольку последний у них существовал. Поэтому Лукреций и прославлял Эпикура как героя, впервые низвергнувшего богов и поправшего религию, поэтому же у всех отцов церкви, от Плутарха до Лютера, Эпикур слышит безбожным философом *par excellence**, называется свиньей; вследствие чего и Климент Александ-

* — по преимуществу. *Ред.*

рийский говорит, что когда Павел ополчается против философии, то он имеет в виду только эпикурейскую («Ковры», книга 1, стр. 295, кельнское издание 1688 г.). Мы видим отсюда, как «хитро, коварно» и «умно» вел себя этот открытый атеист по отношению к миру, прямо нападая на его религию, тогда как стоики приспособляли древнюю религию к своим спекуляциям, а скептики пользовались своим понятием «видимости» как предлогом для сопровождения всех своих суждений *reservatio mentalis* *.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Соч., т. 3, с. 127

2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА — ИСТОРИЯ СВОБОДОМЫСЛИЯ И АТЕИЗМА

Венцом науки восемнадцатого века был материализм — первая система натурфилософии и результат упомянутого выше процесса завершения естественных наук. Борьба против абстрактной субъективности христианства привела философию восемнадцатого века к противоположной односторонности; субъективности была противопоставлена объективность, духу — природа, спиритуализму — материализм, абстрактно-единичному — абстрактно-всеобщее, субстанции. Восемнадцатый век был возрождением античного духа в противовес христианскому; материализм и республика — философия и политика древнего мира — вновь возродились, и французы, представители античного принципа *внутри* христианства, завладели на некоторое время исторической инициативой.

Восемнадцатый век, следовательно, не разрешил великой противоположности, издавна занимавшей историю и заполнявшей ее своим развитием, а именно: противоположности субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы; но он противопоставил друг другу обе стороны противоположности во всей их остроте и полноте развития и тем самым сделал необходимым уничтожение этой противоположности. Следствием этого ясного, крайнего развития противоположности была всеобщая революция, которая осуществлялась по частям различными национальностями и предстоящее завершение которой будет вместе с тем разрешением противоположности, характеризующей всю прошлую историю. Немцы, христианско-спиритуалистический народ, пережили философскую революцию; французы, антично-материалистический, а потому — политический народ, должны были проделать революцию на политическом пути; англичане, национальность которых представляет собой смешение немецких и французских элементов, которые, следовательно, носят в себе обе стороны противоположности и оттого универсальнее, чем каждый из обоих этих факторов в отдельности, были поэтому вовлечены и в более универсальную,

* — мысленной оговоркой. *Ред.*

социальную революцию.— Это требует более подробного рассмотрения, ибо место, занимаемое различными национальностями, по крайней мере в новое время, трактовалось донныне в нашей философии истории весьма недостаточно или, вернее, совсем не трактовалось.

Что Германия, Франция и Англия являются тремя ведущими странами современной истории, я могу, пожалуй, принять как данное; что немцы представляют христианско-спиритуалистическое начало, французы — антично-материалистическое, иными словами, первые представляют религию и церковь, вторые — политику и государство, это также ясно или станет ясным в свое время; значение англичан в новейшей истории меньше бросается в глаза, но оно-то важнее всего для нашей настоящей цели. Английская нация образовалась из германских и романских элементов в то время, когда обе эти нации впервые обособились одна от другой и едва начали свое развитие по направлению к обеим сторонам противоположности. Германские и романские элементы развивались рядом и образовали, в конце концов, национальность, которая носит в себе непримиренными обе односторонности. Германский идеализм сохранил такую свободу действий, что мог даже превратиться в свою противоположность — в абстрактную внешнюю форму; сохранившуюся еще узаконенную продажу жен и детей и вообще торговый дух англичан следует решительно отнести за счет германского элемента. Точно так же романский материализм превратился в абстрактный идеализм, в уход во внутренний мир и в религиозность; отсюда своеобразное явление сохранения романского католицизма *внутри* германского протестантизма, государственная церковь, папизм светских владык и совершенно католическая манера сводить религию к обрядности. Характер английской национальности — это неразрешенное противоречие, соединение самых резких контрастов. Англичане — самый религиозный народ в мире и в то же время самый иррелигиозный; они больше беспокоятся о потустороннем мире, чем какая-либо другая нация, и, однако, живут при этом так, как будто для них нет ничего другого, кроме земного существования; их надежда на небо нисколько не мешает им верить так же крепко в «ад незарабатывания денег». Отсюда вечное внутреннее беспокойство англичан — чувство неспособности разрешить противоречие, которое само по себе толкает их к деятельности. Чувство противоречия является источником энергии, но энергии, которая устремляется только во внешний мир, и это чувство противоречия было источником колонизации, мореплавания, промышленности и вообще огромной практической деятельности англичан. Неспособность разрешить противоречие проходит через всю английскую философию и толкает ее к эмпирии и скептицизму. Из того, что Бэкон не мог своим разумом разрешить противоречие идеализма и реализма, сделали вывод, что разум вообще неспособен на это, идеализм был попросту отброшен, и единственное средство спасения стали видеть в

эмпирии. Из того же источника исходит критика способности познания и психологическое направление вообще. Исключительно в рамках этого направления с самого начала вращалась английская философия. В конце концов, после всех тщетных попыток разрешить противоречие, английская философия объявляет его неразрешимым, разум — недостаточным и ищет спасения либо в религиозной вере, либо в эмпирии. Юмовский скептицизм еще поныне является формой всякого иррелигиозного философствования в Англии. Мы не можем знать, — рассуждают представители этого мировоззрения, — существует ли какой-нибудь бог, если же какой-либо и существует, то всякое общение с нами для него невозможно, а значит, нам нужно строить нашу практику так, как будто никакого бога и не существует. Мы не можем знать, отличен ли дух от тела и бессмертен ли он; поэтому мы живем так, как будто бы эта жизнь и есть наша единственная жизнь, и не беспокоимся о вещах, которые выше нашего разумения. Короче, практика этого скептицизма в точности повторяет французский материализм; но в области метафизической теории он остается при своей способности к окончательному разрешению вопроса.

Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 399—602

АТЕИЗМ ФРАНЦУЗСКИХ МАТЕРИАЛИСТОВ

«Выражаясь точно и прозаически», французское Просвещение XVIII века и в особенности французский материализм были борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против существующей религии и теологии, но и открытой, ясно выраженной борьбой против метафизики XVII века и против всякой метафизики, особенно против метафизики Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница. Философия была противопоставлена метафизике, подобно тому как Фейербах при своем первом решительном выступлении против Гегеля противопоставил трезвую философию пьяной спекуляции. Метафизика XVII века, побитая французским Просвещением и в особенности французским материализмом XVIII века, пережила свою победоносную и содержательную реставрацию в немецкой философии и особенно в спекулятивной немецкой философии XIX века. После того как Гегель гениально соединил ее со всей последующей метафизикой и немецким идеализмом и основал метафизическое универсальное царство, наступлению на теологию снова, как и в XVIII веке, соответствовало наступление на спекулятивную метафизику и на всякую метафизику вообще. Она будет навсегда побеждена материализмом, достигшим теперь благодаря работе самой спекуляции своего завершения и совпадающим с гуманизмом. А подобно тому как Фейербах явился выразителем материализма, совпадающего с гуманизмом, в теоретической области, французский и английский

социализм и коммунизм явились выразителями этого материализма в практической области.

«Выражаясь точно и прозаически», существуют два направления французского материализма: одно ведет свое происхождение от Декарта, другое — от Локка. Последнее направление материализма составляет, по преимуществу, французский образовательный элемент и ведет прямо к социализму. Первый, механистический материализм вливается во французское естествознание в собственном смысле слова. В ходе развития оба направления перекрещиваются. Нам нет надобности входить в подробное рассмотрение французского материализма, ведущего свое происхождение непосредственно от Декарта; точно так же нам незачем останавливаться на французской школе Ньютона и на развитии французского естествознания вообще.

Заметим поэтому лишь следующее:

В своей физике Декарт наделил материю самостоятельной творческой силой и механическое движение рассматривал как проявление жизни материи. Он совершенно отделил свою физику от своей метафизики. В границах его физики материя представляет собой единственную субстанцию, единственное основание бытия и познания.

Механистический французский материализм примкнул к физике Декарта в противоположность его метафизике. Его ученики были по профессии антиметафизики, а именно — физики.

Врач Леруа кладет начало этой школе, в лице врача Кабаниса она достигает своего кульминационного пункта, врач Ламетри является ее центром. Декарт был еще жив, когда Леруа перенес декартовскую конструкцию животного на человека (нечто подобное в XVIII веке сделал Ламетри) и объявил душу модусом тела, а идеи — механическими движениями. Леруа думал даже, что Декарт скрыл свое истинное мнение. Декарт протестовал. В конце XVIII века Кабанис завершил картезианский материализм в своей книге «Соотношение физического и духовного в человеке».

Картезианский материализм существует еще и поныне во Франции. Значительных успехов он достиг в механистическом естествознании, которое менее всего можно, «выражаясь точно и прозаически», упрекнуть в романтике.

Метафизика XVII века, главным представителем которой во Франции был Декарт, имела со дня своего рождения своим антагонистом материализм. Материализм выступил против Декарта в лице Гассенди, восстановившего эпикурейский материализм. Французский и английский материализм всегда сохранял тесную связь с Демокритом и Эпикуром. Другого противника картезианская метафизика встретила в лице английского материалиста Гоббса. Гассенди и Гоббс победили свою противницу спустя долгое время после своей смерти, в то самое время, когда она официально господствовала уже во всех французских школах.

Вольтер заметил, что равнодушные французов XVIII века к спо-

рам иезуитов с янсенистами⁴ вызвано было не столько философией, сколько финансовыми спекуляциями *Ло*. И в самом деле, низвержение метафизики XVII века может быть объяснено влиянием материалистической теории XVIII века лишь постольку, поскольку само это теоретическое движение находит себе объяснение в практическом характере тогдашней французской жизни. Жизнь эта была направлена на непосредственную действительность, на мирское наслаждение и мирские интересы, на *земной* мир. Ее антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические, материалистические теории. Метафизика *практически* потеряла всякое доверие. Нам необходимо здесь в кратких чертах отметить лишь *теоретический* ход этой эволюции.

Метафизика XVII века еще заключала в себе *положительное*, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые казались неразрывно связанными с нею. Но уже в начале XVIII века эта мнимая связь была уничтожена. Положительные науки отделились от метафизики и отмежевали себе самостоятельные области. Все богатство метафизики ограничивалось теперь только мысленными сущностями и божественными предметами, и это как раз в такое время, когда реальные сущности и земные вещи начали сосредоточивать на себе весь интерес. Метафизика стала плоской. В том самом году, когда скончались последние крупные французские метафизики XVII века, Мальбранш и Арно, родились *Гельвеций* и *Кондильяк*.

Человеком, *теоретически* подорвавшим *всякое доверие* к метафизике XVII века и ко всякой метафизике вообще, был *Пьер Бейль*. Его оружием был *скептицизм*, выкованный из волшебных формул самой метафизики. Он сам исходил на первых порах из картезианской метафизики. Подобно тому как *Фейербаха* борьба против спекулятивной теологии толкнула на борьбу против *спекулятивной философии* именно потому, что он увидел в спекуляции последнюю опору теологии и вынужден был заставить теологов вернуться обратно от мнимой науки к *грубой*, отталкивающей *вере*, точно так же религиозное сомнение привело Бейля к сомнению в метафизике, служившей опорой для этой веры. Он подверг поэтому критике все историческое развитие метафизики. Он стал ее историком, для того чтобы написать историю ее смерти. Он опровергал главным образом *Спинозу* и *Лейбница*.

Пьер Бейль не только разрушил метафизiku с помощью скептицизма, подготовив тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции. Он возвестил появление *атеистического общества*, которому вскоре суждено было начать существовать, посредством *доказательства* того, что *возможно* существование общества, состоящего из одних только атеистов, что атеист *может* быть почтенным человеком, что человека *унижает* не атеизм, а суеверие и идолопоклонство.

По выражению одного французского писателя, *Пьер Бейль* был «последним метафизиком в смысле XVII века и первым философом в смысле XVIII века».

Кроме отрицательного опровержения теологии и метафизики XVII века необходима была еще *положительная антиметафизическая* система. Чувствовалась необходимость в такой книге, которая привела бы в систему тогдашнюю жизненную практику и дала бы ей теоретическое обоснование. Сочинение *Локка* о происхождении человеческого разума⁵ очень кстати явилось с того берега Ла-Манша. Оно встречено было с энтузиазмом, как давно и страстно ожидаемый гость.

Спрашивается: не был ли *Локк* учеником *Спинозы*? «Грешная» история может на это ответить:

Материализм — *прирожденный сын Великобритании*. Уже ее схоластик *Дунс Скот* спрашивал себя: «не способна ли материя мыслить?»

Чтобы сделать возможным такое чудо, он прибегал к всемогуществу божьему, т. е. он заставлял самое *теологию* проповедовать *материализм*. Кроме того он был *номиналистом*. Номинализм был одним из главных элементов у *английских* материалистов и вообще является *первым выражением* материализма.

Настоящий родоначальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей науки* — это *Бэкон*. Естествознание является в его глазах истинной наукой, а *физика*, опирающаяся на чувственный опыт, — важнейшей частью естествознания. *Анаксагор* с его *гомемериями* и *Демокрит* с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, *чувства* непогрешимы и составляют *источник* всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из *прирожденных свойств материи* является *движение*, — не только как *механическое* и *математическое* движение, но еще больше как *стремление*, *жизненный дух*, *напряженность*, или, употребляя выражение *Якоба Бёме*, *мúка* [Qual] материи. Первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия *сущностные силы*.

У *Бэкона*, как первого своего творца, материализм таит еще в себе в *наивной* форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку. Само же учение, изложенное в *форме афоризмов*, еще кипит, напротив, *теологическими* непоследовательностями.

В своем дальнейшем развитии материализм становится *односторонним*. *Гоббс* является *систематиком бэконовского* материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра*. *Физическое* движение приносится в жертву *механическому* или *математическому* движению;

геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится *враждебным человеку*. Чтобы преодолеть *враждебный человеку бесплотный дух* в его собственной области, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться *аскетом*. Он выступает как *рассудочное существо*, но зато с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка.

Если наши чувства являются источником всех наших знаний, — рассуждает Гоббс, отправляясь от Бэкона, — то идея, мысль, представление и т. д. — все это не что иное, как *фантомы телесного мира*, освобожденного в большей или меньшей степени от своей чувственной формы. Наука может только дать названия этим фантомам. Одно и то же название может быть применено ко многим фантомам. Могут даже существовать названия названий. Но было бы противоречием, с одной стороны, видеть в чувственном мире источник всех идей, с другой же стороны — утверждать, что слово есть нечто большее, чем только слово, что, кроме представляемых нами всегда единичных сущностей, имеются еще какие-то всеобщие сущности. *Бестелесная субстанция* — это такое же противоречие, как *бестелесное тело*. *Тело, бытие, субстанция* — все это одна и та же *реальная идея*. Нельзя отделить мышление от материи, *которая мыслит*. Материя является субъектом всех изменений. Слово *бесконечный* — *бессмысленно*, если оно не означает способности нашего духа без конца прибавлять к какой-нибудь данной величине. Так как только материальное воспринимаемо, познаваемо, то *ничего* не известно о существовании бога. Только мое собственное существование достоверно. Всякая человеческая страсть есть кончающееся или начинающееся механическое движение. Объекты стремлений — вот то, что мы называем благом. Человек подчинен тем же законам, что и природа. Могущество и свобода — тождественны.

Гоббс систематизировал Бэкона, но не дал более детального обоснования его основному принципу — происхождению знаний и идей из мира чувств.

Локк обосновывает принцип Бэкона и Гоббса в своем сочинении о происхождении человеческого разума.

Как Гоббс уничтожил *теистические* предрассудки бэконовского материализма, так Коллинз, Додуэлл, Кауард, Гартли, Пристли и т. д. уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма. Деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии.

Мы уже упоминали о том, насколько кстати явилось для французов произведение Локка. Локк обосновал философию *bon sens*, здравого человеческого смысла, т. е. сказал косвенным образом, что не может быть философии, отличной от рассудка, опирающегося на показания здоровых человеческих чувств.

Непосредственный ученик и французский истолкователь Локка, Кондильяк, немедленно направил локковский сенсуализм против *метафизики* XVII века. Он доказал, что французы с полным

правом отвергли эту метафизику как неудачный плод воображения и теологических предрассудков. Он опубликовал опровержение систем *Декарта, Спинозы, Лейбница и Мальбранша*.

В своем произведении «Опыт о происхождении человеческих знаний» он развивал точку зрения Локка, доказывая, что не только душа, но и чувства, не только искусство создавать идеи, но и искусство чувственного восприятия являются делом *опыта и привычки*. От *воспитания и внешних обстоятельств* зависит поэтому все развитие человека. Кондильяка вытеснила из французских школ только *эклектическая философия*.

Различие *французского и английского* материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию. Они *цивилизировали* его.

У *Гельвеция*, который тоже исходит из Локка, материализм получает собственно французский характер. Гельвеций тотчас же применяет его к общественной жизни (Гельвеций. «О человеке»). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всей морали. Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промышленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы.

Произведения *Ламетри* представляют собой соединение картезианского и английского материализма. Ламетри пользуется физикой Декарта вплоть до деталей. Его «Человек-машина» построен по образцу животного-машины Декарта. В «*Системе природы*» Гольбаха часть, посвященная физике, также представляет собой соединение французского и английского материализма, теория же нравственности, по существу, опирается на мораль Гельвеция. *Робине* («О природе»), тот французский материалист, который больше всех сохранил еще связь с метафизикой и за это удостоился похвалы Гегеля, весьма определенно ссылается на *Лейбница*.

О Вольнее, Дюпюи, Дидро и других, а равно и о физикратах нам нет надобности говорить, после того как мы, с одной стороны, выяснили двойное происхождение французского материализма от физики Декарта и английского материализма, а с другой стороны — установили противоположность французского материализма *метафизике XVII века, метафизике Декарта, Спинозы, Мальбранша и Лейбница*. Немцы могли заметить эту противоположность только после того, как сами вступили в борьбу со *спекулятивной метафизикой*.

Как *картезианский* материализм вливается в *естествознание в собственном смысле слова*, так другое направление французского материализма вливается непосредственно в *социализм и коммунизм*.

Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необхо-

димую связь между учением материализма о прирожденной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д.— и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека. Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений. Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества.

Эти и им подобные положения можно найти почти дословно даже у самых старых французских материалистов... Для социалистической тенденции материализма характерна *апология пороков* у *Мандевилля*, одного из ранних английских учеников Локка. Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы и полезны*. Это отнюдь не было апологией современного общества.

Фурье исходит непосредственно из учения французских материалистов. *Бабувисты* были грубыми, неразвитыми материалистами, но и развитой коммунизм ведет свое происхождение *непосредственно* от *французского материализма*. Материализм этот в той именно форме, какую ему придал *Гельвеций*, возвращается на свою родину, в *Англию*. Свою систему *правильно понятого интереса Бенгтама* основывает на морали Гельвеция, а *Оуэн*, исходя из системы *Бенгтама*, обосновывает английский коммунизм. Француз *Кабэ*, изгнанный в *Англию*, испытывает на себе влияние тамошних коммунистических идей и, по возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма. Более научные французские коммунисты, *Дезами*, *Гей* и другие, развивают, подобно Оуэну, учение *материализма* как учение *реального гуманизма* и как *логическую* основу коммунизма.

Маркс К., Энгельс Ф. *Святое семейство*, или *Критика критической критики*.— Соч., т. 2, с. 139—146

Тем временем материализм перекочевал из Англии во Францию, где он нашел вторую материалистическую философскую школу — ответвление картезианства⁶, — с которой он и слился. И во Франции тоже он вначале оставался исключительно аристократическим учением. Но его революционный характер вскоре выступил наружу. Французские материалисты отнюдь не ограничивались в своей критике областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким образом, в той или иной форме, — как открытый материализм или как деизм, — материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции. И влияние его было так велико, что во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и сторонникам террора теоретическое знамя и дало текст для «Декларации прав человека»⁷.

Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба была проведена на открыто политической почве. Она была также первым восстанием, в котором борьба была действительно доведена до конца, до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии. В Англии преемственная связь между дореволюционными и послереволюционными учреждениями и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в преемственности судебных прецедентов, равно как в почтительном сохранении феодальных правовых форм. Во Франции, напротив, революция окончательно порвала с традициями прошлого, уничтожила последние следы феодализма и в Code civil⁸ мастерски приспособила к современным капиталистическим условиям старое римское право — это почти совершенное выражение юридических отношений, соответствующих той ступени экономического развития, которую Маркс называет товарным производством, — в такой степени мастерски, что этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, не исключая и Англии, служит образцом при реформах в области права собственности. При этом, однако, не следует забывать одного. Если английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению — vous écrivez Londres et vous prononcez Constantinople*, по словам одного французца, — то зато это же самое английское право является единственным, в те-

* — пишется Лондон, а произносится Константинополь. *Ред.*

чение веков сохранившим в неискаженном виде и перенесшим в Америку и в колонии лучшую часть тех древнегерманских свобод — личную свободу, местное самоуправление и гарантию от всякого вмешательства, кроме судебного, — которые на континенте совершенно исчезли в период абсолютных монархий и до сих пор нигде еще не восстановлены в полном объеме.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 311—312

КРИТИКА РЕЛИГИИ МЛАДОГЕГЕЛЬЯНЦАМИ И Л. ФЕЙЕРБАХОМ

Взятое в целом, учение Гегеля оставляло, как мы видели, широкий простор для самых различных практических партийных воззрений. А практическое значение имели в тогдашней теоретической жизни Германии прежде всего две вещи — религия и политика. Человек, придававший главное значение *системе* Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический *метод*, мог и в религии и в политике принадлежать к самой крайней оппозиции. Сам Гегель, несмотря на довольно частые в его сочинениях взрывы революционного гнева, в общем, по-видимому, склонялся больше к консервативной стороне: недаром же его система стояла ему гораздо более «тяжелой работы мысли», чем его метод. К концу тридцатых годов раскол в его школе становился все более и более заметным. В борьбе с правоверными пиетистами и феодальными реакционерами левое крыло — так называемые младогегельянцы — отказывалось мало-помалу от того философски-пренебрежительного отношения к жгучим вопросам дня, которое обеспечивало до сих пор его учению терпимость и даже покровительство со стороны правительства. А когда в 1840 г. правоверное ханжество и феодально-абсолютистская реакция вступили на престол в лице Фридриха-Вильгельма IV, пришлось открыто стать на сторону той или другой партии. Борьба велась еще философским оружием, но уже не ради абстрактно-философских целей. Речь прямо шла уже об уничтожении унаследованной религии и существующего государства. И если в «Deutsche Jahrbücher»⁹ практические конечные цели выступали по преимуществу еще в философском одеянии, то в «Rheinische Zeitung»¹⁰ 1842 г. младогегельянство выступило уже прямо как философия поднимающейся радикальной буржуазии; философский плащ служил ей лишь для отвода глаз цензуре.

Но путь политики был тогда весьма тернистым, поэтому главная борьба направлялась против религии. Впрочем, в то время, особенно с 1840 г., борьба против религии косвенно была и политической борьбой. Первый толчок дала книга Штрауса «Жизнь Иисуса», вышедшая в 1835 году. Против изложенной в этой книге теории возникновения евангельских мифов выступил позднее

Бруно Бауэр, доказывавший, что целый ряд евангельских рассказов сфабрикован самими авторами евангелий. Спор между Штраусом и Бауэром велся под видом философской борьбы между «самосознанием» и «субстанцией». Вопрос о том, возникли ли евангельские рассказы о чудесах путем бессознательного, основанного на традиции, создания мифов в недрах общины или же они были сфабрикованы самими евангелистами,— разросся до вопроса о том, что является главной действующей силой во всемирной истории: «субстанция» или «самосознание». Наконец, явился Штирнер, пророк современного анархизма — у него очень много заимствовал Бакунин — и перецеголял суверенное «самосознание» своим суверенным «единственным».

Мы не станем подробнее рассматривать эту сторону процесса разложения гегелевской школы. Для нас важнее следующее: практические потребности их борьбы против положительной религии привели многих из самых решительных младогегельянцев к англо-французскому материализму. И тут они вступили в конфликт с системой своей школы. В то время как материализм рассматривает природу как единственно действительное, в гегелевской системе природа является всего лишь «отчуждением» абсолютной идеи, как бы ее деградацией; во всяком случае, мышление и его мыслительный продукт, идея, являются здесь первичным, а природа — производным, существующим лишь благодаря тому, что идея снизошла до этого. В этом противоречии и путались на разные лады младогегельянцы.

Тогда появилось сочинение Фейербаха «Сущность христианства». Одним ударом рассеяло оно это противоречие, снова и без обиняков провозгласив торжество материализма. Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это — лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. Заклятие было снято; «система» была взорвана и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. — Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами. С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, можно представить себе, прочитав «Святое семейство».

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 279—281

Гоббс был первым современным материалистом (в духе XVIII века), но он жил в то время, когда абсолютная монархия во всей Европе переживала период своего расцвета, а в Англии вступила в борьбу с народом, и был сторонником абсолютизма. Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 года¹¹. Английские деисты¹² и их более последовательные продолжатели — французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы — даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля отразился немецкий обыватель — то в позитивном, то в негативном смысле. Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. Этим объясняется, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия, как и всеобщий расцвет литературы в ту эпоху, была также результатом экономического подъема. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. выражении) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 419—420

АТЕИЗМ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных» офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали

с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия).

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал вровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом...

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!». Когда сообщали, что вводятся военные начальники для «спокойного» «освобождения», Герцен писал: «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых». Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: «Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным». Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года), Герцен писал в «Колоколе»:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение».

Отсюда видно, как подло и низко клеветают на Герцена оклеветавшиеся в рабей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»¹³. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*.

Ленин В. И. Памяти Герцена. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 255—256, 260—262

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, пация рабов, сверху донизу — все рабы»¹⁴. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах.

А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раблепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 107—108

3. ОТНОШЕНИЕ БУРЖУАЗИИ К АТЕИЗМУ И РЕЛИГИИ

РЕЛИГИЯ И СКЕПТИЦИЗМ В СРЕДЕ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Англичане — самый религиозный народ в мире и в то же время самый иррелигиозный; они больше беспокоятся о потустороннем мире, чем какая-либо другая нация, и, однако, живут при этом так, как будто для них нет ничего другого, кроме земного существования; их надежда на небо несколько не мешая им верить так же крепко в «ад незарабатывания денег». Отсюда вечное внутреннее беспокойство англичан — чувство неспособности разрешить противоречие, которое само по себе толкает их к деятельности. Чувство противоречия является источником энергии, но энергии, которая устремляется только во внешний мир, и это чувство противоречия было источником колонизации, мореплавания, промышленности и вообще огромной практической деятельности англичан. Неспособность разрешить противоречие проходит через всю английскую философию и толкает ее к эмпирии и скептицизму. Из того, что Бэкон не мог *своим* разумом разрешить противоречие идеализма и реализма, делали вывод, что разум вообще неспособен на это, идеализм был попросту отброшен, и единственное средство спасения стали видеть в эмпирии. Из того же источника исходит критика способности познания и психологическое направление вообще. Исключительно в рамках этого направления с самого начала вращалась английская философия. В конце концов, после всех тщетных попыток разрешить противоречие, английская философия объявляет его неразрешимым, разум — недостаточным и ищет спасения либо в религиозной вере, либо в эмпирии. Юмовский скептицизм еще поныне является формой всякого иррелигиозного философствования в Англии. Мы не можем знать, — рассуждают представители этого мировоззрения, — существует ли какой-нибудь бог, если же какой-либо и существует, то всякое общение с нами для него невозможно, а значит нам нужно строить нашу практику так, как будто никакого бога и не существует. Мы не можем знать, отличен ли дух от тела и бессмертен ли

он; поэтому мы живем так, как будто бы эта жизнь и есть наша единственная жизнь, и не беспокоимся о вещах, которые выше нашего разума. Короче, практика этого скептицизма в точности повторяет французский материализм; но в области метафизической теории он остается при своей неспособности к окончательному разрешению вопроса.— Но так как англичане являлись носителями обоих элементов, которые двигали историю на континенте, они были в состоянии, даже при небольших связях с континентом, все же поспевать за движением, а иногда и опережать его. Английская революция семнадцатого века представляет собой в точности прообраз французской революции 1789 года. В «Долгом парламенте» легко различить три ступени, которым во Франции соответствовали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент; переход от конституционной монархии к демократии, военному деспотизму, реставрации и революции *juste-milieu* резко выражен в английской революции. Кромвель совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона; Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют пресвитериане, индепенденты и левеллеры; политический результат обеих революций был довольно жалкий, и вся эта параллель, которую можно было бы провести еще гораздо более точно, показывает между прочим также, что революция религиозная и революция иррелигиозная, поскольку они остаются политическими, обе сводятся, в конце концов, к одному и тому же. Конечно, англичане только на время опередили континент, который постепенно опять поравнялся с ними; английская революция закончилась *juste-milieu* и созданием обеих национальных партий, между тем как французская еще не закончилась и не может закончиться, пока не придет к тому же результату, к которому должны прийти немецкая философская и английская социальная революции.

Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 601—602

Господство общественных предрассудков везде и повсюду является первым следствием так называемых свободных политических установлений, и это господство в политически наиболее свободной стране Европы, в Англии, ощущается сильнее, чем в какой-либо другой стране, за исключением Северной Америки, где общественный предрассудок в силу закона Линча узаконен как власть в государстве. Англичанин пресмыкается перед общественным предрассудком, ежедневно приносит себя ему в жертву, — и чем он либеральнее, тем покорнее повергается он ниц перед этим своим кумиром. Но общественный предрассудок в «образованных кругах» бывает либо торийским, либо вигским; в крайнем случае — радикальным, но этот последний уже не считается признаком хорошего тона. Побудьте хоть раз среди образованных англичан и скажите, что вы чартист или демократ, — они усомнятся, в здравом ли вы

уме, и будут избегать вашего общества. Или попробуйте заявить им, что вы не верите в божественность Христа, — и вы преданы и проданы; признайтесь откровенно, что вы атеист, — и на следующий день они сделают вид, что не знакомы с вами. И если независимый англичанин действительно начинает думать, — а это случается с ним довольно редко, — и сбрасывает с себя оковы предрассудка, впитанного с молоком матери, даже и тогда у него нехватает мужества свободно высказать свое убеждение, даже и тогда он лицемерно выступает перед обществом как приверженец такого мнения, которое, по крайней мере, считается терпимым, и доволен, если ему хотя бы изредка удастся с глазу на глаз откровенно побеседовать с единомышленником.

Итак, образованные классы в Англии глухи ко всякому прогрессу, и лишь под натиском рабочего класса они несколько приходят в движение. Нельзя ожидать, чтобы ежедневная литературная пища этих одряхлевших образованных классов выглядела бы иначе, чем они сами. Вся фешенебельная литература вращается в заколдованном кругу и так же скучна и бесплодна, как и само пресыщенное и выдохшееся фешенебельное общество.

Когда «Жизнь Иисуса» Штрауса и слава о ней пересекли канал, то ни один благопристойный человек не осмелился перевести книгу, ни один видный издатель — напечатать ее. Наконец, какой-то социалистический lecturer... т. е. человек самого нефешенебельного общественного положения, перевел ее, мелкий типограф, социалист, напечатал ее отдельными выпусками, каждый ценой в пенни, и рабочие Манчестера, Бирмингема и Лондона оказались в Англии единственной читательской публикой для Штрауса.

Энгельс Ф. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 574—575

ОТКАЗ БУРЖУАЗИИ ОТ СВОБОДОМЫСЛИЯ И АТЕИЗМА

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую

религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацию открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч., т. 4, с. 426—427

Однако английский средний класс был дальновиднее немецких профессоров — он состоял из лучших дельцов, чем они. Только под давлением обстоятельств он уступил часть своей власти рабочим. Во времена чартистского движения он научился понимать, на что способен народ, этот *puer robustus sed malitiosus*. С того времени ему волей-неволей пришлось превратить добрую часть требований Народной хартии в закон Соединенного королевства. Больше чем когда-либо важно было теперь держать народ в узде моральными средствами. Первым же и важнейшим моральным средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия. Отсюда — поповское засилье в школьных советах, отсюда — возрастающее самообложение буржуазии для поддержки всякого рода ревивализма*, начиная от ритуализма¹⁵ и кончая «Армией спасения»¹⁶.

И теперь наступило торжество британской респектабельности** над свободомыслием и религиозным индифферентизмом континентального буржуа. Французские и германские рабочие прониклись мятежным духом. Они повально были заражены социализмом и при этом, по весьма веским соображениям, вовсе не так уж были озабочены соблюдением законности при выборе средств для завоевания власти. Этот *puer robustus* действительно становился там с каждым днем все более *malitiosus*. Для французской и не-

* В немецком тексте вместо слов «для поддержки всякого рода ревивализма» напечатано: «для использования всевозможных способов благочестивой демагогии». *Ред.*

** В немецком тексте вместо слов «британской респектабельности» напечатано: «британского респектабельного филистерства». *Ред.*

мецкой буржуазии оставалось лишь одно крайнее средство: отбросить втихомолку свое свободомыслие, подобно тому как юноша, чувствуя, что его все более и более одолевает морская болезнь, незаметно бросает зажженную сигару, которой он щеголял на борту корабля. Один за другим богохульники стали принимать внешне благочестивый облик, с почтением говорить о церкви, ее учении и обрядах и стали даже их соблюдать сами, поскольку нельзя было их обойти. Французские буржуа довольствовались *saïgite* * по пятницам, а немецкие буржуа по воскресеньям терпеливо выслушивали на своих скамьях в церкви длинные протестантские проповеди. Со своим материализмом буржуа попали в беду. «Die Religion muss dem Volk erhalten werden» — «Религия должна быть сохранена для народа» — таково последнее и единственное средство спасения общества от полной гибели. К несчастью для самих себя, они открыли это только тогда, когда сделали с своей стороны все возможное, чтобы навсегда разрушить религию. И тогда наступил момент, когда британский буржуа в свою очередь мог над ними посмеяться и крикнуть им: «Глупцы, это я мог бы сказать вам еще двести лет назад!»

Однако я опасаясь, что ни религиозное тупоумие британского буржуа, ни наступившее *post festum* ** обращение континентального буржуа не смогут сдержать поднимающийся все выше пролетарский поток. Традиция — это великий тормоз, это *vis inertiae* *** в истории; но она только пассивна и потому неизбежно оказывается сломленной. Поэтому религия тоже не может долго служить оплотом капиталистического общества. Если наши юридические, философские и религиозные представления являются более близкими или более отдаленными отпрысками господствующих в данном обществе экономических отношений, то эти представления не могут удержаться продолжительное время после того, как экономические отношения в корне изменились. Либо мы должны поверить в сверхъестественное откровение, либо согласиться, что никакие религиозные догмы не в состоянии спасти гибнущее общество.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 317—319

Когда образованный иностранец переезжал в середине нашего столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали — иначе он и не мог воспринять это — религиозное ханжество и тупость английского респектабельного среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, и для нас был непонятен тот факт, что почти все

* — постной пищей. *Ред.*

** — буквально: после праздника, то есть с запозданием. *Ред.*

*** — сила инерции. *Ред.*

образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, подобно Бакленду и Мантеллу, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам Книги бытия. Казалось непостижимым то, что надо было идти к необразованной массе, к «неумытой толпе», как тогда выражались, — к рабочим, особенно к социалистам, последователям Оуэна, для того чтобы найти людей, осмеливавшихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум.

Но с того времени Англия «цивилизовалась». Выставка 1851 г.¹⁷ прозвучала похоронным звоном для английской островной замкнутости. Англия постепенно интернационализировалась в пище, манерах, идеях; она достигла в этом таких успехов, что мне все больше хочется выразить пожелание, чтобы некоторые английские манеры и обычаи нашли себе на континенте такое же всеобщее применение, какое нашли в Англии некоторые обычаи континента. Несомненно одно: распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах; дошло до того, что агностицизм, хотя он еще и не считается «первосортной вещью», вроде английской государственной церкви, стоит все же в отношении респектабельности почти на одной ступени с сектой баптистов и во всяком случае рангом выше «Армии спасения»¹⁸. И я не могу освободиться от мысли, что многим, кто всем сердцем сокрушается по поводу этого прогресса неверия и прокликает его, будет утешительно узнать, что эти «новоиспеченные идеи» не чужеземного происхождения, не несут на себе марки *made in Germany* * подобно множеству других предметов повседневного обихода; что они, напротив, староанглийского происхождения и что их британские родоначальники двести лет тому назад заходили гораздо дальше, чем на это осмеливаются их нынешние потомки.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 301—302

Промышленная революция создала класс крупных капиталистов-фабрикантов, но вместе с тем также гораздо более многочисленный класс фабричных рабочих. Этот класс непрерывно увеличивался численно по мере того, как промышленная революция захватывала одну отрасль производства за другой. Вместе с его численностью росла также и его сила, и эта сила обнаружила себя уже в 1824 г., когда она принудила упорствующий парламент отменить законы, запрещающие рабочие союзы¹⁹. Во время агитации за реформу рабочие составляли радикальное крыло партии реформы. Когда актом 1832 г. они были оставлены лишенными избиратель-

* — сделано в Германии. *Ред.*

ного права, они изложили свои требования в Народной хартии и, в противоположность сильной буржуазной Лиге против хлебных законов²⁰, организовались в независимую партию чартистов, первую рабочую партию нашего времени.

Затем в феврале и марте 1848 г. вспыхнули революции на континенте, в которых рабочие сыграли такую выдающуюся роль и при этом, по крайней мере в Париже, выдвинули требования, решительно неприемлемые с точки зрения капиталистического общества. А за этим последовала всеобщая реакция. Сначала поражение чартистов 10 апреля 1848 г., потом подавление парижского восстания рабочих в июне того же года, далее неудачи 1849 г. в Италии, Венгрии, Южной Германии и, наконец, победа Луи Бонапарта над Парижем 2 декабря 1851 года. Таким образом, удалось хоть на некоторое время избавиться от рабочих требований — этого страшного пугала, но какой ценой! Если британский буржуа еще раньше был убежден в необходимости держать простой народ в религиозной узде, то насколько же сильнее должен был он чувствовать эту необходимость после всего пережитого! И не обращая ни малейшего внимания на насмешки своих континентальных собратьев, он продолжал тратить из года в год тысячи и десятки тысяч на проповедование евангелия низшим сословиям. Не довольствуясь собственным религиозным аппаратом, он обратился к «брату Джонатану», величайшему предпринимателю по части религиозных спекуляций, и импортировал из Америки ревивализм Муди, Санки и им подобных²¹; наконец, он согласился даже на то, чтобы получить опасную помощь от «Армии спасения», которая возрождает формы пропаганды, применявшиеся ранним христианством, обращается к бедным, как к избранникам божьим, ведет борьбу с капитализмом на свой религиозный лад и таким образом развивает некоторые элементы раннехристианской классовой борьбы, которые в один прекрасный день могут доставить немало тревог богатым людям, тратящим теперь на это дело наличные деньги.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 314—315

Новый исходный пункт был компромиссом между поднимающимся средним классом* и бывшими крупными феодальными землевладельцами. Последние, считавшиеся тогда, как и теперь, аристократией, уже давно были на пути к тому, чтобы стать тем, чем Луи-Филипп во Франции стал лишь спустя долгое время: «первыми буржуа королевства». К счастью для Англии, старые феодальные бароны перебили друг друга в войнах Алой и Белой розы²². Их наследники, большей частью также отпрыски этих старых фа-

* В немецком тексте здесь и далее выражение «middle class» переводится, как и выражение «bourgeoisie», термином «буржуазия». *Ред.*

милый, вели, однако, свой род от столь отдаленных боковых линий, что они составили совершенно новый слой; их привычки и стремления были гораздо более буржуазными, чем феодальными. Они прекрасно знали цену деньгам и немедленно принялись вздуть земельную ренту, согнав с земли сотни мелких арендаторов и заменив их овцами. Генрих VIII массами создавал новых лендлордов из буржуазии, щедро раздавая и продавая за бесценок церковные имения; к тому же результату приводили бесперерывно продолжавшиеся до конца XVII века конфискации крупных имений, которые затем раздавались всевозможным выскочкам в прямом или переносном смысле этого слова. Поэтому английская «аристократия» со времен Генриха VII не только не противодействовала развитию промышленности, но, наоборот, старалась извлекать из этого развития косвенную выгоду. И точно так же всегда находилась такая часть крупных землевладельцев, которая из экономических или политических побуждений соглашалась на сотрудничество с лидерами финансовой и промышленной буржуазии. Таким образом, легко мог осуществиться компромисс 1689 года. Политические трофеи — доходные и теплые местечки* — оставались в руках знатных дворян-землевладельцев при условии, что они в достаточной мере будут соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового среднего класса. А эти экономические интересы уже тогда были достаточно сильны, чтобы определять собой общую политику нации. Конечно, существовали раздоры по тому или другому отдельному вопросу, но в целом аристократическая олигархия слишком хорошо понимала, что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленного и торгового среднего класса.

С этого времени буржуазия стала скромной, но все же признанной составной частью господствующих классов Англии. Вместе с остальными она была заинтересована в подавлении огромной трудящейся массы народа. Купец или фабрикант по отношению к своим приказчикам, своим рабочим, своей прислуге сам занимал положение хозяина, или, как еще недавно выражались в Англии, «естественного повелителя». Ему нужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества; с этой целью он должен был воспитывать их в надлежащей покорности. Он сам был религиозным; его религия доставила ему знамя, под которым он победил короля и лордов. Скоро он открыл в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысл божий. Короче говоря, английский буржуа с этого времени стал соучастником в подавлении «низших сословий» — огромной производящей народной массы, — и одним из применявшихся в этих целях средств было влияние религии.

* В немецком тексте вместо слов «доходные и теплые местечки» напечатано: «должности, синекуры и высокие оклады». *Ред.*

К этому присоединилось еще другое обстоятельство, усилившее религиозные склонности буржуазии: расцвет материализма в Англии. Это новое * учение не только приводило в ужас благочестивый средний класс, — оно в довершение всего объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и светски образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованных масс, включая сюда и буржуазию. Вместе с Гоббсом оно выступило на защиту королевской прерогативы и самодержавия и призывало абсолютную монархию к укрощению этого *puer robustus sed malitiosus* **, то есть народа²³. Также и у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбери и пр. — новая действительная форма материализма оставалась аристократическим, эзотерическим *** учением, и поэтому оно было ненавистно среднему классу не только за то, что являлось религиозной ересью, но и за то, что было связано с антибуржуазным политическим направлением. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выступали также главные боевые силы прогрессивного среднего класса и еще сейчас образуют становой хребет «великой либеральной партии».

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 309—311

Нас несколько не удивляет, что мы столкнулись здесь с одним из многочисленных в наши дни представителей христианско-рыцарского, современно-феодального, одним словом, романтического принципа.

Эти господа хотят возвеличить свободу не как естественный дар всеобщего, ясного света разума, а как сверхъестественный дар особо благоприятного сочетания звезд. Так как они рассматривают свободу только как *индивидуальное свойство* отдельных лиц и словесий, то они неизбежно приходят к выводу, что всеобщий разум и всеобщая свобода относятся к разряду *вредных идей* и фантазмагорий «*логически построенных систем*». Желая спасти частные свободы привилегии, они осуждают всеобщую свободу человеческой природы. Но злое исчадие девятнадцатого века, да и собственное сознание современных рыцарей, зараженное ядом этого века, не может понять того, что само по себе непонятно, так как не содержит в себе понятия, — а именно: каким образом внутренние, существенные, общие атрибуты оказываются связанными с известными человеческими индивидами посредством внешних, случайных, частных моментов, не будучи в то же время связанными с су-

* В немецком тексте после слова «новое» добавлено: «безбожное». *Ред.*

** — здоревенного и злонамеренного малого. *Ред.*

*** — сокровенным, предназначенным только для посвященных. *Ред.*

ществом человека, с разумом вообще, не будучи, следовательно, общими для всех людей; не понимая этого, они по необходимости прибегают к *чуду* и к *мистике*. Так как, далее, *действительное* положение этих господ в современном государстве далеко не соответствует тому представлению, которое они имеют о своем положении; так как они живут в мире, лежащем *по ту сторону действительного мира*; так как *сила воображения* заменяет им ум и сердце, — они, не удовлетворенные практикой, по необходимости прибегают к теории, но к *теории потустороннего мира*, к *религии*. Однако религия приобретает у них полемическую, проникнутую политической тенденциозностью ядовитость и становится, более или менее сознательно, покровом святости для весьма мирских, но вместе с тем и весьма фантастических, вождлений.

Так, мы увидим, что наш оратор противопоставляет практическим требованиям мистически-религиозную теорию воображения, действительным теориям — мелочно-рассудочную, делячески-изворотливую, заимствованную из самой поверхностной практики мудрость житейского опыта; человечески-понятному он противопоставляет сверхчеловеческие святости, а действительной святости идей — произвол и неверие низменной точки зрения.

Маркс К. Дебаты о свободе печати.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1,
с. 51—52

РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ЦЕРКОВЬ

Октябристы и кадеты, выступавшие в III Думе против крайних правых, против клерикалов и правительства, чрезвычайно облегчили нам эту задачу, показав наглядно отношение буржуазии к церкви и религии. Легальная печать кадетов и так называемых прогрессистов обращает теперь особенное внимание на вопрос о старообрядцах, на то, что октябристы вместе с кадетами высказались против правительства, на то, что они хоть в малом «встали на путь реформ», обещанных 17-го октября. Нас интересует гораздо больше принципиальная сторона вопроса, т. е. отношение буржуазии вообще, вплоть до претендующих на звание демократов-кадетов, к религии и церкви. Мы не должны позволять, чтобы вопрос сравнительно частный — о столкновении старообрядцев с господствующей церковью, о поведении связанных с старообрядцами и частью зависимых от них даже прямо в финансовом смысле октябристов («Голос Москвы»²⁴ издается, как говорят, на средства старообрядцев) — заслонял коренной вопрос об интересах и политике буржуазии, как класса.

Взгляните на речь графа Уварова, октябриста по направлению, вышедшего из фракции октябристов. Говоря после с.-д. Суркова, он сразу отказывается ставить вопрос на ту принципиальную почву, на которую его поставил рабочий депутат. Уваров только на-

падает на синод и обер-прокурора за нежелание дать Думе сведения о некоторых церковных доходах и о расходовании приходских сумм. Так же ставит вопрос официальный представитель октябристов Каменский (16 апреля), требующий восстановления прихода «в интересах укрепления православия». Эту мысль развивает так называемый «левый октябрист» Капустин: «Если мы обратимся к народной жизни,— восклицает он,— к жизни сельского населения, то сейчас, теперь, мы видим печальное явление — колеблется религиозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственного строя населения... Чем заменить понятие греха, чем заменить указание совести? Ведь не может же быть, чтобы это было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса. Это — печальное понятие, которое вошло в жизнь нашего обихода. Так вот, с той точки зрения, чтобы религия, как основа нравственности, продолжала существовать, была доступна всему населению, нужно, чтобы проводники этой религии пользовались надлежащим авторитетом...»

Представитель контрреволюционной буржуазии хочет укрепить религию, хочет укрепить влияние религии на массы, чувствуя недостаточность, устарелость, даже вред, приносимый правящим классам «чиновниками в рясах», которые *понижают* авторитет церкви. Октябрист воюет против крайностей клерикализма и полицейской опеки *для усиления* влияния религии на массы, для замены хоть некоторых средств оглушения народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, недостигающих цели,— более тонкими, более усовершенствованными средствами. Полицейская религия уже недостаточна для оглушения масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую, способную действовать в самоуправляющемся приходе,— вот чего требует капитал от самодержавия.

И кадет Караулов *целиком* стоит на той же самой точке зрения. Этот «либеральный» ренегат (эволюционировавший от «Народной воли» к правым кадетам) вопит против «денационализации» церкви, понимая под этим изгнание народных масс, мирян, из церковного строительства». Он находит «ужасным» (буквально так!), что массы «обезвериваются». Он кричит совершенно по-меньшиковски о том, что «огромная самоценность церкви обесценивается... к громадному вреду не только для дела церковного, но и для дела государственного». Он называет «золотыми словами» отвратительное лицемерие изувера Евлогия на тему о том, что «задача церкви вечна, непреложна и, значит, связывать церковь с политикой невозможно». Он протестует против союза церкви с черной сотней *во имя того*, чтобы церковь «в большей силе и славе, чем теперь, делала свое великое, святое дело в духе христовом — любви и свободы».

Товарищ Белоусов очень хорошо сделал, что посмеялся с думской трибуны над этими «лирическими словами» Караулова. Но такой насмешки далеко еще и далеко не достаточно. Надо было

выяснить, — и надо будет при первом удобном случае выяснить с думской трибуны, — что точка зрения кадетов совершенно тождественна с точкой зрения октябристов и выражает не что иное, как стремление «культурного» капитала организовать оглушение народа религиозным дурманом посредством более тонких средств церковного обмана, чем те, которые практиковал живущий в старине рядовой российский «батюшка».

Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней, — говорил устами Пуришкевича дикый помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, гг., возражает им устами Караулова контрреволюционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее, — уберем прочь слишком глупого и грубого черносотенца, объявим борьбу с «денационализацией церкви», напишем на знамени «золотые слова» епископа Евлогия, что церковь выше политики, — только при таком способе действия мы сумеем одурачить хоть часть отсталых рабочих и, в особенности, мещан и крестьян, мы сумеем помочь обновленной церкви выполнить ее «великое, святое дело» поддержания духовного рабства народных масс.

Наша либеральная печать, вплоть до газеты «Речь», усиленно порицала в последнее время Струве и К⁰ как авторов сборника «Вехи». Но официальный оратор партии к.-д. в Государственной думе, Караулов, превосходно разоблачил все гнусное лицемерие этих попреков и этих отречений от Струве и К⁰. Что у Караулова и у Миллюкова на уме, то у Струве на языке. Либералы порицают Струве *только* за то, что он неосторожно выболтал правду, что он слишком раскрыл карты. Либералы, порицающие «Вехи» и продолжающие поддерживать партию к.-д., обманывают народ самым бессовестным образом, осуждая неосторожно-откровенное *слово* и продолжая *делать* то самое *дело*, которое этому слову соответствует.

Ленин В. И. Классы и партии в их отношении к религии и церкви. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 433—436

Не случайно, но в силу *необходимости* вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности, «бросились» на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. *Веховцы* помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции. Борьба с махизмом «внизу» не случайна, а неизбежна, поэтому в такой исторический период (1908—1910 годы), когда «наверху» мы видим не только «богомольную Думу» октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольную либеральную буржуазию.

Ленин В. И. Наши упразднители. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 129

За шумом ходячих либеральных фраз у нас слишком часто забывают действительную классовую позицию настоящих «хозяев» либеральной партии. Князь Евгений Трубецкой в № 12 «Русской Мысли» превосходно вскрывает эту позицию, показывая наглядно, до какой степени сблизилась уже теперь у нас либеральные помещики Трубецкие и правые помещики Пуришкевичи во всех серьезных вопросах.

Один из таких самых серьезных вопросов — столыпинская аграрная политика. Сиятельный либеральный помещик говорит о ней:

«С начала премьерства Столыпина все правительственные заботы о деревне определяются главным образом двумя мотивами: страхом пугачевщины, натворившей столько бед в 1905 году, и стремлением создать в противовес пугачевщине новый тип крестьянина — зажиточного, а потому дорожащего собственностью, не доступного революционной пропаганде...»

Уже словечком «пугачевщина» наш либерал обнаруживает свое полное согласие с Пуришкевичами. Разница только та, что Пуришкевичи произносят это слово свирепо и с угрозами, а Трубецкие по-маниловски, приторно, мягко, с фразами о культуре, с отвратительно-лицемерными возгласами о «новой крестьянской общественности» и «демократизации деревни», с умильными речами о божественном.

Благодаря новой аграрной политике, гораздо быстрее, чем прежде, растет крестьянская буржуазия. Это бесспорно. Крестьянская буржуазия не может не расти при всяком политическом и при всяком аграрном строе России, ибо Россия капиталистическая страна, вполне втянутая в оборот мирового капитализма. Либеральный князек знал бы это, если бы имел хоть азбучные сведения об «основных началах марксизма», о которых он говорит с бесконечным апломбом и с таким же бесконечным невежеством. Но князек все усилия направляет к тому, чтобы заглушить коренной вопрос о том, каково бывает развитие капитализма *без* всяких Пуришкевичей и *при* всевластии их класса. Князек захлебывается от успехов коопераций, травосеяния, от «подъема благосостояния», не говоря ни единого словечка ни о дороговизне жизни, ни о массовом разорении крестьян, ни об отчаянной нищете и голодовках, ни об отработках и т. п. «Крестьяне обуржуазиваются» — это князек видит и этим восторгается, а того, что они становятся наемными рабочими в условиях сохранения крепостнически-кабальных отношений, этого наш либеральный помещик видеть не хочет.

«Первое соприкосновение интеллигенции,— пишет он,— с широкими крестьянскими массами имело место уже в 1905 году, но тогда оно имело совсем другой характер — разрушительный, а не созидательный. Тогда соединение происходило единственно в целях совместного разрушения старых форм жизни, а потому было поверхностным. Интеллигент-демагог не вносил своего самостоятельного содержания в крестьянское сознание и в крестьянскую жизнь, а скорее сам руководствовался инстинктами народных масс, льстил им, приспособляя к ним свою партийную программу и тактику».

Знакомые, пуришкевичевские речи! Маленький пример: если на 2000 десятин земли господ Трубецких устроить 80 крестьянских хуторов по 25 десятин, то это будет «разрушением»; а если устроить десяток-другой подобных хуторов на земле разоренных общинников, то это будет «созиданием». Не так ли, сиятельный князь? Не догадываетесь ли вы, что в первом случае Россия была бы действительно «буржуазно-демократической», а во втором она на долгие десятилетия остается пуришкевичевской?

Но либеральный князь, прячась от неприятных вопросов, уверяет читателей, что крупные землевладельцы, распродавая земли, «скоро, очень скоро» окончательно исчезнут.

«Если правительство своими мероприятиями не слишком ускорит будущую революцию, то, когда она наступит, вопрос о «принудительном отчуждении» вовсе перестанет быть вопросом, ибо уже почти нечего будет отчуждать».

По последней статистике министерства внутренних дел, в 1905 году было 70 миллионов десятин у 30 000 помещиков и столько же у 10 000 000 крестьян, но либеральному князю нет дела до этого! Уверять читателей, что Пуришкевичи исчезнут очень «скоро», ему надо для того, чтобы защитить Пуришкевичей. Его интересует всерьез только то, что

«людей, заинтересованных в собственности, в деревне будет достаточно, чтобы бороться не только против пугачевской, но и против всякой социалистической пропаганды».

Благодарим за откровенность!

«Каков же будет результат?» — спрашивает либеральный князь. «Перевоспитает ли правительство при помощи интеллигенции» (идущей в кооперативы и пр.) «крестьян в благонамеренных мелких помещиков или же, наоборот, интеллигенция, за счет правительственных ссуд, даст им воспитание?»

Князь ожидает, что не будет ни того, ни другого. Но это только лицемерный оборот речи. На деле он, как мы видели, всей душой стоит за перевоспитание крестьян в «благонамеренных мелких помещиков», уверяя, что «интеллигенция становится почвенной» и что для «демагогической аграрной программы» социалистов (в корне противоречащей — по мнению его сиятельства — «основным началам марксизма», не смейтесь, читатели!) не найдется места.

Неудивительны такие взгляды у помещика. Неудивительно его возмущение ростом атеизма и его богомольные речи. Удивительно, что есть еще на Руси такие глупые люди, которые не понимают, что, покуда такие помещики и такие политики задают тон во всей либеральной, в том числе в кадетской, партии, до тех пор смешно надеяться, что действительное отстаивание народных интересов может происходить «при участии» либералов и кадетов.

*Ленин В. И. Сиятельный либеральный помещик о «новой земской России».—
Полн. собр. соч., т. 24, с. 316—319*

АНТИЦЕРКОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА АНГЛИИ

Старая, доказанная историей истина гласит, что пережившие себя общественные силы, — силы, номинально еще владеющие всеми атрибутами власти, хотя основы их существования уже давно прогнили, и продолжающие прозябать, в то время как еще до объявления о смерти и вскрытия завещания наследники уже перессорились между собой из-за наследства — еще раз перед агонией делают последнее усилие, от обороны переходят к наступлению, вместо того чтобы уклоняться от борьбы, сами вызывают на борьбу, пытаясь сделать самые крайние выводы из посылок, которые не только поставлены под вопрос, но уже давно осуждены историей. Так поступает сейчас английская олигархия. Так поступает и ее сестра-близнец — *церковь*. Предпринимаются бесчисленные попытки реорганизации внутри англиканской государственной церкви, как «высокой», так и «низкой», попытки уладить споры с диссидентами²⁵, дабы противопоставить таким образом нечестивой массе нации компактную силу, быстро одна за другой проводятся меры религиозного принуждения. Благочестивый граф Шефтсбери, известный ранее как лорд Эшли, констатировал с огорчением в палате лордов, что в одной только Англии пять миллионов человек совершенно отошли не только от церкви, но и от христианства. «*Compelle intrare*» *, отвечает государственная церковь. Она предоставляет лорду Эшли и ему подобным диссидентствующим, сектантствующим и кликушествующим святошам таскать для нее каштаны из огня.

Первой религиозной принудительной мерой был Beer Bill **, который запретил открывать по воскресеньям какие-либо общественные увеселительные заведения, кроме как от 6 до 10 вечера. Этот билль был проведен контрабандой в конце заседания при почти пустой палате, после того как благочестивые господа купили себе поддержку владельцев больших лондонских пивных обещанием продлить действие патентной системы, то есть обещанием сохранить монополию крупного капитала. Затем последовал Sunday Trading Bill ***, который сейчас прошел в третьем чтении через палату общин и отдельные пункты которого только что подверглись обсуждению в палате, заседавшей в качестве комитета²⁶. Этой новой принудительной мере была также обеспечена поддержка крупного капитала, поскольку по воскресеньям торгуют только мелкие лавки, а большие магазины всегда готовы парламентским путем устранить воскресную конкуренцию лавочек. В обоих случаях перед нами заговор церкви с монополией капитала и в обоих случаях религиозные карательные законы направлены

* — «Убеди прийти» (евангельское выражение). *Ред.*

** — пивной билль. *Ред.*

*** — билль о запрещении воскресной торговли. *Ред.*

против низших классов для успокоения совести высших классов. *Beer Bill* так же мало затронул аристократические клубы, как *Sunday Trading Bill* — воскресные занятия привилегированных классов. Рабочий класс получает заработную плату вечером в субботу. Воскресная торговля, следовательно, существует только для него, лишь он один вынужден делать свои мелкие закупки в воскресенье. И новый билль направлен поэтому только против него. В XVIII веке французская аристократия говорила: для нас Вольтер, для народа обедня и десятина. В XIX веке английская аристократия говорит: для нас ханжеские фразы, для народа христианские дела. Классические святые христианства бичевали *свое* тело во имя духовного спасения массы; современные просвещенные святые бичуют *тело массы* во имя собственного духовного спасения.

Маркс К. Антицерковное движение.—
Демонстрация в Гайд-парке.— Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 338—339

Английские социалисты гораздо принципиальнее и практичнее французских. Это объясняется главным образом тем, что они ведут открытую борьбу против различных церквей и ничего знать не хотят о религии. В более крупных городах они содержат обычно «холл» (дом собраний), где слушают каждое воскресенье речи, зачастую враждебные христианству и атеистические, но часто касающиеся и какой-либо стороны жизни рабочих; из их лекторов (проповедников) Уотс в Манчестере, мне кажется, является во всяком случае выдающимся человеком, написавшим несколько очень талантливых брошюр по вопросу о существовании бога и по политической экономии. У лекторов очень хорошая манера рассуждать: они во всем исходят из опыта и из доказуемых или наглядных фактов и сопровождают их при этом такими глубоко принципиальными выводами, что с ними очень трудно бороться на избранной ими почве. Если же кто-либо пытается перенести спор в другую область, то они просто высмеивают его; если я говорю, например: человек не должен ставить существование бога в зависимость от фактических доказательств, то они отвечают: «Как смехотворно выдвинутое вами положение: если бог не проявляет себя посредством фактов, то какое нам до него дело; из вашего положения как раз следует, что для людей безразлично, есть ли бог или его нет. А так как у нас тысячи разных других забот, то мы оставляем вам господа бога в заоблачных сферах, где он, может быть, существует, а может быть, и не существует. То, что не может быть удостоверено фактами, нас несколько не интересует; мы стоим на почве «доподлинных фактов», где не может быть речи о таких фантастических вещах, как бог и другие религиозные представления». Так они и прочие свои коммунистические положения основывают на доказательствах при помощи фактов, в выборе которых они действительно осторожны. Упорство этих людей

неописуемо, и каким образом духовенство намеревается справиться с ними — одному небу известно. В Манчестере, например, коммунистическая община насчитывает 8 000 членов, открыто записавшихся в холл и уплачивающих взносы; и не является преувеличением, когда говорят, что половина населения, принадлежащего к трудящимся классам Манчестера, разделяет их воззрения на собственность, ибо когда Уотс говорит с трибуны (у коммунистов это то же, что у христиан — церковная кафедра): «Сегодня я иду на тот или другой митинг», — то можно рассчитывать на то, что предложение, внесенное лектором, получит большинство.

Но есть и среди социалистов теоретики или, как их называют коммунисты, *полные* атеисты, тогда как те называются *практическими*. Из этих теоретиков самый знаменитый — Чарлз Саутуэлл в Бристоле, который издавал полемический журнал «Оракул разума»²⁷ и за это был наказан годом тюрьмы и штрафом около 100 фунтов; разумеется, штраф был быстро покрыт подпиской, ибо каждый англичанин имеет *свою* газету, помогает *своим* вожакам вносить штрафы, оплачивает *свою* капеллу или холл, ходит на *свои* митинги. Но Чарлз Саутуэлл опять уже сидит в тюрьме; дело в том, что в Бристоле пришлось продать холл, потому что там социалистов не так уж много и среди них мало богатых, между тем как такой холл — вещь довольно дорогая. Он был куплен христианской сектой и превращен в капеллу. При освящении этой новой капеллы туда проникли социалисты и чартисты, чтобы поглядеть и послушать церемонию. Но когда священник начал славить бога за то, что всему этому безобразию пришел конец, что там, где обычно носили бога, будет теперь вознесена хвала всемогущему, они приняли это за нападение, а так как по английским понятиям всякое нападение требует отпора, они подняли крик: Саутуэлл, Саутуэлл! Пусть Саутуэлл выступит в качестве оппонента! Тогда Саутуэлл поднимается и начинает говорить, но тут священники христианской секты, встав во главе своих построенных в колонны духовных чад, обрушиваются на Саутуэлла, другие члены секты зовут полицию, так как Саутуэлл-де нарушил христианское богослужение; священники собственноручно хватают его, избивают (что часто бывает в таких случаях) и передают в руки полисмена. Саутуэлл сам приказал своим приверженцам не оказывать физического сопротивления; когда его уводили, за ним следовало около 6 000 человек с криками «ура» и возгласами в его честь.

Основатель движения социалистов Оуэн пишет в многочисленных своих книжках на манер немецких философов, т. е. очень плохо, но временами его мысль вдруг проясняется, и он придает тогда своим темным писаниям удобоваримую форму; впрочем, воззрения его многообъемлющи. По Оуэну, «брак, религия и собственность — единственные причины всего зла, какое существовало от начала мира» (!!); все его сочинения кишат яростными нападками на теологов, юристов и медиков, которых он валит в одну

кучу. «Суды присяжных составлены из класса людей, которые находятся еще целиком в плену теологии и, следовательно, занимают предвзятую позицию; также и законы проникнуты теологией и должны быть поэтому отменены вместе с судами присяжных».

Пока англиканская церковь почивала на лаврах, социалисты сделали невероятно много для просвещения трудящихся классов в Англии. На первых порах не надвигаясь, слушая, как самые простые рабочие с полным пониманием выступают в холле для лекций на политические, религиозные и социальные темы; но когда ознакомишься с замечательными популярными брошюрами, когда послушаешь социалистических лекторов, вроде Уотса в Манчестере, то перестаешь удивляться. Рабочие имеют теперь в хороших дешевых изданиях переводы произведений французской философии прошлого столетия, главным образом «Общественный договор» Руссо, «Систему природы» и разные сочинения Вольтера, кроме того, в брошюрах за один или два пфеннига и в газетах они находят изложение коммунистических принципов; точно так же в руках рабочих имеются дешевые издания сочинений Томаса Пэйна и Шелли. Сюда нужно еще прибавить воскресные чтения, очень усердно посещаемые; так, во время моего пребывания в Манчестере я видел, что коммунистический холл, вмещающий около 3 000 человек, каждое воскресенье бывает переполнен, и я слушал там речи, которые оказывают непосредственное воздействие, в которых затрагиваются вопросы, задевающие за живое, отпускаются также и остроты по адресу духовных лиц. Нередко случается, что христианство подвергается прямому нападению и христиан называют «нашими врагами».

По форме эти собрания напоминают отчасти церковные; хор певчих в сопровождении оркестра распевает на галерее социальные гимны, полудуховные или полностью духовные мелодии с коммунистическим текстом, которые выслушиваются стоя. Затем на трибуну, где стоят стол и стулья, безо всяких церемоний, не снимая шляпы, поднимается лектор; взмахнув шляпой в виде приветствия, он снимает пальто; потом садится и читает свой доклад, который обычно вызывает веселый смех, ибо в этих речах дается полный простор бьющему ключом английскому остроумию и юмору. В одном уголке холла расположена лавка с книгами и брошюрами, в другом — ларек с апельсинами и освежительными напитками, где каждый может удовлетворить свои вкусы или отдохнуть, если ему наскучат речи. По временам устраиваются воскресные вечера, на которых сидят попеременно люди обоего пола, всех возрастов и состояний за обычным ужином — чаем с бутербродами; в рабочие дни в холле часто устраиваются балы и концерты, где очень весело проводят время; в холле имеется еще и кафе.

Как могло случиться, что все это терпят? Во-первых, при правительстве вигов коммунисты добились соответствующего парламентского акта и вообще настолько тогда окрепли, что теперь с

ними как с корпорацией ничего нельзя больше поделать. Во-вторых, очень охотно расправились бы с отдельными выдающимися людьми, но знают, что это послужило бы социалистам только на пользу, так как обратило бы на них общественное внимание, к чему они и стремятся. Если бы появились мученики за их дело (а как много среди них людей, готовых в любой момент стать мучениками!), это вызвало бы агитацию, агитация же есть средство создать их делу еще большую популярность, тогда как теперь бóльшая часть народа их не замечает, полагая, что это такая же секта, как и всякая иная. Виги знали очень хорошо, что репрессивные меры действуют в пользу какого-нибудь дела сильнее, чем проводимая сторонниками этого дела агитация, поэтому они дали коммунистам возможность существовать и оформляться; но всякая форма скрепляет. Тори, правда, выступают против них, когда их атеистические произведения принимают слишком уж вызывающий характер, но каждый раз с пользой для коммунистов; в декабре 1840 г. Саутуэлл и другие подверглись наказанию за богохульство; сейчас же появились три новых газеты: «Атеист», «Атеист и республиканец» и третья, в издании лектора Уотса, — «Богохульник». Несколько номеров «Богохульника» вызвали большую сенсацию, и власти тщетно ломали себе голову, как бы подавить это направление. Потом предоставили его самому себе, и что же, все три газеты прекратили свое существование!

*Энгельс Ф. Письма из Лондона.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 513—
521*

Перейдем от физических условий жизни рабочих к духовным. Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам. А эта мера не очень-то велика. Просветительных учреждений в Англии непропорционально мало сравнительно с количеством населения. Немногочисленные дневные школы, доступные рабочему классу, могут посещаться только немногими, к тому же эти школы плохие, учителя в них — потерявшие трудоспособность рабочие или еще какие-нибудь ни на что не пригодные люди, которые стали учителями ради заработка, сами большей частью не имеют даже самых необходимых элементарных знаний, лишены столь важных для учителя нравственных качеств и совсем не подвергаются публичному контролю. И здесь царит свободная конкуренция, и, как всегда, богачи на этом выгадывают, а бедняки, для которых конкуренция как раз не является свободной, которые не располагают соответствующими знаниями, чтобы сделать правильный выбор, остаются в накладе. Обязательного школьного обучения нет нигде; на фабриках оно, как мы это увидим, существует лишь на словах, и когда в сессию

1843 г. правительство пыталось эту мнимую обязательность превратить в действительную, промышленная буржуазия всеми силами этому воспротивилась, хотя рабочие решительно высказались *за* обязательное посещение школы. Кроме того огромное число детей работает всю неделю на фабриках и на дому и не может поэтому посещать школу. А *вечерние школы*, предназначенные для тех, кто днем работает, почти вовсе не посещаются и не приносят никакой пользы. Было бы слишком уж много требовать от юных рабочих, изнуренных двенадцатичасовым трудом, чтобы они еще отсиживали в школе с восьми до десяти часов вечера. А те, которые это делают, большей частью во время занятий засыпают, как это констатировано сотнями свидетельств в «Отчете комиссии по обследованию детского труда». Правда, созданы также и воскресные школы, но они плохо обеспечены учителями и могут принести некоторую пользу лишь тем, кто уже кое-чему научился в дневной школе. Промежуток времени от одного воскресенья до другого слишком велик, чтобы совершенно неразвитый ребенок мог удерживать в памяти до следующего урока то, что он выучил на предыдущем, неделю тому назад. «Отчет комиссии по обследованию детского труда» приводит об этом тысячи свидетельств, и сама комиссия решительно придерживается того мнения, что ни дневные, ни воскресные школы не отвечают даже в самой отдаленной степени нуждам нации. В этом отчете приводятся примеры такого невежества среди рабочего класса Англии, какого трудно было бы ожидать даже в таких странах, как Испания или Италия. Но может ли быть иначе? Образование рабочих мало сулит хорошего для буржуазии, зато может внушить ей серьезные опасения. Из своего огромного бюджета в 55 млн. ф. ст. правительство уделяет на народное просвещение жалкую сумму в 40 тыс. фунтов стерлингов. И если бы не фанатизм религиозных сект, причиняющий по крайней мере не меньший вред, чем польза, которую он кое-где приносит, расходы на образование были бы еще более ничтожны. Но англиканская церковь устраивает свои National Schools*, а каждая секта — свои школы, исключительно для того, чтобы удерживать в своем лоне детей своих единоверцев и, когда это возможно, отбить у другой секты какую-нибудь несчастную детскую душу. В результате религия, и именно самая бесплодная ее область — опровержение учений инаковерующих — стала важнейшим предметом преподавания, и память детей забивается непонятными догматами и различными теологическими тонкостями, сектантская нетерпимость и фанатичное ханжество развиваются с ранних лет, а умственное, духовное и нравственное развитие остается в позорном пренебрежении. Рабочие не раз уже требовали от парламента системы чисто светского народного образования, при которой забота о религиозном воспитании предоставлялась бы духовенству каждой секты, но до настоящего времени ни

* — народные школы. *Ред.*

одно министерство не соглашалось на подобную меру. Вполне понятно: министр — послушный лакей буржуазии, буржуазия же делится на бесчисленное множество сект; а каждая секта лишь в том случае согласна предоставить рабочему столь опасное в других отношениях образование, если сможет вместе с тем преподнести ему и противоядие в виде своих специфических догматов. А так как эти секты до сих пор борются между собой за верховенство, то рабочий класс остается пока без образования. Правда, фабриканты хвастаются тем, что они обучили грамоте огромное большинство рабочих, но что это за грамотность можно узнать из «Отчета комиссии по обследованию детского труда». Кто знает азбуку, тот говорит, что умеет читать, и фабриканты на этом успокаиваются. А если принять во внимание запутанную английскую орфографию, при которой чтение является истинным искусством и может быть постигнуто лишь после долгого изучения, то необразованность рабочего класса окажется весьма понятной. Писать бегло умеют лишь очень немногие, а правила орфографии не соблюдают даже многие «образованные» люди. В воскресных школах высокой англиканской церкви, квакеров и кое-каких других сект писать вообще не учат, «так как это слишком светское занятие для воскресенья». Как дело обстоит с другими видами образования, предлагаемыми рабочим, будет видно из нескольких примеров. Они заимствованы из «Отчета комиссии по обследованию детского труда», отчета, к сожалению, не охватывающего собственно фабричную промышленность.

«В Бирмингеме», — говорит член комиссии Грейнджер, — «дети, которых я экзаменовал, в общем совершенно не имеют того, что хоть в самой отдаленной степени могло бы быть названо полезными знаниями. Хотя почти во всех школах дается исключительно религиозное образование, в этой области, как правило, тоже обнаруживается полнейшая неосведомленность». — «В Вулвергемптоне», — рассказывает член комиссии Хорн, — «я видел, между прочим, следующие примеры. Девочка одиннадцати лет, побывавшая в дневной и воскресной школах, «никогда не слышала ни об ином мире, ни о рае, ни о загробной жизни». Юноша семнадцати лет не знал, сколько будет дважды два, и не смог сказать, сколько фартингов (¼ пени) в двух пенсах, даже когда ему дали эти деньги в руки. Некоторые мальчики никогда не слышали о Лондоне и даже об Уилленхолле, который находится всего в часе езды от Вулвергемптона и постоянно сообщается с последним. Некоторые из них никогда не слышали имени королевы или таких имен, как Нельсон, Веллингтон, Бонапарт. Но замечательно то, что те, которые никогда не слышали даже об апостоле Павле, Моисее и Соломоне, прекрасно были осведомлены о жизни, делах и личности разбойника Дика Тёрпина и, в особенности, прославленного своими побегими из тюрьмы вора Джека Шепарда». — «Шестнадцатилетний юноша не знал, сколько будет дважды два или сколько составляют четыре фартинга; другой, семнадцати лет, утверждал, что десять фартингов составляют десять полупенсов, а третий, тоже семнадцати лет, на некоторые очень простые вопросы коротко отвечал, что «ничего не знает (he was no judge o'nothin')»» (Хорн. «Отчет», приложения, часть II, Q 18, № 216, 217, 226, 233 и др.).

Эти подростки, которых в течение 4—5 лет пичкают религиозными догматами, под конец знают не больше, чем знали сначала.

Один подросток «в течение пяти лет регулярно посещал воскресную школу; он не знал, кто такой Иисус Христос, хотя имя это слышал; он никогда не слышал ни о двенадцати апостолах, ни о Самсоне, Моисее, Аароне и др.» (там же, документы, стр. q 39, 1.33). Другой подросток «в течение шести лет регулярно посещал воскресную школу, он знает, кто был Иисус Христос, что он умер на кресте, что он пролил свою кровь, «чтобы искупить нашего искупителя»; никогда не слыхал об апостолах Петре и Павле» (там же, стр. q 36, 1.46). Третий подросток «перебывал в течение семи лет в различных воскресных школах, умеет читать только в тоненьких книжках и только простые односложные слова, об апостолах слышал, но не знает, были ли Петр и Иоанн в их числе; если да, то это, наверное, был святой Иоанн Уэсли» (основатель секты методистов) и т. д. (там же, стр. q 34, 1.58). На вопрос, кто был Иисус Христос, Хорн, между прочим, получил еще такие ответы: «он был Адамом», «он был апостолом», «он был сыном господина спасителя (he was the Saviour's Lord's Son)», а один шестнадцатилетний юноша ответил: «он был королём в Лондоне много, много лет тому назад». — В Шеффилде член комиссии Саймонс заставил учеников воскресных школ читать; они не были в состоянии рассказать, что ими прочитано и что это за апостолы, о которых они только что прочитали. После того как он всех подряд спросил об апостолах, не получив ни одного правильного ответа, один смущенный на вид мальш с большой уверенностью воскликнул: «Я знаю, мистер, это были прокаженные!» (Саймонс. «Отчет», приложения, часть I, стр. E 22 и сл.).

То же наблюдается в округах гончарного производства и в Ланкашире.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 345—346

БЕЗРАЗЛИЧИЕ К РЕЛИГИИ В МАССЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Итак, мы видим, что сделали буржуазия и государство для воспитания и просвещения рабочего класса. К счастью, самые условия жизни этого класса таковы, что они дают ему своего рода практическое образование, которое не только заменяет весь школьный хлам, но и обезвреживает связанные с ним вздорные религиозные предвзвещения и даже ставит рабочих во главе общенационального движения Англии. Нужно учить молиться и — что гораздо важнее — мыслить и действовать. Английский рабочий, который почти не умеет читать и еще меньше писать, все же прекрасно знает, в чем заключаются его собственные интересы и интересы всей нации; он знает также, в чем заключаются специальные интересы буржуазии и чего он может от этой буржуазии ожидать. Пусть он не умеет писать, зато он умеет говорить и говорить публично; пусть он не знает арифметики, зато он достаточно разбирается в политико-экономических понятиях, чтобы видеть насквозь ратующего за отмену хлебных пошлин буржуа и опровергнуть его; пусть для него остаются совершенно неясными, несмотря на все старания попов, вопросы царства небесного, зато тем яснее для него вопросы земные, политические и социальные. Нам придется еще к этому вернуться, а

теперь перейдем к характеристике нравственного облика английского рабочего.

Совершенно ясно, что моральное воспитание, которое во всех школах Англии неразрывно связано с религиозным воспитанием, дает результаты ничуть не лучшие, чем это последнее. Простейшие принципы, регулирующие для человека отношения человека к человеку, уже невероятно запутанные существующими социальными условиями, войной всех против всех, не могут не оставаться совершенно неясными и чуждыми необразованному рабочему, когда они ему преподносятся вперемешку с религиозными, непонятными догматами, в религиозной форме произвольного и ни на чем не основанного предписания. Как это признают все авторитеты, и в частности комиссия по обследованию детского труда, школы не оказывают почти никакого влияния на нравственность рабочего класса. Английская буржуазия так тупа, так недалёковидна в своем эгоизме, что она даже не пытается привить рабочим современную мораль, ту мораль, которую буржуазия состроила в своих же собственных интересах и для собственной своей защиты! Даже и эту заботу о своих собственных интересах одряхлевшая, ленивая буржуазия считает слишком дорогостоящей и излишней. Наступит, конечно, время, когда она раскается в этом, но будет уже поздно. Во всяком случае, пусть не жалуется на то, что рабочие ничего не знают об этой морали и не руководствуются ею.

Итак, рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты господствующим классом и покинуты на произвол судьбы. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против рабочих, когда они слишком подступают к ней, это закон; как будто они неразумные животные, к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу. Неудивительно поэтому, что рабочие, с которыми обращаются, как с животными, либо на самом деле уподобляются животным, либо черпают сознание и чувство своего человеческого достоинства только в самой пламенной ненависти, в неугасимом внутреннем возмущении против власти имущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся животными, когда безропотно подставляют шею под ярмо и пытаются только сделать более сносной свою подъяремную жизнь, не думая о том, чтобы от этого ярма избавиться.

Вот все, что буржуазия сделала для просвещения рабочего класса, и если принять во внимание условия его существования в других отношениях, то мы никак не сможем осудить его за ту ненависть, которую он питает к господствующему классу.— Нравственное воспитание, которого рабочий не получает в школе, не прививается ему и прочими жизненными условиями, по крайней мере то нравственное воспитание, которое имеет какое-нибудь

значение в глазах буржуазии. Все положение рабочего, вся окружающая его обстановка способствуют развитию в нем безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него никакой прелести, почти все наслаждения ему недоступны, кары закона ему больше не страшны; почему же он должен стеснять себя в своих желаниях, почему он должен давать богачу наслаждаться своим богатством, вместо того чтобы присвоить себе часть его? Какие могут быть основания у пролетария, чтобы не красть? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой. Деньги — вот бог на земле. Буржуа отнимает у пролетария деньги и тем самым превращает его на деле в безбожника. Что же удивительного, если пролетарий остается безбожником, не питает никакого почтения к святости и могуществу земного бога!

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 346—348

Гуманность рабочих проявляется весьма отрядным образом и в других формах. Не баловала их самих жестокая судьба, и потому они умеют сочувствовать тем, кому плохо живется. Для них каждый человек — человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек. Вот почему рабочие обходительнее, приветливее и, хотя они больше нуждаются в деньгах, чем имущий класс, все же они менее до них ладки; для них деньги имеют ценность только ради того, что на них можно купить, между тем как для буржуа они имеют особую присущую им ценность, ценность божества, и превращают буржуа в низкого, грязного «человека наживы». Рабочий, которому это чувство благоговения перед деньгами совершенно чуждо, не так жадеен, как буржуа, который готов на все, чтобы побольше нажить, и видит цель своей жизни в наполнении своего денежного мешка. Вот почему рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности, чем буржуа, и не смотрит на все сквозь призму личных интересов. От религиозных предрассудков его предохраняет недостаточное воспитание; ничего не понимая в этих вопросах, он не ломает над ними голову, ему чужд фанатизм, которым одержима буржуазия, и если он и бывает религиозен, то только на словах, даже не в теории; на практике же рабочий живет только земными интересами и стремится устроиться в этом мире получше. Все буржуазные писатели сходятся в одном, — что рабочие не религиозны и не посещают церкви. Исключение составляют разве только ирландцы, некоторые старики и полубуржуа — надсмотрщики, мастера и им подобные. А в массе почти везде наблюдается полное безразличие к религии; можно самое большее встретить некоторый намек на деизм, настолько неопре-

деленный, что он выражается лишь в словесных оборотах или в безотчетном страхе перед такими выражениями, как *infidel* (неверующий) или атеист. Духовенство всех сект на очень плохом счету у рабочих, хотя оно лишь недавно потеряло свое влияние на них; но в настоящее время дело обстоит так, что простого взгляда: *he is a parson!* — это поп! часто бывает достаточно, чтобы прогнать священника с трибуны общественного собрания. Как самые условия жизни, так и недостаток религиозного и иного воспитания способствуют тому, чтобы сделать рабочих более объективными, более свободными от устаревших, установившихся принципов и предвзятых мнений, чем буржуа. Буржуа по уши погряз в своих классовых предрассудках, в принципах, привитых ему с детства, с ним ничего не поделаешь; он по существу консервативен, пусть даже и в либеральной форме; его интересы неразрывно связаны с существующим строем, и для всякого движения вперед он человек мертвый. Он перестает стоять во главе исторического развития, и на его место становятся рабочие — сперва только по праву, а затем и на деле.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 357—358

Наши бланкисты имеют ту общую с бакунистами черту, что они хотят быть представителями самого далеко идущего, самого крайнего направления. А потому, к слову сказать, при всей противоположности их целей, они все же часто сходятся с бакунистами в средствах. Итак, речь идет о том, чтобы быть радикальнее всех в отношении атеизма. В наши дни быть атеистом, к счастью, уже не мудрено. Атеизм является чем-то почти само собой разумеющимся в европейских рабочих партиях, хотя в некоторых странах он частенько носит такой же характер, как атеизм того испанского бакуниста, который заявил: верить в бога — это противоречит всякому социализму, но верить в деву Марию — это совсем другое дело, в нее, конечно, должен верить каждый порядочный социалист. О громадном большинстве * немецких социал-демократических рабочих можно даже сказать, что у них атеизм стал уже пройденным этапом; это чисто отрицательное обозначение к ним уже неприменимо, так как они противостоят вере в бога уже не теоретически, а практически; они *попросту покончили с богом*, они живут и мыслят в действительном мире и являются поэтому материалистами. Примерно так же обстоит дело и во Франции. Если же нет, то что может быть проще, чем позаботиться о массовом распространении среди рабочих превосходной французской материалистической литературы прошлого века, той литературы, которая до сих пор как по форме, так и по содержанию является высшим достижением французского духа и которая,

* — слова «громадное большинство» добавлены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

учитывая тогдашний уровень науки, по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко, а по форме все еще остается недостижимым образцом. Но нашим бланкистам это не по вкусу. Чтобы доказать, что они всех радикальнее,— бог, как в 1793 г., отменяется декретом:

«Пусть Коммуна навеки освободит человечество от этого призрака минувших бедствий» (от бога), «от этой причины» (несуществующий бог — причина!) «его нынешних бедствий.— В Коммуне нет места попам; всякая религиозная проповедь, всякая религиозная организация должна быть запрещена».

И это требование — превратить людей в атеистов *par ordre du mufti** — подписано двумя членами Коммуны, которые наверняка имели возможность убедиться, во-первых, что можно писать сколько угодно приказов на бумаге, нисколько не обеспечивая этим их выполнения на деле, а во-вторых, что преследования — наилучшее средство укрепить нежелательные убеждения! Одно несомненно: единственная услуга, которую в наше время можно еще оказать богу, — это провозгласить атеизм принудительным символом веры и перецеголять противоцерковные законы Бисмарка о культуркамффе²⁸ — запрещением религии вообще.

Энгельс Ф. Эмигрантская литература.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18,
с. 513—514

Что касается религиозных чувств сельскохозяйственных рабочих, то у них они, конечно, сильнее, чем у промышленных рабочих, но все же и они находятся в очень натянутых отношениях с церковью, так как в этих округах почти все население принадлежит к англиканской церкви. Корреспондент «Morning Chronicle», за подписью: «Один из тех, кто сам ходил за плугом»**, сообщает о своей поездке по сельскохозяйственным округам и передает, между прочим, такой разговор с поденщиками у выхода из церкви:

«Я спросил одного из них, является ли сегодняшний проповедник их постоянным священником. Да, ну его к черту (Yes, blast him),— да, это наш собственный поп; вечно он попрошайничает, и с тех пор, как я его знаю, всегда попрошайничал (проповедник призывал к сбору средств на обращение язычников).— И с тех пор, как я его знаю,— добавил другой,— я еще не встречал попа, который бы не попрошайничал то на одно, то на другое.— Да,— сказала женщина, только что вышедшая из церкви,— плата рабочим все падает, а посмотрите на этих богатых бездельников, с которыми попы едят, пьют и ездят на охоту. Ей-богу, мы скорее пойдем в рабочий дом или подохнем с голоду, чем согласимся выложить деньги для попов, которые отправляются к язычникам.— А почему,— сказала другой,— они не посылают туда тех попов, которые хнычут каждый день в соборе в Солсбери, где никто, кроме камней, их не слушает? Почему эти не отправляются к язычникам?— Эти туда не пойдут,— сказал тот старик,

* — по велению муфтия, по приказу свыше. *Ред.*

** — псевдоним Александра Сомервилла. *Ред.*

с которым я начал разговор,— они богатые, они имеют больше земли, чем им нужно, а они хотят собрать деньги, чтобы избавиться от бедных попов; я прекрасно знаю, чего они хотят; я их слишком давно знаю.— Что же это, друзья мои,— спросил я,— неужели вы всегда выходите из церкви с таким горьким чувством к священнику? Зачем же вы вообще ходите в церковь? — Зачем мы ходим? — ответила женщина.— Мы вынуждены ходить, если не хотим потерять все,— работу и все; конечно, мы вынуждены.— Впоследствии я убедился в том, что если они ходят в церковь, то получают некоторые мелкие преимущества в снабжении топливом и небольшой участок земли под картофель, за который им, впрочем, приходится платить».

Описав далее их нищету и невежество, наш корреспондент заканчивает следующими словами:

«И я смело утверждаю, что положение этих людей, их бедность, их ненависть к церкви, их внешняя покорность и внутреннее озлобление против церковных сановников *составляют правило во всех сельских общинах Англии*, а противоположное является лишь исключением».

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 2, с. 439—490

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Маркс К. Гражданская война во Франции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 343

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т. е. государственное жалованье попам), придала народному образованию чисто светский характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена

система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Ленин В. И. Памяти Коммуны.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 220

Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает, как мы видели, особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных *. В мелких промыслах и в мануфактуре мы видим всегда остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые, в общей обстановке капиталистического хозяйства, чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их. Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками патриархальности и личной зависимости, отличаясь поистине «пренебрежительным отношением к прошлому». И именно этот разрыв с устарелыми традициями был одним из существенных условий, создавших возможность и вызвавших необходимость регулирования производства и общественного контроля за ним. В частности, говоря о преобразовании фабрикой условий жизни населения, необходимо заметить, что привлечение к производству женщин и подростков ** есть явление в основе своей прогрессивное. Бесспорно, что капиталистическая фабрика ставит эти разряды рабочего населения в особенно тяжелое положение, что по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр., но стремления совершенно запретить

* О типе «фабричного» ср. выше, гл. VI, § II, 5, стр. 317 (настоящий том, стр. 404—405. *Ред.*).— Также «Сборник стат. свед. по Моск. губ.», т. VII, в. III, М. 1883, стр. 58 (фабричный — резонер, «умник»).— «Нижег. сборник», I, с. 42—43; т. IV, с. 335.— «Пром. Влад. губ.», III, 113—114 и др.— «Нов. Слово», 1897 г., октябрь, стр. 63.— Ср. также вышеупомянутые сочинения г. Жбанкова, характеризующие рабочих, уходящих на торгово-промышленные занятия в города.

** По данным «Указателя» на фабриках и заводах Европейской России было занято в 1890 г. всего 875 764 рабочих, из них 210 207 (24%) женщины, 17 793 (2%) мальчиков и 8 216 (1%) девочек.

промышленную работу женщин и подростков или поддержать тот патриархальный строй жизни, который исключал такую работу, были бы реакционными и утопичными. Разрушая патриархальную замкнутость этих разрядов населения, которые прежде не выходили из узкого круга домашних, семейных отношений, привлекая их к непосредственному участию в общественном производстве, крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, вынуждает их самостоятельность, т. е. создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности докапиталистических отношений...

Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 347—348

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, сплачивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляя свои силы и растет неудержимо.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 47—48

АТЕИЗМ И КОММУНИЗМ

Но так как для социалистического человека *вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, то у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего поро-

ждения самим собою, процесса своего возникновения. Так как для социалистического человека *существенная реальность* человека и природы приобрела практический, чувственный, наглядный характер, причем человек наглядно стал для человека бытием природы, а природа наглядно стала для него бытием человека, то стал практически невозможным вопрос о каком-то *чуждом* существе, о существе, стоящем над природой и человеком, — вопрос, заключающий в себе признание несущественности природы и человека. *Атеизм*, как отрицание этой несущественности, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является *отрицанием бога* и утверждает *бытие человека* именно посредством этого отрицания; но социализм, как социализм, уже не нуждается в таком опосредствовании: он начинается с *теоретически и практически чувственного сознания* человека и природы как *сущности*. Социализм есть *положительное*, уже не опосредствуемое отрицанием религии *самосознание* человека, подобно тому как *действительная жизнь* есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, *коммунизмом*. Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергичский принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества.

Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 126—127

Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой жизни*, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному бытию*. Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*, — его упразднение охватывает поэтому обе стороны. Понятно, что если у различных народов это движение *начинается* либо в одной, либо в другой из этих областей, то это зависит от того, протекает ли подлинная *признанная жизнь* данного народа преимущественно в сфере сознания или же в сфере внешнего мира, является ли она больше идеальной или же реальной жизнью. Коммунизм сразу же начинается с атеизма (Оуэн), атеизм же на первых порах далеко еще не есть *коммунизм*; ведь и тот атеизм, с которого начинается коммунизм, есть еще преимущественно абстракция. Поэтому филантропия атеизма первоначально есть лишь *философ-*

ская, абстрактная филантропия, тогда как филантропия коммунизма сразу же является *реальной* и нацелена непосредственно на *действие*.

Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года.*— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 117

5. АТЕИЗМ И СВОБОДОМЫСЛИЕ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА

В статье г. Крюкова «Без огня» о крестьянстве и крестьянской жизни и крестьянской психологии рассказывает некий сладенький попик, изображая крестьянство именно таким, каким оно *само* выступало и выступает. Если это изображение верно, то русской буржуазной демократии — в лице именно крестьянства — суждено крупное историческое действие, которое при сколько-нибудь благоприятной обстановке сопутствующих явлений имеет все шансы быть победоносным...

«Раболепство и трусость,— говорит попик у Крюкова про русское духовенство,— всегда это было!.. Но в том разница, что никогда не было такого *ужасающе спокойного*, молчаливого отпадения от церкви, как ныне. Точно дух жизни угас в церкви. Повторяю: не одна интеллигенция ушла,— народ ушел... надо в этом сознаться,— я ведь два года был сельским священником».

Сладенький попик вспоминает *пятый* год. Попик разъяснял тогда крестьянам манифест.

«Я-то ждал,— плачет он,— прозрения, тесного союза, *любви*, трезвости, здравого сознания, пробуждения, энергии... Прозрение-то как будто и явилось, но вместо единения и союза — злоба и междуусобие. И первое всего деревня толкнула именно и меня и — порядочно. Кажись, я весь, душой и сердцем, был за нее... Эти самые свободы объяснял и все прочее. И как слушали! Я-то думал, что уж шире того, что я открывал, и открыть нельзя, а не... проникли в деревню и другие речи. И новые-то разъяснители заварили кашку много погуще: насчет земельки, равенства и господ. *Конечно, мужички поняли и усвоили это моментально*. И первым долгом пришли ко мне и объяснили, что за ругу будут платить мне не двести, а сто...

...Однако особенно-то *огорчил* меня не этот факт — насчет сотни рублей, а совокупность всего, что так скоропалительно составило новый облик деревни. Уж как со всех сторон старались открыть ей глаза, освободить ее от пелены, темень эту ее осветить! И, если правду говорить, успели. Слепой человек увидел-таки *чутьочку* света и с этого момента он уже не слепой... хотя и не прозрел. Но с этим полупрозранием ему пришлось познание лишь самое горестное и злоба самая душная... И иной раз, может быть, вздохнет он о темном неведении своем. Такая злоба выросла в деревне, такая злоба, что, кажется, теперь весь воздух насыщен ею... Нож, дубина, красный петух. Очевидность бессилия, жгучие, неотомщенные обиды, междуусобная брань, ненависть без разбора, зависть ко всему более благополучному, уютному, имущему. И прежде, конечно, зависть жила, и злоба, и скорбь, и грех смрадный, но верили люди в волю божию и тщету мирских благ, верили и *находили силу терпеть* в уповании на заградную награду. Нынче этой веры уже нет. Нынче там вера такая: мы — порабитители, они — порабощенные. Из всех толкований о свободе на деревенской почве выросли плевелы и дурман... А вот теперь этот новый закон о земле,— брат на брата восстал, сын на отца, сосед на соседа! Злоба и смута пошла такая, что задохнется в ней деревня, непременно задохнется».

Мы подчеркнули в этом характерном описании деревни сладкоречивым попиком (чистейший народник-интеллигент!) некоторые особенно характерные словечки.

Попик — сторонник «любви», враг «ненависти». В этом отношении он целиком разделяет ту толстовскую (можно также сказать: ту христианскую) глубочайше-реакционную точку зрения, которую постоянно развивают наши кадеты и кадетоподобные. Помечтать о какой-нибудь «социализации земли», поболтать о «социалистическом» значении коопераций, о «нормах землевладения» такой попик, наверное, не прочь, но вот когда дело дошло до ненависти вместо «любви», тут он сразу спасовал, раскис и нюни распустил.

Словесный, фразистый «социализм» («народный, а не пролетарский») — сколько угодно, это и в Европе любой мещанин из грамотных одобрит. Ну, а ежели дошло дело до «ненависти» вместо «любви», тут финал. Социализм гуманной фразы — мы за; революционная демократия — мы против.

То, что говорит сладенький попик на избитую тему о «хулиганстве» в деревне, не представляет с фактической стороны ровно ничего нового. Но из собственного его рассказа ясно видно, что «хулиганство» есть внесенное *крепостниками* понятие. «Жгучие, неотомщенные обиды» — вот что констатирует сладенький попик. А это, несомненно, нечто весьма и весьма далекое от «хулиганства».

Ленин В. И. Что делается в народничестве и что делается в деревне? — Полн. собр. соч., т. 22, с. 365, 366—368

Марксисты издавна считали своей задачей, в борьбе с народничеством, разрушать маниловщину, слащавые фразы, сентиментальную надклассовую точку зрения, пошлый «народный» социализм, достойный какого-нибудь французского, прожженного в деляческих подходах и аферах «радикала-социалиста». Но вместе с тем марксисты издавна считали столь же обязательной своей задачей выделять *демократическое* ядро народнических взглядов. Народнический социализм — гнилая и смердящая мертвечина. Крестьянская демократия в России, если верно изображает ее у Крюкова сладенький попик, живая сила. Да и не может она не быть живой силой, пока хозяйничают Пуришкевичи, пока голодают по тридцать миллионов.

«Ненависть без разбора» говорят нам. Во-1-х, это не вся правда. «Разбора» не видят Пуришкевичи, не видят чиновники, не видят прекраснодушные интеллигенты. Во-2-х, ведь даже в начале рабочего движения в России был известный элемент «ненависти без разбора», например, в форме разрушения машин при стачках 60—80-х годов прошлого века. Это быстро отпало. Не в этом соль. Пошлостью было бы требовать «белых перчаток» от терпящих терпение людей данной обстановки.

Существенное — глубокий разрыв с старым, безнадежно-реакционным мирозерцанием, глубокое усвоение именно того учения о «порабощенных», которое является залогом не мертвого сна, а живой жизни.

Сгнил народнический социализм вплоть до самого левого. Жива и жизненна задача очищения, просветления, пробуждения, сплочения демократии на почве сознательного разрыва с учениями «любви», «терпения» и т. п. Печалится сладенький попик. Мы же имеем все основания радоваться богатому поприщу бодрой работы.

Ленин В. И. Что делается в народничестве и что делается в деревне? — Полн. собр. соч., т. 22, с. 368—369

О поведении трудовиков в Думе во время прений по разбираемым вопросам приходится сказать немногое. Как и всегда, обнаружилась яркая разница между трудовиками-крестьянами и трудовиками-интеллигентами к невыгоде для последних с их большей готовностью следовать за к.-д. Крестьянин Рожков, правда, обнаружил своей речью всю свою политическую бессознательность: он тоже повторил пошлость кадетов насчет того, что Союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но зато, когда он бесхитростно стал рассказывать голую, невприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак кроме денег «бутылку водки, закуски и фунт чаю, а иногда спрашивают такое, что с трибуны я и боюсь говорить» (16 апреля, стр. 2259 стенографического отчета), — черносотенная Дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что это за издевательство? что за безобразие?» — вопили черносотенцы, чувствуя, что простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоперковные заявления. И шайка зубров, отстаивающих самодержавие в III Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа, и заставила его лишиться слова Рожкова (социал-демократы, к которым присоединились некоторые трудовики, к.-д. и пр., подали протест против этого поступка председателя).

Речь трудовика-крестьянина Рожкова, несмотря на чрезвычайную ее элементарность, превосходно показала всю пропасть между лицемерной, рассчитанно-реакционной защитой религии кадетами и примитивной, бессознательной, рутинной религиозностью мужика, в котором условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековым. Кадеты — представители контрреволюционной буржуазии, которая хочет обновить и укрепить религию против

народа. Рожковы — представители революционной буржуазной демократии, неразвитой, бессознательной, забитой, несамостоятельной, раздробленной, но таящей в себе далеко и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием.

Интеллигент-трудовик Розанов приближался к кадетам гораздо менее бессознательно, чем Рожков. Розанов сумел сказать об отделении церкви от государства, как требовании «левых», но он не удержался от реакционных, мещанских фраз об «изменении избирательного закона в том направлении, чтобы духовенство было устранено от участия в политической борьбе». Революционность, которая сама собой прорывается у типичного, среднего мужика, когда он начинает говорить правду о своем житье-бытье, исчезает у трудовика-интеллигента, сменяясь расплывчатой, а иногда и прямо гнусной фразой. В сотый и в тысячный раз мы видим подтверждение той истины, что, только идя за пролетариатом, способные русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков.

Представитель рабочей партии и рабочего класса, с.-д. Сурков, один из всей Думы поднял прения на действительно принципиальную высоту и сказал без обиняков, как относится к церкви и религии пролетариат, как должна относиться к ней вся последовательная и жизнеспособная демократия. «Религия есть опиум народа»... «Ни одного гроша народных денег этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание», — этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространят его в массах, которые сумеют, когда придет время, претворить его в революционное действие.

Ленин В. И. Классы и партии в их отношении к религии и церкви. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 436—438

В Германии существует всеобщее избирательное право... Германская деревня, германское крестьянство (как и крестьянство *всех* европейских, конституционных, цивилизованных стран) до сих пор *целиком почти* поработены, духовно и политически, помещиками и попами.

В деревнях Германии почти $\frac{3}{5}$ голосов (58,6%) подается за консервативные, т. е. помещичьи и поповские, партии! Крестьянин был в Европе повсюду революционер, когда он боролся с феодалами, крепостниками и помещиками. Добившись свободы и частички земли, крестьянин, по общему правилу, *мирится* с помещиками и попами, становясь реакционером.

Но развитие капитализма начинает, в свою очередь, вырывать крестьянина из объятий реакции и ведет его за социал-демокра-

тами. В Германии с.-д. собрали в деревне в 1912 году уже почти пятую долю (19,0%) всех деревенских голосов.

Политическое состояние современной германской деревни, следовательно, таково. *Одна пятая* идет за социал-демократами, *одна пятая* за более или менее «либеральной» буржуазией, *три пятых* за помещиками и попами. Поработать над политическим просвещением деревни остается еще немало. Капитализм, разоряя мелкое крестьянство и все более придавливая его, выбивает, можно сказать, силой из головы реакционные предрассудки.

Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 340—341

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ —
ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА
МАРКСИСТСКОГО АТЕИЗМА

1. МАТЕРИАЛИЗМ — ПОДЛИННО НАУЧНОЕ
АТЕИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

Философия вступает в мир при криках ее врагов; но и враги философии внутренне заражаются ею, и они выдают это своим диким воплем о помощи против пожара идей. Этот крик ее врагов имеет для философии такое же значение, какое имеет первый крик ребенка для тревожно прислушивающейся матери; это первый крик ее идей, которые, разорвавши установленную иероглифическую оболочку системы, появляются на свет как граждане мира. Корибанты и кабиры¹, громко и шумно возвещающие миру о рождении младенца Зевса, прежде всего восстают против той части философов, которая занимается вопросом о религии; это происходит отчасти оттого, что инквизиторский инстинкт наиболее верно умеет затронуть эту сентиментальную сторону публики, отчасти же оттого, что публика, к которой принадлежат и противники философии, способна охватить идеальную сферу философии только своими идеальными щупальцами, а единственный круг идей, имеющий в глазах публики почти такую же ценность, как и система материальных потребностей, — это круг религиозных идей. Религия, наконец, полемизирует не против определенной системы философии, но вообще против философии всех определенных систем...

Что могла бы сказать философия дурного о религии и о самой себе, чего бы ваша газетная болтовня уже давно не приписала им, и притом в гораздо худшей и более непристойной форме? Философии надо только повторить то, что вы, нефилософские капуцины, тысячу раз на всякие лады говорили о религии, — и тогда будет сказано о ней самое худшее.

Но философия говорит о религиозных и философских предметах иначе, чем говорили об этом вы. Вы говорите об этих предметах, не изучив их; она же говорит о них после их изучения; вы обращаетесь к чувству, она обращается к разуму; вы проклинаете, она учит; вы обещаете небо и весь мир, она не обещает ничего, кроме истины; вы требуете веры в вашу веру, она не требует веры в свои выводы, она требует проверки сомнений; вы пугаете

те, она успокаивает. И, право, философия достаточно знает жизнь, чтобы понимать, что ее выводы не потворствуют жажде наслаждений и эгоизму — ни небесного, ни земного мира. Но публика, любящая истину и познание ради них самих, сумеет померяться своей умственной и моральной силой с умственной и моральной силой невежественных, раболепных, непоследовательных и продажных писак.

Конечно, тот или иной человек может, по ничтожности своего ума и образа мыслей, ложно толковать философию, но разве вы, протестанты, не считаете, что католики ложно толкуют христианство, разве вы не ставите в вину христианской религии позорные времена VIII и IX веков, Варфоломеевскую ночь или инквизицию? Существуют убедительные доказательства, что ненависть протестантской теологии к философам в значительной степени происходит оттого, что философия относится терпимо ко всякому особому вероисповеданию как таковому.

Маркс К. *Перевоцица в № 179 «Kölnische Zeitung».* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 106, 107—108

Тем-то и отличается философ от христианина, что христианин знает лишь одно воплощение *Логоса*, вопреки логике; у философа же нет конца этим воплощениям. Удивительно ли после этого, что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?

Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога.

Маркс К. *Ниццета философии.* — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 130—131, 142

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались

поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубину ошибочности всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые — подобно «Коммунистическому Манифесту» — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 43—44

Фраза о том, что материализм, как и идеализм, оба односторонни и что они должны быть соединены в некое высшее единство*, стара, как мир, и не должна тебя огорчать. А то, что атеизм выражает только отрицание,— это мы сами говорили еще 40 лет тому назад, возражая философам, но при этом добавляли, что атеизм, как *голое* отрицание религии, ссылающийся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет и поэтому сам еще является религией.

Ф. Энгельс — Эдуарду Бернштейну, июль.
1884 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 86,
с. 161

Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости. Но он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья. Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа,— этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века?

Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира,— а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает нередко еще более запутанный и нелепый вид, чем в христианстве,— составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.

Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение.

Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия. Громадное большинство философов утвердительно решает этот вопрос. Так, например, у Гегеля утвердительный ответ на этот вопрос подразумевается сам собой: в действительном мире мы по-

* Б. Гейзер. «Внутреннее строение Земли». Ред.

знаем именно его мыслительное содержание, именно то, благодаря чему мир оказывается постепенным осуществлением абсолютной идеи, которая от века существовала где-то независимо от мира и прежде него. Само собой понятно, что мышление может познать то содержание, которое уже заранее является содержанием мысли. Не менее понятно также, что доказываемое положение здесь молчаливо уже содержится в самой предпосылке. Но это никоим образом не мешает Гегелю делать из своего доказательства тождества мышления и бытия тот дальнейший вывод, что так как его мышление признает правильной его философию, то, значит, она есть единственно правильная философия и что, в силу тождества мышления и бытия, человечество должно немедленно перенести эту философию из теории в практику и переустроить весь мир сообразно гегелевским принципам. Эту иллюзию он разделяет почти со всеми другими философами.

Но рядом с этим существует ряд других философов, которые оспаривают возможность познания мира или, по крайней мере, исчерпывающего познания. К ним принадлежат среди новейших философов Юм и Кант, и они играли очень значительную роль в развитии философии. Решающее для опровержения этого взгляда сказано уже Гегелем, насколько это можно было сделать с идеалистической точки зрения. Добавочные материалистические соображения Фейербаха более остроумны, чем глубоки. Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались такими «вещами в себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас, как например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Лавуазье на основании данных этой системы не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету², система Коперника была доказана. И если неокантианцы в Германии стараются воскресить взгляды Канта, а агностики в Англии — взгляды Юма (никогда не вымиравшие там), несмотря на то, что и теория и практика давно уже опровергли и те и другие, то в научном отношении это является шагом назад, а

на практике — лишь стыдливой манерой тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 283—284

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЕДИНСТВО МИРА — В ЕГО МАТЕРИАЛЬНОСТИ

Так как, по Дюрингу, сущность всякого мышления состоит в объединении в некоторое единство, то бытие, коль скоро оно мыслится, мыслится как единое, и понятие о мире есть неделимое понятие; а раз *мыслимое бытие, понятие о мире*, едино, то и действительное бытие, действительный мир, также составляет неделимое единство. И поэтому

«для потусторонностей не остается уже никакого места, как только дух научается охватывать бытие в его однородной универсальности».

Перед нами поход, который совершенно затмевает Аустерлиц и Йену, Кёниггрец и Седан³. В каких-нибудь двух-трех положениях, через какую-нибудь страничку, — считая с того места, где мы мобилизовали первую аксиому, — мы успели уже отменить, устранить, уничтожить все потусторонности, бога, небесное воинство, небеса, ад и чистилище, вместе с бессмертием души.

Каким образом мы от единственности бытия приходим к его единству? Тем, что мы вообще представляем себе это бытие. Едва мы, словно рамой, охватили единственное бытие своей единой мыслью, как единственное бытие стало уже в мысли единым бытием, стало мысленным единством, ибо сущность *всякого* мышления состоит в том, что оно объединяет элементы сознания в некоторое единство.

Последнее положение просто неверно. Во-первых, мышление состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза. Во-вторых, мышление, если оно не делает промахов, может объединить элементы сознания в некоторое единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже *до этого существовало*. От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, — от этого у нее еще не вырастут молочные железы. Таким образом, единство бытия и, соответственно, правомерность понимания бытия как единства и есть как раз то, что нужно было доказать. И если г-н Дюринг уверяет нас, что он представляет себе бытие единым, а не, скажем, двойственным, то он этим высказывает лишь свое личное, ни для кого не обязательное мнение.

Если мы захотим представить ход его мысли в чистом виде, то он будет таков: «Я начинаю с бытия. Следовательно, я мыслю себе бытие. Мысль о бытии едина. Но мышление и бытие должны на-

ходиться во взаимном согласии, они соответствуют друг другу, «друг друга покрывают». Стало быть, бытие в действительности также едино. Стало быть, не существует никаких «потусторонностей». Но если бы г-н Дюринг говорил так откровенно, вместо того чтобы угощать нас приведенными оракульскими изречениями, то его идеологический подход обнаружился бы с полной ясностью. Пытаться доказать реальность какого-либо результата мышления из тождества мышления и бытия, — вот именно это и было одной из самых безумных горячечных фантазий... некоего Гегеля.

Если бы даже вся аргументация г-на Дюринга была правильна, то и тогда он не отвоевал бы еще и пяди земли у спиритуалистов. Последние ответят ему коротко: «мир и для нас *есть* нечто нераздельное; распадение мира на посюсторонний и потусторонний существует только для нашей специфически земной, отягченной первородным грехом точки зрения; само по себе, т. е. в боге, все бытие едино». И они последуют за г-ном Дюрингом на его излюбленные другие небесные тела и покажут ему одно или несколько среди них, где не было грехопадения, где, стало быть, нет противоположности между посюсторонним и потусторонним миром и где единство мира является догматом веры.

Самое комичное во всем этом то, что г-н Дюринг, желая из понятия бытия вывести доказательство того, что бога нет, применяет онтологическое доказательство бытия бога. Это доказательство гласит: «Когда мы мыслим бога, то мы мыслим его как совокупность всех совершенств. Но к этой совокупности всех совершенств принадлежит прежде всего существование, ибо существо, не имеющее существования, по необходимости несовершенно. Следовательно, в число совершенств бога мы должны включить и существование. Следовательно, бог должен существовать». — Совершенно так же рассуждает и г-н Дюринг: «Когда мы мыслим себе бытие, мы мыслим его как *одно* понятие. То, что охватывается одним понятием, — едино. Таким образом, бытие не соответствовало бы своему понятию, если бы оно не было едино. Следовательно, оно должно быть единым. Следовательно, не существует бога и т. д.».

Когда мы говорим о *бытии* и только о бытии, то единство может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют. В единстве этого бытия, — а не в каком-либо ином единстве, — они объединяются мыслью, и общее для всех них утверждение, что все они *существуют*, не только не может придать им никаких иных, общих или пеобщих, свойств, но на первых порах исключает из рассмотрения все такие свойства. Ибо как только мы от простого основного факта, что всем этим вещам обще бытие, удалимся хотя бы на один миллиметр, тотчас же перед нашим взором начинают выступать *различия* в этих вещах. Состоят ли эти различия в том, что одни вещи белы, другие черны, одни одушевлены, другие неодушевлены, одни принадлежат, скажем, к посюстороннему миру, другие к потустороннему, —

обо всем этом мы не можем заключать только на основании того, что всем вещам в равной мере приписывается одно лишь свойство существования.

Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*. Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения. Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания.

Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*. — Маркс К.,
Энгельс Ф. *Соч.*, т. 20, с. 40—43

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ МАТЕРИИ

Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т. п., объективная реальность или нет? Этот старый, престарый философский вопрос запутан Махом. Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм, в заслуженные вами объятия имманентов, т. е. философских Меньшиковых. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть *младенческий лепет*, есть бессмысленное повторение доводов модной *реакционной* философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?

Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть переряжен на тысячи ладов клоунами-профессорами, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же...

Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об *источнике* нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к *физическому* миру, а вопрос о

строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира». Когда физики говорят: «материя исчезает», они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям — материя, электричество, эфир; теперь же остаются *только* два последние, ибо материю удастся свести к электричеству, атом удастся объяснить как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необъятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удастся, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи существенно различные», как говорит физик Пеллè,— Реу, I. с., р. 294—295). Естествознание ведет, следовательно, к «единству материи» (там же) — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 131—132, 274—275

«Существование материи,— говорит Беркли,— или вещей, не воспринимаемых, было не только главной опорой атеистов и фаталистов, но на том же самом принципе держится идолопоклонничество во всех его разнообразных формах» (§ 94).

Тут мы подошли и к тем «вредным» выводам из «абсурдного» учения о существовании внешнего мира, которые заставили епископа Беркли не только теоретически опровергать это учение, но и страстно преследовать сторонников его, как врагов. «На основе учения о материи или о телесной субстанции,— говорит он,— воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии... Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень,— и все здание неминуемо развалится. Нам не к чему поэтому уделять особое внимание абсурдным учениям отдельных жалких сект атеистов» (§ 92, стр. 203—204 цит. изд.).

«Материя, раз она будет изгнана из природы, уносит с собой столько скептических и безбожных построений, такое невероятное количество споров и запутанных вопросов» («принцип экономии мысли», открытый Махом в 1870 годах! «философия, как мышление о мире по принципу наименьшей траты сил» — Авенариус в 1876 году!), «которые были бельмом в глазу для теологов и философов; материя причиняла столько бесплодного труда роду человеческому, что если бы даже те доводы, которые мы выдвинули против нее, были признаны недостаточно доказательными (что до меня, то я их считаю вполне очевидными), то все же я уверен, что все друзья истины, мира и религии имеют основание желать, чтобы эти доводы были признаны достаточными» (§ 96).

Откровенно рассуждал, простовато рассуждал епископ Беркли! В наше время те же мысли об «экономном» удалении «материи» из философии облачают в гораздо более хитрую и запутанную «новой» терминологией форму, чтобы эти мысли сочтены были наивными людьми за «новейшую» философию!

Но Беркли не только откровенничал насчет тенденций своей философии, а старался также прикрыть ее идеалистическую наготу, изобразить ее свободной от нелепостей и приемлемой для «здорового смысла». Нашей философией, — говорил он, инстинктивно защищаясь от обвинения в том, что теперь было бы названо субъективным идеализмом и солипсизмом, — нашей философией «мы не лишаемся никаких вещей в природе» (§ 34). Природа остается, остается и различие реальных вещей от химер, — только «и те и другие одинаково существуют в сознании». «Я вовсе не оспариваю существования какой бы то ни было вещи, которую мы можем познавать посредством чувства или размышления. Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют, — реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что философы (курсив Беркли) называют материей или телесной субстанцией. Отрицание ее не приносит никакого ущерба остальному роду человеческому, который, смею сказать, никогда не заметит ее отсутствия... Атеисту действительно нужен этот призрак пустого имени, чтобы обосновать свое безбожие...».

Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм.* — Полн. собр. соч., т. 18, с. 19—21

Базаров, как и все махисты, сбился на том, что смешал изменчивость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер, с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть большая фантазия, выверты фи-

лософского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя. Может устареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроны, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви. А философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства, так же нелепа, внутренне гнила и фальшива, как отрицание этих последних истин. Ухищрения идеалистов и агностиков так же, в общем и целом, лицемерны, как проповедь платонической любви фарисеями!

Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм.*— Полн. собр. соч., т. 18, с. 192—193

Время, как и пространство, «есть форма социального согласования опыта различных людей» (там же, стр. 34), их «объективность» есть «общезначимость» (там же).

Это — сплошная фальшь. Общезначима и религия, выражающая социальное согласование опыта большей части человечества. Но учению религии, например, о прошлом земли и о сотворении мира не соответствует никакой объективной реальности. Учению науки о том, что земля существовала до всякой социальности, до человечества, до органической материи, существовала в течение *определенного* времени, в *определенном* по отношению к другим планетам пространстве,— этому учению (хотя оно так же относительно на каждой ступени развития науки, как относительна и каждая стадия развития религии) *соответствует* объективная реальность. У Богданова выходит, что к опыту людей и к их познавательной способности приспособляются разные формы пространства и времени. На самом деле как раз наоборот: наш «опыт» и наше познание все более приспособляются к *объективному* пространству и времени, все правильнее и глубже их *отражая*.

Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм.*— Полн. собр. соч., т. 18, с. 194—195

Итак, Фейербах признает объективную закономерность в природе, объективную причинность, отражаемую лишь приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, законе и проч. Признание объективной закономерности природы находится у Фейербаха в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием. Взгляды Фейербаха — последовательно материалистические. И всякие иные взгляды, вернее, иную философскую линию в вопросе о причинности, отрицание объективной закономерности, причинности, необходимости в природе, Фейербах справедливо относит к направлению фидеизма. Ибо ясно, в

самом деле, что субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу *частью* разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которого относятся теории причинности Я. Юма и Канта), т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм. Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 159

2. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ — УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРАКТИКА — КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос...

Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1—2, 3

ОТРИЦАНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ — ПУТЬ К РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЕ

Все идеалисты, как философские, так и религиозные, как старые, так и новые, верят в наития, в откровения, в спасителей, в чудотворцев, и только от степени их образования зависит, принимает ли эта вера грубую, религиозную форму или же просвещенную, философскую, подобно тому как только от степени их энергии, характера, общественного положения и т. д. зависит, относятся ли они к вере в чудеса пассивно или активно, т. е. являются ли они пастырями-чудотворцами или их паствой, и, далее, преследуют ли они при этом теоретические или практические цели.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Соч., т. 3, с. 536

Итак, человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания. «Абсолютную истину,— говорит И. Дицген в «Экскурсиях»,— мы можем видеть, слышать, обонять, осязать, несомненно также *познавать*, но она не входит целиком (*geht nicht auf*) в познание» (S. 195). «Само собою разумеется, что картина не исчерпывает предмета, что художник остается позади своей модели... Как может картина «совпадать» с моделью? Приблизительно, да» (197). «Мы можем лишь относительно (релятивно) познавать природу и части ее; ибо всякая часть, хотя она является лишь относительной частью природы, имеет все же природу абсолютного, природу природного целого самого по себе (*des Naturganzen an sich*), не исчерпываемого познанием... Откуда же мы знаем, что позади явлений природы, позади относительных истин стоит универсальная, неограниченная, абсолютная природа, которая не вполне обнаруживает себя человеку?.. Откуда это знание? Оно прирождено нам. Оно дано вместе с сознанием» (198). Это последнее — одна из неточностей Дицгена, которые заставили Маркса в одном письме к Кугельману отметить путаницу в воззрениях Дицгена⁴. Только цепляясь за подобные неверные места, можно толковать об особой философии Дицгена, отличной от диалектического материализма. Но сам Дицген поправляется *на той же странице*: «Если я говорю, что знание о бесконечной, абсолютной истине прирождено нам, что оно есть единое и единственное знание *a priori*, то все же и опыт подтверждает это прирожденное знание» (198).

Из всех этих заявлений Энгельса и Дицгена ясно видно, что для диалектического материализма не существует непреходимой грани между относительной и абсолютной истиной. Богданов совершенно не понял этого, раз он мог писать: «оно (мировоззрение старого материализма) желает быть безусловно *объективным познанием сущности вещей*» (курсив Богданова) и несомненно с исторической условностью всякой идеологии» (книга III «Эмпириомонизма», стр. IV). С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически услов-

на всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечаю вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закоряченое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это — грань между диалектическим материализмом и релятивизмом.

Мы — релятивисты, возглашают Мах, Авенариус, Петцольдт. Мы — релятивисты, вторят им г. Чернов и несколько русских махистов, желающих быть марксистами. Да, г. Чернов и товарищи-махисты, в этом и состоит ваша ошибка. Ибо положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон 5-го мая 1821 года или не умер, можно простым «удобством» для человека или для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобна» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.

Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится* к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 137—139

Отрицание объективной истины Богдановым есть агностицизм и субъективизм. Нелепость этого отрицания очевидна хотя бы из вышеприведенного примера одной естественноисторической истины. Естественное знание не позволяет сомневаться в том, что его утверждение существования земли до человечества есть истина. С материалистической теорией познания это вполне совместимо:

существование независимого от отражающих отражаемого (независимость от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма. Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина. С философией махистов и с их учением об истине непримиримо это положение естествознания: если истина есть организующая форма человеческого опыта, то не может быть истинным утверждение о существовании земли *вне* всякого человеческого опыта.

Но этого мало. Если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то, значит, истиной является и учение, скажем, католицизма. Ибо не подлежит ни малейшему сомнению, что католицизм есть «организующая форма человеческого опыта». Богданов сам почувствовал эту вопиющую фальшь своей теории, и крайне интересно посмотреть, как он пытался выкарабкаться из болота, в которое он попал.

«Основа объективности,— читаем в 1-ой книге «Эмпириомонизма»,— должна лежать в сфере коллективного опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны, по нашему убеждению, основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех» (неверно! он существует *независимо* от «всех») «и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, такое же, как для меня. Объективность физического ряда — это его *общезначимость*» (стр. 25, курсив Богданова). «Объективность физических тел, с которыми мы встречаемся в своем опыте, устанавливается в конечном счете на основе взаимной проверки и согласования высказываний различных людей. Вообще, физический мир, это — социально-согласованный, социально-гармонизированный, словом, *социально-организованный опыт*» (стр. 36, курсив Богданова).

Не будем повторять, что это в корне неверное, идеалистическое определение, что физический мир существует независимо от человечества и от человеческого опыта, что физический мир существовал тогда, когда никакой «социальности» и никакой «организации» человеческого опыта быть не могло и т. д. Мы останавливаемся теперь на изблещении махистской философии с другой стороны: объективность определяется так, что под это определение подходит учение религии, несомненно обладающее «общезначимостью» и т. д. Послушаем дальше Богданова: «Еще раз напомним читателю, что «объективный» опыт вовсе не то, что «социальный» опыт... Социальный опыт далеко не весь социально организован и заключает в себе всегда различные противоречия, так что одни его части не согласуются с другими; лучшие и домашние могут существовать в сфере социального опыта данного народа или данной группы народа, например, крестьянства; но в

опыт социально-организованный или объективный включать их из-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируют с остальным коллективным опытом и не укладываются в его организующие формы, например, в цепь причинности» (45).

Конечно, нам очень приятно, что сам Богданов «не включает» социальный опыт насчет леших, домовых и т. п. в опыт объективный. Но эта благонамеренная, в духе отрицания фидеизма, поправка нисколько не исправляет коренной ошибки всей богдановской позиции. Богдановское определение объективности и физического мира безусловно падает, ибо «общезначимо» учение религии в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения. Католицизм «социально организован, гармонизован, согласован» вековым его развитием; в «цепь причинности» он *укладывается* самым неоспоримым образом, ибо религии возникли не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаживаются к ним профессора философии вполне «закономерно». Если этот несомненно общезначимый и несомненно высокоорганизованный социально-религиозный опыт «не гармонирует» с «опытом» науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница, которую Богданов стер, когда отверг объективную истину. И как бы ни «поправлялся» Богданов, говоря, что фидеизм или поповщина не гармонирует с наукой, остается все же несомненным фактом, что отрицание объективной истины Богдановым «гармонирует» всецело с фидеизмом. Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для «организующих форм» религиозного опыта.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 124—127

Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться

в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина,— то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения.

Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм.*— Полн. собр. соч., т. 18, с. 145—146

3. ИДЕАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ

ИДЕАЛИЗМ КАК УТОНЧЕННАЯ РАФИНИРОВАННАЯ ФОРМА ФИДЕИЗМА

На самом же деле махисты — субъективисты и агностики, ибо они *недостаточно* доверяют показаниям наших органов чувств, непосредственно проводят сенсуализм. Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естественным и открывая дверь для фидеизма. Напротив, для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны. Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности,— последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой. Эта точка зрения бесповоротно закрывает дверь не только для всякого фидеизма, но и для той профессорской схоластики, которая, не видя объективной реальности, как источника наших ощущений, «выводит» путем вымученных словесных конструкций понятие объективного, как общезначимого, социально-организованного и т. п. и т. д., не будучи в состоянии, зачастую и не желая отделить объективной истины от учения о леших и домовых.

Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм.*— Полн. собр. соч., т. 18, с. 130

...За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партии в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой геллертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно

воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 380

Нам осталось еще рассмотреть вопрос об отношении махизма к религии. Но этот вопрос расширяется до вопроса о том, есть ли, вообще, партии в философии и какое значение имеет беспартийность в философии.

В течение всего предыдущего изложения, на каждом из затронутых нами вопросов гносеологии, на каждом философском вопросе, поставленном новой физикой, мы прослеживали борьбу материализма и идеализма. За кучей новых терминологических ухищрений, за сором геллертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили две основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир — и считать вторичным сознание, дух, ощущение (— опыт, по *распространенной* в наше время терминологии), психическое и т. п., вот тот коренной вопрос, который *на деле* продолжает разделять философов на два большие лагеря. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений *просматривают* эти две основные тенденции (Богданов, например, не хочет признать своего идеализма, потому что вместо «метафизических», видите ли, понятий: «природа» и «дух» он взял «опытные»: физическое и психическое. Словечко изменил!).

Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, — показывали, как надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности.

Мы сказали: почти полустолетия. В самом деле, еще в 1843 году, когда Маркс только еще становился Марксом, т. е. основателем социализма, как науки, основателем *современного материализма*

лизм, неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного, чем все предыдущие формы материализма,— еще в то время Маркс с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии. К. Грюн приводит письмо Маркса к Фейербаху от 20-го октября 1843 года⁵, где Маркс приглашает Фейербаха написать статью в «Deutsch-Französische Jahrbücher»⁶ против Шеллинга. Этот Шеллинг — пустой хвостун,— пишет Маркс,— со своими претензиями обнять и превзойти все прежние философские направления. «Французским романтикам и мистикам Шеллинг говорит: я — соединение философии и теологии; французским материалистам: я — соединение плоти и идеи; французским скептикам: я — разрушитель догматики». Что «скептики», называются ли они юмистами или кантианцами (или махистами, в XX веке), кричат против «догматики» и материализма и идеализма, Маркс видел уже тогда и, не давая отвлечь себя одной из тысячи мизерных философских системок, он сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма. Тридцать лет спустя, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», Маркс так же ясно и отчетливо противопоставляет свой материализм гегелевскому, т. е. самому последовательному, самому развитому идеализму, презрительно отстраняя контовский «позитивизм» и объявляя жалкими эпигонами современных философов, которые мнят, что уничтожили Гегеля, на деле же вернулись к повторению доггегелевских ошибок Канта и Юма⁷.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 356—358

Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах «Мировые загадки» Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила партийность философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом, с другой. Сотни тысяч экземпляров книги, переведенной тотчас же на все языки, выходявшей в специально дешевых изданиях, показали воочию, что книга эта «пошла в народ», что имеются массы читателей, которых сразу привлек на свою сторону Э. Геккель. Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы. Профессора философии и теологии всех стран света принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля. Знаменитый английский физик Лодж пустился защищать бога от Геккеля. Русский физик, г. Хвольсон, отправился в Германию, чтобы издать там подлую черносотенную брошюрку против Геккеля и заверить почтеннейших господ филистеров в том, что не все естествознание стоит теперь на точке зрения «наивного реализма»*. Нет числа тем теологам, которые

* O. D. Chwolson. «Hegel, Haeckel, Kossuth und das zwölfte Gebot», 1906. Ср. S. 80. (O. Д. Хвольсон. «Гегель, Геккель, Косут и двенадцатая заповедь», 1906. Ср. стр. 80. Ред.).

ополчились на Геккеля. Нет такой бешеной брани, которой бы не осыпали его казенные профессора философии *. Весело смотреть, как у этих высохших на мертвой схоластике мумий — может быть, первый раз в жизни — загораются глаза и розовеют щеки от тех пощечин, которых надавал им Эрнст Геккель. Жрецы чистой науки и самой отвлеченной, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всем этом рёве философских зубров (идеалиста Паульсена, имманента Ремке, кантианца Адикеса и прочих, их же имена ты, господи, веси) явственно слышен один основной мотив: против *«метафизики»* естествознания, против «догматизма», против «преувеличения ценности и значения естествознания», против «естественноисторического материализма». Он — материалист, ату его, ату материалиста, он обманывает публику, не называя себя прямо материалистом — вот что в особенности доводит почтеннейших господ профессоров до неистовства.

И особенно характерно во всей этой трагикомедии ** то обстоятельство, что Геккель сам *отрекается от материализма*, отказывается от этой клички. Мало того: он не только не отвергает всякой религии, а выдумывает свою религию (тоже что-то вроде «атеистической веры» Булгакова или «религиозного атеизма» Луначарского), отстаивая *принципиально* союз религии с наукой! В чем же дело? Из-за какого «рокового недоразумения» загорелся сыр-бор?

Дело в том, что философская наивность Э. Геккеля, отсутствие у него определенных партийных целей, его желание считаться с господствующим филистерским предрассудком против материализма, его личные примирительные тенденции и предложения относительно религии, — все это тем более выпукло выставило *общий дух* его книжки, *неискоренимость* естественноисторического материализма, *непримиримость* его со *всей* казенной профессорской философией и теологией. Лично Геккель не желает рвать с филистерами, но то, что он излагает с таким непоколебимо наивным убеждением, *абсолютно* не мирится ни с какими оттенками господствующего философского идеализма. Все эти оттенки, от самых грубых реакционных теорий какого-нибудь Гартмана вплоть до мягкого себя новейшим, прогрессивным и передовым позитивизма Петцольдта или эмпириокритицизма Маха, *все* сходятся на том, что естественноисторический материализм есть «метафизика», что признание объективной реальности за теориями и выводами естествознания означает самый «паивный

* Брошюрка Генриха Шмидта «Борьба из-за «Мировых загадок»» (Bonn, 1900) дает недурную картину похода профессоров философии и теологии против Геккеля. Но эта брошюра уже успела сильно устареть в настоящее время.

** Трагический элемент внесен был покушением на жизнь Геккеля весной текущего (1903) года. После ряда анонимных писем, приветствовавших Геккеля терминами вроде: «собака», «безбожник», «обезьяна» и т. п., некий истинно немецкий человек запустил в кабинет Геккеля в Иене камень весьма внушительных размеров.

реализм» и т. п. И вот это-то «заветное» учение *всей* профессорской философии и теологии *бьет в лицо* каждая страница Геккеля. Естествоиспытатель, безусловно выражающий самые прочные, хотя и неоформленные, мнения, настроения и тенденции подавляющего большинства естествоиспытателей конца XIX и начала XX века, показал сразу, легко и просто, то, что пыталась скрыть от публики и от самой себя профессорская философия, именно, что есть устой, который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школы философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма. Этот устой — *естественноисторический материализм*. Убеждение «наивных реалистов» (т. е. всего человечества) в том, что наши ощущения суть образы объективно реального внешнего мира, есть неизменно растущее и крепнущее убеждение массы естествоиспытателей.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 370—372

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части („О познании“) Лассалевского „Гераклита“) есть *суть* (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей „Метафизике“ постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом *гесрестиве* с гераклитовскими идеями⁸).

Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* („например, зерно“; „например, первобытный коммунизм“). Тоже у Энгельса. Но это „для популярности“^[...], а не как *закон познания* (и закон объективного мира).

В математике + и — . Дифференциал и интеграл.

- » механике действие и противодействие.
- » физике положительное и отрицательное электричество.
- » химии соединение и диссоциация атомов.
- » общественной науке классовая борьба.

Тождество противоположностей („единство“ их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противо-

положностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „само“ движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *е* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ^* его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения* **любого**: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика*: отдельное *есть* *общее* (ср. Aristoteles, Metaphysik, пер. Шwegлера. Bd. II, S. 40, 3. Buch, 4. Kapitel, 8—9: „denn natürlich kann man nicht der Meinung sein, daß es ein Haus — дом вообще —

* — в сумме. *Ред.*

gebe außer den sichtbaren Häusern“, „ οὐ γὰρ ἂν δέτημεν εἰκὰς τὴν οἰκίαν παρὰ τὰς τῆρας οἰκίας “*). Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

Таким образом в *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке“ („клеточке“), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах.

Ленин В. И. К вопросу о диалектике.—
Полн. собр. соч., т. 29, с. 316—321

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ИДЕАЛИЗМА И РЕЛИГИИ

Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с „метафизическим“ материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie* **, к процессу и развитию познания.

Философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма

* — Аристотель, Метафизика, пер. Шwegлера. Т. II, стр. 40, 3-я книга, 4-я глава, 8—9: «мы не можем ведь принять, что есть некий дом (вообще) наряду с отдельными домами». *Ред.*

** — теории отражения. *Ред.*

Философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, *überschwengliches* (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть („вернее“ и „кроме того“) дорога к поповщине *через один из оттенков* бесконечно сложного познания (диалектического) человека.

NB
сей
афо-
ризм

Познание человека не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà** гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания.

Ленин В. И. К вопросу о диалектике.—
Полн. собр. соч., т. 29, с. 321—322

Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и „думен“, непознаваемая „вещь в себе“; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, *λόγος***, бог. Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (= религии) даны уже в первой, элементарной абстракции

NB
NB

„дом“ вообще и отдельные дома

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несозна-

* — вот. Ред.

** — логос. Ред.

ваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz * = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) *есть* известный кусочек **фантазии**. (Vice versa: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой⁹.)

Ленин В. И. Конспект книги Аристотеля «Метафизика». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 329—330

Атеизм... не уничтожает ни *das moralische Über* (= das Ideal), ни *das natürliche Über* (= die Natur) **.

время | ...«Не есть ли время только форма мира, способ, ко-
и мир | торым следуют друг за другом отдельные существа и
| явления мира? Как, следовательно, могу я приписывать
| миру начало во времени?»...

...«Бог есть лишь мир в мыслях... Различие между богом и миром есть лишь различие между духом и чувством, мышлением и представлением»...

бытие вне
нас = неза-
висимо от
мышления

Бога хотят представить существом, существующим вне нас. Но разве этим-то как раз и не признают истину чувственного бытия? «Не признается ли» (тем самым), «что нет никакого бытия вне чувственного бытия? Разве мы имеем другой признак, другой критерий существования вне нас, существования независимого от мышления, кроме чувственности?»...

NB
природа вне,
независимо
от материи =
бог

...«Природа... в обособлении от ее материальности и телесности... есть бог»...

Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 49

NB
теория
„копии“

«Выводить природу из бога — все равно, что желать вывести оригинал из изображения, из копии, вещь из мысли об этой вещи»...

Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 50

* — в последнем счете. *Ред.*

** — ни *моральное высшее* (= идеал), ни *естественное высшее* (= природе). *Ред.*

«Вопрос о том, сотворил ли бог мир, ...есть вопрос об отношении духа к чувственности»... — важнейший и труднейший вопрос философии, вся история философии вертится вокруг этого вопроса... — спор стоиков и эпикурейцев, платоников и аристотеликов, скептиков и догматиков в старой философии, номиналистов и реалистов в средние века, идеалистов и „реалистов или эмпиристов“... в новые времена.

cf. Engels
idem в
„Людвиге
Фейербахе“

Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха
«Лекции о сущности религии». — Полн.
собр. соч., т. 29, с. 51

Другая причина веры в бога: человек переносит на природу представление о своем целесообразном творчестве. Природа целесообразна — ergo *, ее создало разумное существо...

«Именно то, что человек называет целесообразностью природы и как таковую постигает, есть в действительности не что иное, как единство мира, гармония причин и следствий, вообще та взаимная связь, в которой все в природе существует и действует»...

...«У нас нет никакого основания воображать, что если бы человек имел больше чувств или органов, он познавал бы также больше свойств или вещей природы. Их не больше во внешнем мире, в неорганической природе, чем в органической. У человека как раз столько чувств, сколько именно необходимо, чтобы воспринимать мир в его целостности, в его совокупности»...

Если бы человек имел больше чувств, открыл ли бы он больше вещей в мире? Нет.

важно против агностицизма ¹⁰

Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха
«Лекции о сущности религии». — Полн.
собр. соч., т. 29, с. 51—52

...Натура (природа) = республиканка; бог = монарх. Это не раз у Фейербаха!

...Бог был патриархальным монархом, а теперь он конституционный монарх: правит, но по законам.

Откуда явился *дух* (Geist)? — спрашивают теисты атеиста... Они составляют о природе слишком презренное (despectierliche...), о духе слишком высокое представление (zu hohe, zu vornehm (!) Vorstellung**).

NB
(ср. Диц-
ген ¹¹)

* — следовательно. *Ред.*

** — слишком высокое, слишком благородное (!) представление. *Ред.*

остроумно! | Из природы прямо не объяснишь и Regie-
rungs Rath'a *...

«Ведь дух развивается вместе с телом, с чувствами... он связан с чувствами... откуда череп, откуда мозг, оттуда же и дух; откуда орган, оттуда же и его функция» (... ср. выше (197) «дух в го-лове»).

Idem ||| «И духовная деятельность — телесна»...
Дицген 12

||| Возникновение телесного мира из духа, из бога приводит к созданию мира из ничего — «ибо откуда дух берет материю, телесные вещества, как не из ничего?»...

природа ма- ||| ...«Природа телесна, материальна, чувстви-
териальна ||| тельна»...

{ Якоб Бёме = „материалистический теист“: он обо-
жествляет не только дух, но и материю. У него бог материален — в этом его мистицизм...

...«Где вступают в свои права глаза и руки, там прекращают свое существование боги»...

необхо- ||| «Зло в природе» (теисты) «вменяют в вину...
димость ||| материи, или неизбежной необходимости природы»...
природы

зародыш |||
историче- ||| 213 в середине... и 215 в середине...
ского ма- ||| „natürliche“ und „bürgerliche Welt“ **.
териализма

...Фейербах говорит, что кончает здесь 1-ую часть (о природе как основе религии) и переходит ко 2-ой: в Geistesreligion *** обнаруживаются свойства человеческого духа.

..., „Религия есть поэзия“ — так можно сказать, ибо
NB ||| вера = фантазия. Но не уничтожаю ли я (Фейербах) поэзии? Нет. Я уничтожаю (aufhebe) религию «лишь постольку» (курсив Фейербаха), «поскольку она является простой прозой, а не поэзией»...

Искусство не требует признания его произведений за действительность...

Кроме фантазии в религии крайне важно Gemüth ****... практическая сторона... поиски лучшего, защиты, помощи etc.

...в религии ищут утешения (атеизм-де trostlos *****). — — —

* — статского советника. *Ред.*

** — «естественный» и «гражданский мир». *Ред.*

*** — религии духа. *Ред.*

**** — чувство. *Ред.*

***** — безотраден. *Ред.*

«Как раз таким-то представлением, соответствующим себялюбию человека, и является представление о том, что природа действует не с неизменной необходимостью, но что выше необходимости природы стоит существо, любящее человека»... *И в следующей фразе „Naturnotwendigkeit“** падения камня...

необходимость природы

Стр. 287 в середине... дважды: тоже „Notwendigkeit der Natur“**.

NB

Религия = ребячество, детство человечества (269)... христианство из *морали* сделало бога, создало *морального бога*...

Религия есть зачаточное образование — можно сказать: «образование есть истинная религия»... «Однако это — злоупотребление словами, ибо со словом религия постоянно связываются суеверные и негуманные представления»...

Фейербах против злоупотребления словом религия

Гимн *просвещению* — (277)...

«Поверхностный взгляд и утверждение, что религия для жизни, именно для общественной, политической жизни, совершенно безразлична». „Я гроша не дам за такую политическую свободу, которая оставляет человека рабом религии“...

NB

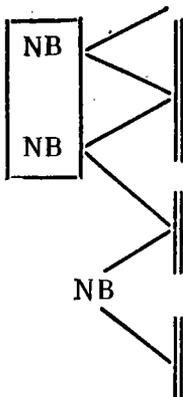
Религия прирождена человеку («это положение... переведенное на простой немецкий язык, означает») = суеверие прирождено человеку...

«У христианина есть свободная причина природы, господин природы, воле которого, слову которого природа повинуетя, бог, который не связан так называемой причинной связью, не связан необходимостью, не привязан к цели, соединяющей следствие с причиной и причину с причиной, тогда как языческий бог связан с природной необходимостью и даже своих любимцев не может избавить от рокового жребия смерти». (Итак, Фейербах систематически говорит: *Notwendigkeit der Natur*).

необходимость природы

* — «естественная необходимость». *Ред.*

** — «необходимость природы». *Ред.*

«Но у христианина есть свободная причина, потому что он в своих желаниях не связывает себя с общим порядком, с необходимостью природы» (301)... ((И еще трижды на этой странице: *Notwendigkeit der Natur.*))

А стр. 302...: «...все законы или необходимости природы, которым подчинено человеческое существование»...

«Делать природу зависимой от бога значит мировой порядок и необходимость природы делать зависимыми от воли» ...А стр. 313 (сверху)... — „*Naturnotwendigkeit*“!!

320...: „необходимость природы“ (*der Natur*)...

что такое объективное? (по Фейербаху) В религиозных представлениях «мы имеем... примеры, как вообще человек превращает субъективное в объективное, т. е. делает чем-то существующим вне мышления, представления, воображения — то, что существует только в его мышлении, представлении, воображении»...

Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 52—55

...Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу¹³) — т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею etc.

Ленин В. И. Конспект «Науки логики». Учение о бытии. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 93

Гегель вполне прав по существу против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное (NB) (а Кант, как и все философы, говорит о правильном мышлении) — от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности. Кант принижает знание, чтобы очистить место вере: Гегель возвышает знание, уверяя, что знание есть знание бога. Материалист возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму.

...У Канта „психологический идеализм“: у Канта категории «суть *только* определения, проистекающие из самосознания»... Повышаясь от рассудка (Verstand) к разуму (Vernunft), Кант понижает значение мышления, отрицая за ним способность «достигнуть завершенной истины».

Ленин В. И. Конспект «Науки логики». Учение о понятии.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153

Ксенофан (элеат) говорил:

«Если бы быки и львы имели руки, чтобы, подобно людям, создавать произведения искусства, то они также стали бы изображать богов и придавать им такие же формы тел, какими обладают сами»...

боги
по образу
человека

Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 227—228

«У Эпикура нет... конечной цели мира, мудрости творца. Нет ничего, кроме происшествий, которые определяются случайным (??) внешним (??) столкновением сочетаний атомов»...

бога жалко!!
сволочь
идеалистическая!!

Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 267

Подробно размазывает Гегель „натурфилософию“ Платона, архивздорную мистику идей, вроде того, что «сущность чувственных вещей суть треугольники» (265) [197] и т. п. мистический вздор. Это прехарактерно! Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жует мистику — идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите — nil!! О Платоне тьма размазни мистической.

идеализм
и мистика
у Гегеля (и у
Платона)

Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 254

Прехарактерна откровенная постановка вопроса в введении: задача новейшей философии „примирить религиозное мирозерцание и научное объяснение природы“... Sic! И эта идея развита преобстоятельно: борьба-де на два фронта — с материализмом и „иезуитизмом“ (и католическим и протестантским). Материализм, конечно, понимается (выдается?) за *rein mechanisch, physikalisch u. s. w.* *

* — чисто механический, физический и т. д. *Red.*

Автор прямо также говорит, что новейшая философия опирается на Канта и является представительницей „идеалистического монизма“.

До — стр. 10 [10] ... «Мир между знанием и верой»...

И стр. 11 [11]: «Установить этот мир» — «вот центральный пункт философии Канта... Отдать должное тому и другому: знание против скептицизма Юма, вере против догматического ее отрицания в материализме — вот итог его работы» (12) [11].

«Только одно обстоятельство может смутить полное надежд» (надежда на этот мир) «ожидание: это — абсолютно враждебный религии радикализм, распространяющийся теперь в широких массах населения... Так атеизм является теперь» (как прежде у буржуазии) «догматом социал-демократии» (стр. 14—15 [14]). «Это — катехизис наизнанку. И как старая догматика, так и эта новая, отрицательная догматика, враждебна науке, поскольку она в своих догмах налагает цепи на дух критики и сомнения». (Напоминает название *Antipfaffen** и уверяет, что христианство чуждо пристрастия к богатым, что оно, христианство, переживет и ту борьбу, к которой идет Европа.)

Опровергая материализм и защищая теорию *Allbeseelung*** (которую он толкует в идеалистическом смысле), Паульсен игнорирует 1) что он опровергает не материализм, а лишь некоторые доводы некоторых материалистов; 2) что он противоречит себе, толкая современную психологию в идеалистическом смысле.

Ленин В. И. Ф. Паульсен. «Введение в философию». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 335—336

Entleibter Geist *** = ||||| «Так христиане вырывают дух, душу человека из тела и делают этот вырванный, лишенный тела бог дух своим богом»...

Религия дает человеку идеал (332). Человеку нужен идеал, но человеческий, соответствующий природе, а не сверхъестественный:

«Пусть нашим идеалом будет не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, а — цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек»...

Идеал Михайловского лишь вульгаризированное повторение этого идеала передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии.

* — противопоповцы. *Ред.*

** — всеобщей одушевленности. *Ред.*

*** — лишенный тела дух. *Ред.*

«У человека нет никакого представления, никакого понятия о какой-то другой действительности, другом существовании, кроме чувственного, физического»...

Sinnlich,
physisch*
((замечательное
приравнение!))

«Если не стыдятся допускать происхождение чувственного, материального мира из мышления или воли какого-то духа, если не стыдятся утверждать, что вещи не потому мыслятся, что они существуют, но потому существуют, что мыслятся, то пусть не стыдятся также допускать их происхождение из слова, пусть не стыдятся утверждать, что не слова существуют потому, что существуют вещи, но что вещи существуют только благодаря словам»...

NB

Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха
«Лекции о сущности религии». — Полн.
собр. соч., т. 29, с. 55

Примеры из классиков употребления слов *боги* и *природа* различно (398—399)...

Стр. 402—411 ... — *превосходное, философское* (и в то же время простое и ясное) объяснение сути религии.

«Тайна религии есть, в конце концов, лишь тайна сочетания в одном и том же существе сознания с бессознательным, воли с произвольным»... *Я* и *Не-я* неразрывно связаны в человеке.

NB

«Человек не понимает и не выносит своей собственной глубины и раскалывает поэтому свое существо на «Я» без «Не-я», которое он называет богом, и «Не-я» без «Я», которое он называет природой»...

NB

Стр. 408 ... — превосходная цитата из Сенеки (против атеистов), что они-де природу делают богом. Молись! — работай¹⁴...

Природа есть бог в религии, но природа как Gedankenwesen**. «Тайна религии есть тождественность субъективного и объективного», т. е. единство человеческого и природного существа, но при этом отличающегося от действительного существа природы и человечества»...

NB

* — чувственный, физический. *Ред.*

** — мысленная сущность. *Ред.*

Sehr gut! *

«Бездонно человеческое невежество, и безгранична человеческая сила воображения; сила природы, лишенная, вследствие невежества, своего основания, а благодаря фантазии — своих границ, есть божественное всемогущество»...

Sehr gut!

...«Объективная сущность как субъективная, сущность природы как отличная от природы, как человеческая сущность, сущность человека как отличная от человека, как нечеловеческая сущность, — вот что такое божественное существо, вот что такое сущность религии, вот что такое тайна мистики и спекуляции»...

замечательное место!

Спекуляция у Фейербаха = идеалистическая философия NB.

NB
глубоко
верно!
NB

«Человек отделяет в мышлении прилагательное от существительного, свойство от сущности... И метафизический бог есть не что иное, как краткий перечень или совокупность наиболее общих свойств, извлеченных из природы, которую, однако, человек посредством силы воображения, именно таким отделением от чувственной сущности, от материи природы, снова превращает в самостоятельного субъекта или существо»...

Замечательно (против Гегеля и идеализма)

Ту же роль играет *Логика* (418... — явно в виду имеется Гегель) — превращающая *das Sein, das Wesen* ** в особую реальность — «как неразумно желать превратить метафизическое существование в физическое, субъективное существование — в объективное, логическое или абстрактное существование — опять в существование нелогическое, действительное!»...

прелестно сказано!

...«Итак, имеется вечный разрыв и противоречие между бытием и мышлением?» Да, лишь в голове; но в действительности это противоречие давно уже разрешено, только, правда, способом, соответствующим действительности, а не твоим школьным понятиям, а именно — разрешено посредством не менее, чем пяти чувств»...

Ленин В. И. Конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 59—60

* — Очень хорошо! *Ред.*

** — бытие, сущность. *Ред.*

Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе. Герман Коген, восторгающийся, как мы видели, идеалистическим духом новой физики, доходит до того, что проповедует введение высшей математики в школы — для ради внедрения в гимназистов духа идеализма, вытесняемого нашей материалистической эпохой (*Geschichte des Materialismus von A. Lange, 5. Auflage, 1896, Bd. II, S. XLIX* *). Конечно, это — вздорное мечтание реакционера, и на деле ничего, кроме мимолетного увлечения идеализмом небольшой доли специалистов, тут нет и быть не может. Но в высшей степени характерно, как утопающий хватается за соломинку, какими утонченными средствами пытаются представители образованной буржуазии искусственно сохранить или отыскать местечко для фидеизма, который порождается в низах народных масс невежеством, забитостью и нелепой дикостью капиталистических противоречий.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 326—327

Что «научная поповщина» идеалистической философии есть простое преддверие прямой поповщины, в этом для И. Диггена не было и тени сомнения. «Научная поповщина, — писал он, — серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине» (I. с., 51). «В особенности область теории познания, непонимание человеческого духа, является такой вшивой ямой» (*Laugrube*), в которой «кладет яйца» и та и другая поповщина. «Дипломированные лакеи с речами об «идеальных благах», оупляющие народ при помощи вымученного (*geschraubter*) идеализма» (53), — вот что такое профессора философии для И. Диггена. «Как у боженьки антипод — дьявол, так у поповского профессора (*Kathederpaffen*) — материалист». Теория познания материализма является «универсальным оружием против религиозной веры» (55), — и не только против «всем известной настоящей, обыкновенной религии попов, но и против очищенной, возвышенной профессорской религии опьянелых (*benebelter*) идеалистов» (58).

По сравнению с «половинчатостью» свободомыслящих профессоров Дигген готов был предпочесть «религиозную честность»

* — А. Ланге. «История материализма», 5 изд., 1896, т. II, стр. XLIX. Ред.

(60) — там «есть система», там есть люди цельные, не разрывающие теории и практики. «Философия не наука, а средство защиты от социал-демократии» (107) — для гг. профессоров. «Те, кто зовут себя философами, профессора и приват-доценты, все тонут, несмотря на свое свободомыслие, более или менее в предрассудках, в мистике... все составляют по отношению к социал-демократии... одну реакционную массу» (108). «Чтобы идти по верному пути, не давая никаким религиозным и философским нелепостям (Welsch) сбивать себя, надо изучать неверный путь неверных путей (der Holzweg der Holzwege) — философию» (103).

И посмотрите теперь с точки зрения партий в философии, на Маха и Авенариуса с их школой. О, эти господа *хваляются* своей *беспартийностью*, и если есть у них антипод, то только один и только... *материалист*. Через *все* писания *всех* махистов красной нитью проходит тупоумная претензия «подняться выше» материализма и идеализма, превзойти это «устарелое» противоположение, а *на деле* вся эта братия *ежеминутно* отступает в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом. Утонченные гносеологические выверты какого-нибудь Авенариуса остаются профессорским измышлением, попыткой основать маленькую «свою» философскую секту, а *на деле*, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, *объективная* роль этих гносеологических ухищрений одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу. Не случайность же в самом деле, что за маленькую школку эмпириокритиков хватаются и английские спиритуалисты вроде Уорда, и французские неокритицисты, хвалящие Маха за борьбу с материализмом, и немецкие имманенты! Формула И. Дипгена: «дипломированные лакеи фидеизма» не в бровь, а в глаз бьет Маха, Авенариуса и всю их школу*.

* Вот еще пример того, как широко распространенные течения реакционной буржуазной философии на деле используют махизм. Едва ли не «последней модой» самоновейшей американской философии является «прагматизм» (от греческого прагма — дело, действие; философия действия). О прагматизме говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема*, на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта (ср. *William James. «Pragmatism. A new name for some old ways of thinking»*, N. Y. and L., 1907, p. 57 и 106 особ. (ср. *Уильям Джемс. «Прагматизм. Новое название для некоторых старых путей мышления»*, Нью-Йорк и Лондон, 1907, стр. 57 и 106 особ. *Ред.*)). Различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом. Сравните хотя бы богдановское и прагматистское определение истины: «истина для прагматиста есть родовое понятие для всяческого рода определенных рабочих ценностей (working-values) в опыте» (ib., p. 68).

Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатались по наклонной плоскости. Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! *Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией. «Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем», — писал от имени авторов «Очерков» Луначарский. — Не *вы* ищете, а *вас ищут*, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня à la Оствальд, завтра à la Мах, послезавтра à la Пуанкаре. Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроспекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и *общественная тенденция* этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит* свою *службу*. Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма.

Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма.

Возьмите первый вопрос. Не полагаете ли вы, что это случайность, если в коллективном труде *против* философии марксизма Луначарский договорился до «обожествления высших человеческих потенций», до «религиозного атеизма» * и т. п.? Если вы полагаете так, то исключительно в силу того, что русские махисты неверно осведомили публику насчет *всего* махистского течения в Европе и отношения этого течения к религии. Не только нет в этом отношении ничего подобного отношению Маркса, Энгельса, И. Дицгена, даже Фейербаха, а есть *прямо обратное*, начиная с заявлений Петцольдта: эмпириокритицизм «не противоречит ни теизму, ни атеизму» («Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung» **, I, 351) или Маха — «религиозные мнения частное дело» (фр. пер., р. 434) и кончая *прямым фидеизмом*, прямым *черносотенством* и Корнелиуса, который расхваливает Маха и которого расхваливает Мах, и Каруса, и всех имманентов. Нейтральность *философа* в этом вопросе *уже есть* лакейство пред фидеизмом, а дальше нейтральности не поднимаются и не могут подняться Мах и Авенариус в силу исходных пунктов своей гносеологии.

Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении, вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно. Если чувственный мир есть объективная реальность, — всякой другой «реальности» или квазиреальности (вспомните, что Базаров поверил «реализму» имманентов, объявляющих бога «реальным понятием») закрыта дверь. Если мир есть движущаяся материя, — ее можно и должно бесконечно изучать в бесконечно сложных и детальных проявлениях и разветвлениях *этого* движения, движения *этой* материи, но вне ее, вне «физического», внешнего мира, знакомого всем и каждому, ничего быть не может. И вражда к материализму, тучи клевет на материалистов, — все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня. Все это продолжается до сих пор. Все это *скрывается* от публики русскими махистами, которые *ни единого* раза не попытались просто даже сопоставить выходок против материализма Маха, Авенариуса, Петцольдта и К^о с заявлениями *в пользу* материализма Фейербаха, Маркса, Энгельса, И. Дицгена.

Но «укрывательство» отношений Маха и Авенариуса к фидеизму ничему не поможет. Факты говорят за себя. Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуй Уорда, неокритицистов, Шуппе, Шуберта-Зольдерна, Леклера, прагматистов и т. д. И влияние названных сейчас лиц, как философов и профес-

* «Очерки», стр. 157, 159. В «Заграничной Газете» тот же автор говорит о «научном социализме в его религиозном значении» (№ 3, стр. 5), а в «Образовании», 1908, № 1, стр. 164, он прямо пишет: «Давно зреет во мне новая религия...».

** — «Введение в философию чистого опыта». *Ред.*

соров, распространенность их идей в «образованной», т. е. буржуазной, публике, специальная литература, созданная ими, вдесятеро шире и богаче, чем специальная школка Маха и Авенариуса. Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо.

Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм.*— Полн. собр. соч., т. 18, с. 361—366

Чтобы стать сознательными, рабочие должны читать И. Дицгена, но *не забывать* ни на минуту, что он дает *не всегда верное* изложение учения Маркса и Энгельса, у которых только и можно *учиться* философии.

И. Дицген писал в такую эпоху, когда всего шире был распространен опрошенный, опошленный *материализм*. Поэтому И. Дицген особенно найпирал на исторические изменения материализма, на *диалектический* характер материализма, то есть на необходимость стоять на точке зрения развития, понимать относительность каждого человеческого познания, понимать всестороннюю связь и взаимозависимость всех явлений мира, доводить материализм естественноисторический до материалистического взгляда на историю.

Напирая на относительность человеческого познания, И. Дицген часто впадает в путаницу, делая неправильные уступки идеализму и агностицизму. Идеализм в философии есть более или менее ухищренная защита поповщины, учения, ставящего веру выше науки или рядом с наукой, или вообще отводящего место вере. Агностицизм (от греческих слов «а» — *не* и «гносис» — *знание*) есть колебание между материализмом и идеализмом, т. е. на практике колебание между материалистической наукой и поповщиной. К агностикам принадлежат сторонники Канта (кантианцы), Юма (позитивисты, реалисты и пр.) и современные «махисты». Поэтому некоторые из самых реакционных философов буржуазии, отъявленные мракобесы и прямые защитники поповщины, пробовали «использовать» ошибки И. Дицгена.

Но, в общем и целом, И. Дицген — материалист. Дицген — враг поповщины и агностицизма. «С прежними материалистами,— писал И. Дицген,— общего у нас только то, что мы признали материю предпосылкой или первоосновой идеи». Это «только» и есть *суть* философского материализма.

«Материалистическая теория познания,— писал И. Дицген,— сводится к признанию того, что человеческий орган познания не испускает никакого метафизического света, а есть кусок природы, отражающий другие куски природы». Это и есть материалистическая теория *отражения* в познании человека вечно движущейся и изменяющейся материи,— теория, вызывающая ненависть и ужас, клеветы и извращения всей казенной, профессорской философии. И с какой глубокой страстью истинного революционера бичевал и клеймил И. Дицген «дипломированных лакеев поповщины» про-

фессоров-идеалистов, реалистов и т. п.! «Из всех партий», — справедливо писал И. Дигген про философские «партии», т. е. про материализм и идеализм, — «самая гнусная есть партия середины».

Ленин В. И. К двадцатипятилетию смерти Иосифа Диггена. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 118—119

...Субъективный идеализм Беркли нельзя понимать таким образом, будто он игнорирует различие между единоличным и коллективным восприятием. Напротив, на этом различии он пытается построить критерий реальности. Выводя «идеи» из воздействия божества на ум человека, Беркли подходит таким образом к объективному идеализму: мир оказывается не моим представлением, а результатом одной верховной духовной причины, создающей и «законы природы» и законы отличия «более реальных» идей от менее реальных и т. д.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 24

В костюме арлекина из кусочков пестрой, крикливой, «новейшей» терминологии перед нами — субъективный идеалист, для которого внешний мир, природа, ее законы, — все это символы нашего познания. Поток данного лишен разумности, порядка, законосообразности: наше познание вносит туда разум. Небесные тела — символы человеческого познания, и земля в том числе. Если естествознание учит, что земля существовала задолго до возможности появления человека и органической материи, то мы ведь переделали все это! Порядок движения планет *мы* вносим, это продукт нашего познания. И, чувствуя, что человеческий разум растягивается такой философией в виновника, в родоначальника природы, г. Юшкевич ставит рядом с разумом «*Логос*», т. е. разум в абстракции, не разум, а Разум, не функцию человеческого мозга, а нечто существующее до всякого мозга, нечто божественное. Последнее слово «новейшего позитивизма» есть та старая формула фидеизма, которую разоблачал еще Фейербах.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 173

Во Франции идеалистическая философия не менее решительно ухватилась за шатания махистской физики. Мы уже видели, как неокритицисты встретили «Механику» Маха, сразу отметили идеалистический характер основ философии Маха. Французский махист Пуанкаре (Анри) в этом отношении имел еще больше удачи. Реакционнейшая идеалистическая философия с определенно фидеистическими выводами сразу ухватилась за его теорию.

Представитель этой философии Леруа (Le Roy) рассуждал так: истины науки суть условные знаки, символы; вы бросили нелепые, «метафизические» претензии на познание объективной реальности; будьте же логичны и согласитесь с нами, что наука имеет только практическое значение для одной области человеческих действий, а религия имеет *не менее действительное значение, чем наука*, для другой области действий; отрицать теологию «символическая», махистская наука не имеет права. А. Пуанкаре устыдился этих выводов и в книге «Ценность науки» специально напал на них. Но посмотрите, *какую* гносеологическую позицию пришлось ему занять, чтобы освободиться от союзников типа Леруа. «Г-н Леруа,— пишет Пуанкаре,— объявляет разум непоправимо бессильным лишь для того, чтобы уделить побольше места для других источников познания, для сердца, чувства, инстинкта, веры» (214—215). «Я не иду до конца»: научные законы суть условности, символы, но «если научные «рецепты» имеют ценность, как правило для действия, то это потому, что в общем и целом они, как мы знаем, имеют успех. Знать это — значит уже знать кое-что, а раз так,— какое вы имеете право говорить нам, что мы не можем ничего знать?» (219).

А. Пуанкаре ссылается на критерий практики. Но он только передвигает этим вопрос, а не решает его, ибо этот критерий можно толковать и в субъективном и в объективном смысле. Леруа тоже признает этот критерий для науки и промышленности; он отрицает только, чтобы этот критерий доказывал *объективную* истину, ибо такого отрицания достаточно ему для признания субъективной истины религии рядом с субъективной (не существующей помимо человечества) истинной науки. А. Пуанкаре видит, что ограничиться ссылкой на практику против Леруа нельзя, и он переходит к вопросу об объективности науки. «Каков критерий объективности науки? Да тот же самый, как и критерий нашей веры во внешние предметы. Эти предметы реальны, поскольку ощущения, которые они в нас вызывают (qu'ils nous font éprouver), представляются нам соединенными, я не знаю, каким-то неразрушимым цементом, а не случаем дня» (269—270).

Что автор такого рассуждения может быть крупным *физиком*, это допустимо. Но совершенно бесспорно, что брать его всерьез, как философа, могут только Ворошиловы-Юшкевичи. Объявили материализм разрушенным «теорией», которая при первом же натиске фидеизма *спасается под крылышко материализма!* Ибо это чистейший материализм, если вы считаете, что ощущения вызываются в нас реальными предметами и что «вера» в объективность науки такова же, как «вера» в объективное существование внешних предметов.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 308—309

Сторонники линии Канта и Юма (в числе последних Мах и Авенариус, поскольку они не являются чистыми берклианцами) называют нас, материалистов, «метафизиками» за то, что мы признаем объективную реальность, данную нам в опыте, признаем объективный, независимый от человека, источник наших ощущений. Мы, материалисты, вслед за Энгельсом, называем кантианцев и юмистов *агностиками* за то, что они отрицают объективную реальность как источник наших ощущений. Агностик — слово греческое: *а* значит по-гречески *не*; *gnosis* — *знание*. Агностик говорит: *не знаю*, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это (см. выше слова Энгельса, излагавшего позицию агностика). Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о лепших, домовых, католических святых и тому подобных вещах. Мах и Авенариус, претенциозно выдвигая «новую» терминологию, «новую» якобы точку зрения, на деле повторяют, путаясь и сбиваясь, ответ агностика: с одной стороны, тела суть комплексы ощущений (чистый субъективизм, чистое берклианство); с другой стороны, если перекрестить ощущения в элементы, то можно мыслить их существование независимо от наших органов чувств!

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 129—130

«...Мы признали, что сама физическая природа есть *производное* (курсив Богданова) от комплексов непосредственного характера (к числу которых принадлежат и психические координации), что она есть отражение таких комплексов в других, им аналогичных, только самого сложного типа (в социально-организованном опыте живых существ)» (146).

Философия, которая учит, что сама физическая природа есть производное,— есть чистейшая философия поповщины. И такой характер ее несколько не изменяется от того, что сам Богданов усиленно отрекается от всякой религии. Дюринг тоже был атеистом; он предлагал даже запретить религию в своем «социалитарном» строе. И тем не менее Энгельс был вполне прав, когда показывал, что «система» Дюринга не сводит концов с концами без религии. То же самое и с Богдановым, с тем существенным различием, что приведенное место не случайная непоследовательность, а суть его «эмпириомонизма» и всей его «подстановки». Если природа есть производное, то понятно само собою, что она может быть производным только от чего-то такого, что больше, богаче, шире, могущественнее природы, от чего-то такого, что существует, ибо для того, чтобы «произвести» природу, надо существовать независимо от природы. Значит, существует нечто *вне* природы и, притом, *производящее* природу. По-русски это назы-

вається богом. Філософи-ідеалісти завжди старалися змінити це останнє названня, зробити його абстрактніше, туманніше і в то ж час (для правдоподібності) ближче до «психічного», як «непосередньому комплексу», як непосредственно данному, не требующому доказательств. Абсолютная идея, универсальный дух, мировая воля, «всеобщая подстановка» психического под физическое,— это одна и та же идея, только в различных формулировках. Всякий человек знает — и естествознание исследует — идею, дух, волю, психическое, как функцию нормально работающего человеческого мозга; оторвать же эту функцию от определенным образом организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, «подставить» эту абстракцию под всю физическую природу,— это бредни философского идеализма, это насмешка над естествознанием.

Материализм говорит, что «социально-организованный опыт живых существ» есть производное от физической природы, результат долгого развития ее, развития из такого состояния физической природы, когда ни социальности, ни организованности, ни опыта, ни живых существ не было и быть не могло. Идеализм говорит, что физическая природа есть производное от этого опыта живых существ, и, говоря это, идеализм приравнивает (если не подчиняет) природу богу. Ибо бог есть, несомненно, производное от социально-организованного опыта живых существ. Как ни вертите богдановской философией, ровно ничего, кроме реакционной путаницы, она не содержит.

Богданову кажется, что говорить о социальной организации опыта есть «познавательный социализм» (III кн., стр. XXXIV). Это — сумасшедшие пустяки. Иезуиты,— если так рассуждать о социализме,— горячие сторонники «познавательного социализма», ибо исходный пункт их гносеологии есть божество, как «социально-организованный опыт». И несомненно, что католицизм есть социально-организованный опыт; только отражает он не объективную истину (которую отрицает Богданов и которую отражает наука), а эксплуатацию народной темноты определенными общественными классами.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 240—242

МАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА ПОПЫТОК СОЗДАТЬ НОВУЮ РЕЛИГИЮ

1. «РЕЛИГИЯ ЛЮБВИ» Л. ФЕЙЕРБАХА

Действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его философии религии и этике. Фейербах вовсе не хочет упразднить религию; он хочет усовершенствовать ее. Сама философия должна раствориться в религии.

«Периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии. Данное историческое движение только тогда достигает своей основы, когда оно глубоко проникает в сердце человека. Сердце — не форма религии, так что нельзя сказать, что религия должна быть также и в сердце; оно — сущность религии»¹ (цитировано у Штарке, стр. 168).

По учению Фейербаха, религия есть основанное на чувстве, сердечное отношение между человеком и человеком, которое до сих пор искало свою истину в фантастическом отражении действительности, — при посредстве одного или многих богов, этих фантастических отражений человеческих свойств, — а теперь непосредственно и прямо находит ее в любви между «я» и «ты». И таким образом, у Фейербаха, в конце концов, половая любовь становится одной из самых высших, если не самой высшей формой исповедания его новой религии.

Основанные на чувстве отношения между людьми, особенно же между людьми разного пола, существовали с тех самых пор, как существуют люди. Что касается половой любви, то она в течение последних восьми столетий приобрела такое значение и завоевала такое место, что стала обязательной осью, вокруг которой вращается вся поэзия. Существующие позитивные религии ограничиваются тем, что дают высшее освящение государственному регулированию половой любви, то есть законодательству о браке; они могут все хоть завтра совершенно исчезнуть, а в практике любви и дружбы не произойдет ни малейшего изменения. Во Франции между 1793 и 1798 гг. христианская религия действительно исчезла до такой степени, что самому Наполеону не без сопротивления и не без труда удалось ввести ее снова. Однако в течение этого времени не возникло никакой потребности заменить ее чем-нибудь вроде новой религии Фейербаха.

Идеализм Фейербаха состоит здесь в том, что он все основанные на взаимной склонности отношения людей — половую любовь, дружбу, сострадание, самопожертвование и т. д. — не берет просто-напросто в том значении, какое они имеют сами по себе, вне зависимости от воспоминаний о какой-нибудь особой религии, которая и по его мнению принадлежит прошлому. Он утверждает, что полное свое значение эти отношения получают только тогда, когда их освятят словом религия. Главное для него не в том, что такие чисто человеческие отношения существуют, а в том, чтобы их рассматривали как новую, истинную религию. Он соглашается признать их полноценными только в том случае, если к ним будет приложена печать религии. Слово религия происходит от *religare** и его первоначальное значение — связь. Следовательно, всякая взаимная связь двух людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своего происхождения. Только для того, чтобы не исчезло из языка дорогое для идеалистических воспоминаний слово религия, в сан «религии» возводятся половая любовь и отношения между полами. Совершенно так же рассуждали в сороковых годах парижские реформисты направления Луи Блана, которым тоже человек без религии представлялся каким-то чудовищем и которые говорили нам: *Donc, l'athéisme c'est votre religion!*** Стремление Фейербаха построить истинную религию на основе материалистического по сути дела понимания природы можно уподобить попытке толковать современную химию как истинную алхимию. Если возможна религия без бога, то возможна и алхимия без своего философского камня. К тому же существует очень тесная связь между алхимией и религией. Философский камень обладает многими богоподобными свойствами, и египетско-греческие алхимики первых двух столетий нашего летосчисления тоже приложили свою руку при выработке христианского учения, как это показывают данные, приводимые Коппом и Бертло.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 292—293

2. «НОВАЯ РЕЛИГИЯ» Г. ДАУМЕРА

Вторая, «основная» часть содержит положительное изложение новой религии. Здесь в полной мере проявляется гнев немецкого философа по поводу того, что забыта его борьба против христианства, по поводу равнодушия народа к религии — единственному

* — связывать. *Ред.*

** — Стало быть, атеизм это и есть ваша религия! *Ред.*

предмету, достойному внимания философа. Чтобы вернуть своему вытесненному конкуренцией ремеслу прежний почет, нашему мудрецу после продолжительной ругани по адресу старой религии ничего не остается, как сочинить новую религию. Однако эта новая религия, в полном соответствии с первой частью, сводится к дальнейшему собиранию букета сентенций, альбомных стишков и *versus memoriales* * немецкой мещанской культуры. Суры нового корана² представляют собой не что иное, как ряд фраз, посредством которых морально прикрывают и поэтически приукрашивают существующие в Германии порядки. Оттого, что эти фразы лишены непосредственно религиозной формы, они тем не менее не теряют своего тесного родства со старой религией...

...Бессовестная поверхностность г-на Даумера позволяет ему совершенно не принимать во внимание того, что христианству предшествовал полный крах античных «мировых порядков», что христианство было простым выражением этого краха; что «совершенно новые мировые порядки» возникли не изнутри, благодаря христианству, а лишь тогда, когда гунны и германцы «набросились извне на труп Римской империи»; что после германского нашествия не «новые мировые порядки» сообразовывались с христианством, а, наоборот, христианство изменялось с каждой новой фазой этих мировых порядков. Пусть г-н Даумер приведет нам хоть один пример изменения старых мировых порядков с появлением новой религии, при котором не произошло бы одновременно колоссальнейших «внешних и абстрактно-политических» конвульсий.

Ясно, что с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит и в их религиозных представлениях. Но современный переворот отличается от всех предшествующих именно тем, что люди, наконец, разгадали тайну этого процесса исторических переворотов и поэтому они, вместо того чтобы снова обожествлять этот практический, «внешний» процесс в высокопарно-трансцендентной форме новой религии, отбросили всякую религию.

После кратких моральных поучений новой мировой премудрости, которая превосходит даже поучения Книгге³, поскольку она содержит все необходимое не только касательно обхождения с людьми, но также и касательно обращения с животными,— после притч Соломоновых следует песнь песней нового Соломона.

«Природа и женщина суть истинно божественное, в отличие от человека и мужчины... Самопожертвование человеческого в пользу природного, мужского в пользу женского,— таково подлинное, единственно истинное смирение и самоотречение, высшая, даже единственная, добродетель и благочестие» (т. II, стр. 257).

Мы видим здесь, как поверхностность и невежество нашего спекулирующего основателя религии превращаются в явно выра-

* — стихов на память. *Ред.*

женную трусость. Г-н Даумер бежит от угрожающей ему исторической трагедии и ищет спасения в так называемой природе, т. е. в тупой крестьянской идиллии, и проповедует культ женщины, чтобы прикрыть свое собственное бабье самоотречение.

Впрочем, культ природы г-на Даумера довольно своеобразен. Он умудрился оказаться реакционным даже по сравнению с христианством. Он пытается восстановить в модернизированной форме древнюю, дохристианскую религию природы. При этом, разумеется, все дело сводится у него только к какой-то христианско-германско-патриархальной болтовне о природе, которая выражается, например, в следующих стихах:

«Научи, природа-мать,
Всюду лишь тебя искать
И по твоему пути
Со смиреннем идти!»

«Подобные вещи вышли из моды, но не к выгоде культуры, прогресса и человеческого благоденствия» (т. II, стр. 157).

Культ природы ограничивается, как мы видим, воскресными прогулками провинциала-горожанина, который выражает детское удивление по поводу того, что кукушка кладет свои яйца в чужие гнезда (т. II, стр. 40), что назначение слез — сохранить во влажном состоянии поверхность глаза (т. II, стр. 73) и т. д., и который в заключение со священным трепетом декламирует перед своими детьми оду весне Клоппштока⁴ (т. II, стр. 23 и сл.). О современном естествознании, которое в союзе с современной промышленностью революционизирует всю природу и кладет конец, наряду с другими ребячествами, также и ребяческому отношению людей к природе, разумеется, и речи нет. Зато мы слышим таинственные намеки и недоуменные филистерские догадки о пророчествах Нострадамуса, об ясновидении шотландцев и о животном магнетизме⁵. Вообще пора, чтобы косное крестьянское хозяйство Баварии, та почва, на которой в равной мере произрастают и попы и Даумеры, была, наконец, обработана при помощи современной агрикультуры и современных машин.

С культом женщины дело обстоит точно так же, как и с культом природы. Само собой разумеется, что у г-на Даумера нет ни звука о современном социальном положении женщины, что, напротив, речь идет у него только о женщине как таковой. Он старается утешить женщин в их гражданском бесправии тем, что делает их объектом культа, облеченного в фразы столь же бессодержательные, сколь претенциозно таинственные. Например, он успокаивает их тем, что вместе с замужеством у них исчезают таланты, так как они тогда, дескать, заняты детьми (т. II, стр. 237), что они обладают способностью кормить детей грудью даже до шестидесяти лет (т. II, стр. 251), и т. д. Г-н Даумер называет это «самопожертвованием мужского в пользу женского». А чтобы найти в своем отечестве необходимые для своего мужского самопожертвования иде-

альные женские фигуры, он вынужден обратиться к различным дамам-аристократкам прошлого столетия. Культ женщины, таким образом, снова сводится к тягостной зависимости литераторов от их высокочтимых покровительниц — зри Вильгельм Мейстер⁶... Г-н Даумер — это сухое, утратившее всякий юмор продолжение Ганса Сакса. Немецкая философия, ломающая руки и рыдающая у смертного одра своего приемного отца — немецкого мещанства, — такова трогательная картина, которую развертывает перед нами религия нового века.

Маркс К., Энгельс Ф. Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» № 2. Соч., т. 7, с. 210, 211—213

3. РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ БОГОСТРОИТЕЛЬСТВА И БОГОИСКАТЕЛЬСТВА

Теперь вышли «Очерки философии марксизма». Я прочел все статьи, кроме суворовской (ее читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонист и эмпириосимволист в боюто. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедовать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), — учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский), — объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман), — черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов» — агностиков или метафизиков, черт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные, — но зачем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподносят как философию марксизма! Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей.

В. И. Ленин — А. М. Горькому, 25 февраля 1908 г. — Полн. собр. соч., т. 47, с. 142—143

Дорогой Ал. М.!

Получил сегодня Ваше письмо и спешу ответить. Ехать мно бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я не могу и не буду. Время тетрадок прошло. Снорить нельзя, трепать зря первые глухо. Надо *отделить* от партийных (фракционных) дел философию: к этому обязывает и решение БЦ.

Я уже *послал в печать* самое что ни на есть формальное объявление войны⁷. Дипломатии здесь уже нет места, — я, конечно, не в кудом смысле говорю о дипломатии, а в хорошем.

«Хорошая» дипломатия с Вашей стороны, дорогой А. М. (если Вы не уверовали тоже в бога), должна бы состоять в отделении наших общих (т. е. меня считая в том числе) *дел* от философии.

Беседа о других делах кроме философии не выгорит теперь: естественно выйдет. Впрочем, если действительно эти *другие* дела, не философские, а «*Пролетарий*», например, требуют беседы именно у Вас, я бы мог приехать (не знаю, найду ли денег: как раз теперь затруднения), но повторяю: только под условием, что о философии и о религии я не говорю.

А к Вам я непременно собираюсь приехать на свободе, покопчив работу, побеседовать.

Жму крепко руку.

Ваш Ленин

М. Ф — не большой привет: она, чай, не за бога, а?

В. И. Ленин — А. М. Горькому, 16 апреля 1908 г. — Полн. собр. соч., т. 47, с. 155—156

Отзовисты и их защитники образовали группу «Вперед», литераторы которой (Максимов, Луначарский, Богданов, Алексинский) проповедовали самые различные формы идеалистической философии — под громким названием «пролетарской философии» — и объединение *религии* и социализма. Влияние этой группы всегда было очень незначительно, и она влачила свое существование исключительно благодаря соглашательству с всевозможными оторвавшимися от России и бессильными заграничными группами. Подобного рода группы, неизбежные при всяком расколе, колеблются то туда, то сюда, занимаются всяческим политиканством, но не представляют никакого направления, и их деятельность провяляется прежде всего в мелких интригах: к таким группам принадлежит также и «Правда» Троцкого.

Для всякого марксиста, конечно, ясно, что как ликвидаторство, так и отзовизм, это — мелкобуржуазные течения, привлекавшие к себе буржуазных попутчиков социал-демократической партии. «Мир» или «примирение» с этими *течениями* заранее исключался. Социал-демократическая партия должна была или сама погибнуть, или совершенно избавиться от этих течений.

Ленин В. И. Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 209—210

Есть литературская компания, наводняющая нашу легальную литературу при помощи нескольких буржуазных издательств систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Максимов. Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в ее

контрреволюционных целях *понадобилось* оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию. Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный, политический характер. Как в период революции целовала и зацеловала буржуазная пресса наиболее ретивых меньшевиков за их кадетолюбие, так в период контрреволюции целует и зацеловывает буржуазная пресса богостроителей из среды — шутка сказать! — из среды марксистов и даже из среды «тоже большевиков». И когда официальный орган большевизма в редакционной статье заявил, что большевизму *не по дороге* с подобной проповедью (это заявление в печати было сделано после неудачи бесчисленных попыток путем писем и личных бесед побудить к прекращению позорной проповеди), — тогда тов. Максимов подал формальный письменный протест в редакцию «Пролетария». Он, Максимов, выбран Лондонским съездом, и поэтому его «приобретенное право» нарушено теми, кто посмел официально отречься от позорной проповеди богостроительства.

Ленин В. И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 90—91

Дорогой А. М.! Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право!

Вчера прочитал в «Речи» Ваш ответ на «вой» за Достоевского⁸ и готов был радоваться, а сегодня приходит ликвидаторская газета и там напечатан абзац *Вашей статьи*, которого в «Речи» не было.

Этот абзац таков:

«А «богоискательство» надобно *на время*» (только на время?) «отложить, — это занятие бесполезное: нечего искать, где не положено. Не посеяв, не сожнешь. Бога у вас нет, вы *еще*» (еще!) «не создали его. Богов не ищут, — *их создают*; жизнь не выдумывают, а творят».

Выходит, что Вы против «богоискательства» только «на время»!! Выходит, что Вы против богоискательства *только* ради замены его богостроительством!!

Ну, разве это не ужасно, что у Вас *выходит* такая штука?

Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против *всяких* чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, все равно), — а для предпочтения синего черта желтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем.

В самых свободных странах, в таких странах, где *совсем* не-

уместен призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке», — в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочие отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической буржуазией*, — именно поэтому это — самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки. Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), — *гораздо менее* опасен именно для «демократии», чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа *легко* разоблачить, осудить и выгнать, а второго *нельзя* выгнать так просто, разоблачить его в 1000 раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий и жалостно шаткий» обыватель не согласится.

И Вы, зная «хрупкость и жалостную шаткость» (русской: почему русской? а итальянская лучше??) *мещанской* души, смущаете эту душу ядом, наиболее сладеньким и наиболее прикрытым леденцами и всякими раскрашенными бумажками!!

Право, это ужасно.

«Довольно уже самооплеваний, заменяющих у нас самокритику».

А богостроительство не есть ли *худший* вид самооплевания?? Всякий человек, занимающийся строительством *бога* или даже только допускающий такое строительство, *оплевывает себя* худшим образом, занимаясь вместо «деяний» *как раз* самосозерцанием, самолюбованием, причем «созерцает»-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством.

С точки зрения не личной, а общественной, *всякое* богостроительство есть именно *любовное самосозерцание* тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного «самооплевания» филистеров и мелких буржуа, «отчаявшихся и уставших» (как Вы изволили очень верно сказать про *душу* — только не «русскую» надо бы говорить, а *мещанскую*, ибо еврейская, итальянская, английская — *все один черт*, везде паршивое мещанство одинаково гусно, а «демократическое мещанство», занятое идейным труположством, сугубо гусно).

Вчитываясь в Вашу статью и *дискувиаясь*, откуда у Вас эта *описка* выйти могла, я недоумеваю. Что это? Остатки «Исповеди», которую *Вы сами* не одобряли?? Отголоски ее??

Или иное — например, неудачная попытка *согнуть*ся до точки зрения общедемократической вместо точки зрения *пролетарской*?

Может быть для разговора с «демократией вообще» Вы захотели (простите за выражение) посюсюкать, как сюсюкают с детьми? может быть «для популярного изложения» *обывателям* захотели допустить на минуту *ego* или *ix*, обывателей, предрассудки??

Но ведь это — прием *неправильный* во всех смыслах и во всех отношениях!

Я написал выше, что в *демократических* странах *совсем* неуместен был бы со стороны пролетарского писателя призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке». Ну, а у нас в России?? Такой призыв *не совсем* уместен, ибо он тоже как-то льстит обывательским предрассудкам. Призыв какой-то общий до туманности — у нас даже Изгоев из «Русской Мысли» *обеими руками* его подпишет. Зачем же брать такие лозунги, которые *Вы-то* отделяете превосходно от изгоевщины, *но читатель* не сможет отделить?? Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо *ясного* различения *мещан* (хрупких, жалостно патных, усталых, отчаявшихся, самосозерцающих, богостроительских, богостроительских, богостроительских, самооплевывающихся, *бестолково-анархистичных* — чудесное слово!! и прочая и прочая)

— и *пролетариев* (умеющих быть бодрыми не на словах, умеющих различать «науку и общественность» *буржуазии* от своей, демократию буржуазную от пролетарской)?

Зачем Вы это делаете?

Обидно дьявольски.

Ваш В. И.

В. И. Ленин — А. М. Горькому, 13 или 14 ноября 1913 г.— Полн. собр. соч., т. 48, с. 226—228

...* По вопросу о боге, божественном и обо всем, связанном с этим, у Вас получается противоречие — то самое, по-моему, которое я указывал в наших беседах во время нашего последнего свидания на Капри: Вы порвали (или как бы порвали) с «впередовцами», не заметив идейных основ «впередовства».

Так и теперь. Вы «раздосадованы», Вы «не можете понять, как проскользнуло слово на время» — так Вы пишете, — и в то же самое время Вы защищаете идею бога и богостроительства.

«Бог есть комплекс тех выработанных племенем, нацией, человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского.

И она — явно неверна и явно реакционна. Наподобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего извраща-

* Начало письма не разыскано. *Ред.*

щения его) Вы употребляете прием, который (несмотря на Ваши наилучшие намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь то, что *исторически и житейски* в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог = «идеи будящие и организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на «правду-справедливость» и тому подобное. Но это Ваше доброе желание остается Вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз Вы его написали, оно пошло в *массу*, и его *значение* определяется не Вашим добрым пожеланием, а *соотношением общественных сил*, объективным соотношением классов. В силу этого соотношения *выходит* (вопреки Вашей воле и независимо от Вашего сознания), выходит так, что Вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II и гг. Струве, ибо *на деле* идея бога им помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, Вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков. Вот — скажут попы и К^о — какая хорошая и глубокая это — идея (идея бога), как признают даже «*ваши*», гг. демократы, вожди, — и мы (попы и К^о) служим этой идее.

Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский *идеализм*, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу. Было время в истории, когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной* идеи против другой.

Но и это время давно прошло.

Теперь и в Европе и в России *всякая*, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции.

Все Ваше определение насквозь реакционно и буржуазно. Бог = комплекс идей, которые «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».

Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии. В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с общест-

вом», а всегда *связывала* угнетенные классы верой в божественность угнетателей.

Буржуазно Ваше определение (и не научно, неисторично), ибо оно оперирует огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще — а не определенными *классами* определенной исторической эпохи.

Одно дело — идея бога у дикаря зырянина и т. п. (полудикаря тоже), другое — у Струве и К^о. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство (и эта идея поддерживает его). «Народное» понятие о боженьке и божечком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете Вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю.

Что философский идеализм «всегда имеет в виду только интересы личности», это неверно. У Декарта по сравнению с Гассенди больше имелось в виду интересы личности? Или у Фихте и Гегеля против Фейербаха?

Что «богостроительство есть процесс дальнейшего развития и накопления социальных начал в индивидууме и в обществе», это прямо ужасно!! Если бы в России была свобода, ведь Вас бы вся буржуазия подняла на щит за такие вещи, за эту социологию и теологию чисто буржуазного типа и характера.

Ну, пока довольно — и то затянулось письмо. Еще раз крепко жму руку и желаю здоровья...

В. И. Ленин — А. М. Горькому, вторая половина ноября 1913 г.— Полн. собр. соч., т. 48, с. 230—233

Позорные вещи, до которых опустился Луначарский, — не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого. Нельзя защищать их «хорошими намерениями» автора, «особым смыслом» его слов: будь это прямой и обычный, т. е. непосредственно фидеистический смысл, мы не стали бы и разговаривать с автором, ибо не нашлось бы, наверное, ни одного марксиста, для которого подобные заявления *не* приравнивались бы *всёцело* Анатолия Луначарского к Петру Струве. Если этого нет (а этого *еще* нет), то исключительно потому, что мы видим «особый» смысл и *воюем*, пока *еще* есть почва для товарищеской войны. В том-то и позор заявлений Луначарского, что он *мог* связать их с своими «хорошими» намерениями. В том-то и зло его «теории», что она допускает *такие* средства или *такие* выводы в осуществление благих намерений. В том-то и беда, что «благие» намерения остаются в *лучшем* случае субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а общественное значение подобных заявлений безусловно и неоспоримо, и никакими оговорками и разъяснениями ослаблено быть не может.

Надо быть слепым, чтобы не видеть идейного родства между

«обожествлением высших человеческих потенций» Луначарского и «всеобщей подстановкой» психического под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической. «Подстановка», молча и с другой стороны подходя к делу, уже обожествляет «высшие человеческие потенции», отрывая «психическое» от человека и подставляя необъятно расширенное, абстрактное, божественно-мертвое, «психическое вообще» под всю физическую природу. А «Логос» Юшкевича, вносимый «в иррациональный поток данного»?

Коготок увяз — всей птичке пропасть. А наши махисты все увязли в идеализме, т. е. ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента». Ничье ощущение, ничья психика, ничей дух, ничья воля, — к этому неизбежно скатиться, если не признавать материалистической теории отражения сознанием человека объективно-реального внешнего мира.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм — Полн. собр. соч., т. 18, с. 366—367

4. РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ТОЛСТОВСТВА

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писаек, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкиных из «Речи» —

сочувствие их Толстому — самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богосекателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции, он старается гром и треском фраз *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательный сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самосовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротivления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчерашняя только освободившаяся от крепостного права, отдана была буржуазии на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действи-

тельно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого падо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской буржуазной революции*. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, поюродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого! И, как всегда бывает

в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех бесприщипных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 206—212

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 20

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 21

...Именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все — материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне», — и в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либералов», которые «совсем не нужны народу», «бесцельно оторваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (IV, 136—137).

Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают», *какие* общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки».

Ленин В. И. Л. Н. Толстой и его эпоха.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 102

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодалный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма⁹.

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий,

тем быстрее критически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узкоклассовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии,— когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение,— в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой и его эпоха.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 103—104

НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС И РЕЛИГИЯ

1. НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС НЕ ОСТАВЛЯЕТ МЕСТА ДЛЯ ТВОРЦА

И действительно, Г. * утверждает:

«Величайшие результаты научного исследования служили до сих пор только тому, чтобы подтверждать истины христианской религии».

Не станем здесь говорить о том, что все без исключения философские учения прошлого обвинялись, каждое в свое время, теологами в отступничестве от христианской религии, причем этой участи не избежали даже благочестивый Мальбранш и выступивший как вдохновленный свыше Якоб Бёме; что Лейбниц был прозван брауншвейгскими крестьянами «Löwenix» (ни во что не верующим) и был обвинен в атеизме англичанином Кларком и другими сторонниками Ньютона. Не станем напоминать и о том, что христианство, как это утверждает наиболее солидная и последовательная часть протестантских теологов, не может согласоваться с разумом, так как «светский» разум находится в противоречии с «религиозным» разумом,— что выразил уже Тертуллиан своей классической формулой: «verum est, quia absurdum est» **. Мы только скажем: можете ли вы доказать согласованность выводов науки и религии каким-либо другим путем, кроме того, что, предоставив науке полную свободу развития, вы тем самым принудили бы ее раствориться в религии? Всякое другое принуждение, во всяком случае, не было бы доказательством.

Конечно, если вы с самого начала признали результатом научного исследования только то, что согласуется с вашими взглядами, то вам нетрудно выступать в роли пророков. Но какое преимущество имеет тогда ваше доказательство перед утверждением индийского брамина, который доказывает святость вед¹ тем, что признает за собой исключительное право читать их!

Да,— говорит Г.,— «речь идет о научном исследовании». Но ведь всякое исследование, которое противоречит христианству, «остается на полпути» или «идет по ложному пути». Можно ли еще больше облегчить себе аргументацию?

* — Г. (Гермес).— автор статьи в «Kölnische Zeitung». *Ред.*

** — «это истинно, ибо абсурдно». *Ред.*

Научное исследование, если оно только *«уяснило себе содержание добытых им результатов, никогда не будет противоречить истинам христианства»*, — но в то же время государство должно заботиться о том, чтобы это *«уяснение»* стало невозможным, ибо исследование не должно приспособлять свое изложение к уровню понимания широкой массы, т. е. никогда не должно стать понятным и ясным *для самого себя!* Даже и тогда, когда во всех газетах монархии исследователи, далекие от науки, попосят науку, она должна соблюдать скромность и молчать.

Христианство исключает-де возможность «всякого нового упадка», но полиция должна следить за тем, чтобы философствующие газетчики не привели к такому упадку, — должна следить за этим со всей строгостью. В процессе борьбы с истиной заблуждение само себя разоблачает, и нет поэтому надобности в применении внешней силы для его подавления; но государство должно облегчить истине эту борьбу, лишая поборников «заблуждения» если не внутренней свободы, которой государство лишить их не может, то необходимого условия этой свободы, именно возможности существования!

Христианство уверено в своей победе, но, по мнению Г., оно не в такой степени уверено, чтобы пренебрегать помощью полиции.

Если с самого начала все то, что противоречит вашей вере, уже по одному этому является заблуждением и должно быть рассматривасмо как заблуждение, то чем отличаются ваши притязания от притязаний магометанина, от притязаний всякой другой религии? Должна ли философия, чтобы не впасть в противоречие с основными положениями догмы, иметь особые принципы для каждой отдельной страны, соответственно поговорке: «что город, то поров»? Должна ли она в одной стране верить, что $3 \times 1 = 1$, в другой, что женщины не имеют души, в третьей, что на небе пьют пиво? Разве не существует *всеобщая человеческая* природа, подобно тому как существует всеобщая природа растений и звезд? Философия спрашивает: что есть истина? — а не: что считается истинной? Ее интересует то, что является истинной для всех, а не то, что является истинной только для некоторых; ее метафизические истины не знают границ политической географии; а где начинаются «границы» — это ее политическим истинам слишком хорошо известно, чтобы возможно было смешение иллюзорного горизонта частных мирозерцаний и национальных воззрений с истинным горизонтом человеческого духа. Среди всех защитников христианства Г. — самый слабый.

Долгое существование христианства является единственным доказательством, которое Г. приводит здесь в пользу христианства. Но разве и философия не существует со времен Фалеса до настоящего времени, и не утверждает ли именно Г., что она в настоящее время даже предъявляет больше притязаний и выше оценивает свое значение, чем когда-либо?

Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 99—101

С богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели. Материалисты попросту объясняют *положение вещей*, не вдаваясь в подобного рода фразеологию; это последнее они делают лишь тогда, когда назойливые верующие люди желают навязать им бога, и в этом случае они отвечают коротко — или в стиле Лапласа: «Sire je n'avais ets.»², или грубее, на манер голландских купцов, которые спрашивают немецких коммивояжеров, навязывающих им свои дрянные фабрикаты, обычно такими словами: «Ik kan die zaken niet gebruiken»*, — и этим дело кончается. Но чего только не пришлось вытерпеть богу от своих защитников! В истории современного естествознания защитники бога обращаются с ним так, как обращались с Фридрихом-Вильгельмом III во время йенской кампании его генералы и чиновники. Одна армейская часть за другой складывает оружие, одна крепость за другой капитулирует перед натиском науки, пока, наконец, вся бесконечная область природы не оказывается завоеванной знанием и в ней не остается больше места для творца. Ньютон оставил ему еще «первый толчок», но запретил всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему. Патер Секки, хотя и воздаст ему всякие канонические почести, тем не менее весьма категорически выпроваживает его из солнечной системы, разрешая ему творческий акт только в отношении первоначальной туманности. И точно так же обстоит дело с богом во всех остальных областях. В биологии его последний великий Дон-Кихот, Агассис, приписывает ему даже положительную бессмыслицу: бог должен творить не только животных, существующих в действительности, но и абстрактных животных, рыбу как таковую! А под конец Тиндаль совершенно запрещает ему всякий доступ к природе и отправляет его в мир эмоций, допуская его только потому, что должен же быть кто-нибудь, кто знает обо всех этих вещах (о природе) больше, чем Джон Тиндаль.³ Что за дистанция от старого бога — творца неба и земли, вседержителя, без которого ни один волос не может упасть с головы!

Энгельс Ф. *Диалектика природы*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 514—515

Лишь действительное познание сил природы изгоняет богов или бога из одной области вслед за другой (Секки и его солнечная система). В настоящее время этот процесс настолько продвинулся вперед, что теоретически его можно считать законченным.

Энгельс Ф. *Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу»*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 639

189.

* — «Мне этакие вещи не нужны». *Ред.*

Превращение сил природы, особенно превращение теплоты в механическую силу и т. д., послужило в Германии поводом для нелепейшей теории, которая, впрочем, до известной степени неизбежно вытекает уже из старой лапласовской гипотезы, но теперь доказывается, так сказать, математически, что мир становится все холоднее, что температура в пределах вселенной все более выравнивается и что поэтому в конце концов наступит момент, когда всякая жизнь станет невозможной и весь мир будет состоять из замерзших, вращающихся один вокруг другого шаров. Я жду теперь только, что попы ухватятся за эту теорию как за последнее слово материализма. Ничего глупее нельзя придумать. Так как, согласно этой теории, в существующем мире количество теплоты, которое должно превратиться в другие виды энергии, все более превышает количество других видов энергии, которые могут превратиться в теплоту, то естественно, что первоначальное *горячее состояние*, с которого начинается охлаждение, становится абсолютным необъяснимым и даже бессмысленным и предполагает поэтому существование бога. Первый толчок Ньютона превращается в первое нагревание. И все же теория эта считается тончайшим и высшим завершением материализма. А господа эти скорее конструируют себе мир, который начинается нелепостью и нелепостью кончается, чем согласятся видеть в этих нелепых выводах доказательство того, что их так называемый закон природы известен им до сих пор лишь наполовину. Но эта теория страшно распространяется в Германии.

Ф. Энгельс — К. Марксу, 21 марта 1869 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 228

Форма, в которой выступает христианство, когда оно стремится придать себе научный вид, есть теология. Сущность теологии, особенно в наше время, есть примирение и затушевывание абсолютных противоположностей. Даже самый последовательный христианин не может вполне эмансипироваться от условий нашего времени; время принуждает его вносить изменения в христианство; он таит в себе задатки, развитие которых могло бы повести к атеизму.

Энгельс Ф. Фридрих-Вильгельм IV, король прусский. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 488

Какое-нибудь *существо* является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим *существованием* самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом. Но я живу целиком милостью другого, если я обязан ему не только поддержанием моей жизни, но, сверх того, еще и тем, что он мою *жизнь*

создал, что он — источник моей жизни; а моя жизнь непременно имеет такую причину вне себя, если она не есть мое собственное творение. Вот почему *творение* является таким представлением, которое весьма трудно вытеснить из народного сознания. Народному сознанию непонятно чрез-себя-бытие природы и человека, потому что это чрез-себя-бытие противоречит всем осязательным фактам практической жизни.

Представление о сотворении *земли* получило сокрушительный удар со стороны *геогнозии*, т. е. науки, изображающей образование земли, становление ее как некий процесс, как самопорождение. *Generatio aequivoca* * является единственным практическим опровержением теории сотворения.

Легко, конечно, сказать отдельному индивиду то, что говорил уже Аристотель: Ты рожден твоим отцом и твоей матерью; значит, в случае с тобой соединение двух человеческих существ, т. е. родовой акт людей произвел человека. Ты видишь, стало быть, что человек и физически обязан своим бытием человеку. Значит, ты должен иметь в виду не только одну сторону — *бесконечный* прогресс, в силу которого ты продолжаешь спрашивать: кто породил моего отца? кто породил его деда? и т. д. Ты должен иметь в виду также и то *круговое движение*, которое чувственно-наглядным образом дано в этом бесконечном прогрессе, — круговое движение, в силу которого человек в деторождении повторяет себя самого и, следовательно, субъектом всегда остается человек. Однако ты ответишь: я признаю это круговое движение, так признай же и ты вышеуказанный бесконечный прогресс, который гонит меня все дальше и дальше, пока я не спрошу, кто же породил первого человека и природу вообще. На это я могу тебе ответить только следующее: самый твой вопрос есть продукт абстракции. Спроси себя, как ты пришел к этому вопросу; спроси себя, не продиктован ли твой вопрос такой точкой зрения, на которую я не могу дать ответа, потому что она в корне неправильна. Спроси себя, существует ли для разумного мышления вышеуказанный бесконечный прогресс как таковой. Задаваясь вопросом о сотворении природы и человека, ты тем самым абстрагируешься от человека и природы. Ты полагаешь их *несуществующими* и тем не менее хочешь, чтобы я доказал тебе их *существование*. Я говорю тебе: откажись от своей абстракции, и ты откажешься от своего вопроса; если же ты хочешь придерживаться своей абстракции, то будь последователен, и когда ты мыслишь человека и природу *несуществующими*, то мысли несуществующим и самого себя, так как ты тоже — и природа и человек. Не мысли, не спрашивай меня, ибо, как только ты начинаешь мыслить и спрашивать, твое *абстрагирование* от бытия природы и человека теряет всякий смысл. Или, быть может, ты такой эгоист, что полагаешь все несуществующим, а сам хочешь существовать?

* — Самопроизвольное зарождение. *Ред.*

Ты можешь мне возразить: я вовсе не предполагаю природу несуществующей; я спрашиваю тебя об акте ее возникновения, как спрашивают анатома об образовании у зародыша костей и т. д.

Но так как для социалистического человека *вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, то у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего порождения самим собою, процесса своего возникновения. Так как для социалистического человека *существенная реальность* человека и природы приобрела практический, чувственный, наглядный характер, причем человек наглядно стал для человека бытием природы, а природа наглядно стала для него бытием человека, то стал практически невозможным вопрос о каком-то чуждом существе, о существе, стоящем над природой и человеком, — вопрос, заключающий в себе признание несущественности природы и человека. Атеизм, как отрицание этой несущественности, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является *отрицанием бога* и утверждает *бытие человека* именно посредством этого отрицания; но социализм, как социализм, уже не нуждается в таком опосредствовании: он начинает с *теоретически и практически чувственного сознания* человека и природы как *сущности*. Социализм есть *положительное*, уже не опосредствуемое отрицанием религии *самосознание* человека, подобно тому как *действительная жизнь* есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, *коммунизмом*. Коммунизм есть положительное утверждение как отрицания отрицания, и потому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом человеческой эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 125—127

2. ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Современное исследование природы — единственное, которое привело к научному, систематическому, всестороннему развитию, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но лишь спорадическим и по большей части безрезультатно исчезнувшим открытиям арабов, — современное исследование природы, как и вся новая история, ведет свое летосчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем, по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, Реформацией, французы — Ренессансом, а итальянцы — Чинквеченто* и содержание которой не исчерпывается ни одним

* — буквально: пятисотые годы, т. е. шестнадцатое столетие. *Ред.*

из этих наименований. Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV века. Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество; и в то время как горожане и дворянство еще продолжали между собой драку, немецкая Крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом уже не было ничего нового, — но за ними показались предшественники современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах. В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья; в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература. Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим классическую эпоху своей литературы. Рамки старого orbis terrarum * были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, которая, в свою очередь, послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве прямо сбросили ее и приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века.

Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики. Альбрехт Дюрер был живописцем, гра-

* — буквально: круг земель; так назывался у древних римлян мир, земля. *Ред.*

вером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе некоторые идеи, которые много позднее были вновь подхвачены Монталамбером и новейшим немецким учением о фортификации. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени. Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того проникнутого уверенностью в победе хорала, который стал «Марсельезой» XVI века⁴. Герои того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее однобокость, влияние которого мы так часто наблюдаем у их преемников. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением; это или люди второго и третьего ранга, или благоразумные философы, не желающие обжечь себе пальцы.

И исследование природы совершалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насквозь революционно: ведь оно должно было еще завоевать себе право на существование. Вместе с великими итальянцами, от которых ведет свое летосчисление новая философия, оно дало своих мучеников для костров и темниц инквизиции. И характерно, что протестанты перещеголяли католиков в преследовании свободного изучения природы. Кальвин сжег Сервета, когда тот вплотную подошел к открытию кровообращения, и при этом заставил жарить его живым два часа; инквизиция по крайней мере удовлетворялась тем, что просто сожгла Джордано Бруно.

Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы⁵, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил — хотя и робко и, так сказать, лишь на смертном одре — вызов церковному авторитету в вопросах природы⁶. Отсюда начинается свое летосчисление освобождение естествознания от теологии, хотя выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней и в иных головах далеко еще не завершилось даже и теперь. Но с этого времени пошло гигантскими шагами также и развитие наук, которое усиливалось, если можно так выразиться, пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта. Словно нужно было доказать миру, что отныне для высшего продукта органической материи, для человеческого духа, имеет силу закон движения, обратный закону движения неорганической материи.

Главная работа в начавшемся теперь первом периоде развития естествознания заключалась в том, чтобы справиться с имев-

шимся налицо материалом. В большинстве областей приходилось начинать с самых азов. От древности в наследство остались Эвклид и солнечная система Птолемея, от арабов — десятичная система счисления, начала алгебры, современное начертание цифр и алхимия, — христианское средневековье не оставило ничего. При таком положении вещей было неизбежным, что первое место заняло элементарнейшее естествознание — механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов. Здесь были совершены великие дела. В конце этого периода, отмеченном именами Ньютона и Линнея, мы видим, что эти отрасли науки получили известное завершение. В основных чертах установлены были важнейшие математические методы: аналитическая геометрия — главным образом Декартом, логарифмы — Непером, дифференциальное и интегральное исчисление — Лейбницем и, быть может, Ньютоном. То же самое можно сказать о механике твердых тел, главные законы которой были выяснены раз навсегда. Наконец, в астрономии солнечной системы Кеплер открыл законы движения планет, а Ньютон сформулировал их под углом зрения общих законов движения материи. Остальные отрасли естествознания были далеки даже от такого предварительного завершения. Механика жидких и газообразных тел была в более значительной степени разработана лишь к концу указанного периода. Физика в собственном смысле слова, если не считать оптики, достигшей исключительных успехов благодаря практическим потребностям астрономии, еще не вышла за пределы самых первых, начальных ступеней развития. Химия только что освободилась от алхимии посредством флогистонной теории⁷. Геология еще не вышла из зародышевой стадии минералогии, и поэтому палеонтология совсем не могла еще существовать. Наконец, в области биологии занимались главным образом еще накоплением и первоначальной систематизацией огромного материала, как ботанического и зоологического, так и анатомического и собственно физиологического. О сравнении между собой форм жизни, об изучении их географического распространения, их климатологических и тому подобных условий существования почти еще не могло быть и речи. Здесь только ботаника и зоология достигли приблизительного завершения благодаря Линнею.

Энгельс Ф. *Диалектика природы.* —
Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 20,
с. 345—348

Но что особенно характеризует рассматриваемый период, так это — выработка своеобразного общего мировоззрения, центром которого является представление об абсолютной неизменяемости природы. Согласно этому взгляду, природа, каким бы путем она сама ни возникла, раз она уже имеется налицо, оставалась всегда неизменной, пока она существует. Планеты и спутники их, однажды

приведенные в движение таинственным «первым толчком», продолжали кружиться по предначертанным им эллипсам во веки веков или, во всяком случае, до скончания всех вещей. Звезды покоились навеки неподвижно на своих местах, удерживая друг друга в этом положении посредством «всеобщего тяготения». Земля оставалась от века или со дня своего сотворения (в зависимости от точки зрения) неизменно одинаковой. Телерешшие «пять частей света» существовали всегда, имели всегда те же самые горы, долины и реки, тот же климат, ту же флору и фауну, если не говорить о том, что изменено или перемещено рукой человека. Виды растений и животных были установлены раз навсегда при своем возникновении, одинаковое всегда порождало одинаковое, и Линней делал уже большую уступку, когда допускал, что местами благодаря скрещиванию, пожалуй, могли возникать новые виды. В противоположность истории человечества, развивающейся во времени, истории природы приписывалось только развертывание в пространстве. В природе отрицали всякое изменение, всякое развитие. Естествознание, столь революционное вначале, вдруг очутилось перед насквозь консервативной природой, в которой все и теперь еще остается таким же, каким оно было изначально, и в которой все должно было оставаться до скончания мира или во веки веков таким, каким оно было с самого начала.

Насколько высоко естествознание первой половины XVIII века поднималось над греческой древностью по объему своих познаний и даже по систематизации материала, настолько же оно уступало ей в смысле идеального овладения этим материалом, в смысле общего воззрения на природу. Для греческих философов мир был по существу чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим. Для естествоиспытателей рассматриваемого нами периода он был чем-то окостенелым, неизменным, а для большинства чем-то созданным сразу. Наука все еще глубоко увязает в теологии. Она повсюду ищет и находит в качестве последней причины толчок извне, необъяснимый из самой природы. Если притяжение, напыщенно названное Ньютоном всеобщим тяготением, и рассматривается как существенное свойство материи, то где источник непонятной тангенциальной силы, которая впервые только и осуществляет движение планет по орбитам? Как возникли бесчисленные виды растений и животных? И как, в особенности, возник человек, относительно которого было все же твердо установлено, что он существует не испокон веков? На все подобные вопросы естествознание слишком часто отвечало только тем, что объявляло ответственным за все это творца всех вещей. Коперник в начале рассматриваемого нами периода дает отставку теологии; Ньютон завершает этот период постулатом божественного первого толчка. Высшая обобщающая мысль, до которой поднялось естествознание рассматриваемого периода, это — мысль о целесообразности установленных в природе порядков, плоская вольфовская телеология, согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать

мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца. Нужно признать величайшей заслугой тогдашней философии, что, несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего.

Я отношу к этому периоду еще и материалистов XVIII века, потому что в их распоряжении не было иного естественнонаучного материала, кроме описанного выше. Составившее эпоху произведение Канта осталось для них тайной, а Лаплас явился много времени спустя после них⁸. Не забудем, что, хотя прогресс науки совершенно расшатал это устарелое воззрение на природу, вся первая половина XIX века все еще находилась под его господством* и по существу его преподают еще и теперь во всех школах**.

Первая брешь в этом окаменелом воззрении на природу была пробита не естествоиспытателем, а философом. В 1755 г. появилась «Всеобщая естественная история и теория неба» Канта. Вопрос о первом толчке был устранен; Земля и вся солнечная система предстали как нечто *ставшее* во времени. Если бы подавляющее большинство естествоиспытателей не ощущало того отвращения к мышлению, которое Ньютон выразил предостережением: физика, берегись метафизики!⁹ — то они должны были бы уже из одного этого гениального открытия Канта извлечь такие выводы, которые избавили бы их от бесконечных блужданий по окольным путям и сберегли бы колоссальное количество потраченного в ложном направлении времени и труда. Ведь в открытии Канта заключалась отправная точка всего дальнейшего движения вперед. Если Земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны

* Пометка на полях: «Застывший характер старого воззрения на природу создал почву для обобщающего и подытоживающего рассмотрения всего естествознания как единого целого: французские энциклопедисты, еще чисто механически — одно возле другого; — затем в одно и то же время Сен-Симон и немецкая натурфилософия, завершенная Гегелем». *Ред.*

** Как непоколебимо мог еще в 1861 г. держаться этих взглядов человек, научные работы которого доставили весьма много ценного материала для преодоления их, показывают следующие классические слова:

«Весь механизм нашей солнечной системы направлен, насколько мы в состоянии в него проникнуть, к сохранению существующего, к его продолжительному неизменному существованию. Подобно тому, как ни одно животное, ни одно растение на Земле с самых древнейших времен не стало совершеннее или вообще не стало другим, подобно тому, как мы во всех организмах встречаем последовательность ступеней только одну *подле* другой, а не одну *вслед* за другой, подобно тому, как наш собственный род со стороны телесной постоянно оставался одним и тем же, — точно так же даже величайшее многообразие существующих в одно и то же время небесных тел не дает нам права предполагать, что эти формы суть только различные ступени развития; напротив, все созданное *одинаково* совершенно само по себе» (Медлер, «Популярная астрономия», Берлин, 1861, изд. 5-е, стр. 316).

были быть также ее теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве — в форме расположения одного подле другого, но и во времени — в форме последовательности одного после другого. Если бы стали немедленно и решительно продолжать исследование в этом направлении, то естествознание продвинулось бы к настоящему моменту значительно дальше нынешнего его состояния. Но что хорошего могла дать философия? Сочинение Канта оставалось без непосредственного результата до тех пор, пока, долгие годы спустя, Лаплас и Гершель не развили его содержание и не обосновали его детальнее, подготовив таким образом постепенно признание «небулярной гипотезы». Дальнейшие открытия доставили ей, наконец, победу; важнейшими из них были: установление собственного движения неподвижных звезд, доказательство существования в мировом пространстве среды, оказывающей сопротивление, установление спектральным анализом химического тождества мировой материи и существования таких раскаленных туманных масс, какие предполагал Кант*.

Но позволительно усомниться, скоро ли большинство естествоиспытателей осознало бы противоречие между представлением об изменяемости Земли и учением о неизменности живущих на ней организмов, если бы зарождавшемуся пониманию того, что природа не просто *существует*, а находится в процессе становления и исчезновения, не явилась помощь с другой стороны. Возникла геология и обнаружила не только наличность образовавшихся друг после друга и расположенных друг над другом геологических слоев, но и сохранившиеся в этих слоях раковины и скелеты вымерших животных, стволы, листья и плоды не существующих уже больше растений. Надо было решиться признать, что историю во времени имеет не только Земля, взятая в общем и целом, но и ее теперешняя поверхность и живущие на ней растения и животные. Признавали это сначала довольно-таки неохотно. Теория Кювье¹⁰ о претерпеваемых Землей революциях была революционной на словах и реакционна на деле. На место одного акта божественного творения она ставила целый ряд повторных актов творения и делала из чуда существенный рычаг природы. Лишь Лайель внес здравый смысл в геологию, заменив внезапные, вызванные капризом творца, революции постепенным действием медленного преобразования Земли**.

* Пометка на полях: «Открытое тоже Кантом тормозящее действие приливов на вращение Земли понято только теперь». *Ред.*

** Недостаток лайелевского взгляда — по крайней мере в его первоначальной форме — заключался в том, что он считал действующие на Земле силы постоянными, — постоянными как по качеству, так и по количеству. Для него не существует охлаждения Земли, Земля не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом.

Теория Лайеля была еще более несовместима с допущением постоянства органических видов, чем все предшествовавшие ей теории. Мысль о постепенном преобразовании земной поверхности и всех условий жизни на ней приводила непосредственно к учению о постепенном преобразовании организмов и их приспособлении к изменяющейся среде, приводила к учению об изменчивости видов. Однако традиция является могучей силой не только в католической церкви, но и в естествознании. Сам Лайель в течение долгих лет не замечал этого противоречия, а его ученики и того менее. Это можно объяснить только ставшим в то время господствующим в естествознании разделением труда, благодаря которому каждый исследователь более или менее ограничивался своей специальной отраслью знания и лишь немногие сохраняли способность к обозрению целого.

Тем временем физика сделала огромный шаг вперед, результаты которого были почти одновременно резюмированы тремя различными людьми в 1842 году, составившем эпоху в этой отрасли естествознания. Майер в Хейльбронне и Джоуль в Манчестере доказали превращение теплоты в механическую силу и механической силы в теплоту. Установление механического эквивалента теплоты покончило со всеми сомнениями по этому поводу. В то же время Гров¹¹ — не профессиональный естествоиспытатель, а английский адвокат — доказал посредством простой обработки уже достигнутых в физике отдельных результатов, что все так называемые физические силы — механическая сила, теплота, свет, электричество, магнетизм и даже так называемая химическая сила — переходят при известных условиях друг в друга без какой бы то ни было потери силы, и таким образом доказал еще раз, путем физического исследования, положение Декарта о том, что количество имеющегося в мире движения неизменно. Благодаря этому различные физические силы — эти, так сказать, неизменные «виды» физики — превратились в различным образом дифференцированные и переходящие по определенным законам друг в друга формы движения материи. Из науки была устранена случайность наличия такого-то и такого-то количества физических сил, ибо были доказаны их взаимная связь и переходы друг в друга. Физика, как уже ранее астрономия, пришла к такому результату, который с необходимостью указывал на вечный круговорот движущейся материи как на последний вывод науки.

Поразительно быстрое развитие химии со времени Лавуазье и особенно со времени Дальтона разрушало старые представления о природе еще и с другой стороны. Благодаря получению неорганическим путем таких химических соединений, которые до того времени порождались только в живом организме, было доказано, что законы химии имеют ту же силу для органических тел, как и для неорганических, и была заполнена значительная часть той якобы навеки непреодолимой пропасти между неорганической и органической природой, которую признавал еще Кант.

Наконец, и в области биологического исследования систематически организуемые с середины прошлого века научные путешествия и экспедиции, более точное изучение европейских колоний во всех частях света живущими там специалистами, далее успехи палеонтологии, анатомии и физиологии вообще и особенно со времени систематического применения микроскопа и открытия клетки — все это накопило столько материала, что стало возможным — и в то же время необходимым — применение сравнительного метода*. С одной стороны, благодаря сравнительной физической географии были установлены условия жизни различных флор и фаун, а с другой — было произведено сравнение друг с другом различных организмов в отношении их гомологичных органов, и притом не только в зрелом состоянии, но и на всех ступенях их развития. Чем глубже и точнее велось это исследование, тем больше перед взором исследователя расплывалась охарактеризованная выше застывшая система неизменно установившейся органической природы. Не только все более и более расплывчатыми становились границы между отдельными видами растений и животных, но обнаружались животные, как ланцетник и чешуйчатник¹², которые точно издевались над всей существовавшей до того классификацией**; и, наконец, были найдены организмы, относительно которых нельзя было даже сказать, принадлежат ли они к животному миру или к растительному. Пробелы палеонтологической летописи все более и более заполнялись, заставляя даже наиболее упорствующих признать поразительный параллелизм, существующий между историей развития органического мира в целом и историей развития отдельного организма, давая, таким образом, ариаднину нить¹⁴, которая должна была вывести из того лабиринта, в котором, казалось, все более и более запутывались ботаника и зоология. Характерно, что почти одновременно с нападением Канта на учение о вечности солнечной системы К. Ф. Вольф произвел в 1759 г. первое нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение об эволюции. Но то, что у него было только гениальным предвосхищением, приняло определенную форму у Окена, Ламарка, Бэра и было победоносно проведено в науке ровно сто лет спустя, в 1859 г., Дарвином. Почти одновременно было установлено, что протоплазма и клетка, признанные уже раньше последними составными частями в структуре всех организмов, встречаются и как живущие самостоятельно в качестве низших органических форм. Благодаря этому была доведена до минимума пропасть между органической и неорганической природой и вместе с тем было устранено одно из серьезнейших затруднений, стоявших перед учением о происхождении организмов путем развития. Новое воззрение на природу было готово в его основных чертах: все застывшее стало текучим, все неподвижное стало по-

* Пометка на полях: «Эмбриология». *Ред.*

** Пометка на полях: «Рогозуб. То же самое археоптерикс и т. д.»¹³.
Ред.

движным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте.

И вот мы снова вернулись к взгляду великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинок и кончая солдатами, начиная от протистов¹⁵ и кончая человеком, находится в вечном возникновении и исчезновении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении. С той только существенной разницей, что то, что у греков было гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного исследования, основанного на опыте, и поэтому имеет гораздо более определенную и ясную форму. Правда, эмпирическое доказательство этого круговорота еще не совсем свободно от пробелов, но последние незначительны по сравнению с тем, что уже твердо установлено; притом они с каждым годом все более и более заполняются. И разве это доказательство могло быть без пробелов в тех или иных деталях, если иметь в виду, что важнейшие отрасли знания — звездная астрономия, химия, геология — насчитывают едва одно столетие, а сравнительный метод в физиологии — едва 50 лет существования как науки и что основная форма почти всякого развития жизни — клетка открыта менее сорока лет тому назад!

*Энгельс Ф. Диалектика природы.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20,
с. 348—355*

3. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ АТЕИЗМА

Вот вечный круговорот, в котором движется материя, — круговорот, который завершает свой путь лишь в такие промежутки времени, для которых наш земной год уже не может служить достаточной единицей измерения; круговорот, в котором время наивысшего развития, время органической жизни и, тем более, время жизни существ, сознающих себя и природу, отмерено столь же скудно, как и то пространство, в пределах которого существует жизнь и самосознание; круговорот, в котором каждая конечная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения. Но как бы часто и как бы безжалостно ни совершался во времени и в пространстве этот круговорот; сколько бы миллионов солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погиб-

нуть, прежде чем из их среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия,— у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время.

*Энгельс Ф. Диалектика природы.—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20,
с. 362—363*

Как бы то ни было, изучая сравнительную физиологию, испытываешь величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над другими животными. На каждом шагу натываешься носом на полнейшее соответствие строения человека с остальными млекопитающими; в основных чертах это соответствие замечается у всех позвоночных животных и даже — в более скрытой форме — у насекомых, ракообразных, глистов и т. д. Гегелевская история с качественным скачком в количественном ряду тоже прекрасно сюда подходит. В конце концов, у низших инфузорий мы приходим к прообразу, к простой, самостоятельно живущей клетке, которая, однако, опять-таки ничем осязательным не отличается от низших растений (от состоящих из простых клеток грибов — болезнетворных грибов картофеля, винограда и т. д.) и зародышей более высоких ступеней развития, до человеческого яйца и сперматозоидов включительно, и точно так же выглядит, как независимые клетки в организме...

*Ф. Энгельс — К. Марксу, 14 июля
1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч.,
т. 29, с. 276*

Вообще же Дарвин, которого я как раз теперь читаю, превосходен. Телеология в одном из своих аспектов не была еще разрушена, а теперь это сделано. Кроме того, до сих пор никогда еще не было столь грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да к тому же еще с таким успехом. С грубым английским методом приходится, понятно, мириться.

*Ф. Энгельс — К. Марксу, 11 или 12 декабря
1859 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч.,
т. 29, с. 424*

...Человек возникает путем дифференциации, и не только индивидуально,— развиваясь из одной-единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа,— но и в историческом смысле. Когда после тысячелетней борьбы

рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря чему пропасть между человеком и обезьяной стала с тех пор непроходимой. Специализация руки означает появление *орудия*, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу — производство. И животные в более узком смысле слова имеют орудия, но лишь в виде членов своего тела: муравей, пчела, бобр; и животные производят, но их производственное воздействие на окружающую природу является по отношению к этой последней равным нулю. Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара. И этого он добился прежде всего и главным образом при посредстве *руки*. Даже паровая машина, являющаяся до сих пор самым могущественным его орудием для преобразования природы, в последнем счете, именно как орудие, основывается на деятельности руки. Но вместе с развитием руки шаг за шагом развивалась и голова, возникало сознание — сперва условий отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого, у народов, находившихся в более благоприятном положении, — понимание законов природы, обуславливающих эти полезные результаты. А вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу; при помощи одной только руки люди никогда не создали бы паровой машины, если бы вместе и наряду с рукой и отчасти благодаря ей не развился соответственным образом и мозг человека.

Энгельс Ф. *Диалектика природы*. —
Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 20,
с. 357—358

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — *Соч.*, т. 3, с. 19

Нормальное существование животных дано в тех одновременных с ними условиях, в которых они живут и к которым они приспособляются; условия же существования человека, лишь только

он обособился от животного в узком смысле слова, еще никогда не имелись налицо в готовом виде; они должны быть выработаны впервые только последующим историческим развитием. Человек — единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим.*

Энгельс Ф. *Диалектика природы.*—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 510

Жизнь и смерть. Уже и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерть как существенный момент жизни (примечание: Гегель, «Энциклопедия», ч. I, стр. 152—153), которая не понимает, что *отрицание* жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится. Но кто однажды понял это, для того покончены всякие разговоры о бессмертии души. Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образующих его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает *все* живые организмы, а не только человека. Таким образом, здесь достаточно простого уяснения себе, при помощи диалектики, природы жизни и смерти, чтобы устранить древнее суеверие. Жить значит умирать.

Энгельс Ф. *Диалектика природы.*—
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20,
с. 610—611

4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА И НАУЧНЫЕ ПРЕДВИДЕНИЯ

Существует старое положение диалектики, перешедшей в народное сознание: крайности сходятся. Мы поэтому вряд ли ошибемся, если станем искать самые крайние степени фантазерства, легковерия и суеверия не у того естественнонаучного направления, которое, подобно немецкой натурфилософии, пыталось втиснуть объективный мир в рамки своего субъективного мышления, а, наоборот, у того противоположного направления, которое, чванясь тем, что оно пользуется только опытом, относится к мышлению с глубочайшим презрением и, действительно, дальше всего ушло по части оскудения мысли. Эта школа господствует в Англии. Уже ее родоначальник, прославленный Фрэнсис Бэкон, жаждет применения своего нового эмпирического, индуктивного

метода прежде всего для достижения следующих целей: продление жизни, омоложение в известной степени, изменение телосложения и черт лица, превращение одних тел в другие, создание новых видов, владычество над воздухом и вызывание гроз; он жалуется на то, что такого рода исследования были заброшены, и дает в своей естественной истории форменные рецепты для изготовления золота и совершения разных чудес. Точно так же и Исаак Ньютон много занимался на старости лет толкованием Откровения Иоанна¹⁶. Поэтому нет ничего удивительного в том, что за последние годы английский эмпиризм в лице некоторых из своих, далеко не худших, представителей стал как будто бы безвозвратно жертвой импортированного из Америки духовыстукивания и духовидения.

Из естествоиспытателей сюда прежде всего относится высокозаслуженный зоолог и ботаник Альфред Рассел Уоллес, тот самый, который одновременно с Дарвином выдвинул теорию изменения видов путем естественного отбора. В своей книжке «О чудесах и современном спиритуализме», Лондон, изд. Бёрнса, 1875, он рассказывает, что первые его опыты в этой отрасли естествовидения относятся к 1844 г., когда он посещал лекции г-на Спенсера Холла о месмеризме¹⁷, под влиянием которых он проделал на своих учениках аналогичные эксперименты.

«Я крайне заинтересовался этой темой и стал заниматься ею с большим рвением (ardour)» [стр. 119].

Он не только вызывал магнетический сон с явлениями окоченения членов и местной потери чувствительности, но подтвердил также правильность галлеуской карты черепа¹⁸, ибо, прикасаясь к любому галлеускому органу, вызывал у замagnetизированного пациента соответствующую деятельность, выражавшуюся в оживленной и надлежащей жестикуляции. Он далее установил, что когда он просто прикасался к своему пациенту, то последний переживал все ощущения оператора; он доводил его до состояния опьянения стаканом воды, говоря ему, что это коньяк. Одного из учеников он мог даже в состоянии бодрствования доводить до такого одурения, что тот забывал свое собственное имя, — результат, которого, впрочем, иные учителя достигают и без месмеризма. И так далее.

И вот оказывается, что я тоже зимой 1843/44 г. видел в Манчестере этого г-на Спенсера Холла. Это был самый обыкновенный шарлатан, разъезжавший по стране под покровительством некоторых попов и проделывавший над одной молодой девицей магнетическо-френологические опыты, имевшие целью доказать бытие божие, бессмертие души и ложность материализма, проповедовавшегося тогда оуэнистами во всех больших городах. Эту даму он приводил в состояние магнетического сна, и она, после того как оператор касался любого галлеуского органа ее черепа, угощала публику театрально-демонстративными жестами и позами, изображавшими деятельность соответствующего органа; так, например,

когда он касался органа любви к детям (philoprogenitiveness), она ласкала и целовала воображаемого ребенка и т. д. При этом бра- вый Холл обогатил галлевскую географию черепа новым островом Баратарией¹⁹, а именно: на самой макушке черепа он открыл орган молитвенного состояния, при прикосновении к которому его гипнотическая девица опускалась на колени и складывала руки, изображая перед изумленной филистерской аудиторией погру- женного в молитвенный экстаз ангела. Это было высшим, заклю- чительным пунктом представления. Бытие божие было доказано.

Со мной и одним моим знакомым произошло то же, что и с г-ном Уоллесом: мы заинтересовались этими явлениями и стали пробовать, в какой мере можно их воспроизвести. Субъектом мы выбрали одного бойкого двенадцатилетнего мальчугана. При неподвижно устремленном на него взгляде или легком поглажива- нии было нетрудно вызвать у него гипнотическое состояние. Но так как мы приступили к делу с несколько меньшим легковерием и пылкостью, чем г-н Уоллес, то мы и пришли к совершенно иным результатам. Помимо легко получавшегося окоченения мускулов и потери чувствительности мы могли констатировать состояние полной пассивности воли в соединении со своеобразной сверхвоз- будимостью ощущений. Если пациента при помощи какого-нибудь внешнего возбуждения выводили из состояния летаргии, то он обнаруживал еще гораздо бо́льшую живость, чем в состоянии бодрствования. Мы не нашли и следа таинственной связи с опе- ратором; всякий другой человек мог с такой же легкостью при- водить в действие нашего загипнотизированного субъекта. Для нас было сущим пустяком заставить действовать галлевские че- репные органы; мы пошли еще гораздо дальше: мы не только мо- гли заменять их друг другом и располагать по всему телу, но фабриковали любое количество еще других органов — органов пения, свистения, дудения, танцевания, боксирования, шитья, са- пожничания, курения и т. д., помещая их туда, куда нам было угодно. Если пациент Уоллеса становился пьяным от воды, то мы открыли в большом пальце ноги орган опьянения, и достаточно нам было только коснуться его, чтобы получить чудеснейшую комедию опьянения. Но само собой разумеется, что ни один орган не обнаруживал и следа какого-нибудь действия, если пациенту не давали понять, чего от него ожидают; благодаря практике наш мальчуган вскоре усовершенствовался до такой степени, что ему достаточно было малейшего намека. Созданные таким обра- зом органы сохраняли затем свою силу раз навсегда также и для всех позднейших усыплений, если только их не изменяли тем же самым путем. Словом, у нашего пациента была двойная память: одна для состояния бодрствования, а другая, совершенно обособ- ленная, для гипнотического состояния. Что касается пассивности воли, абсолютного подчинения ее воле третьего лица, то она тер- яет всякую видимость чего-то чудесного, если не забывать, что все интересующее нас состояние началось с подчинения воли па-

циента воле оператора и не может быть осуществлено без этого подчинения. Самый могущественный на свете чародей-магнетизер становится бессильным, лишь только его пациент начинает смеяться ему в лицо.

Итак, в то время как мы при нашем фривольном скептицизме нашли в основе магнетическо-френологического шарлатанства ряд явлений, отличающихся от явлений в состоянии бодрствования в большинстве случаев только по степени и не нуждающихся ни в каких мистических истолкованиях, рвение (ardour) г-на Уоллеса привело его к ряду самообманов, благодаря которым он подтвердил во всех подробностях галлевскую карту черепа и нашел таинственную связь между оператором и пациентом*. В простодушном до наивности рассказе г-на Уоллеса видно повсюду, что ему важно было не столько исследовать фактическую подпочву спиритического шарлатанства, сколько во что бы то ни стало воспроизвести все явления. Уже одного этого умонстроения достаточно для того, чтобы человек, выступавший вначале как исследователь, в короткое время, путем простого и легкого самообмана, превратился в адепта. Г-н Уоллес закончил верой в магнетическо-френологические чудеса и очутился уже одной ногой в мире духов.

Другой ногой он вступил в него в 1865 году. Опыты со столоверчением ввели его, когда он вернулся из своего двенадцатилетнего путешествия по жарким странам, в общество различных «медиумов». Вышеназванная книжка свидетельствует о том, как быстры были здесь его успехи и с какой-полнотой он овладел этим предметом. Он требует от нас, чтобы мы приняли за чистую монету не только все мнимые чудеса Хомов, братьев Давенпортов и других «медиумов», выступающих более или менее за деньги и в значительной своей части неоднократно разоблаченных в качестве обманщиков, но и целый ряд якобы достоверных историй о духах из более ранних времен. Прорицательницы греческого оракула, средневековые ведьмы были по Уоллесу «медиумами», а Ямвлих в сочинении «О прорицании» уже очень точно описывает

«поразительнейшие явления современного спиритуализма» [стр. 229].

Приведем лишь один пример того, как легко г-н Уоллес относится к вопросу о научном установлении и засвидетельствовании этих чудес. Когда нам предлагают поверить тому, что господа духи дают себя фотографировать, то от нас хотят очень многого, и мы, конечно, вправе требовать, чтобы такого рода фотографии духов, прежде чем мы признаем их подлинность, были удостоверены самым несомненным образом. И вот г-н Уоллес рассказывает на странице 187, что в марте 1872 г. г-жа Гаппи, урожденная

* Как уже сказано, пациенты совершенствуются благодаря упражнению. Поэтому вполне возможно, что, когда подчинение воли становится привычным, отношение между участниками сеансов делается интимней, отдельные явления усиливаются и обнаруживаются в слабой степени даже в состоянии бодрствования.

Никол, главный медиум, снялась вместе со своим мужем и своим маленьким сыном у г-на Хадсона в Ноттинг-Хилле²⁰ и что на двух различных снимках за ней была видна в благословляющей позе высокая женская фигура с чертами лица несколько восточного типа, изящно (*finely*) задрапированная в белый газ.

«Здесь, стало быть, одно из двух *являются* * абсолютно достоверным **. Либо перед нами здесь живое, разумное, но невидимое существо, либо же г-н и г-жа Гаппи, фотограф и какая-нибудь четвертая особа затеяли постыдный (*wicked*) обман и с тех пор всегда поддерживали его. Но я очень хорошо знаю г-на и г-жу Гаппи и *абсолютно убежден* *, что они так же мало способны на подобного рода обман, как какой-нибудь серьезный искатель истины в области естествознания» [стр. 188].

Итак, либо обман, либо фотографии духов. Отлично. А в случае обмана либо дух был уже заранее на пластинках, либо в организации его появления должны были участвовать четыре лица или пусть три, если мы отведем в качестве невменяемого или обманутого человека старика Гаппи, умершего в январе 1875 г. в возрасте 84 лет (достаточно было отослать его за ширмы). Нам нечего доказывать, что фотографу было бы не особенно трудно раздобыть «модель» для духа. Но фотограф Хадсон был вскоре после этого публично обвинен в систематической подделке фотографий духов, в связи с чем г-н Уоллес успокоительно замечает:

«Одно во всяком случае ясно: если где-нибудь имел место обман, то его тотчас же раскрывали сами спириты» [стр. 189].

Таким образом, на фотографа не приходится особенно полагаться. Остается г-жа Гаппи, а за нее говорит «абсолютное убеждение» доброго Уоллеса — и больше ничего. Больше ничего? Нет, не так. В пользу абсолютной правдивости г-жи Гаппи говорит ее утверждение, что однажды вечером, в начале июня 1871 г., она была перенесена в бессознательном состоянии по воздуху из своей квартиры в Highbury Hill Park на Lambs Conduit Street 69 — что составляет три английских мили по прямой линии — и была положена в названном доме № 69 на стол во время одного спиритического сеанса. Двери комнаты были заперты, и хотя г-жа Гаппи одна из дороднейших дам Лондона, — а это кое-что да значит, — но все же ее внезапное вторжение не оставило ни малейшего отверстия ни в дверях, ни в потолке (рассказано в лондонском «Echo» от 8 июня 1871 г.). Кто после этого откажется верить в подлинность фотографии духов, тому ничем не поможешь.

Вторым именитым адептом спиритизма среди английских естествоиспытателей является г-н Уильям Крукс, тот самый, который открыл химический элемент таллий и изобрел радиометр

* Подчеркнуто Энгельсом. *Ред.*

** «Here, then, one of two things are absolutely certain». Мир духов стоит выше грамматики. Однажды какой-то шутник попросил медиума вызвать дух грамматика Линдли Марри. На вопрос, присутствует ли он, дух ответил: «I age» (по-американски — вместо «I am»). Медиум был из Америки.

(называемый в Германии также Lichtmühle)²¹. Г-н Крук начал исследовать спиритические явления приблизительно с 1871 г. и применял при этом целый ряд физических и механических аппаратов: пружинные весы, электрические батареи и т. д. Мы сейчас увидим, взял ли он с собой главный аппарат, скептически-критическую голову, и сохранил ли его до конца в пригодном для работы состоянии. Во всяком случае, через короткий срок г-н Крук оказался в таком же полном плену у спиритизма, как и г-н Уоллес.

«Вот уже несколько лет»,— рассказывает этот последний,— «как одна молодая дама, мисс Флоренс Кук, обнаруживает замечательные медиумические качества; в последнее время она дошла до того, что производит целую женскую фигуру, которая, судя по всему, происходит из мира духов и появляется босиком, в белом развевающемся одеянии, между тем как медиум, одетый в темное и связанный, лежит в глубоком сне в занавешенном помещении (cabinet) или в соседней комнате» [стр. 181].

Дух этот, называющий себя Кэти и удивительно похожий на мисс Кук, был однажды вечером схвачен вдруг за талию г-ном Фолькманом — теперешним супругом г-жи Гапши,— который держал его, желая убедиться, не является ли он вторым изданием мисс Кук. Дух вел себя при этом как вполне материальная девица и энергично оборонялся; зрители вмешались, газ был потушен, а когда после некоторой возни восстановилось спокойствие и комната была освещена, то дух исчез, а мисс Кук оказалась лежащей связанной и без сознания в своем углу. Однако говорят, будто г-н Фолькман и поныне утверждает, что он схватил именно мисс Кук, а не кого-либо другого. Чтобы установить это научным образом, один знаменитый электрик, г-н Варли, перед одним из дальнейших сеансов так провел ток электрической батареи через медиума — мисс Кук, что последняя не могла бы изображать духа, не прервав тока. Но дух все же появился. Таким образом, это было в самом деле отличное от мисс Кук существо. Г-н Крук взял на себя задачу установить это с еще большей несомненностью. Первым шагом его при этом было снискать себе *доверие* дамы-духа.

Доверие это,— повествует он сам в «Spiritualist» от 5 июня 1874 г.,— «возросло постепенно до того, что она отказывалась от сеанса, если я не распоряжался всем устройством его^{*}. Она высказывала пожелание, чтобы я^{*} всегда находился поблизости от нее, поблизости к кабинету; я нашел, что после того, как установилось это доверие и она убедилась, что я не нарушу ни одного данного ей обещания^{*}, все явления значительно усилились, и мне добровольно были предоставлены такие доказательства, которых нельзя было бы получить иным путем. Она часто *советовалась со мной*^{*} по поводу присутствующих на сеансах лиц и отводимых им мест, ибо за последнее время она стала очень беспокойной (nervous) под влиянием кое-каких неблагоприятных намеков на то, что наряду с другими, более научными методами исследования надлежало бы применить также и силу^{*}».

^{*} Подчеркнуто Энгельсом. *Ред.*

Барышня-дух вознаградила в полной мере это столь же любезное, сколь и научное доверие. Она даже появилась — это теперь уже не должно нас удивлять — в доме г-на Крукса, играла с его детьми, рассказывала им «анекдоты из своих приключений в Индии», угощала г-на Крукса повествованиями также о «некоторых из горьких испытаний своей прошлой жизни», позволяла ему обнимать себя, чтобы он мог убедиться в ее осязательной материальности, давала ему определять у себя число биений пульса и дыханий в минуту и под конец согласилась даже сфотографироваться рядом с г-ном Круксом.

«Эта фигура», — говорит г-н Уоллес, — «после того как ее видели, осязали, фотографировали и беседовали с ней, абсолютно исчезла* из одной маленькой комнаты, которая не имела другого выхода, как через соседнюю, переполненную зрителями комнату» [стр. 183],

в чем не следует видеть особенного искусства, если допустить, что зрители были достаточно вежливы и обнаружили по отношению к Круксу, в доме которого все это происходило, столько же доверия, сколько он обнаруживал по отношению к духу.

К сожалению, эти «вполне удостоверенные явления» кажутся не совсем правдоподобными даже самим спиритам. Мы видели выше, как настроенный весьма спиритически г-н Фолькман позволил себе весьма материальный жест. Далее, одно духовное лицо, член комитета «Британской национальной ассоциации спиритуалистов» тоже присутствовал на сеансе мисс Кук и без труда установил, что комната, через дверь которой приходил и уходил дух, сообщалась с внешним миром при посредстве *второй двери*. Поведение присутствовавшего там же г-на Крукса «нанесло последний, смертельный удар моей вере, что в этих явлениях может быть нечто серьезное» («Мистический Лондон», соч. преподобного Ч. Мориса Дэвиса, Лондон, изд. братьев Тинсли). К довершению всего в Америке выяснилось, как происходит «материализация» таких «Кэти». Одна супружеская чета, по имени Холмс, давала в Филадельфии представления, на которых тоже появлялась некая «Кэти», получавшая от верующих изрядное количество подарков. Но один скептик не успокоился до тех пор, пока не напал на след названной Кэти, которая, впрочем, однажды уже устроила забавставку из-за недостаточно высокой платы; он нашел ее в одном boarding-house (гостиница-пансион) и убедился, что это — молодая дама, бесспорно из плоти и крови, имевшая при себе все полученные ею в качестве духа подарки.

Между тем и континенту суждено было приобрести своих духовидцев от науки. Одна петербургская научная корпорация — не знаю точно, университет ли или даже академия — делегировала господ статского советника Аксакова и химика Бутлерова для изучения спиритических явлений, из чего, впрочем, не получилось, кажется, больших результатов²². Но зато, — если только верить

* Подчеркнуто Энгельсом. Ред.

громогласным заявлениям господ спиритов,— и Германия выставила теперь своего духовидца в лице г-на профессора Цёльнера из Лейпцига.

Как известно, г-н Цёльнер уже много лет интенсивно работает в области «четвертого измерения» пространства, причем он открыл, что многие вещи, невозможные в пространстве трех измерений, оказываются само собой разумеющимися в пространстве четырех измерений. Так, например, в этом последнем пространстве можно вывернуть, как перчатку, замкнутый металлический шар, не проделав в нем дыры; точно так же можно завязать узел на не имеющей с обеих сторон концов или закрепленной на обоих концах нитке; можно также вдеть друг в друга два отдельных замкнутых кольца, не разрывая ни одного из них, и проделать целый ряд других подобных фокусов. Теперь, согласно новейшим торжествующим сообщениям из мира духов, г-н профессор Цёльнер обратился к одному или нескольким медиумам, чтобы с их помощью установить дальнейшие подробности относительно местонахождения четвертого измерения. Успех при этом был поразительный. Спинка стула, на которую он опирался верхней частью руки, в то время как кисть руки ни разу не покидала стола, оказалась после сеанса переплетенной с рукой; на припечатанной с обоих концов к столу нитке появились четыре узла и т. д. Словом, духи играючи произвели все чудеса четвертого измерения. Заметьте при этом: *gelata gefego* *, я не отвечаю за правильность того, что сообщают бюллетени духов, и если в них имеются неправильные сообщения, то г-н Цёльнер должен быть благодарен мне за повод исправить их. Но если предположить, что эти сообщения верно передают результаты опытов г-на Цёльнера, то они безусловно знаменуют начало новой эры как в науке о духах, так и в математике. Духи доказывают существование четвертого измерения, как и четвертое измерение свидетельствует о существовании духов. А раз это установлено, то перед наукой открывается совершенно новое, необозримое поле деятельности. Вся математика и все естествознание прошлого оказываются только преддверием к математике четвертого и дальнейших измерений и к механике, физике, химии, физиологии духов, пребывающих в этих высших измерениях. Ведь установил же научным образом г-н Крукс, как велика потеря веса столов и другой мебели при переходе ее,— мы можем теперь сказать так,— в четвертое измерение, а г-н Уоллес объявляет доказанным, что огонь не вредит там человеческому телу. А что сказать о физиологии этих одаренных телом духов! Они дышат, у них есть пульс,— значит, они обладают легкими, сердцем и кровеносной системой, а следовательно, и в отношении остальных органов тела они без сомнения одарены по меньшей мере столь же богато, как и наш брат. Ведь для дыхания необходимы углеводы, сжигаемые в легких, а они могут доставляться

* — я рассказываю рассказанное. *Ред.*

только извне. Итак, духи имеют желудок, кишечник, со всем сюда относящимся, а раз все это констатировано, то и остальное получается без всяких трудностей. Но существование этих органов предполагает возможность их заболевания, а в таком случае г-ну Вирхову, может быть, еще придется написать целлюлярную патологию мира духов. А так как большинство этих духов удивительно прекрасные молодые дамы, которые ничем, решительно-таки ничем, не отличаются от земных женщин, разве только своей сверхземной красотой, то долго ли придется ждать до тех пор, когда они предстанут перед «мужами, которые чувствуют любовь»²³? А если здесь, как установил по биению пульса г-н Крукс, «не отсутствует и женское сердце», то перед естественным отбором открывается тоже четвертое измерение, где ему уже нечего опасаться, что его будут смешивать с зловредной социал-демократией²⁴.

Но довольно. Мы здесь наглядно убедились, каков самый верный путь от естествознания к мистицизму. Это не безудержное теоретизирование натурфилософов, а самая плоская эмпирия, презирающая всякую теорию и относящаяся с недоверием ко всякому мышлению. Существование духов доказывается не на основании априорной необходимости, а на основании эмпирических наблюдений господ Уоллеса, Крукса и компании. Так как мы доверяем спектрально-аналитическим наблюдениям Крукса, приведенным к открытию металла таллия, или же богатым зоологическим открытиям Уоллеса на островах Малайского архипелага, то от нас требуют того же самого доверия к спиритическим опытам и открытиям обоих этих ученых. А когда мы заявляем, что здесь есть все-таки маленькая разница, а именно, что открытия первого рода мы можем проверить, второго же не можем, то духовидцы отвечают нам, что это неверно и что они готовы дать нам возможность проверить и спиритические явления.

Презрение к диалектике не остается безнаказанным. Сколько бы пренебрежения ни выказывать ко всякому теоретическому мышлению, все же без последнего невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь. Вопрос состоит только в том, мыслят ли при этом правильно или нет, — а пренебрежение к теории является, само собой разумеется, самым верным путем к тому, чтобы мыслить натуралистически и тем самым неправильно. Но неправильное мышление, если его последовательно проводить до конца, неизбежно приводит, по давно известному диалектическому закону, к таким результатам, которые прямо противоположны его исходному пункту. И, таким образом, эмпирическое презрение к диалектике наказывается тем, что некоторые из самых трезвых эмпириков становятся жертвой самого дикого из всех суеверий — современного спиритизма.

Точно так же обстоит дело и с математикой. Обыкновенные математики метафизического пошиба горделиво кичатся абсолютной непреложностью результатов их науки. Но к этим результатам принадлежат также и мнимые величины, которым тем самым тоже присуща известного рода реальность. Однако если только мы привыкнем приписывать корню квадратному из минус единицы или четвертому измерению какую-либо реальность вне нашей головы, то уже не имеет особенно большого значения, сделаем ли мы еще один шаг дальше, признав также и спиритический мир медиумов. Это — как Кеттелер сказал о Дёллингере:

«Этот человек защищал в своей жизни так много нелепостей, что он, право, мог бы примириться еще также и с догматом о непогрешимости!»²⁵.

Действительно, голая эмпирия не способна покончить со спиритами. Во-первых, «высшие» явления всегда показываются лишь тогда, когда соответствующий «исследователь» уже достаточно обработан, чтобы видеть только то, что он должен или хочет видеть, как это описывает с такой неподражаемой наивностью сам Крукс. Во-вторых, спириты нисколько не смущаются тем, что сотни мнимых фактов оказываются явным надувательством, а десятки мнимых медиумов разоблачаются как заурядные фокусники. Пока путем разоблачения не покончили с *каждым* отдельным мнимым чудом, у спиритов еще достаточно почвы под ногами, как об этом и говорит определенно Уоллес в связи с историей о поддельных фотографиях духов. Существование подделок доказывает, дескать, подлинность подлинных фотографий.

И вот эмпирия видит себя вынужденной противопоставить назойливости духовидцев не эмпирические эксперименты, а теоретические соображения и сказать вместе с Гексли:

«Единственная хорошая вещь, которая, по моему мнению, могла бы получиться из доказательства истинности спиритизма, это — новый аргумент против самоубийства. Лучше жить в качестве подметальщика улиц, чем в качестве покойника болтать чепуху устами какого-нибудь медиума, получающего гинеею за сеанс».

Энгельс Ф. *Диалектика природы.* —
Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 20,
с. 373—383

Философия сделала в политике то же, что физика, математика, медицина и всякая другая наука сделали в своей области. Бэкон Веруламский назвал теологическую физику посвященной богу девой, которая остается бесплодной; он освободил физику от теологии — и она стала плодотворной. Так же как вы не спрашиваете врача, верующий он или нет, вы не должны спрашивать об этом политика. Почти одновременно с великим открытием Коперника — открытием истинной солнечной системы — был открыт также и закон тяготения государств: центр тяжести государства был найден в нем самом. Различные европейские правительства пытались, — правда, поверхностно, как это бывает при первых

практических шагах,— применить этот закон в смысле установления равновесия государств. Но уже Маккиавелли, Кампанелла, а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте, Гегеля, стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии. Они следовали примеру Коперника, которого несколько не смущало то обстоятельство, что Иисус Навин велел остановиться солнцу в Гедеоне и луне — в долине Аялонской²⁶. Новейшая философия только продолжала ту работу, которая была начата уже Гераклитом и Аристотелем. Вы полемизируете, следовательно, не против разума новейшей философии, вы полемизируете против вечно новой философии разума. Разумеется, невежество, которое, может быть, только вчера или третьего дня впервые обнаружило в «Rheinische» или «Königsberger Zeitung»²⁷ государственные идеи весьма давнего происхождения, считает эти исторические идеи внезапно родившимися фантазиями отдельных лиц, потому что невежественному критику они стали знакомы только со вчерашнего дня. Это невежество не замечает, что берет на себя старую роль того доктора Сорбонны, который считал своим долгом публично обвинять Монтескье в непристойном образе мыслей за то, что Монтескье объявил высшим достоинством государства добродетель политическую, а не церковную. Оно не видит, что берет на себя роль Иоахима Ланге, донесшего на Вольфа, что его учение о предопределении будто бы приводит к дезертирству солдат, ослаблению воинской дисциплины и, в конце концов, к разложению всего государства. Это невежество забывает, наконец, о том, что прусское право берет свое начало от философской школы именно «этого Вольфа» и что французский кодекс Наполеона берет свое начало не от ветхого завета, а от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и от французской революции. Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий. Недаром величайшие греческие поэты в потрясающих драмах из жизни царских домов Микен и Фив изображают невежество в виде трагического рока.

Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 111—112

В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно напомнить одно оправдавшееся научное пророчество.

Фридриху Энгельсу случилось в 1887 году писать о грядущей всемирной войне в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркхейма: «На память немецким ура-патриотам 1806—1807 годов» («Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807»).

(Эта брошюра составляет выпуск XXIV «Соц.-дем. библиотеки», вышедшей в 1888 году в Готтингене — Цюрихе.)

Вот как судил, свыше тридцати лет тому назад, Фридрих Энгельс о грядущей всемирной войне:

«...Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дича, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем (*uns kann es recht sein*). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки (*doch*) неизбежна.

Лондон, 15 декабря 1887 г.

Фридрих Энгельс» 28.

Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предаётся теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ

1. МАРКСИЗМ О КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ
РЕЛИГИОЗНОЙ МОРАЛИ

Специфически христианский законодатель *не может признать мораль* независимой сферой, которая священна сама по себе, так как внутреннюю всеобщую сущность морали он объявляет принадлежностью религии. Независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали. Мораль признает только свою собственную всеобщую и разумную религию, религия же — только свою особую позитивную мораль. Цензура, таким образом, должна будет, по этой инструкции, отвергнуть героев мысли в области морали, вроде Канта, Фихте, Спинозы, как людей без религии, как людей, оскорбляющих приличие, обычаи и внешнюю благопристойность. Все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо *мораль* зиждется на *автономии* человеческого духа, *религия* же — на его *гетерономии*.

Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 13

«Но те, которые присоединились к Христу, распяли плоть вместе со страстями и похотями» (Послание к галатам, 5, 24),— выходит, что, по Штирнеру, они поступают со своими распятыми страстями и похотями как истинные собственники. Он берет подряд на распространение христианства, но не хочет удовлетвориться одной лишь распятой плотью, а желает распять и дух, т. е. «целостного субъекта».

Христианство только потому хотело освободить нас от господства плоти и «влечений как движущей силы», что смотрело на нашу плоть, на наши влечения, как на нечто чуждое нам; оно только потому хотело устранить нашу обусловленность природой, что нашу собственную природу оно считало не принадлежащей нам. В самом деле, раз я сам не являюсь природой, раз мои природные влечения, вся моя природная организация не принадлежат

мне самому,— а таково учение христианства,— то всякая обусловленность природой — будет ли эта обусловленность вызвана моей собственной природной организацией или так пазываемой внешней природой — покажется мне обусловленностью, чем-то чуждым, покажется оковами, насилием надо мной, *гетерономией*, в *противоположность автономии духа*. Эту христианскую диалектику Штирнер принимает не задумываясь и затем применяет ее к нашему духу. Впрочем, христианство так и не достигло того, чтобы освободить нас от власти влечений, хотя бы в том мешанско-ограниченном смысле, который святой Макс подsunул христианству,— оно не идет дальше пустой, практически безрезультатной моральной заповеди.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*.— Соч., т. 3, с. 244

Чудесное средство, при помощи которого Рудольф осуществляет все свои спасительные деяния и чудесные исцеления, заключается не в его красивых словах, а в его *наличных деньгах*. Таковы моралисты, говорит Фурье. Нужно быть миллионером, чтобы иметь возможность подражать их героям.

Мораль — это *«бессилие в действии»*¹. Всякий раз, как только она вступает в борьбу с каким-нибудь пороком, она терпит поражение. А Рудольф даже не возвышается до точки зрения самостоятельной морали, которая, по крайней мере, покоится на сознании *человеческого достоинства*. Его мораль, напротив, покоится на сознании *человеческой слабости*. Он — представитель *теологической морали*. Мы рассмотрели во всех подробностях геройские подвиги, совершенные им при помощи его *христианских навязчивых* идей, которые служат ему мерками для суждения о мире,— при помощи таких идей, как «благотворительность», «беззаветная преданность», «самоотречение», «раскаяние», «добрые и злые», «награда и наказание», «ужасные кары», «уединение», «спасение души» и т. д.,— и мы показали, что все это не более как шутовство.

Маркс К., Энгельс Ф. *Святое семейство, или Критика критической критики*.— Соч., т. 2, с. 219—220

Если мы не сдвинулись с места уже в вопросе об истине и заблуждении, то еще хуже обстоит дело с добром и злом. Эта противоположность вращается исключительно в области морали, стало быть, в области, относящейся к истории человечества, а здесь окончательные истины в последней инстанции рассыпаны как раз наиболее редко. Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому.— Но, возразит кто-нибудь, добро все-таки не зло и зло не добро; если добро и зло валить в одну кучу, то исчезает всякая нравственность, и каждый может делать и поступать так,

как ему угодно. — Таково именно мнение г-на Дюринга, если освободить это мнение от оракульского наряда. Но так просто вопрос все-таки не решается. Если бы это было действительно так просто, то ведь не было бы никаких споров о добре и зле, каждый знал бы, что есть добро и что есть зло. А между тем, как обстоит дело теперь? Какая мораль проповедуется нам в настоящее время? Прежде всего христианско-феодалная, унаследованная от прежних религиозных времен; она, в свою очередь, распадается в основном на католическую и протестантскую, причем здесь опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях от иезуитско-католической и ортодоксально-протестантской до либерально-просветительской морали. Рядом с ними фигурирует современно-буржуазная мораль, а рядом с последней — пролетарская мораль будущего; таким образом, в одних только передовых странах Европы прошедшее, настоящее и будущее выдвинули три большие группы одновременно и параллельно существующих теорий морали. Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной окончательности; но, конечно, наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, обладает та мораль, которая в настоящем выступает за его ниспровержение, которая в настоящем представляет интересы будущего, следовательно — мораль пролетарская.

Но если, как мы видим, каждый из трех классов современного общества, феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат, имеет свою особую мораль, то мы можем сделать отсюда лишь тот вывод, что люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен.

Но ведь в трех вышеуказанных теориях морали есть нечто общее им всем; быть может, оно-то и представляет, по крайней мере, частицу раз навсегда установленной морали? — Указанные теории морали выражают собой три различные ступени одного и того же исторического развития, значит, имеют общую историческую основу, и уже потому в них не может не быть много общего. Более того. Для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития теории морали должны непременно более или менее совпадать. С того момента, как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральная заповедь: Не кради². Становится ли от этого приведенная заповедь вечной моральной заповедью? Отнюдь нет. В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные, — какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: Не кради!

Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных. Не подлежит сомнению, что при этом в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс. Но из рамок классовой морали мы еще не вышли. Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике.

*Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 94—96*

2. АТЕИЗМ И ГУМАНИЗМ

Карлейль³ жалуется на суетность и пустоту века, на внутреннюю гнилость всех социальных установлений. Жалоба эта справедлива, но одними жалобами ничего не сделаешь; чтобы избавиться от зла, надо отыскать его причину; и если бы Карлейль поступил так, он нашел бы, что это разложение и пустота, это «бездушие», эта иррелигиозность и этот «атеизм» имеют свою основу в самой религии. Религия по существу своему есть выхолащивание из человека и природы всего их содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем из милости возвращает людям и природе частицу щедрот своих. Пока сильна и жива вера в этот потусторонний фантом, до тех пор таким окольным путем человек добывается хоть какого-нибудь содержания. Сильная вера средневековья придавала, несомненно, всей этой эпохе значительную энергию, но энергию, пришедшую не извне, а коренившуюся уже в природе человека, хотя и в бессознательном, неразвитом состоянии. Вера постепенно слабела, религия распадалась перед лицом возрастающей культуры, но человек все еще не понимал, что он поклонялся своей собственной сущности и обоготворял ее, как некую чуждую сущность. Находясь в этом бессознательном состоянии и в то же время в состоянии безверия, человек не может иметь никакого духовного содержания, он неизбежно отчаивается в истине, разуме и природе, и эта пустота и бессодер-

жательность, неверие в вечные факты вселенной будут продолжаться до тех пор, пока человечество не поймет, что сущность, которой оно поклонялось как богу, была его собственной, до сих пор ему не известной сущностью, пока... Впрочем, зачем мне пересписывать Фейербаха?

Пустота существовала уже давно, потому что религия есть акт самоопустошения человека; а теперь, когда пурпур, прикрывавший эту пустоту, поблек, когда туман, ее заволакивавший, рассеялся, вы удивляетесь, что теперь, к вашему ужасу, эта пустота выступила на свет?

Карлейль, далее, обвиняет век в лицемерии и лжи — это непосредственно вытекает из предыдущего. Конечно, пустоту и бессилие надо приличным образом замаскировать, надо придать им видимость силы при помощи всяких декораций, пышных одеяний и фикжм! Мы тоже нападаем на лицемерие современного христианского миропорядка; борьба с ним, наше освобождение от этого лицемерия и освобождение мира от него, в конце концов, являются нашим единственным насущным делом; но так как мы пришли к познанию этого лицемерия благодаря развитию философии и так как мы ведем борьбу на научной основе, то сущность этого лицемерия не является для нас столь загадочной и непонятной, какой она, несомненно, еще представляется Карлейлю. Это лицемерие мы также относим за счет религии, первое слово которой есть ложь, — разве религия не начинается с того, что, показав нам нечто человеческое, выдает его за нечто сверхчеловеческое, божественное? Но так как мы знаем, что вся эта ложь и безнравственность проистекает из религии, что религиозное лицемерие, теология, является прототипом всякой другой лжи и лицемерия, то мы вправе распространить название теологии на всю неправду и лицемерие нашего времени, как это впервые сделали Фейербах и Б. Бауэр. Пусть Карлейль прочтет их сочинения, если он желает знать, откуда проистекает безнравственность, отравляющая все наши отношения.

Надо, дескать, создать новую религию, пантеистический культ героев, культ труда, необходимо во всяком случае ждать возникновения такой религии в будущем. Но это совершенно невозможно; все возможности религии исчерпаны; после христианства, после абсолютной, т. е. абстрактной религии, после «религии как таковой», не может больше появиться никакой другой формы религии. Карлейль сам признает, что католическое, протестантское или всякое другое христианство неудержимо идет навстречу гибели; если бы он знал природу христианства, он увидел бы, что после христианства уже невозможна никакая другая религия. Невозможен также и пантеизм! Сам пантеизм является выводом из христианства, еще неотделимым от своей предпосылки, — по крайней мере, современный Спинозовский, Шеллинговский, Гегелевский и также Карлейлевский пантеизм. От необходимости доказывать это меня снова избавляет Фейербах.

Как было сказано, и мы придаем большое значение борьбе против несостоятельности, внутренней пустоты, духовной смерти, неискренности века; со всем этим мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть, так же, как Карлейль, но мы имеем гораздо больше шансов на успех, чем он, потому что знаем, чего хотим. Мы хотим покончить с таким атеизмом, каким его изображает Карлейль, мы хотим вернуть человеку содержание, которого он лишился благодаря религии,— не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания. Мы хотим устранить все, что объявляет себя сверхъестественным и сверхчеловеческим, и тем самым устранить лживость, ибо претензия человеческого и естественного быть сверхчеловеческим, сверхъестественным есть корень всей неправды и лжи. Поэтому-то мы раз и навсегда объявили войну также религии и религиозным представлениям и мало беспокоимся о том, назовут ли нас атеистами или как-нибудь иначе. Между тем, если бы карлейлевское пантеистическое определение атеизма было правильным, настоящими атеистами оказались бы не мы, а наши христианские противники. Нам в голову не приходит нападать на «вечные внутренние факты вселенной»; напротив, только мы и обосновали их настоящим образом, доказав их вечность и защитив их от всемогущего произвола противоречивого в себе самого бога. Нам в голову не приходит объявлять «мир, человека и его жизнь ложью»; напротив, эту безнравственность допускают наши христианские противники, когда ставят мир и человека в зависимость от милости какого-то бога, созданного на самом деле лишь благодаря отражению человека в хаотичном материале его собственного неразвитого сознания. Нам в голову не приходит подвергать сомнению или презирать «откровение истории»; история — это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции.

В презрении к истории, в невнимании к развитию человечества повинна целиком другая сторона; в этом повинны опять-таки христиане, которые, построив особую «историю царствия божия», отказывают действительной истории во всякой внутренней значимости и признают эту значимость только за своей потусторонней, абстрактной и к тому же еще вымышленной историей; утверждая, что человеческий род достигает завершения в их Христе, они приписывают истории мнимую конечную цель, якобы достигнутую Христом; они обрывают историю посреди ее течения и уже поэтому, последовательности ради, должны выдавать дальнейшие восемнадцать веков за дикую бессмыслицу и полную бессодержательность. Мы требуем, чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека. Нам нет надобности призывать сначала абстракцию какого-то «бога» и приписывать ей все прекрасное, ве-

ликое, возвышенное и истинно человеческое для того, чтобы увидеть величие человеческого существа, понять развитие рода в истории, его неудержимый прогресс, его всегда обеспеченную победу над неразумием отдельного индивида, преодоление человеческим родом всего, что кажется сверхчеловеческим, его суровую, но успешную борьбу с природой вплоть до достижения, в конце концов, свободного, человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях. Чтобы понять все это во всем его величии, нам нет надобности в таком окольном пути, нет необходимости сначала ставить печать «божественного» на истинно человеческом, чтобы быть уверенным в его важности и величии. Напротив, чем «божественнее», т. е. нечеловечнее, является что-либо, тем меньше мы в состоянии им восхищаться. Только *человеческое* происхождение содержания всех религий дает им еще кое-где хоть какое-то право на уважение; лишь сознание, что даже самое дикое суеверие все же в основе своей отражает вечные свойства человеческой сущности, хотя бы и в такой изуродованной и искаженной форме,— только это сознание спасает историю религии, и особенно в период средневековья, от полного ее отрицания и *вечно* забвения, иначе, конечно, такая судьба постигла бы эту «богопреисполненную» историю. И чем больше в ней «богопреисполненности», тем больше в ней бесчеловечности, скотоподобия; «богопреисполненные» средние века во всяком случае привели к полному озверению человека, к крепостничеству, к *jus rigiae* *postis* * и т. д. *Безбожие* нашего времени, на которое так сетует Карлейль, есть именно его *богопреисполненность*. Отсюда становится также ясным, почему выше я назвал человека решением загадки сфинкса. До сих пор вопрос всегда гласил: что есть бог? — и немецкая философия разрешила его так: бог — это человек. Человек должен лишь познать себя самого, сделать себя самого мерилom всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы, — и тогда загадка нашего времени будет им разрешена. Истину следует искать не в призрачных потусторонних областях, не вне времени и пространства, не в каком-то «боге», якобы пребывающем внутри мира или противопоставленном ему, а гораздо ближе, в собственной груди человека. Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех возможных «богов», которые ведь представляют собой лишь более или менее неясное и искаженное отображение самого человека. Если поэтому Карлейль повторяет вслед за Беном Джонсоном, что человек утратил свою душу и начинает теперь замечать ее отсутствие, то правильнее было бы сказать: человек утрачивал в религии свою собственную сущность,

* — праву первой ночи. *Ред.*

отчуждал от себя свою человечность, и теперь, когда с прогрессом истории религия поколеблена, он замечает свою пустоту и неустойчивость. Но для него нет иного спасения, он может снова обрести свою человечность, свою сущность не иначе, как преодолев коренным образом все религиозные представления и решительно, чисто-сердечно вернувшись не к «богу», а к себе самому.

Все это имется и у Гёте, «пророка», и у кого глаза открыты, тот может это у него обнаружить. Гёте неохотно имел дело с «богом»; от этого слова ему становилось не по себе; только человеческое было его стихией, и эта человечность, это освобождение искусства от оков религии как раз и составляет величие Гёте. В этом отношении с ним не могут сравниться ни древние, ни Шекспир. Но эту совершенную человечность, это преодоление религиозного дуализма может постигнуть во всем его историческом значении лишь тот, кому не чужда другая сторона немецкого национального развития — философия. То, что Гёте мог высказать лишь непосредственно, т. е. в известном смысле, конечно, «пророчески», получило развитие и обоснование в новейшей немецкой философии. У Карлейля также имеются предпосылки, которые, при достаточной последовательности, должны привести к вышеизложенной точке зрения. Сам пантеизм есть лишь преддверие свободного, человеческого воззрения на мир. История, изображаемая Карлейлем как истинное «откровение», включает в себе именно только человеческое; ее содержание может быть лишь насильственно отпято у человечества и отнесено на счет какого-то «бога». Труд, свободная деятельность, в которой Карлейль также видит «культ», есть опять-таки чисто человеческое дело; труд может быть поставлен в связь с «богом» тоже лишь насильственным путем. К чему постоянно выдвигать на первый план слово, которое в *лучшем* случае выражает лишь бесконечность неопределенности и к тому же еще поддерживает видимость дуализма, — слово, которое заключает в себе самом признание ничтожности природы и человечества?

Таковы наши выводы относительно внутренней, религиозной стороны карлейлевской точки зрения.

Энгельс Ф. *Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»*. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 390—394

...Атеизм, в качестве снятия бога, означает становление теоретического гуманизма, коммунизм, в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни, как неотъемлемой собственности человека, означает становление практического гуманизма; другими словами, атеизм есть гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия религии, а коммунизм — гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого

опосредствования, — являющегося, однако, необходимой предпосылкой, — возникает положительно начинающий с самого себя, *положительный* гуманизм.

Но атеизм, коммунизм, это — вовсе не бегство, не абстракция, не утрата порожденного человеком предметного мира, не утрата прицелившихся предметную форму сущностных сил человека, не возвращающаяся к противостоительной, неразвитой простоте нищета. Они, наоборот, впервые представляют собой действительное становление, действительно для человека возникшее осуществление его сущности, осуществление его сущности как чего-то действительного.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 169

Если бы ты поступал так, как написано в библии, то ты не должен был бы вовсе иметь дела со мной. Во втором послании Иоанна (если я не ошибаюсь) сказано, что не следует приветствовать неверующего, не следует ему говорить даже *χαίρε* *. Такие места встречаются очень часто, и они всегда вызывали во мне досаду. Но вы далеко не делаете всего того, что сказано в библии. Впрочем, мне кажется чудовищной иронией, когда называют ортодоксальное евангелическое христианство религией любви. Согласно вашему христианству, девять десятых человечества обречены на вечные муки, и только одной десятой суждено быть счастливой. И вот это, Фриц, должно означать бесконечную любовь бога? Подумай, сколь малым казался бы бог, если б такова была его любовь.

Ф. Энгельс — Фридриху Греберу, 12—27 июля 1839 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 41, с. 412

3. БУРЖУАЗНАЯ МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ

Да, именно отчаяние в собственном спасении превращает личные слабости в слабости человечества, чтобы сбросить это бремя с собственной совести; именно отчаяние в спасении человечества отказывает человечеству в праве следовать присущим ему естественным законам и проповедует незрелость как нечто необходимое; именно лицемерие прикрывается богом, не веря ни в его действительность, ни во всемогущество добра; именно себялюбие ставит личное спасение выше спасения общественного целого.

Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 70

* — Здравствуй. (Библия. Новый завет. Второе послание Иоанна, стих 10). *Ред.*

Буржуа относится к установлениям своего режима, как еврей к закону: он обходит их, поскольку это удастся сделать в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все другие их соблюдали. Если бы все буржуа, всей массой и сразу, стали бы обходить буржуазные установления, то они перестали бы быть буржуа, — такое поведение, конечно, не приходит им в голову и отнюдь не зависит от их желаний и произвола. Распутный буржуа обходит брак и предается тайне нарушениям супружеской верности; купец обходит институт собственности, лишая других собственности посредством спекуляций, банкротства и т. д.; молодой буржуа делает себя независимым от своей собственной семьи, когда он в состоянии это сделать, — он практически упраздняет для себя семью. Но брак, собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, потому что они образуют практические основы, на которых воздвигла свое господство буржуазия, потому что они, в своей буржуазной форме, являются условиями, благодаря которым буржуа есть буржуа, — подобно тому как закон, который постоянно обходится, делает религиозного еврея религиозным евреем. Это отношение буржуа к условиям своего существования приобретает одну из своих всеобщих форм в буржуазной моральности. Вообще нельзя говорить о семье *«как таковой»*. Буржуазия исторически придает семье характер буржуазной семьи, в которой скука и деньги являются связующим звеном и к которой принадлежит также и буржуазное разложение семьи, не мешающее тому, что сама семья продолжает существовать. Ее грязному существованию соответствует священное понятие о ней в официальной фразеологии и во всеобщем лицемерии.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч., т. 3, с. 168

Деление человечества на две резко обособленные группы, на человеческих людей и людей-зверей, на добрых и злых, на овец и козлиц, — такое деление признается, кроме философии действительности, еще только христианством, которое вполне последовательно имеет и своего небесного верховного судью, совершающего это разделение. Но кто же будет верховным судьей в философии действительности? Надо полагать, что вопрос этот будет разрешен так, как он решается на практике в христианстве, где благочестивые овечки сами берут на себя — и не без успеха — роль верховного судьи над своими мирскими ближними — «козличами». Секта философов действительности, если она когда-нибудь возникнет, наверно не уступит в этом отношении тишайшим святошам.

Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*. — Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, т. 20, с. 102

Заключение брака в современной нам буржуазной среде происходит двояким образом. В католических странах родители по-прежнему подыскивают юному буржуазному сынку подходящую

жену, и, разумеется, результатом этого является наиболее полное развитие присущего моногамии противоречия: пышный расцвет гетеризма со стороны мужа, пышный расцвет супружеской неверности со стороны жены. Католическая церковь, надо думать, отменила развод, лишь убедившись, что против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких средств. В протестантских странах, напротив, буржуазному сынку, как правило, предоставляется большая или меньшая свобода выбирать себе жену из своего класса; поэтому основой для заключения брака может служить в известной степени любовь, как это, приличия ради, постоянно и предполагается в соответствии с духом протестантского лицемерия. Здесь гетеризм практикуется мужем не столь энергично, а неверность жены встречается не так часто. Но так как при любой форме брака люди остаются такими же, какими были до него, а буржуа в протестантских странах в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия, даже если брать в общем лучшие случаи, все же приводит только к невыносимо скучному супружескому существованию, которое называют семейным счастьем. Лучшим отражением обоих этих видов брака служит роман: для католического — французский, для протестантского — немецкий *. В том и другом «он получает ее»: в немецком молодой человек — девушку, во французском муж — пару рогов. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении. Поэтому-то скука немецкого романа внушает французскому буржуа такой же ужас, как «безнравственность» французского романа — немецкому филистеру. Впрочем, в последнее время, с тех пор как «Берлин становится мировым городом», немецкий роман начинает менее робко относиться к таким давно хорошо известным там явлениям, как гетеризм и супружеская неверность.

Но и в том и в другом случае брак обуславливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету. Этот брак по расчету в обоих случаях довольно часто обращается в самую грубую проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдает свое тело не так, как наемная работница свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продает его в рабство. И ко всем бракам по расчету относятся слова Фурье:

«Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель».

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 73—74

С каким фанатизмом, по показанию фабрикантов на суде, противятся их фабричные «руки» всякому перерыву фабричной работы, об этом свидетельствует следующий курьез. В начале июня

* В издании 1884 года: «немецкий и шведский». *Ред.*

1836 г. судье в Дьюсбери (Йоркшир) сообщили о том, что собственниками 8 больших фабрик близ Батли нарушается фабричный акт. Часть этих господ обвинялась в том, что они заставляли пятерых мальчиков в возрасте 12—15 лет работать с 6 часов утра пятницы до 4 часов пополудни в субботу, не давая им ни малейшего отдыха, кроме времени на еду и одного часа сна в полночь. И эти дети должны были заниматься непрерывной 30-часовой работой в «shoddy hole», как называется дыра, в которой щиплет шерстяной лоскут и в которой воздух до такой степени насыщен пылью, оческами и т. д., что даже взрослые рабочие принуждены постоянно завязывать себе рот носовыми платками, чтобы предохранить свои легкие! Господа обвиняемые давали уверения вместо присяги, — как квакеры они были слишком щепетильно-религиозными людьми для того, чтобы присягать, — что по великому милосердию своему они могли бы разрешить детям спать в продолжение 4 часов, но эти упрямцы ни за что не хотят ложиться в постель! Господа квакеры были присуждены к 20 ф. ст. штрафа. Драйден предвосхитил этих квакеров:

«Лиса, притворной святости полна,
Божбы страшась, как дьявол лжет она,
И с виду в постного святошу обратившись,
Греха не совершит, сперва не помолившись!»⁴

Маркс К. Капитал. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 253

...У богатых фабрикантов эластичная совесть, и оттого, что зачухнет одним ребенком больше или меньше, душа пиетиста еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви. Ибо установлено, что из фабрикантов хуже всех со своими рабочими обращаются пиетисты: они всевозможными способами снижают рабочим заработную плату якобы для того, чтобы лишить их возможности пьянствовать, однако при выборах проповедников они всегда первые подкупают своих людей.

Энгельс Ф. Письма из Вупперталя. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 456

Отделение человека от чувственного внешнего мира, насильственное погружение его в его абстрактный внутренний мир с целью заставить его исправиться — ослепление — есть необходимый вывод из христианской доктрины, согласно которой полное осуществление этого отделения, чистое изолирование человека от мира и сосредоточение его на его спиритуалистическом «я» есть *само благо*. Если Рудольф не помещает Мастака⁵ в пастоящий монастырь, как это делалось в Византии и во Франкском государстве, то он заточает его, по крайней мере, в идеальный монастырь, в монастырь непроницаемой ночи, не нарушаемой светом внеш-

пего мира, — в монастырь бездеятельной совести и сознания своей греховности, населенный только призрачными воспоминаниями...

Мастак правильно описывает состояние человека, изолированного от внешнего мира. Человек, для которого *чувственный мир* превратился в *голую идею*, превращает, обратно, голые идеи в *чувственные существа*. Призраки его воображения принимают телесную форму. В его представлении образуются мир осязаемых, ощущаемых призраков. В этом именно заключается тайна всех благочестивых видений, это есть в то же время общая форма безумия. Мастак, повторяющий фразы Рудольфа о «могуществе раскаяния и покаяния, соединенных со страшными муками», повторяет их поэтому уже как полупомешанный, наглядно доказывая на своем примере, что между христианским сознанием греховности и безумием существует действительная связь. Точно так же Мастак, рассматривая превращение *жизни* в полную призраков *ночь сновидений* как истинное следствие раскаяния и покаяния, раскрывает перед нами истинную тайну чистой критики и христианского исправления. Тайна эта заключается в том именно, что человек превращается в призрак, а жизнь его — в ряд *сновидений*.

Маркс К., Энгельс Ф. *Святое семейство, или Критика критической критики.* — Соч., т. 2, с. 196, 202

Эти социал-пацифисты, т. е. социалисты на словах, проводники буржуазно-пацифистского лицемерия на деле, играют ныне совершенно такую же роль, которую в течение веков играли христианские попы, прикрашивая фразами о любви к ближнему и о заповедях Христа политику угнетающих классов, рабовладельцев, феодалов, капиталистов, *примиряя* угнетенные классы с их господством.

Ленин В. И. *Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям.* — Полн. собр. соч., т. 30, с. 277

«Социалист», который при таком положении дела говорит народам и правительствам речи о добреньком мире, вполне подобен попу, который видит перед собой в церкви на первых местах содержательницу публичного дома и станového пристава, находящийся в стачке друг с другом, и «проповедует» им и народу любовь к ближнему и соблюдение христианских заповедей.

Ленин В. И. *О сепаратном мире.* — Полн. собр. соч., т. 30, с. 1187

Капитал стал интернациональным и монополистическим. Мир поделен между горсткой великих, т. е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций, держав...

Так организованно, в эпоху наивысшего развития капитализма, ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли. И при капитализме иная организация невозможна. Отказаться от колоний, от «сфер влияния», от вывоза капитала? Думать об этом, значит свести себя на уровень попика, который каждое воскресенье проповедует богатым величие христианства и советует дарить бедным... ну, если не несколько миллиардов, то несколько сот рублей ежегодно.

Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 352. 353

Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний; т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили волки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстания индийских туземцев против Англии⁶ и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами⁷.

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так расписывается о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Маньчжурию под охраной русских войск. Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь, «арендовать» китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая: И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские прави-

тельства (и русское едва ли не первое из них) уже пачали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, держащих поднять руку на цивилизованных европейцев.

Ленин В. И. Китайская война.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 379—380

В Лондоне закончился недавно *«пятый»* международный съезд по борьбе против торговли девушками.

Развернулись герцогини, графини, епископы, пасторы, раввины, полицейские чиновники и всякого рода буржуазные филантропы! Сколько было торжественных обедов и пышных официальных приемов! Сколько было торжественных речей о вреде и гнусности проституции!

Какие же средства борьбы требовали изящные буржуазные делегаты съезда? Главным образом два средства: религию и полицию. Самое, дескать, верное и надежное против проституции. Один английский делегат, как сообщает лондонский корреспондент лейпцигской *«Народной Газеты»*, хвалился тем, что он проводил в парламенте *телесное наказание* за сводничество. Вот он каков, современный *«цивилизованный»* герой борьбы с проституцией!

Одна дама из Канады восторгалась полицией и женским полицейским надзором за *«падшими»* женщинами, а насчет повышения заработной платы заметила, что работницы не заслужили лучшей платы.

Один немецкий пастор громил современный материализм, который-де все более распространяется в народе и содействует распространению свободной любви.

Когда австрийский делегат Гертнер попробовал поднять вопрос о социальных причинах проституции, о нужде и нищете рабочих семей, об эксплуатации детского труда, о невыносимых квартирных условиях и т. д., — оратора заставили замолчать враждебными возгласами!

Зато о высоких особах рассказывали — в группах делегатов — поучительные и торжественные вещи. Когда, например, императрица германская посещает какой-нибудь родильный дом в Берлине, то матерям *«незаконных»* детей *надевают на пальцы кольца*, — чтобы не шокировать высокую особу видом невенчаных матерей!!

Можно судить по этому, какое отвратительное буржуазное лицемерие царит на этих аристократически-буржуазных конгрессах. Акробаты благотворительности и полицейские защитники издева-

тельств над нуждой и нищетой собираются для «борьбы с проституцией», которую поддерживают именно аристократия и буржуазия...

Ленин В. И. Пятый международный съезд по борьбе с проституцией.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 331—332

Когда народ голодает, когда безработица свирепствует все более грозно,— каждый, кто укрывает лишний пуд хлеба, каждый, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником.

В такое время — а для истинно коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо *овладеть ею практически*, надо добиться *на деле* правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо *очистить всю страну* от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Ленин В. И. О голоде.— Полн. собр. соч., т. 36, с. 363

Рабочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной. И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно. Это было бы утопией, которая на практике только отодвинула бы царство социализма на небеса.

Нет, мы беремся за устройство социализма не так. Мы беремся, стоя на почве капиталистического общества, борясь со всеми теми слабостями, недостатками, которые имеются и у трудящихся, которые тянут пролетариат книзу. В этой борьбе много сепаратистских старых мелкособственнических привычек и навыков и еще имеет место старый лозунг: «каждый за себя, один бог за всех». Этого было слишком достаточно в каждом профессиональном союзе, на каждой фабрике, которая думала сплошь да рядом только о себе, а об остальном — пусть позаботится господь бог да начальство. Это мы видели, это мы испытали на своем горбу, это нам стоило стольких ошибок, стольких тяжелых ошибок, что этот опыт мы теперь учитываем и говорим товарищам: мы вас предостерегаем от всех самочинных действий в этой об-

ласти самым решительным образом. И мы говорим: это будет не строительство социализма, это будет то, что мы все поддадимся слабостям капитализма.

Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 449—450

Мы встречаем Марию⁸ среди преступников в качестве проститутки, крепостной служанки у хозяйки кабачка, в котором собираются преступники. При всей униженности своего положения она сохраняет человеческое благородство души, человеческую непринужденность и человеческую красоту. Эти качества импонируют ее окружению, делают ее поэтическим цветком круга преступников и утверждают за ней имя Флер де Мари.

Необходимо внимательно наблюдать Флер де Мари начиная с ее первого выступления, чтобы иметь возможность сравнить ее первоначальный образ с критической переделкой его.

При всей своей хрупкости Флер де Мари сразу же обнаруживает жизненную бодрость, энергию, веселость, гибкость характера — такие качества, которые одни только в состоянии объяснить ее человеческое развитие в условиях ее бесчеловечного положения.

Против Резаки, который набрасывается на нее с кулаками, она защищается своими ножницами. Это — первое положение, в котором мы ее встречаем. В этой сцене она выступает перед нами не как беззащитное существо, отдающееся без сопротивления во власть грубой силы, а как девушка, умеющая защищать свои права и способная выдержать борьбу.

В кабачке преступников на улице Фев. она рассказывает Резаке и Рудольфу историю своей жизни. Во время своего рассказа она отвечает *афоризмом* на остроты Резаки. Она обвиняет себя в том, что после выхода из тюрьмы истратила заработанные ею в тюрьме 300 франков на катанье и наряды; вместо того, чтобы искать работы, «но у меня не было советчиков». Воспоминания о катастрофе ее жизни — о продаже себя хозяйке кабачка преступников — приводит ее в грустное настроение. В первый раз в жизни она вспоминает теперь про все эти события. «В самом деле, мне становится грустно оттого, что я оглядываюсь на прошлое... Должно быть, очень хорошо быть честной». На насмешку Резаки: «Пусть она делается честной», — она отвечает восклицанием: «Честной, о боже! да на какие же средства, по-твоему, могу я быть честной!». Она заявляет решительно, что «не строит из себя плаксы» («je ne suis pas pleurnicheuse»), но ее жизненное положение печально — «это далеко не весело». Наконец, в противоположность христианскому *покаянию*, она высказывает относительно своего прошлого следующий *стоический* и в то же время *эпикурейский* человеческий принцип, принцип свободной и сильной личности:

«В конце концов, что сделано, то сделано».

Последуем за Флер де Мари в ее первой прогулке с Рудольфом.

«Сознание твоего ужасного положения тебя, вероятно, часто мучило», — говорит Рудольф, который уже ощущает зуд завести правоучительную беседу.

«Да», — отвечает она, — «не один раз я всматривалась в Сену через паплет набережной, но затем я направляла свои взоры на цветы, на солнце и говорила себе: река всегда будет здесь, мне же нет еще семнадцати лет. Кто знает? В эти минуты мне казалось, что моя судьба — незаслуженная, что во мне есть нечто хорошее. Я говорила себе: меня достаточно мучили, но, по крайней мере, я никому не причинила никакого зла».

Флер де Мари рассматривает положение, в котором она находится, не как результат своего свободного творчества, не как выражение своей личности, а как судьбу, которую она не заслужила. Эта несчастная судьба может измениться. Она еще молода.

Добро и зло в понимании Марии — не моральные абстракции добра и зла. Она добра потому, что никому не причинила страдания, она всегда была человечна по отношению к бесчеловечному окружению. Она добра потому, что солнце и цветы открывают ей ее собственную солнечную и, как цветок, невинную натуру. Она добра, наконец, потому, что она еще молода, полна надежд и жизненной бодрости. Ее положение — *недобро*, потому что оно налагает на нее неестественное принуждение, потому что оно не есть проявление ее человеческих склонностей, не есть осуществление ее человеческих желаний, потому что оно мучительно и безрадостно. Мерилом ее жизненного положения ей служит не *идеал добра*, а ее собственная индивидуальность, природа ее существа.

На лоне природы, где падают цепи буржуазной жизни, где Флер де Мари свободно может проявлять свою собственную натуру, она обнаруживает поэтому такую бьющую ключом радость жизни, такое богатство ощущений, такой человеческий восторг перед красотами природы, которые доказывают, что ее положение в обществе затронуло только поверхность ее существа, что это положение — не больше чем злая участь и что сама она ни добра, ни зла, а только *человечна*.

«Г-н Рудольф, какое счастье!.. трава, поля!.. Если бы Вы мне позволили сойти... Здесь так хорошо... Мне так хотелось бы побегать по этим лугам!»

Выйдя из коляски, она собирает цветы для Рудольфа, «едва может говорить от радости» и т. д. и т. д.

Рудольф сообщает ей, что он отвезет ее на ферму мадам Жорж. Там она увидит голубятни, скотный двор и т. д.; там есть молоко, масло, фрукты и т. д. Вот настоящая *благодать* для этого ребенка. Она будет *развлекаться* — вот ее главная мысль. «Вы даже не можете себе представить, как мне хочется развлекаться». Она самым простодушным образом говорит Рудольфу о том, что она сама виновата в своей несчастной судьбе: «Все произошло оттого, что я не умела бережно обращаться с деньгами». Она советует ему по-

этому быть бережливым и помещать свои деньги в сберегательную кассу. Ее воображение целиком поглощено теми воздушными замками, которые строит ей Рудольф. Она погружается в печаль только потому, что «забыла о *настоящем*», и «контраст между этим настоящим и мечтой о радостном, светлом существовании напоминает ей весь ужас ее положения».

До сих пор мы наблюдали Флер де Мари в ее первоначальном, некритическом образе. Эжен Сю поднялся здесь над горизонтом своего ограниченного мировоззрения. Он нанес удар предрассудкам буржуазии. А теперь он передаст Флер де Мари в руки героя Рудольфа, чтобы загладить свою дерзость, чтобы снискать одобрение всех стариков и старух, всей парижской полиции, ходячей религии и «критической критики».

Мадам Жорж, на попечение которой Рудольф отдает Флер де Мари, — несчастная, страдающая ипохондрией, религиозная женщина. Она сразу же встречает молодую девушку елейными словами, что «*бог благословляет тех, которые любят и боятся его, которые были несчастны и покалялись*». Рудольф, муж «чистой критики», призывает жалкого, поседевшего в предрассудках попа *Лапорта*. Поп этот предназначен для того, чтобы осуществить критическую переделку характера Флер де Мари.

Мария весело и простодушно встречает старого попа. Со свойственной ему христианской грубостью *Эжен Сю* заставляет «изумительный инстинкт» нашептывать ей на ухо, что «*стыд* кончается там, где начинаются *раскаяние* и *покаяние*», а именно — в лоне единospасающей церкви. Он забывает о ее веселом простодушии на прогулке, о радостном настроении, вызванном красотами природы и дружелюбным участием Рудольфа и омраченном лишь мыслью о необходимости вернуться к хозяйке кабачка преступников.

Поп Лапорт тотчас принимает *неземную* позу. Его первым словом было:

«Милосердие *бога* неистощимо, мое дорогое дитя! Он доказал тебе это, не покинув тебя в твоих горьких испытаниях... Великодушный человек, спасший тебя от гибели, исполнил *слово Писания*» (заметьте: не человеческую цель исполнил, а слово Писания), «гласящее: господь печется о тех, которые призывают имя его; он осуществит желания тех, кто призывает его; он услышит их стоны и спасет их... Господь завершит *свое* дело».

Мария еще не понимает *злонамеренного* смысла поповской проповеди. Она отвечает:

«Я буду молиться за тех, которые оказали мне милосердие и возвратили меня к богу».

Ее первая мысль — не о боге, а о ее *человеческом* спасителе, и молиться она хочет о *нем*, а не об отпущении своих *собственных* грехов. Она ожидает от своей молитвы содействия спасению других. Мало того, она еще настолько наивна, что считает себя *уже возвратившейся* к богу. Поп считает себя обязанным разрушить эту противную вере иллюзию.

«Скоро»,— прерывает он ее,— «скоро ты заслужишь отпущение, отпущение твоих великих грехов... ибо, как сказал пророк, господь поддерживает всех тех, которым грозит падение».

Обратите внимание на чуждые человечности обороты в речи священника. Скоро ты заслужишь отпущение грехов! *Еще не прощены* тебе твои грехи.

Если Лапорт при встрече с девушкой старается возбудить в ней *сознание греховности*, то Рудольф, со своей стороны, преподносит ей при прощении золотой *крест*, символ предстоящего ей *христианского распятия*.

Мария живет уже в течение некоторого времени на ферме мадам Жорж. Подслушаем прежде всего разговор старого попа Лапорта с мадам Жорж. «Замужество» он считает для Марии невозможным, «потому что ни один мужчина, несмотря на его, Лапорта, поручительство, не отважится пренебречь прошлым, которое загрязнило ее молодость». Он добавляет, что она «должна искупить большие грехи» и что «нравственное чувство должно было бы предохранить ее от падения». Он доказывает возможность нравственного самосохранения, как самый низкопробный буржуа: «В Париже есть много благодетельных людей». Лицемерный священник отлично знает, что эти благодетельные люди Парижа ежечасно проходят равнодушно мимо маленьких девочек 7—8 лет, которые до полуночи продают на самых оживленных улицах спички и т. п., как это некогда делала Мария, и будущая участь которых почти без исключения — та же, что и участь Марии.

Поп поставил своей задачей *покаяние* Марии. В душе своей он *осудил* ее. Последуем за Флер де Мари в ее вечерней прогулке с Лапортом, которого она провожает домой.

«Взгляни, дитя мое»,— начинает он свою елейную речь,— «на беспредельный горизонт, границы которого стали теперь незаметны для глаза» (это было вечером). «Кажется мне, что тишина и беспредельность почти дают нам идею вечности... Я говорю тебе это, Мария, потому, что ты восприимчива к красотам творения... Я часто бывал растроган, видя, какой религиозный восторг они вызывают в тебе,— в тебе, которая так долго лишена была религиозного чувства».

Попу уже удалось превратить непосредственно-наивное восхищение Марии красотами природы в *религиозный водторг*. *Природа* для нее уже до такой степени принижена, что воспринимается ею как богоугодная, *христианизированная* природа, как *творение*. Прозрачный воздушный океан развенчан и превращен в тусклый символ неподвижной *вечности*. Мария уже постигла, что все человеческие проявления ее существа были «*греховны*», что они лишены религии, истинной благодати, что они нечестивы, безбожны. Поп должен очертить ее в ее собственных глазах; он должен повергнуть в прах ее природные и духовные силы и дарования, чтобы сделать ее восприимчивой к сверхъестественному дару, который он обещает ей — *к крещению*.

Когда Мария хочет в чем-то признаться попу и просит его о снисхождении, он отвечает:

«Господь доказал тебе, что он милосерден».

Мария не должна видеть в снисхождении, оказываемом ей, естественное, само собой разумеющееся отношение родственного человеческого существа к ней, такому же человеческому существу, а должна усмотреть в этом какое-то мистическое, сверхъестественное, сверхчеловеческое милосердие и снисхождение, в *человеческом снисхождении* должна видеть *божественное милосердие*. Она должна превратить все человеческие и естественные отношения в потусторонние *отношения к богу*. Ответ Флер де Мари на поповскую болтовню о божественном милосердии показывает, насколько религиозная доктрина успела уже испортить ее.

Она говорит, что как только она очутилась в своем новом, лучшем положении, она чувствовала лишь свое *новое счастье*:

«Каждую минуту я думала о г-не Рудольфе. Часто я устремляла свои взоры к небесам, но искала там не бога, а г-на Рудольфа, чтобы благодарить его. Да, я обвиняю себя в этом, отец мой; я думала больше о нем, чем о боге; ибо он сделал для меня то, что мог бы сделать один только бог... Я была счастлива, так счастлива, как человек, который навсегда избегал великой опасности».

Флер де Мари уже считает предосудительным воспринимать новое, счастливое жизненное положение просто как то, чем оно *действительно* является, как новое счастье, т. е. относиться к нему естественно, а не сверхъестественно. Она уже обвиняет себя в том, что видела в человеке, который ее спас, то, чем он *действительно* был, — своего спасителя, и не подставляла на его место воображаемого спасителя — *бога*. Она уже охвачена религиозным лицемерием, которое отнимает у *другого человека* то, чем я ему обязан, чтобы передать это богу, и которое вообще рассматривает все человеческое в человеке как чуждое ему, а все нечеловеческое в нем — как *его подлинную* собственность.

Мария рассказывает нам, что *религиозным переворотом* в своих мыслях и чувствах, в своем отношении к жизни она обязана мадам Жорж и Лапорту:

«Когда Рудольф увозил меня из города, во мне уже шевелилось смутное сознание униженности моего положения; но воспитание, советы, примеры, полученные мной от Вас и мадам Жорж, дали мне возможность постичь... что я была более виновна, чем несчастна... Вы и мадам Жорж помогли мне понять бесконечную глубину моей греховности».

Это значит, что она обязана священнику Лапорту и мадам Жорж тем, что взамен человеческого, и потому выносимого, сознания униженности своего положения она прониклась христианским, и потому невыносимым, сознанием бесконечной греховности. Поп и ханжа мадам Жорж научили ее судить о себе с *христианской точки зрения*.

Мария чувствует всю мучительность того душевного состояния, в которое ее ввергли. Она говорит:

«Если сознание добра и зла должно было пробудиться у меня в таком страшном виде, то почему меня не предоставили моей несчастной участи?.. Если бы меня оставили в той пропасти, где я находилась, нищета и побои очень скоро прикончили бы меня, и я, по крайней мере, умерла бы в неведении о той чистоте, которую я всегда буду тщетно желать себе».

Бессердечный поп отвечает:

«Даже самая благородная натура, если бы она хоть один день провела в той грязи, из которой тебя вытащили, вышла бы оттуда с *несмываемым клеймом на челе*. Таков *незыблемый закон божеского правосудия*».

Флер де Мари, глубоко уязвленная этим медоточивым *поповским проклятием*, восклицает:

«Значит, Вы видите, что я осуждена на отчаяние».

Поседевший раб религии отвечает:

«Ты должна отказаться от всякой надежды на то, чтобы вырвать из своей жизни эту печальную страницу, но ты должна надеяться на *бесконечное милосердие бога*. Здесь, на земле, бедное дитя мое, на твою долю выпали слезы, раскаяние, покаяние; но настанет день, когда там, там на *небесах*, ты получишь прощение и обретешь *вечное блаженство*».

Мария еще не настолько потеряла рассудок, чтобы найти успокоение в вечном блаженстве и прощении на небесах.

«Сжался надо мной»,— восклицает она,— «сжался надо мной, боже! Я еще так молода... Какая я несчастная!»

И лицемерная софистика священника достигает своей высшей точки:

«Напротив, это — твое счастье, Мария, твое счастье! Господь посылает тебе ургезия совети, полные горечи, но благодетельные. Они доказывают *религиозную* восприимчивость твоей души... Каждое твое страдание будет тебе *зачтено* на небесах. Поверь мне, бог оставит тебя *на миг* на дурном пути, чтобы предоставить тебе потом *славу раскаяния* и вечную награду, подобающую *покаянию*».

С этого момента Мария становится *рабой сознания своей греховности*. Если прежде она в самой злополучной обстановке сумела развить в себе черты привлекательной человеческой индивидуальности и при внешнем крайнем унижении сознавала *свою человеческую* сущность как *свою истинную сущность*, то теперь эта грязь современного общества, задевшая ее снаружи, становится в ее глазах ее *внутреннейшей* сущностью, а постоянное ипохондрическое самобичевание по этому поводу делается ее обязанностью, предначертанной самим богом жизненной задачей, самоцелью ее существования. Если прежде она хвалилась: «Я не плакса» и говорила: «Что сделано, то сделано», то теперь самоистязание становится для нее *благом*, а раскаяние — *славой*.

Впоследствии обнаруживается, что Флер де Мари — дочь Рудольфа. Мы встречаемся с ней снова как с принцессой Герольштейнской. Мы подслушиваем ее беседу с отцом:

«Тщетно я прошу бога освободить меня от этих наваждений, наполнить мое сердце исключительно только благочестивой любовью к нему, святыми надеждами, взять меня, наконец, всю целиком, потому что я хочу вся отдаться ему... Он не внемлет моим молитвам... без сомнения, потому, что мои земные заботы делают меня недостойной общения с ним».

После того как человек начал рассматривать свои заблуждения как *бесконечные* преступления против бога, он может быть уверен в своем спасении и милосердии бога лишь в том случае, если совершенно отдаст себя богу, совершенно умрет для мира и мирских интересов. После того как Флер де Мари постигла, что освобождение из ее нечеловеческого положения есть *божеское* чудо, она должна сама стать *святой*, чтобы быть достойной этого *чуда*. Ее человеческая любовь должна превратиться в религиозную любовь, стремление к счастью в стремление к вечному блаженству, мирское удовлетворение в святую надежду, общение с людьми в общении с богом. Бог должен взять ее целиком. Она сама раскрывает нам тайну, почему он не берет ее целиком. Она еще не вся *отдалась* ему, ее сердце находится еще во власти земных интересов. Это — последняя вспышка ее здоровой природы. Она целиком отдается богу, отказываясь совершенно от мира и поступая в *монастырь*.

«Тот лишь к монастырской двери
Пусть идет, кто в должной мере
Нагрузил себя грехом,
Чтобы ночью он и днем
Мог всечасно наслаждаться —
Покаянью предаваться».

(Гете.)

В монастыре Флер де Мари, благодаря проискам Рудольфа, получает сан *игуменьи*. Она сначала отказывается принять этот пост, считая себя недостойной его. Старая игуменья уговаривает ее:

«Скажу Вам больше, моя дорогая дочь, если бы до Вашего вступления в лоно церкви Ваше существование было настолько же полно заблуждений, насколько оно, наоборот, было чисто и похвально, то *евангельские добродетели*, примеры которых Вы показали здесь со времени Вашего пребывания с нами, загладили бы и искупили в глазах всевышнего любое прошлое, каким бы греховным оно ни было».

Мы видим из слов игуменьи, что мирские добродетели Флер де Мари превратились в евангельские добродетели, или, вернее, ее действительные добродетели должны принять евангельскую, карикатурную форму.

Мария отвечает на слова игуменьи:

«Святая мать, считаю теперь возможным согласиться».

Монастырская жизнь не соответствует индивидуальности Марии: она умирает. Христианство утешает ее только в воображении, или ее христианское утешение есть именно уничтожение ее действительной жизни и ее действительного существа — ее смерть.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство,
или Критика критической критики. —
Соч., т. 2, с. 185—193

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ

Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами, или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, например эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство, как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств. Если это имеет место в пределах искусства в отношениях между различными его видами, то тем менее поразительно, что это обстоятельство имеет место и в отношении всей области искусства ко всему общественному развитию. Трудность заключается только в общей формулировке этих противоречий. Стоит лишь определить их специфику, и они уже объяснены.

Возьмем, например, отношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Разве тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого {искусства}, возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Куда уж Вулкану против Робертса и К^о, Юпитеру против громоотвода и Гермесу против *Crédit Mobilier* ¹! Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы. Что стало бы с Фамой ² при наличии Принтинг-хаус-сквер? Предпосылкой греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией. Это его ма-

териал. Но не любая мифология, т. е. не любая бессознательно-художественная переработка природы (здесь под природой понимается все предметное, следовательно, включая и общество). Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материальским лоном греческого искусства. Но, во всяком случае, какая-то мифология. Следовательно, отнюдь не такое развитие общества, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое, стало быть, требует от художника независимой от мифологии фантазии.

С другой стороны, возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?

Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом.

Маркс К. Введение (На экономических рукописей 1857—1858 годов). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 736—737

Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм историк оправдал, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в титанической борьбе нового, нарождавшегося общества против разлагавшегося старого.

Маркс К. Гражданская война во Франции. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 363

Авторы «Вех» начинают с философских основ «интеллигентского» мирозерцания. Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, «самая элементарная и низшая форма философствования» (стр. 4 — ссылки относятся к 1-му изданию «Вех»). Позитивизм осуждается за то, что он был «для нас» (т. е. для уничтоженной «Вехами» русской «интеллигенции») «тождественен с материалистической метафизикой» или истолковывался «исключительно в духе материализма» (15), тогда как — «ни один мистик, ни один верующий не может отрицать научного позитивизма и науки» (11). Не шутите! «Вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим тенденциям» (6) — вот за что

нападают «Веги» на «интеллигенцию». «Юркевич был, во всяком случае, настоящим философом по сравнению с Чернышевским» (4).

Вполне естественно, что, стоя на этой точке зрения, «Веги» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное мирозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Веги» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов» (134, 56, 32, 17 и др.). Чаадаев, Владимир Соловьев, Достоевский — «вовсе не интеллигенты». Первые — вожди направления, с которым «Веги» воюют не на живот, а на смерть. Вторые «неустанно твердят» то именно, что твердят и «Веги», но «их не слушали, интеллигенция шла мимо них», гласит предисловие к «Вегам».

Читатель уже может видеть отсюда, что не на «интеллигенцию» нападают «Веги», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического мирозерцания. А так как идейным вождям партии, которая рекламирует себя, как «конституционно-демократическую», неудобно назвать вещи их настоящими именами, то они позаимствовали терминологию у «*Московских Ведомостей*»³, они отрекаются не от демократии. — (какая недостойная клевета!), — а только от «интеллигентщины».

Письмо Белинского к Гоголю, вещаю «Веги», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«*Московские Ведомости*» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа; нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ
ОТНОШЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
К РЕЛИГИИ, ЦЕРКВИ И ВЕРУЮЩИМ

1. БУРЖУАЗНОЕ И ПРОЛЕТАРСКОЕ ПОНИМАНИЕ
СВОБОДЫ СОВЕСТИ

«Свобода совести!» Если теперь, во время «культуркампа»¹, хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос. Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана.

Маркс К. *Критика Готской программы*.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 30

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства.

Маркс К. *Гражданская война во Франции*.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 343

2. БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЗА СВОБОДУ СОВЕСТИ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

...13. Полное отделение церкви от государства. Духовенство всех вероисповеданий будет получать плату исключительно от своих добровольных общин.

Маркс К., Энгельс Ф. *Требования Коммунистической партии в Германии.*— Соч., т. 5, с. 2

Во-первых, мы требуем немедленного и безусловного признания законом свободы сходок, свободы печати и амнистии всех «политиков» и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати,— до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! Долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови.

Ленин В. И. *Самодержавие колеблется...*— Полн. собр. соч., т. 7, с. 125

В настоящее время в деревне гораздо меньше школ, чем в городах, и притом везде только богатые классы, только буржуазия имеет возможность давать детям хорошее образование. Только даровое и обязательное обучение *всех детей* может избавить народ хотя бы отчасти от теперешней темноты. А деревенская беднота особенно страдает от темноты и особенно нуждается в образовании. Но, конечно, нам нужно настоящее, свободное образование, а не такое, какого хотят чиновники и попы.

Социал-демократы требуют далее, чтобы каждый имел полное право исповедовать какую угодно веру совершенно свободно. Только в России да в Турции из европейских государств остались еще позорные законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Эти законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав. Все эти законы — самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, но и распространять любую веру и менять веру. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться. Не должно быть никакой «господствующей» веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом. Священникам разных вер могут давать содержание те,

которые принадлежат к их верам, а государство из казенных денег не должно поддерживать ни одной веры, не должно давать содержание никаким священникам, ни православным, ни раскольничьим, ни сектантским, никаким другим. Вот за что борются социал-демократы, и пока эти меры не будут проведены без всяких отговорок и без всяких лазеек, до тех пор народ не освободится от позорных полицейских преследований за веру и от не менее позорных полицейских подачек одной какой-либо вере.

Ленин В. И. К деревенской бедноте.—
Полн. собр. соч., т. 7, с. 172—173

Для такого разбора я позволю себе остановиться на речи священника Тихвинского. Господа! Социал-демократы не разделяют воззрений христианской религии. Мы думаем, что *действительное* общественное, культурное и политическое значение и содержание христианства *вернее* выражается взглядами и стремлениями таких духовных лиц, как епископ Евлогий, чем таких, как священник Тихвинский. Вот почему и в силу нашего научного, материалистического мировоззрения, чуждого всяких предрассудков, и в силу наших общих задач борьбы за свободу и счастье всех трудящихся мы, социал-демократы, относимся отрицательно к христианскому учению. Но, заявляя это, я считаю своим долгом сейчас же, прямо и открыто сказать, что социал-демократия борется за полную свободу совести и относится с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры, раз это убеждение не проводится в жизнь путем насилия или обмана. Я тем более считаю себя обязанным подчеркнуть это, что намерен говорить о своих разногласиях с *священником* Тихвинским, — депутатом от крестьян, достойным всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязненно и решительно защищает.

Ленин В. И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе.— Полн. собр. соч., т. 15, с. 156—157

3. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И РЕЛИГИЯ

Опираясь на программу РСДРП, совещание — в интересах правильной постановки с.-д. агитации по национальному вопросу — выдвигает следующие положения:

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при вклю-

чении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими, оппортунистическими, элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

3. Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

4. Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами в Европе и в Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контрреволюции.

5. Вопрос о праве наций на самоопределение (т. е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно

смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и обдурить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций.

Ленин В. И. Резолюция летнего 1913 года съезда ЦК РСДРП с партийными работниками. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 57—59

Вывод отсюда? Вывод тот, что *всякий* либерально-буржуазный национализм несет величайшее развращение в рабочую среду, наносит величайший ущерб делу свободы и делу пролетарской классовой борьбы. Это тем опаснее, что *прикрывается* буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция лозунгом «национальной культуры». Во имя национальной культуры — великорусской, польской, еврейской, украинской и пр. — обделяют реакционные и грязные делишки черносотенцы и клерикалы, а затем и буржуа *всех* наций.

Таков факт современной национальной жизни, если смотреть на нее по-марксистски, т. е. с точки зрения классовой борьбы, если сличать лозунги с интересами и политикой классов, а не с пустыми «общими принципами», декламациями и фразами.

Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения.

Тут бундовец г. Либман срывается в бой и сокрушает меня следующей убийственной тирадой:

«Всякий, кто хоть немного знаком с национальным вопросом, знает, что интернациональная культура не есть иннациональная * культура (культура без национальной формы); иннациональная культура, которая не должна быть ни русской, ни еврейской, ни польской, а только чистой культурой, есть бессмыслица; интернациональные идеи именно могут стать близкими рабочему классу только тогда, когда приурочены к языку, на котором рабочий говорит, и к конкретным национальным условиям, в которых он живет; рабочий не должен быть равнодушен к положению и развитию своей национальной культуры, потому что через нее и только через нее получает он возможность принять участие в «интернациональной культуре демократизма и всемирного рабочего движения». Это давно известно, но обо всем этом В. И. и знать не хочет...»

Вдумайтесь в это типичное бундовское рассуждение, долженствующее, изволите видеть, разрушить выставленный мною марк-

* Интер — между; ин — не; интернациональный — международный, международный; иннациональный — ненациональный, ненародный, безнациональный, безнародный.

систский тезис. С чрезвычайно самоуверенным видом, как человек, «знакомый с национальным вопросом», в качестве «давно известных» истин преподносит нам г. бундист обычные буржуазные взгляды.

Да, интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист. Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал, так что ваш пустой набор слов есть лишь попытка отвлечь внимание читателя и заслонить суть дела звоном слов.

В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии. Эту основную истину, азбучную для марксиста, бундист оставил в тени, «заговорил» своим набором слов, т. е. на деле *против* вскрытия и разъяснения классовой пропасти дал читателю затемнение ее. На деле бундист выступил, как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры в внеклассовую национальную культуру.

Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем *их только и безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации. Ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с «родной» буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и мещанству — об этом нечего говорить, этими бесспорными истинами бундист загораживает спорное, т. е. то, в чем действительно заключается вопрос.

Вопрос в том, допустимо ли для марксистов ставить, прямо или косвенно, лозунг национальной культуры, или обязательно *против* него проповедовать на всех языках, «приноравливаясь» ко всем местным и национальным особенностям — лозунг *интернационализма* рабочих.

Значение лозунга «национальной культуры» определяется обещанием или добрым намерением данного интеллигентика «толковать» этот лозунг «в смысле проведения через него интернациональной культуры». Смотреть так было бы ребяческим субъективизмом. Значение лозунга национальной культуры определяется объективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира. Национальная культура буржуазии есть *факт* (причем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и

попами). Воипствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии, — вот основной факт современности.

Кто хочет служить пролетариату, тот должен объединять рабочих всех наций, борясь неуклонно с буржуазным национализмом и «своим» и чужим. Кто защищает лозунг национальной культуры, — тому место среди националистических мещан, а не среди марксистов.

Возьмите конкретный пример. Может великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело — бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения. Бороться со своими великорусскими помещиками и буржуа, против его «культуры», во имя интернационализма, бороться, «приноравляясь» к особенностям Пуришкевичей и Струве, — вот твоя задача, а не проповедовать, не допускать лозунга национальной культуры.

То же самое относится к наиболее угнетенной и затравленной нации, еврейской. Еврейская национальная культура — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов. Но есть другие элементы в еврейской культуре и во всей истории еврейства. Из 10¹/₂ миллионов евреев на всем свете немного более половины живет в Галиции и России, отсталых, полудиких странах, держащих евреев *насиллием* в положении касты. Другая половина живет в цивилизованном мире, и там нет кастовой обособленности евреев. Там сказались ясно великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще).

Кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской «национальной культуры», тот (каковы бы ни были его благие намерения) — враг пролетариата, сторонник *старого* и *кастового* в еврействе, пособник раввинов и буржуа. Наоборот, те евреи-марксисты, которые сливаются в интернациональные марксистские организации с русскими, литовскими, украинскими и пр. рабочими, внося свою лепту (и по-русски и по-еврейски) в создание интернациональной культуры рабочего движения, те евреи — вопреки сепаратизму Бунда — продолжают лучшие традиции еврейства, борясь против лозунга «национальной культуры».

Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два мирозерцания) в национальном вопросе. Отстаивая лозунг национальной

культуры, строя на нем целый план и практическую программу так называемой «культурно-национальной автономии», бундовцы на деле выступают проводниками буржуазного национализма в рабочую среду...

Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое расцвет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом.

Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничилось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией.

Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда *безусловная* обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это — задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается «позитивная» (положительная) деятельность *буржуазии*, стремящейся к *укреплению* национализма.

Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков — безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грызней. Но содействовать буржуазному национализму за этими, строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами — значит изменять пролетариату и становиться на сторону буржуазии. Тут есть грань, которая часто бывает очень тонка и о которой совсем забывают бундовские и украинские национал-социалы.

Борьба против всякого национального гнета — безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» вообще — безусловно нет. Экономическое развитие капиталистического общества показывает нам во всем мире примеры недоразвитых национальных движений, примеры образования крупных наций из ряда мелких или в ущерб некоторым мелким, примеры ассимиляции наций. Принцип буржуазного национализма — развитие национальности вообще, отсюда исключительность буржуазного национализма, отсюда безвыходная национальная грызня. Пролетариат же не только не берется отстоять националь-

нос развитие каждой нации, а, напротив, предохраняет массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии.

Закрепить национализм в известной, «по справедливости» отграниченной сфере, «конституировать» национализм, разгородить крепко и прочно все нации между собой посредством особого государственного учреждения — вот идейная основа и содержание культурно-национальной автономии. Эта мысль насквозь буржуазная и насквозь ложная. Никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может, — напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе — значит встать на сторону реакционного националистического мещанства.

Когда проект культурно-национальной автономии обсуждался австрийскими с.-д. на их съезде в Брюнне (в 1899 г.), то на теоретическую оценку этого проекта почти не было обращено внимания. Но поучительно отметить, что указывалось два таких довода против этой программы: 1) она повела бы к усилению клерикализма; 2) «ее результатом было бы увековечение шовинизма, внесение его в каждую маленькую общину, в каждую маленькую группу» (стр. 92 официальных протоколов Брюннского съезда на немецком языке. Есть русский перевод в издании еврейской националистической партии «Серп»).

Не подлежит сомнению, что «национальная культура» в обычном значении этого слова, т. е. школы и т. д., находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира. Когда бундовцы, защищая «культурно-национальную» автономию, говорят, что конституирование наций сделает классовую борьбу внутри их *чистой* от всяких посторонних соображений, то это явная и смешная софистика. Серьезная классовая борьба во всяком капиталистическом обществе ведется прежде всего в области экономической и политической. Выделение *отсюда* области школьной, во-первых, нелепая утопия, ибо оторвать школу (как и «национальную культуру» вообще) от экономики и политики нельзя, а во-вторых, именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны *заставляет* на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки, а выделение школьного и т. п. дела как раз консервировало бы, обострило, усилило «чистый» клерикализм и «чистый» буржуазный шовинизм.

В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям. «Изъятие из ведения государства» школьного и т. п.

дела и передача его нациям означает как раз попытку *отделить* от сливающейся нации экономики наиболее, так сказать, идеологическую область общественной жизни, где всего легче «чистая» национальная культура или национальное культивирование клерикализма и шовинизма...

Широкое и быстрое развитие производительных сил капитализмом *требует* больших, государственно-сплоченных и объединенных, территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии, — а вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев.

О праве наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного национального государства, мы будем говорить особо. Но, пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации. Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое государство (*неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 119—123, 131—134, 143—144

РЕЛИГИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГНЕТ В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

Политика правительства вся пропитана духом национализма. «Господствующей», т. е. великорусской национальности стараются предоставлять всяческие привилегии, — хотя великороссов в России *меньшинство* населения, именно: только 43%.

Все остальные нации, населяющие Россию, стараются все более урезать в правах, обособить одну от другой и разжечь вражду между ними.

Крайнее проявление современного национализма, это — проект национализации еврейской школы. Возник этот проект у попечителя одесского учебного округа, и в министерстве народного «просвещения» встречен сочувственно. В чем же состоит эта национализация?

В том, что евреев хотят выделить в *особые* еврейские учебные заведения (средние). Во все же остальные учебные заведения, и частные, и правительственные, двери для евреев хотят закрыть совершенно. В довершение этого «гениального» плана предполагается ограничить число учащихся в еврейских гимназиях знаменитой «процентной пормой»!

Во всех европейских странах подобные меры и законы против евреев существовали только в мрачную эпоху средних веков, ин-

квизиции; сожжение еретиков и прочих прелестей. В Европе евреи давно получили полное равноправие и все больше сливаются с тем народом, среди которого они живут.

В нашей же политике вообще, а в излагаемом проекте особенно, помимо притеснения и угнетения евреев, всего более вредно стремление разжечь национализм, обособить одну из национальностей в государстве от другой, усилить их отчужденность, разделить их школы.

Интересы рабочего класса — как и вообще интересы политической свободы — требуют, наоборот, самого полного равноправия всех без исключения национальностей данного государства и устранения всяческих перегородок между нациями, соединения детей всяческих наций в единых школах и т. д. Только отбрасывая все дикие и глупые национальные предрассудки, только сливая в один союз рабочих всех наций, может рабочий класс стать силой, дать отпор капиталу и добиться серьезного улучшения жизни.

Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в «простом народе», а сами отлично обделяют свои делишки: в одном и том же акционерном обществе — и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы. Против рабочих объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой!

Вреднейший проект национализации еврейской школы показывает, между прочим, как ошибочен план так называемой «культурно-национальной автономии», то есть изъятия школьного дела из рук государства и передачи его в руки каждой нации в отдельности. Совсем не к этому должны мы стремиться, а к соединению рабочих всех наций в борьбе против *всякого* национализма, в борьбе за истинно демократическую *общую* школу и за политическую свободу вообще. Пример передовых стран всего мира — хотя бы Швейцарии в западной Европе или Финляндии в восточной Европе — показывает нам, что только последовательно-демократические общегосударственные учреждения обеспечивают наиболее мирное и человеческое (а не зверское) сожительство разных национальностей *без* искусственного и вредного разделения школьного дела по национальностям.

Ленин В. И. Национализация еврейской школы.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 375—376

«Киевская Мысль» сообщает, что епископ Никон, член Государственной думы, правый, подписал первым законопроект об украинской школе и обществах, вносимый в Государственную думу.

Содержание законопроекта: разрешить преподавание в начальных школах на украинском языке; назначать учителями украинцев; ввести преподавание украинского языка и истории Украины; не преследовать украинских обществ и не закрывать их «в порядке административного усмотрения, часто голого произвола».

Таким образом, товарищу Пуришкевича по партии — епископу Никону — не нравится в *некоторых* случаях произвол.

Епископ Никон справедливо полагает, что поднимаемый им «вопрос есть вопрос чрезвычайной важности, касающийся калечения 37-миллионного украинского народа»; — что «богатая, красивая, талантливая, цветущая и поэтическая Украина обрекается на вырождение, постепенное оупение и медленное умирание».

Протест против угнетения украинцев великороссами вполне справедлив. Но посмотрите, какими доводами защищает украинские требования епископ Никон:

«Украинский народ не ищет какой-то пресловутой автономии, восстановления Сечи Запорожской; украинцы — не сепаратисты... Украинцы — не инородцы, они — свои, наши родные братья, а потому-то их и не должно ограничивать в языке и национальном культурном развитии; иначе мы сами приравняем их, своих братьев, к евреям, полякам, грузинам и др., действительно инородцам».

Итак, дело сводится к тому, что украинец епископ Никон и его единомышленники выпрашивают у великорусских помещиков *привилегий* украинцам на том основании, что они — братья, а евреи — инородцы! Говоря прямее и проще: еврея и др. мы согласны давить, как инородца, если нам сделают уступки.

Знакомая картина защиты «национальной культуры» *всеми* буржуазными националистами, от черносотенных до либеральных и даже до буржуазно-демократических!

Епископ Никон знать ничего не хочет о том, что нельзя защитить от угнетения украинцев, не защищая от всякого угнетения все без исключения народы, — не изгоняя абсолютно из государственной жизни понятия «инородца», — не отстаивая полного равноправия всех национальностей. Нельзя защищать никого от национального гнета, не проводя последовательно самой широкой местной и областной автономии и принципа решения *всех* государственных вопросов волею большинства населения (т. е. принципа последовательного демократизма).

У епископа Никона лозунг «национальной культуры» украинцев означает, на деле лозунг пропаганды черносотепства на украинском языке, лозунг украинско-клерикальной культуры.

Сознательные рабочие поняли, что лозунг «национальной культуры» есть клерикальный или буржуазный обман — все равно, идет ли речь о великорусской, украинской, еврейской, польской, грузинской или любой иной культуре. 125 лет тому назад, когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма. Но с тех пор классовая борьба буржуазии с пролетариатом разгорелась повсюду. Раскол «единой» нации на эксплуататоров и эксплуатируемых стал совершившимся фактом.

О национальной культуре вообще могут говорить только клерикалы или буржуа. Трудящиеся массы могут говорить только о

интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения. Только такая культура означает полное, действительное, искреннее равноправие наций, отсутствие национального гнета, осуществление демократии. Только единство и слияние рабочих всех наций во *всех* рабочих организациях в борьбе против капитала ведет к «решению национального вопроса».

Ленин В. И. Как епископ Никон защищает украинцев? — Полн. собр. соч., т. 24, с. 8—10

Антисемитизмом называется распространение вражды к евреям. Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев. Царская полиция в союзе с помещиками и капиталистами устраивала еврейские погромы. Ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян помещики и капиталисты старались направить на евреев. И в других странах приходится видеть нередко, что капиталисты разжигают вражду к евреям, чтобы засорить глаза рабочего, чтобы отвлечь их взоры от настоящего врага трудящихся — от капитала. Вражда к евреям держится прочно только там, где кабала помещиков и капиталистов создала беспросветную темноту рабочих и крестьян. Только совсем темные, совсем забытые люди могут верить лжи и клевете, распространяемой против евреев. Это — остатки старого крепостного времени, когда попы ставляли сжигать еретиков на кострах, когда существовало рабство крестьян, когда народ был задавлен и безгласен. Эта старая крепостническая темнота проходит. Народ становится зрячим.

Не евреи враги трудящихся. Враги рабочих — капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие, труженики, — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм. Среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты, как и среди русских, как и среди всех наций. Капиталисты стараются посеять и разжечь вражду между рабочими разной веры, разной нации, разной расы. Народ нерабочий держится силой и властью капитала. Богатые евреи, как и богатые русские, как и богачи всех стран, в союзе друг с другом, давят, гнетут, грабят, разъединяют рабочих.

Позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев. Позор тем, кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям.

Да здравствует братское доверие и боевой союз рабочих всех наций в борьбе за свержение капитала.

Ленин В. И. О погромной травле евреев. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 242—243

Раз еврей-рабочие не организованы в Екатеринославе в особый комитет, то, значит, их движение (нераздельно со всем рабочим движением данной местности) ведает всецело Екатеринославский комитет, который *непосредственно* соподчиняет их Российской социал-демократической рабочей партии, которая *должна* звать их к работе *на всю партию*, а не на отдельные части ее. Очевидно, что при таких условиях Екатеринославский комитет не только не обязан был упоминать о Бунде, а напротив, если бы он вздумал проповедовать «необходимость отдельной организации сил (это была бы вернее и вероятнее организация *бессилия*) * еврейского пролетариата» (чего хотят бундовцы), то это было бы с его стороны величайшей ошибкой и прямым нарушением не только устава партии, но и интересов единства пролетарской классовой борьбы.

Далее. Обвиняется Екатеринославский комитет в недостатке «ориентированности» в вопросе об антисемитизме. ЗК Бунда обнаруживает поистине ребяческие воззрения на крупные социальные движения. Екатеринославский комитет говорит о *международном* антисемитическом движении *последних десятилетий* и замечает, что «из Германии это движение перекочевало в другие страны и повсюду нашло сторонников именно среди буржуазных, а не рабочих слоев населения». — «Это не менее вредная сказка» (чем сионистские сказки), — выпаливает совсем сердито ЗКБ. Антисемитизм «пустил корни в рабочей массе», в доказательство чего «ориентированный» Бунд приводит два факта: 1) участие рабочих в ченстоховском погроме и 2) поступок 12 (*двенадцати!*) рабочих-христиан в Житомире, которые заняли места стачечников и грозили «вырезать всех жидов». — Доказательства, действительно, веские, особенно последнее! Редакция «П. И.» так привыкла оперировать с крупными стачками в 5 или 10 чел., что поступок 12 темных рабочих в Житомире вытаскивается для оценки связи международного антисемитизма с теми или другими «слоями населения». Это, право, великолепно! Если бы бундовцы, вместо своего неумного и смешного гнева против Екатеринославского комитета, подумали немного над этим вопросом и справились хотя бы с изданной ими недавно на жаргоне брошюрой Каутского о социальной революции, то они поняли бы *несомненную* связь антисемитизма с интересами именно буржуазных, а не рабочих слоев населения. Подумав еще немного, они могли бы сообразить и то, что общественный характер современного антисемитизма не изменяется от факта

* Именно такому делу «организации бессилия» служит Бунд, употребляя, напр., выражение: наши товарищи из «христианских рабочих организаций». Это так же дико, как и вся выходка против Екатеринославского комитета. Мы никаких «христианских» рабочих организаций не знаем. Организации, принадлежащие к Российской социал-демократической рабочей партии, никогда не делали различия между своими членами по их религии, никогда не спрашивали об их религии и никогда не *будут* делать этого, — даже и тогда, когда Бунд *на самом деле* «сложится в самостоятельную политическую партию».

участия в том или ином погроме не только десятков, но и сотен неорганизованных и на девять десятых совершенно еще темных рабочих.

Левин В. И. Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 119—121

4. ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

ПОЛНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА — ТРЕБОВАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сю пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственной-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предьявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви.

Русская революция должна осуществить это требование, как необходимую составную часть политической свободы. Русская революция поставлена в этом отношении в особо выгодные условия, ибо отвратительная казенщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям бога». Мы, социалисты, должны поддержать

это движение; доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы,— и тогда, значит, вы всё еще в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы всё еще примазываетесь к казенным местечкам и казенным доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти,— тогда сознательные рабочие всей России объявляют вам беспощадную войну.

*Ленин В. И. Социализм и религия.—
Полн. собр. соч., т. 12, с. 143—145*

РЕЛИГИЯ НЕ ЕСТЬ ЧАСТНОЕ ДЕЛО ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии...

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Если так, отчего мы не заявляем в своей программе, что мы атеисты? отчего мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию?

Ответ на этот вопрос должен разъяснить очень важную разницу в буржуазно-демократической и социал-демократической постановке вопроса о религии.

Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и

преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы. Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века ².

Но мы ни в каком случае не должны при этом сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», вне классовой борьбы,— постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией. Проповедовать научное мирозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христиан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, чтобы следовало допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких форм. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного мирозерцания.

Революционный пролетариат добьется того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очи-

щенном от средневековой плесени, политическом строе пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества.

*Ленин В. И. Социализм и религия.—
Полн. собр. соч., т. 12, с. 143, 145—147*

Речь депутата Суркова в Государственной думе при обсуждении сметы синода и прения в нашей думской фракции при обсуждении проекта этой речи, печатаемые нами ниже, подняли чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос³. Интерес ко всему, что связано с религией, несомненно, охватил ныне широкие круги «общества» и проник в ряды интеллигенции, близкой к рабочему движению, а также в известные рабочие круги. Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии.

Социал-демократия строит все свое миросозерцание на научном социализме, т. е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии, — материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии. Напомним, что весь «Анти-Дюринг» Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изобличает материалиста и атеиста Дюринга в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек религии и религиозной философии. Напомним, что в своем сочинении о Людвиге Фейербахе Энгельс ставит в упрек ему то, что он боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подновления, сочинения новой, «возвышенной» религии и т. п. Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса.

*Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии.— Полн. собр. соч., т. 17,
с. 415—416*

И в то же время, однако, Энгельс неоднократно осуждал попытки людей, желавших быть «левее» или «революционнее» социал-демократии, внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявления войны религии. В 1874 году, говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить

интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии. Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику*, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза⁴. И в 1877 году в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает якобы революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии — значит — говорит Энгельс — «перебисмаркить самого Бисмарка», т. е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т. е. борьба Бисмарка в 1870-х годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Такой борьбой Бисмарк только *укрепил* воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма. Обвиняя, желавшего быть ультрареволюционным, Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии умения терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией⁵. Эта точка зрения вошла в плоть и кровь германской социал-демократии, высказывавшейся, например, за свободу для иезуитов, за допущение их в Германию, за уничтожение всяких мер полицейской борьбы с той или иной религией. «Объявление религии частным делом» — этот знаменитый пункт Эрфуртской программы (1891 года) закрепил указанную политическую тактику социал-демократии.

Эта тактика успела уже теперь стать рутинной, успела породить новое искажение марксизма в обратную сторону, в сторону оппортунизма. Стали толковать положение Эрфуртской программы в том смысле, что мы, с.-д., наша партия *считает* религию частным делом, что для нас, как с.-д., для нас, как партии, религия есть частное дело. Не вступая в прямую полемику с этим оппортунистическим взглядом, Энгельс в 1890-х годах счел необходимым решительно выступить против него не в полемической, а в позитивной форме. Именно: Энгельс сделал это в форме заявления, нарочито им подчеркнутого, что социал-демократия считает религию частным делом *по отношению к государству*, а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии⁶.

Такова внешняя история выступлений на
вопросу о религии. Для людей, верящих в марксизм,
для людей, не умеющих или не желающих видеть историю
есть комок бессмысленных проповедей: какая-то, дескать, каша из «поблажек»
религии, какое-то «беспорядочное» р-р-революционной войной с богом и
«поблажек» к верующим рабочим, боязнь «поблажек»
В литературе анархических фразеров
док против марксизма в этом вкусе.

Лен
тин

В Оргбюро ЦК

Я за исключение из партии участника
30/V.

Лен

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА ДО
БОРЬБЕ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Но кто сколько-нибудь способен
марксизму, вдуматься в его философские

тановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в остальных слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это — корни главным образом *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забытых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого *корня* религии, против *господства капитала* во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть *подчинена* ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров.

Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 418—420

Человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т. е. философия Маркса и Энгельса, может не понять (или, по крайней мере, сразу не понять) этого положения. Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия (т. е. с религией), — классовой борьбе, т. е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?

Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т. е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непреходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, — значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности. Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных социал-демократов, которые являются, разумеется, атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной — не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только *на руку* попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты *на деле* помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву клас-

совой борьбы, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впасть ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетцем: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д. и т. п.

Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 420—421

С указанной точки зрения следует решать все частные вопросы, касающиеся отношения социал-демократии к религии. Например, часто выдвигается вопрос, может ли священник быть членом с.-д. партии, и обыкновенно отвечают на этот вопрос без всяких оговорок положительно, ссылаясь на опыт европейских с.-д. партий. Но этот опыт порожден не только применением доктрины марксизма к рабочему движению, а и особыми историческими условиями Запада, отсутствующими в России (мы скажем ниже об этих условиях), так что безусловный положительный ответ здесь не верен. Нельзя раз навсегда и для всех условий объявить, что священники не могут быть членами социал-демократической партии, но нельзя раз навсегда выставить обратное правило. Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовывать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже мало вероятен. И, если бы, например, священник вошел в партию с.-д. и стал вести в этой партии, как свою главную и почти единственную работу, активную проповедь религиозных воззрений, то партия безусловно должна бы была исключить его из своей среды. Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений, но мы привлекаем их для воспитания в духе нашей программы, а не для активной борьбы с ней. Мы допускаем *внутри* партии свободу мнений, но в известных границах, определяемых свободой группировки: мы не обя-

заны идти рука об руку с активными проповедниками взглядов, отвергаемых большинством партии.

Другой пример: можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятым, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедовать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К^о). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии.

Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 421—423

ТРАДИЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ. БУРЖУАЗНЫЙ АНТИКЛЕРИКАЛИЗМ

Перейдем теперь к тем условиям, которые породили на Западе оппортунистическое толкование тезиса: «объявление религии частным делом». Конечно, есть тут влияние общих причин, порождающих оппортунизм вообще, как принесение в жертву минутным выгодам коренных интересов рабочего движения. Партия пролетариата требует от государства объявления религии частным делом, отнюдь не считая «частным делом» вопрос борьбы с опиумом народа, борьбы с религиозными суевериями и т. д. Оппортунисты извращают дело таким образом, как будто бы социал-демократическая партия считала религию частным делом!

Но кроме обычного оппортунистического извращения (совершенно не разъясненного в прениях, которые вела наша думская фракция при обсуждении выступления о религии) есть особые исторические условия, вызвавшие современное, если можно так выразиться, чрезмерное равнодушие европейских с.-д. к вопросу о религии. Это — условия двойного рода. Во-первых, задача борьбы с религией есть историческая задача революционной буржуазии, и на Западе эту задачу в значительной степени выполнила (или выполняла) буржуазная демократия в эпоху своих революций или своих натисков на феодализм и средневековье. И во Франции и в

Германии есть традиция буржуазной войны с религией, начатой задолго до социализма (энциклопедисты, Фейербах). В России, соответственно условиям нашей буржуазно-демократической революции, и эта задача ложится почти всецело на плечи рабочего класса. Мелкобуржуазная (народническая) демократия сделала в этом отношении у нас не слишком много (как думают новоявленные черносотенные кадеты или кадетские черносотенцы из «Вех»⁷⁾), а *слишком мало* по сравнению с Европой.

С другой стороны, традиция буржуазной войны с религией успела создать в Европе специфически буржуазное *извращение* этой войны анархизмом, который стоит, как давно уже и многократно разъясняли марксисты, на почве буржуазного мировоззрения при всей «ярости» своих нападков на буржуазию. Анархисты и бланкисты в романских странах, Мост (бывший, между прочим, учеником Дюринга) и К⁰ в Германии, анархисты в 80-х годах в Австрии довели до *пес plus ultra** революционную фразу в борьбе с религией. Неудивительно, что европейские с.-д. теперь *перегибают палку*, согнутую анархистами. Это понятно и, в известной мере, закономерно, но забывать об особых исторических условиях Запада нам, русским с.-д., не годится.

Во-вторых, на Западе *после* окончания национальных буржуазных революций, *после* введения более или менее полной свободы вероисповедания, вопрос демократической борьбы с религией настолько уже был исторически оттеснен на второй план борьбой буржуазной демократии с социализмом, что буржуазные правительства *сознательно* пробовали отвлечь внимание масс от социализма устройством quasi**-либерального «похода» на клерикализм. Такой характер носил и Kulturkampf в Германии и борьба с клерикализмом буржуазных республиканцев Франции. Буржуазный антиклерикализм как средство отвлечения внимания рабочих масс от социализма — вот что предшествовало на Западе распространению среди с.-д. современного их «равнодушия» к борьбе с религией. И опять-таки это понятно и закономерно, ибо буржуазному и бисмаркианскому антиклерикализму с.-д. должны были противопоставить именно *подчинение* борьбы с религией борьбе за социализм.

В России условия совсем иные. Пролетариат есть вождь нашей буржуазно-демократической революции. Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д. Поэтому, если Энгельс сравнительно мягко поправлял оппортунизм немецких с.-д., подменявших требование рабочей партии, чтобы *государство* объявило религию частным делом, *объявлением* религии частным делом для самих с.-д. и социал-демократической партии, — то понятно,

* — самой крайней степени. *Ред.*

** — якобы. *Ред.*

что перенимание русскими оппортунистами этого немецкого извращения заслужило бы *во сто раз* более резкое осуждение Энгельса.

Заявив с думской трибуны, что религия есть опиум народа, наша фракция поступила вполне правильно и создала, таким образом, прецедент, который должен послужить основой для всех выступлений русских с.-д. по вопросу о религии. Следовало ли идти дальше, развивая еще подробнее атеистические выводы? Мы думаем, что нет. Это могло бы грозить преувеличением борьбы с религией со стороны политической партии пролетариата; это могло бы вести к стиранию грани между буржуазной и социалистической борьбой с религией. Первое, что должна была выполнить с.-д. фракция в черносотенной Думе, было с честью выполнено.

Второе — и едва ли не главное для с.-д. — разъяснение классово-роли церкви и духовенства в поддержке черносотенного правительств и буржуазии в ее борьбе с рабочим классом — равным образом выполнено было с честью. Конечно, на эту тему можно еще сказать очень многое, и последующие выступления с.-д. найдут, чем дополнить речь тов. Суркова, но все же речь его была превосходна, и распространение ее всеми партийными организациями есть прямая обязанность нашей партии.

Третье — следовало со всей обстоятельностью разъяснить *правильный* смысл столь часто искажаемого немецкими оппортунистами положения: «объявление религии частным делом». Этого, к сожалению, тов. Сурков не сделал. Это тем более жаль, что в предыдущей деятельности фракции была уже допущена по этому вопросу своевременно отмеченная «*Пролетарием*» ошибка тов. Белоусова. Прения во фракции показывают, что спор об атеизме заслонил от нее вопрос о правильном изложении пресловутого требования объявления религии частным делом. Мы не будем винить за эту ошибку всей фракции одного тов. Суркова. Мало того. Признаем прямо, что тут есть вина всей партии, недостаточно разъяснявшей этот вопрос, недостаточно подготовившей в сознании с.-д. значение энгельсовского замечания по адресу немецких оппортунистов. Прения во фракции доказывают, что это было именно неясное понимание вопроса, а отнюдь не нежелание считаться с учением Маркса, и мы уверены, что ошибка будет исправлена в последующих выступлениях фракции.

В общем и целом, повторяем, речь тов. Суркова превосходна и должна быть распространяема всеми организациями. Обсуждением этой речи фракция доказала вполне добросовестное исполнение своего с.-д. долга. Остается пожелать, чтобы корреспонденции о прениях внутри фракции чаще появлялись в партийной печати для сближения фракции с партией, для ознакомления партии с тяжелой внутренней работой, проделываемой фракцией, для установления идейного единства в деятельности партии и фракции.

Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 423—426

Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Иманно: эта формула истолковывалась так, будто *и для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки оппортунизма в своей партии и который выражался поэтому наиболее осторожно:

«Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы; от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа; что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок...»⁸.

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству» умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить невероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглушающего народ.

Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, с. 76

5. СИСТЕМА АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ШИРОКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ

По отношению к религии политика РКП состоит в том, чтобы не удовлетворяться декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви — т. е. мероприятиями, которые буржуазная демократия обещала, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, а также к фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков, организуя для этого самую широкую

научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма.

Ленин В. И. Проект программы РКП(б).— Полн. собр. соч., т. 38, с. 118

Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с иппами, помогло нам их скинуть. Но вы знаете, как плохо еще прошел в жизнь декрет о гражданском браке. Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно.

Ленин В. И. VIII съезд РКП(б).— Полн. собр. соч., т. 38, с. 158—159

Поручить Ярославскому и Бухарину переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией (например, выкинуть § 7*) и допустить, с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов.

Борьбу с религией поставить научнее.

(§ 10 долой**)

Утвердить в Политбюро.

Начать кампанию после серьезной подготовки.

Ленин В. И. Предложения к проекту постановления пленума ЦК РКП(б) о пункте 13 программы партии.— Полн. собр. соч., т. 34, с. 440

19/III.

тов. Степанов!

Сейчас кончил просмотр 160 страниц Вашей книги.

Насколько бешено (вплоть до нецензурности) я Вас ругал за то, что Вы способны теперь сидеть месяцы за опровержением Кунова, настолько от этой книги я в восторге. Вот это дело! Вот это — об-

* Пункт 7 первоначального проекта резолюции пленума требовал: поставить вопрос об отношении партии к религии «перед всеми ячейками и комитетами партии. Агитпропделу разработать предварительно и разослать тезисы доклада. Протоколы собраний, как и вообще все материалы, относящиеся к этому вопросу, обязательно собрать на местах, прислать в ЦК и разработать для доклада XI съезду РКП» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). *Ред.*

** В пункте 10 первоначального проекта резолюции говорилось о необходимости партии вести самую решительную борьбу с попытками «отдельных служителей культа создать новую организацию церкви», приспособив ее к государственной организации. *Ред.*

разец того, как надо русского дикаря учить с *азов*, но учить не «полунауке», а *всей науке*.

Напишите еще (отдохнув сначала, *как следует*) такой же томик по истории религии и *против всякой* религии (в том числе кантианской и другой утонченно-идеалистической или утонченно-агностической), с обзором материалов по истории атеизма и по связи церкви с буржуазией.

Еще раз: привет и поздравление с великолепным успехом.

Ваш Ленин

В. И. Ленин — И. И. Скворцову-Степанову.— Полн. собр. соч., т. 54, с. 209—210

11.XI. 1920 г.

гг. М. Н. Покровскому
Владимирскому и Аванесову

Прошу Вас образовать комиссию под председательством М. Н. Покровского для рассмотрения заявления Совета религиозных общин о нарушении декрета 4.I. 1919 года. Заявление это пришет Вам т. Курский.

Прилагаю еще письмо Черткова ко мне.

Очень просил бы ускорить рассмотрение.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)

В. И. Ленин — М. Н. Покровскому,
М. Ф. Владимирскому, В. А. Аванесову.— Полн. собр. соч., т. 52, с. 5

Реввоенсовет 11-ой армии, Орджоникидзе

Веригин телеграфирует мне: «двадцать четыре духоборских коммун в Ахалкалакской Советской Грузии подвергаются разграблению, а также переносят гнусные насилия от грубости войск армии *Кемаля*, не считающегося с нашими протестами и требованиями». Проверьте это сообщение и примите все возможные меры. Ответьте немедленно.

Москва, Кремль
25/III — 21 г.

Предсовобороны Ленин

В. И. Ленин — Г. К. Орджоникидзе.— Полн. собр. соч., т. 52, с. 109

т. Молотову. Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано: *разоблачать ложь религии* или нечто подобное.

Это нельзя. Это петактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать *иное*:

не разоблачать ложь,

а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии.

Надо издать дополнительно письмо или циркуляр⁹. Если Секретариат не согласен, то в Политбюро.

Ленин

*В. И. Ленин — В. М. Молотову, между
9 и 21 апреля 1921 г. — Полн. собр. соч.,
т. 52, с. 140*

т. Чичерин!

Я вполне согласен с Вами¹⁰. Составьте или поручите составить *проект* такого циркуляра (нельзя ли включить в него всю речь Нариманова или хотя бы рекомендацию ее — это хуже, чем все).

Внесите в Цека.

Это необходимо.

Ленин

*В. И. Ленин — Г. В. Чичерину, 31 марта
1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 120*

т. Н. П. Горбунов!

Прошу прочесть прилагаемое¹¹.

Вникните. Проверьте.

Надо Вам знать, что Чертков уже раз жаловался на НКЮст за неправильное отношение к сектантам. Жалоба была рассмотрена специальной комиссией (под председательством М. Н. Покровского. У него справьтесь дополнительно).

Жалоба Черткова была признана *неосновательной*.

Считайтесь с этим и вникните в дело. Дайте ему правильное направление.

Ленин

*В. И. Ленин — Н. П. Горбунову, 31 мая
1921 г. — Полн. собр. соч., т. 52, с. 237*

ВОИНСТВУЮЩИЙ АТЕИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ

Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма. У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма. Чрезвычайно существенно поэтому, чтобы в дополнение к работе соответствующих государственных учреждений, в исправление ее и в оживление ее, журнал, посвящающий себя задаче — стать органом воинствующего материализма, вел неутомимую атеистическую пропаганду и борьбу. Надо внимательно следить за всей соответствующей литературой на всех языках, переводя или, по крайней мере, реферируя все сколько-нибудь ценное в этой области.

Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе бо-

евую атеистическую литературу конца XVIII века¹². К стыду нашему, мы до сих пор этого не сделали (одно из многочисленных доказательств того, что завоевать власть в революционную эпоху гораздо легче, чем суметь правильно этою властью пользоваться). Иногда оправдывают эту нашу вялость, бездеятельность и неумелость всяческими «выспренними» соображениями: например, дескать, старая атеистическая литература XVIII века устарела, ненаучна, наивна и т. п. Нет ничего хуже подобных, якобы ученых, софизмов, прикрывающих либо педантизм, либо полное непонимание марксизма. Конечно, и ненаучного, и наивного найдется немало в атеистических произведениях революционеров XVIII века. Но никто не мешает издателям этих сочинений сократить их и снабдить короткими послесловиями с указанием на прогресс научной критики религий, проделанный человечеством с конца XVIII века, с указанием на соответствующие новейшие сочинения и т. д. Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.

Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (ничего греха таить) часто марксизм искажают. Все сколько-нибудь крупные произведения Маркса и Энгельса у нас переведены. Опасаться, что старый атеизм и старый материализм останутся у нас недополненными теми исправлениями, которые внесли Маркс и Энгельс, нет решительно никаких оснований. Самое важное — чаще всего именно это забывают наши якобы марксистские, а на самом деле уродующие марксизм коммунисты — это суметь заинтересовать совсем еще неразвитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий.

С другой стороны, взгляните на представителей современной научной критики религий. Почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их как идейных рабов буржуазии, как «дипломированных лакеев поповщины».

Два примера. Проф. Р. Ю. Виппер издал в 1918 году книжечку «Возникновение христианства» (изд. «Фарос». Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии.

Известный немецкий ученый, Артур Дреус, опровергая в своей книге «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого издания, 1910 года). Это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками.

Это не значит, чтобы не надо было переводить Дреуса. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Дреусами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами.

Журнал «Под Знаменем Марксизма», который хочет быть органом воинствующего материализма, должен уделять много места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды.

Чрезвычайно важны все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Северной Америки, в которых меньше проявляется официальная, казенная, государственная связь религии и капитала. Но зато нам яснее становится, что так называемая «современная демократия» (перед которой так неразумно разбивают свой лоб меньшевики, эсеры и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.

Хотелось бы надеяться, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, даст нашей читающей публике обзоры атеистической литературы с характеристикой, для какого круга читателей и в каком отношении могли бы быть подходящими те или иные произведения, и с указанием того, что появилось у нас (появившимся надо считать только сносные переводы, а их не так много) и что должно быть еще издано.

Ленин В. И. О значении воинствующего материализма.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 25—29

БОРЬБА С РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРЕДРАССУДКАМИ СРЕДИ ЖЕНЩИН

Во всех цивилизованных странах, даже самых передовых, положение женщин таково, что недаром их называют домашними рабынями. Ни в одном капиталистическом государстве, даже самой свободной республике, нет полного равноправия женщин.

Задача Советской республики — в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин. Источник буржуазной грязи, подавленности, приниженности — бракоразводный процесс — Советская власть уничтожила полностью.

Скоро год, как существует совершенно свободное законодательство о разводе. Мы издали декрет, который уничтожил разницу в положении брачного и внебрачного ребенка и целый ряд политических стеснений; нигде так полно не осуществлены равенство и свобода трудящихся женщин.

Мы знаем, что вся тяжесть устарелых правил взваливается на женщину рабочего класса.

Наш закон первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными. Но дело не в законе. У нас в городах и фабрично-заводских местах этот закон о полной свободе брака прививается хорошо, а в деревне это часто-часто остается на бумаге. Там до сих пор преобладает церковный брак. Этим они обязаны влиянию священников, с этим злом труднее бороться, чем со старым законодательством.

Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося острогу в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении. Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 185—186

РАЗДЕЛ I

¹ Имеются в виду философские изыскания Макса Штирнера. *Сост.* * — 7.

² Т. е. Макс Штирнер. *Сост.*— 11.

РАЗДЕЛ II

¹ Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным естественным законам. Боги же хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека.— 25.

² См.: Иисус Навин, 5 : 2—3.— 27.

³ Перед этим Ф. Энгельс говорит: «...раз признав существование души, люди в силу всеобщей ограниченности никак не могли объяснить себе, куда же деваается она после смерти тела». *Сост.*— 27.

⁴ *Morgan L. H. Ancient Society. London, 1877, p. 115.— 28.*

⁵ *Ирокезы* — общее наименование шести племен североамериканских индейцев: сенека, кайюга, онейда, люгавк и тускарора. В настоящее время живут в резервациях Канады и США. Большая часть ирокезов — христиане; сохраняются также древнейшие верования, выражающиеся в обожествлении стихий природы и культе духов-покровителей. *Сост.*— 29.

⁶ *Сахем* — старейшина в ирокезском роде, наряду с функциями судьи выполнявший жреческие обязанности. *Сост.*— 29.

⁷ Имеется в виду судебная речь Демосфена против Эвбулида. В этой речи упоминается о древнем обычае хоронить в родовых гробницах только лиц данного рода.— 30.

⁸ *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» (см.: «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, с. 134).— 30.

⁹ Ф. Энгельс упоминает здесь отрывок из не дошедшего до нас сочинения древнегреческого философа Дикеарха.— 30.

* Сост.— примечания составителей. Остальные примечания заимствованы из: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, издание второе; *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, издание пятое.

¹⁰ Гомер. Илиада, песнь вторая.— 31.

¹¹ Гиеродулы — в Древней Греции и греческих колониях рабы и рабыни, принадлежащие храмам. Женщины — гиеродулы во многих местах, особенно в городах Передней Азии и в Коринфе, занимались храмовой проституцией.— 31.

¹² Эпоха Перикла — 444—429 гг. до н. э.; эпоха Александра — 336—323 гг. до н. э. Сост.— 32.

РАЗДЕЛ III

¹ «Старокатолики» — течение, образовавшееся в связи с неприятием рядом католических деятелей решений Ватиканского собора 1869—1870 гг. о непогрешимости римского папы. Отлученные от католической церкви противники нового догмата образовали самостоятельную церковную общину, которая и получила название старокатолической. Старокатолическая церковь существует во многих странах, в том числе в ФРГ, Швейцарии (христианско-католическая), Австрии, Голландии, Франции, США. Сост.— 33.

² Энгельс употребляет здесь термин «арийцы» в качестве наименования группы народов индоевропейской системы языков. Это словоупотребление, основанное на господствовавшем с середины XIX в. неправильном представлении о расовом и культурном единстве этих народов в прошлом, в настоящее время устарело. В современной буржуазной литературе термином «арийцы» обозначают народы иранской и индийской группы индоевропейских языков.— 33.

³ Имеется в виду происхождение христианства. Сост.— 34.

⁴ Принятие христианства произошло на Никейском соборе, собранном в 325 г. Сост.— 34.

⁵ Подразумевается произведение Петрония «Сатирикон», в котором описывается пир у разбогатевшего вольноотпущенника Теримальхиона.— 35.

⁶ Тиберий — римский император в 14—37 гг.; Нерон — римский император в 54—68 гг. Сост.— 35.

⁷ Ландскнехт — наемный солдат в XV—XVII вв. в Западной Европе. Нарипательное — продажный воин. Сост.— 35.

⁸ Восстание рабов под руководством Спартака происходило в 73—71 гг. до н. э. Сост.— 36.

⁹ Стоицкая философия возникла в Древней Греции в конце IV в. до н. э. и просуществовала до VI в. н. э.; представители этой философии колебались между материализмом и идеализмом. В эпоху Римской империи философия стоиков превратилась в реакционное религиозно-идеалистическое учение. Проявляя особый интерес к моральным проблемам, стоики трактовали их в духе мистицизма и фатализма; они отстаивали внетелесное существование души, культ покорности человеку судьбе, непротивление злу, самоотречение, аскетизм и т. п.; учение стоиков оказало значительное влияние на формирование христианской религии.— 36.

¹⁰ См. наст. изд., прим. 9, раздел III.— 37.

¹¹ Энгельс имеет в виду персонаж из сатирического стихотворения Гейне «Бог Аполлон» (из сборника «Романсеро») — молодого повесу, певчего амстердамской синагоги, изображавшего Аполлона.— 37.

¹² Имеется в виду «Откровение Иоанна» — одна из книг Нового завета. — 38.

¹³ Имеются в виду так называемые «Соборные послания апостолов» — одна из частей Нового завета. *Сост.* — 38.

¹⁴ Имеется в виду притча о богатом и бедном Лазаре (Лука, 16:19—31). *Сост.* — 39.

¹⁵ *Тюбингенская теологическая школа* — школа исследователей и критиков Библии, основанная в первой половине XIX в. Приверженцы этой школы критиковали противоречия и исторические несообразности книг Нового завета, но стремились сохранить некоторые положения Библии как якобы исторически достоверные. Однако помимо своей воли эти исследователи содействовали подрыву авторитета Библии. — 41.

¹⁶ Критика Нового завета содержится в следующих работах Б. Бауэра: «*Kritik der evangelischen Geschichte des Johannes*». Bremen, 1840 («Критика евангельской истории Иоанна»). Бремен, 1840) и «*Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker*», Bd. I—II. Leipzig, 1841 («Критика евангельской истории синоптиков», т. I—II. Лейпциг, 1841); третий том этой книги под заглавием «*Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker und des Johannes*» («Критика евангельской истории синоптиков и Иоанна») вышел в Брауншвейге в 1842 г. — 41.

¹⁷ См. наст. изд., прим. 9, раздел III. — 41.

¹⁸ См. наст. изд., прим. 15, раздел III. — 42.

¹⁹ Синоптическими (от греч. — *synopsis* — совместное обозрение) евангелиями называют Евангелия от Матфея, Марка и Луки, тексты которых близки по содержанию. *Сост.* — 43.

²⁰ Статья «*Die Gränzen der Naturbetrachtung*» («Границы изучения природы») была опубликована в №№ 23—25 «*Evangelische Kirchen-Zeitung*» от 20, 23 и 27 марта 1839 года. — 45.

²¹ Первое посл. ап. Петра, 2:2. У Энгельса ошибочно, вместо Петр, написано Павел. — 45.

²² Имеется в виду сочинение Коммодиана «*Carmen apologeticum adversus judaeos et gentes*» («Апологетическая песнь против иудеев и язычников»). — 47.

²³ *Каббала* (древнееврейское слово, означающее традицию, предание) — мистическое, связанное с магией, толкование старинных «священных» текстов посредством приписывания отдельным словам и числам особого символического значения; было распространено среди последователей иудаизма, откуда перешло в христианство и ислам. — 47.

²⁴ *Гностики* — последователи гностицизма, религиозно-философского учения, возникшего в I—II вв. н. э. на почве объединения некоторых элементов христианства, иудаизма, языческих религий и идеалистической греко-римской философии. В основе гностицизма лежало мистическое учение о «гносисе» (древнегреческое слово, означающее «значение») — познании путем откровения божественного первоначала мира. Для гностиков были характерны подчеркивание греховности материи, проповедь аскетизма, отрицание святости Ветхого завета и двойственной, «богочеловеческой» природы мифического основателя христианства Иисуса Христа. Ортодоксальные хри-

стианские круги, объявившие гностицизм ересью, вели против гностиков ожесточенную борьбу и уничтожили почти все их сочинения.— 47.

²⁵ Имеется в виду коллекция папирусов эпохи возникновения христианства, хранящаяся в Лейденском музее. В коллекцию входят папирусы, содержащие различные заклинания, магические формулы и т. п. На русском языке один из этих папирусов опубликован А. Б. Рвановичем в книге «Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы». М., 1933. Сост.— 47.

²⁶ Тацит. *Анналы*, кн. 12, гл. 52; *Истории*, кн. 2, гл. 62.— 47.

²⁷ *Сивиллины книги* — собрание прорицаний, приписывавшихся одной из странствующих «прорицательниц» древности (Сивилле Кумской); играли большую роль в религиозной жизни Древнего Рима.— 47.

²⁸ *Навуходоносор* — царь Вавилонии в 604—562 гг. до н. э. Сост.— 47.

²⁹ *Никейский собор* — первый так называемый вселенский собор епископов христианской церкви Римской империи, созданный в 325 г. императором Константином I в г. Никее в Малой Азии. На Никейском соборе был принят обязательный для всех христиан символ веры (основные положения вероучения ортодоксальной христианской церкви), непризнание которого каралось как государственное преступление. В решениях собора нашли отражение тесный союз церкви и государства и превращение христианства в государственную религию Римской империи.— 48.

³⁰ См.: Откровение, 2 : 14.— 49.

³¹ См.: Откровение, 7 : 4—8.— 49.

³² *Ирмией*. Пять книг против ересей, кн. V, гл. 28—30.— 54.

³³ *Ренан Е. L'Antechrist*. Paris, 1873. Книга составляет четвертый том работы Ренана «*Histoire des origines du christianisme*», vol. 1—8. Paris, 1863—1883.— 56.

³⁴ *Зенд-Авеста* — принятое в XVIII—XIX вв. неправильное название Авесты — священной книги религии зороастризма, распространенной в Древней Персии, Азербайджане и Средней Азии. В основе зороастризма лежала дуалистическая идея борьбы в мире добра и зла. Авеста составлялась, предположительно, с IX в. до н. э. вплоть до III—IV вв. н. э.— 56.

³⁵ Имеется в виду так называемое «вавилонское изгнание» (или «вавилонское пленение») древних евреев в VI в. до н. э. — насильственное переселение знати, чиновников, торговцев и ремесленников в Вавилон после взятия Иерусалима в 597 г. до н. э. и окончательного разгрома Иудейского царства вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до н. э. В 30-х годах VI в. до н. э. персидский царь Кир, завоевавший Вавилонское царство, разрешил большинству пленных евреев вернуться на родину.— 56.

³⁶ *Эдда* — собрание мифологических и героических сказаний и песен скандинавских народов; сохранилось в виде рукописи XIII в., открытой в 1643 г. исландским епископом Свейнсоном (так называемая «Старшая Эдда»), и в виде трактата о поэзии скальдов, составленного в начале XIII в. поэтом и летописцем Снорри Стурлусоном («Младшая Эдда»). Песни «Эдды» о языческих богах и героях отразили состояние скандинавского общества в период разложения родового строя и переселения народов. В них встречаются образы и сюжеты из народного творчества древних германцев.— 58.

³⁷ Имеются в виду семь церквей, по-видимому существовавших в следующих городах Малой Азии, упоминаемых в Откровении: Эфес, 2:1; Смирна, 2:8; Пергам, 2:12; Фиатира, 2:18; Сардис, 3:1; Филадельфия, 3:7; Лаодикия, 3:14. *Сост.* — 60.

³⁸ Имеются в виду вульгаризированные идеи древнегреческой идеалистической философии (Платона и др.), эклектически соединенные Филоном с аллегорическими толкованиями ветхозаветной части Библии (см.: *Ранович А. Б.* О раннем христианстве. М., 1959). *Сост.* — 61.

³⁹ См. наст. изд., прим. 9, раздел III. — 61.

⁴⁰ Речь идет о так называемом культе верховного существа, декретированном Робеспьером. *Сост.* — 65.

⁴¹ Энгельс имеет в виду национально-освободительное восстание нубийцев, арабов и других народностей Судана во главе с мусульманским проповедником Мухаммедом-Ахмедом, называвшим себя «махди», т. е. «спасителем». Восстание началось в 1881 г. и достигло особых успехов в 1883—1884 гг., когда от войск английских колонизаторов, проникновение которых в Судан происходило с 70-х годов, была освобождена почти вся территория страны. В ходе восстания образовалось самостоятельное централизованное махдистское государство. Лишь к 1899 г. войска английских колонизаторов, используя внутреннее ослабление этого государства в результате непрекращающихся войн и межплеменной розни, а также опираясь на подавляющее превосходство в вооружении, завоевали Судан. — 66.

⁴² *Табориты* — революционно-демократическое крыло в гуситском национально-освободительном и реформационном движении в Чехии (первая половина XV в.), направленном против немецких феодалов и католической церкви; свое название получили от города Табор, основанного в 1420 г. и являвшегося их политическим центром. В своих требованиях табориты отражали стремление крестьянских масс и городских низов к ликвидации всего феодального строя. Среди таборитов получили распространение облеченные в религиозную форму призывы к установлению имущественного равенства и предпринимались попытки ввести в область потребления начала уравнительного коммунизма. Создав свою военную организацию, табориты составляли ядро гуситской армии, отразившей пять крестовых походов, которые были организованы против Чехии папой и германским императором. Только предательство чешских дворянско-бюргерских элементов, неоднократно выступавших против таборитов и заключивших против них компромисс с чужеземными силами феодальной реакции, привело к поражению таборитов в 1437 г., вместе с этим и к подавлению гуситского движения. — 66.

⁴³ Текст приводимых Энгельсом выдержек из сатиры Лукиана «О кончине Перегрина» соответствует немецкому переводу этого произведения А. Паули (1831). — 67.

⁴⁴ Энгельс имеет в виду общины тайной организации немецких рабочих и ремесленников Союза справедливых, основанные Вильгельмом Вейтлингом в начале 40-х годов XIX в. Освящена история Союза справедливых в работе Энгельса «К истории Союза коммунистов» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 214—232). — 68.

⁴⁵ «Свободные общины» — общины, выделившиеся из официальной протестантской церкви в 1846 г. под влиянием движения «Друзей света» — религиозного течения, направленного против господствовавшего в протестантской церкви пиеизма, который отличался крайним мистицизмом и ханжеством. В 40-е годы XIX в. эта религиозная оппозиция была одной из

форм проявления педовольства немецкой буржуазии реакционными порядками в Германии.— 69.

⁴⁶ В 1685 г. в обстановке усилившихся с 20-х годов XVII в. политических и религиозных преследований гугенотов (протестантов-кальвинистов) Людовик XIV отменил изданный в 1598 г. Нантский эдикт, предоставлявший свободу вероисповедания и богослужения гугенотам; в результате отмены Нантского эдикта несколько сот тысяч гугенотов эмигрировали из Франции.— 73.

РАЗДЕЛ IV

¹ «Московские ведомости» — одна из старейших русских газет, издавалась Московским университетом с 1756 г. (первоначально в виде небольшого листка). В 1863—1887 гг. редактором-издателем газеты был М. Н. Катков, крайний реакционер и шовинист, противник малейших проявлений прогрессивной общественной мысли; он превратил газету в монархо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства. С 1905 г. «Московские ведомости» — один из главных органов черносотенцев. Закрыта в конце 1917 г.— 75.

² «Миссионерское Обозрение» — ежемесячный богословский журнал, издававшийся церковными кругами; выходил с 1896 по 1898 г. в Киеве, с 1899 по 1916 г. в Петербурге. Редактор-издатель — В. М. Скворцов. Журнал объединял наиболее реакционные круги духовенства, отличавшиеся мракобесием и находившиеся в тесной связи с полицией, вел борьбу против сектанства.— 77.

³ «Вера и Разум» — богословско-философский журнал, издававшийся с 1884 по 1916 г. при Харьковской духовной семинарии; выходил два раза в месяц. Журнал занимал крайне реакционную позицию и яростно выступал против демократического движения и прогрессивной мысли.— 80.

⁴ «Свободное слово» — издательство, печатавшее за границей (Англия, Швейцария) произведения Л. Н. Толстого, запрещенные царской цензурой, и брошюры, направленные против преследования сектантов царским правительством. Издательство выпускало с 1899 по 1901 г. журнал «Свободная мысль», а с 1901 по 1905 г. журнал «Свободное слово».— 81.

⁵ Имеется в виду III Государственная дума (1. XI. 1907 — 9. VI. 1912 гг.), отражавшая политику царизма на удушение революции. С. В. Зубатов (1864—1917) — жандармский полковник, в 1896—1902 гг. — начальник московского охранного отделения, организатор легальных рабочих организаций, инициатор политики «полицейского социализма».— 83.

⁶ См. наст. изд., прим. 1, раздел IV.— 83.

⁷ Речь идет о попытках создания под полицейским контролем легальных рабочих организаций. См. наст. изд., прим. 5, раздел IV. *Сост.*— 84.

⁸ Письма, о которых говорит В. И. Ленин, — это корреспонденции большевика С. И. Гусева из Петербурга, напечатанные в № 4 газеты «Вперед» от 31 (18) января 1905 г. под заглавием «Письма петербургских социал-демократов».— 86.

⁹ Речь идет о центральном органе германской социал-демократии — газете «Vorwärts» («Вперед»), которая была упомянута в № 4 газеты «Вперед» от 31 (18) января 1905 г. в статье «На Дворцовой площади. Письмо очевидца».— 86.

¹⁰ Ленин цитирует передовую статью меньшевистской газеты «Искра», 1905, № 85. *Сост.*— 88.

¹¹ Имеется в виду заметка «Первая стадия выборов» в газете «Речь» № 261 от 23 сентября (6 октября) 1912 г.— 93.

¹² Речь идет о так называемом третьейиюньском государственном перевороте. 3 (16) июня 1907 г. был издан царский манифест о роспуске II Государственной думы и об изменениях в избирательном законе. Новый закон намного увеличивал представительство в Думе помещиков и торгово-промышленной буржуазии и в несколько раз сокращал и без того небольшое число представителей крестьян и рабочих.— 94.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 28.— 94.

РАЗДЕЛ V

¹ «*Всеобщий пфенниг*» («*gemeiner Pfennig*») — налог, представлявший собой комбинацию подушной подати и налога с имущества. Основная тяжесть налога падала на крестьянство.— 99.

² *Аннатами* назывались единовременные сборы в пользу римской курии с лиц, назначавшихся папой на церковные должности (бенефиции).— 99.

³ У античных авторов наименование населения Западной и Южной Аравии. В эпоху раннего средневековья так стали называть всех арабов и вообще исповедующих ислам. *Сост.*— 100.

⁴ *Альбигойцы* — религиозная секта, широко распространенная в XII—XIII вв. в городах Южной Франции и Северной Италии. Главным очагом ее был южнофранцузский город Альби. Альбигойцы, выступавшие против пышных католических обрядов и церковной иерархии, выражали в религиозной форме протест торгово-ремесленного населения городов против феодализма. К ним присоединилась часть южнофранцузского дворянства, стремившегося секуляризировать церковные земли. Папа Иннокентий III организовал в 1209 г. крестовый поход против альбигойцев. В результате двадцатилетней войны и свирепых репрессий их движение было подавлено.— 104.

⁵ *Вальденсы* — религиозная секта, возникшая в конце XII в. среди плебейских низов южнофранцузских городов. По преданию основателем ее был лионский купец Пьер Вальд, раздавший все свое имущество беднякам. Вальденсы проповедовали отказ от собственности, осуждали накопление богатств католической церковью и призывали вернуться к обычаям раннего христианства. Ересь вальденсов особенно распространилась среди сельского населения горных районов юго-западной Швейцарии и Савойи, где она носила характер защиты пережитков первобытнообщинного строя и патриархальных отношений.— 106.

⁶ См. наст. изд., прим. 4, раздел V.— 106.

⁷ Один из вождей крестьянского восстания 1251 г. во Франции (так называемого восстания «пастушков»), проповедник по имени Яков. Согласно свидетельству хроник, он был выходцем из Венгрии.— 106.

⁸ *Каликстинцы* — одно из двух течений в гуситском национально-освободительном и реформационном движении в Чехии (первая половина XV в.). Каликстинцы (или чашники, требовавшие причащения не только хлебом, но и вином из чаши), опиравшиеся на бюргерство и часть чешского дворянства, ограничивали свои требования созданием национальной чешской церкви и секуляризацией церковных имений.— 106.

⁹ См. наст. изд., прим. 42, раздел III.— 107.

¹⁰ *Флагелланты* (или «бичующиеся») — религиозно-аскетическая секта, получившая распространение в Европе в XIII—XV вв. Флагелланты проповедовали, что путем самоистязания можно добиться искупления грехов.

Лолларды (буквально — «бормочущие молитвы») — религиозная секта в Англии и в других странах Европы (возникла в XIV в.), резко враждебная католической церкви, восприняла учение английского реформатора Уиклифа, сделав из него более радикальные выводы и выступив в религиозно-мистической форме против феодальных привилегий. Многие лолларды, среди которых преобладали выходцы из народных масс и представители низшего духовенства, приняли участие в восстании Уота Тайлера в 1381 г. С конца XIV в. лолларды подверглись жестокому гонению.— 107.

¹¹ *Хилиазм* (от греч. «хилиас» — тысяча) — религиозно-мистическое учение о втором пришествии Христа и установлении «тысячелетнего царства» справедливости, всеобщего равенства и благоденствия. Хилиастические верования возникли в период разложения рабовладельческого строя на почве невыносимого гнета и страданий трудящихся, искавших выхода в фантастических мечтаниях об избавлении. Эти верования получили широкое распространение во время раннего христианства и впоследствии постоянно возрождались в учениях различных средневековых сект.— 108.

¹² Энгельс имеет в виду сословный характер немецкого государственного устройства. *Сост.* — 109.

¹³ Это выражение представляет собой название памфлета, выпущенного Лютером в мае 1525 г. в самый разгар крестьянской войны.— 111.

¹⁴ «*Аугсбургское вероисповедание*» — изложение основ лютеранства, представленное в 1530 г. императору Карлу V на имперском сейме в Аугсбурге, явилось результатом приспособления бюргерских идеалов «дешевой церкви» (упразднение пышных обрядов, упрощение церковной иерархии и т. д.) к интересам князей. Главой церкви объявлялся вместо папы владетельный князь. «Аугсбургское вероисповедание» было отвергнуто императором. Война с ним князей, принявших лютеранскую реформу, окончилась в 1555 г. Аугсбургским религиозным миром, утвердившим право каждого князя определять по своему усмотрению религию своих подданных. «Аугсбургское вероисповедание» было составлено Меланктоном под наблюдением Мартина Лютера.— 113.

¹⁵ Эту дату приводит Циммерман. По уточненным впоследствии данным, Томас Мюнцер родился около 1490 г.— 114.

¹⁶ *Анабаптистами*, или перекрещенцами, члены этой секты назывались из-за выдвигавшегося ими требования вторичного крещения в сознательном возрасте.— 114.

¹⁷ В указанной главе Второзакония излагается миф о требовании Яхве истребить народы, населяющие Ханаан и не признающие его (Яхве) своим богом. *Сост.* — 115.

¹⁸ Энгельс имеет в виду взгляды немецкого философа-идеалиста Штрауса и других младогегельянцев, которые в своих ранних произведениях выступали в вопросах религии как пантеисты.— 115.

¹⁹ Речь идет о февральских революционных событиях 1848 г. в Германии. *Сост.* — 116.

²⁰ Имеется в виду полемика против Фейербаха, поднятая Штраусом в его книге «Христианское вероучение в его историческом развитии и в

борьбе с современной наукой» (*Strauß D. F. Die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft*); первый том книги Штрауса вышел в 1840 г., второй — в 1841 г. В связи с этой полемикой был напечатан ряд статей по вопросу о критике религии в левогегельянском журнале (*Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*) («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»). В статьях, опубликованных в № 105 от 1 ноября 1841 г. и в №№ 7 и 8 от 10 и 11 января 1842 г. под псевдонимами «Берлинец» и «Тоже берлинец», была сделана попытка сгладить различие в позициях Штрауса и Фейербаха. Подписав свою статью псевдонимом «Не-берлинец», К. Маркс подчеркнул этим свое разногласие с авторами указанных статей.— 121.

²¹ Маркс имеет в виду книгу Л. Фейербаха «Сущность христианства».— 122.

²² Речь идет о государственном перевороте 1688 г. в Англии, приведшем к изгнанию Якова II Стюарта и провозглашению в 1689 г. английским королем штатгальтера Голландской республики Вильгельма III Оранского; с 1689 г. в Англии утвердилась конституционная монархия, основанная на компромиссе между земельной аристократией и крупной буржуазией.— 122.

²³ Ф. Энгельс говорит выше о распространенности пьянства в среде трудящихся. *Сост.*— 124.

²⁴ «Пиетизм» — антиинтеллектуалистическое течение в лютеранстве, зародившееся в Германии в XVII в. в обстановке феодальной реакции. Пиелисты требовали признания всего сказанного в Библии, всячески преследовали науку и просвещение, отличались ханжеством и лицемерием. *Сост.*— 125.

²⁵ Имеются в виду полные угрозы и оскорбления послания, которыми обменялись папа Григорий VII и германский император Генрих IV в 1075—1076 гг. в связи с борьбой духовной и светской власти за главенство.— 127.

²⁶ Речь идет об оппозиционных выступлениях немецких студенческих гимнастических обществ. Эти общества, возникшие в Германии в начале XIX в., активно участвовали в освободительной борьбе немецкого народа против владычества Наполеона; однако они не были свободны от националистических влияний. После Венского конгресса (1814—1815) многие оппозиционно настроенные участники гимнастических обществ боролись за объединение Германии и выступали против реакционного строя в немецких государствах, за что в 1819 г. были обвинены в «демагогии» и подверглись репрессиям.— 127.

²⁷ *Вартбургское празднество* было организовано немецким студенчеством 18 октября 1817 г. в связи с 300-летием реформации и 4-й годовщиной Лейпцигской битвы 1813 г. Празднество вылилось в демонстрацию оппозиционно настроенного студенчества против меттерниховского режима.— 127.

²⁸ *Тридцать девять статей* — символ веры англиканской церкви, принятый английским парламентом в 1571 году.— 130.

²⁹ *Corporation Act* (акт о корпорациях), принятый в 1661 г., требовал от лиц, занимавших выборные должности (имелись в виду, главным образом, органы городского управления), признания догматов англиканской церкви.— 130.

РАЗДЕЛ VI

¹ «*Рассвет*» — социал-демократический листок для сектантов; издавался в Женеве В. Д. Бонч-Бруевичем на основе решения II съезда РСДРП. Первый номер вышел в январе 1904 года. Совет партии на заседании 5 (18) июня 1904 г. высказался против дальнейшего издания листка в качестве партийного органа (хотя за Бонч-Бруевичем и было оставлено право издавать листок от себя лично). Осенью 1904 г. издание «Рассвета» было прекращено. Всего вышло 9 номеров.— 134.

² *Помпадуры* — обобщенный сатирический образ, созданный М. Е. Салтыковым-Щедриным в произведении «Помпадуры и помпадурши», в котором великий русский писатель-сатирик заклеил высшую царскую администрацию, министров и губернаторов. Меткое определение Салтыкова-Щедрина прочно вошло в русский язык как обозначение административного произвола, самодурства.— 134.

РАЗДЕЛ VII

¹ Речь идет о книге: *Forster Ch. The Historical Geography of Arabia; or, The Patriarchal Evidences of Revealed Religion. Vol. I—II, London, 1844* (*Форстер Ч. Историческая география Аравии, или Свидетельства отцов церкви о религии откровения. Тт. I—II, Лондон, 1844*).— 136.

² Речь идет о завоеваниях племен Аравийского полуострова в VII—VIII вв. под руководством правящей верхушки мусульманской общины с халифами во главе, завершившихся временным установлением господства арабской феодализировавшейся аристократии в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Западной Европы. *Сост.— 136.*

³ См. наст. изд., прим. 36, раздел III.— 137.

⁴ *Татарией* в XIX в. называли территорию Центральной Азии и части Туркестана.— 139.

⁵ *Феллах* (арабск.) — крестьянин, оседлый земледелец. Феллахи большую часть года живут в городах, но на время пахоты, посева и жатвы переселяются на поля. Религия феллахов — ислам. *Сост.— 140.*

⁶ *Религия Лингама* — культ божества Шивы; особенно распространен среди южноиндийской секты лингаитов (от «линги» — эмблемы Шивы), одной из сект индуизма, не признающей кастовых различий и отвергающей посты, жертвоприношения и паломничество.

Джаггернаут (Джаганнатх) — воплощение одного из высших индуистских божеств Вишну. Культ Джаггернаута отличался чрезвычайной пышностью ритуалов, а также крайним религиозным фанатизмом, проявившимся в самоистязании и самоубийствах верующих. В дни больших праздников некоторые из них бросались под колесницу, на которой везли изображение Вишну-Джаггернаута.— 140.

⁷ *Моголы* — завоеватели тюркского происхождения, вторгшиеся в Индию в начале XVI в. из восточной части Средней Азии и основавшие в 1526 г. в Северной Индии империю Великих Моголов (так называли правящую династию этой империи). В глазах современников основатели могольской империи были прямыми потомками монгольских завоевателей времен Чингис-хана, отсюда и название «моголы». Могольская держава достигла значительного могущества, подчинив к середине XVII в. большую часть Индии и часть Афганистана. Однако в результате крестьянских восстаний и роста сопротивления народов Индии завоевателям-мусульманам, а также вследствие постоянных усобиц и усиления феодально-сепаратистских тенденций империя Великих Моголов стала приходить в упадок и в первой половине XVIII в. фактически распалась.

Гептархия (семивластие) — термин, принятый в английской историографии для обозначения политического строя Англии в период раннего средневековья, когда страна была раздроблена на семь англосаксонских королевств (VI—VIII века); Маркс по аналогии применяет здесь этот термин для обозначения феодальной раздробленности Декана (Центральная и Южная Индия) до завоевания его мусульманами.— 140.

⁶ *Ханумани* — в индуистской мифологии предводитель обезьян, освободивших возлюбленную божества Рамы из плена на о. Шри-Ланка; *Сабала* — священная корова. *Сост.*— 141.

РАЗДЕЛ VIII

¹ Речь идет о книге Ч. Форстера «Историческая география Аравии, или Свидетельства отцов церкви о религии откровения». См. наст. изд., прим. 1, раздел VII. *Сост.*— 142.

² *Интердикт* (лат. *interdictum*) — запрет. *Сост.*— 142.

³ Эти стихи, как и помещенная выше стихотворная строка, приведены Марксом из трагедии Эсхила «Прикованный Прометей».— 143.

⁴ *Янсенисты* (по имени голландского теолога Янсения) — представители оппозиционного течения среди католиков во Франции в XVII и начале XVIII в., которое выражало недовольство части французской буржуазии феодальной идеологией официального католицизма.— 148.

⁵ *Locke J. An Essay concerning Human Understanding* (*Локк Дж. Опыт о человеческом разуме*). Первое издание вышло в Лондоне в 1690 году.— 149.

⁶ *Картезианская философия* — учение последователей французского философа XVII в. Декарта (по-латыни — *Cartesius*), сделавших из его философии материалистические выводы.— 153.

⁷ Энгельс имеет в виду принятую Учредительным собранием в 1789 г. «Декларацию прав человека и гражданина», в которой были изложены политические принципы нового буржуазного строя. Декларация была включена во французскую конституцию 1791 г.; на основе ее была составлена яacobинская «Декларация прав человека и гражданина» 1793 г., предпосланная первой республиканской конституции Франции, принятой Национальным конвентом в 1793 году.— 153.

⁸ *Code civil* (Гражданский кодекс) — один из пяти кодексов, составленных во Франции в 1804—1810 гг. при Наполеоне I (отсюда вошедшее в обиход обозначение Гражданского кодекса как Кодекса Наполеона) и представлявших собой общую систематизацию буржуазного права. Энгельс называл Гражданский кодекс, принятый в 1804 г., классическим сводом законов буржуазного общества (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 21, с. 311).— 153.

⁹ «*Deutsche Jahrbücher*» — сокращенное название литературно-философского журнала младегегельянцев «*Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*». («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»). Журнал издавался в виде ежедневных листов в Лейпциге. Под этим названием журнал выходил с июля 1841 по январь 1843 года; ранее (1838—1841) выходил под названием «*Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst*» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»); до июня 1841 г. журнал редактировался А. Руге и Т. Экхермейером в Галле, а с июля 1841 г.— А. Руге в Дрездене. Перенесение местопребывания ре-

дакции из прусского города Галле в Саксонию и перемена названия журнала были вызваны угрозой запрещения «Hallische Jahrbücher» в пределах Пруссии. Но и под новым названием журнал просуществовал недолго. В январе 1843 г. журнал «Deutsche Jahrbücher» был закрыт саксонским правительством и запрещен постановлением Союзного сейма на всей территории Германии.— 154.

¹⁰ «*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее.— 154.

¹¹ Имеется в виду государственный переворот 1688 г., в результате которого в Англии была низложена династия Стюартов и установлена конституционная монархия во главе с Вильгельмом Оранским (с 1689 г.), основанная на компромиссе между землевладельческой аристократией и крупной буржуазией. В английской буржуазной историографии этот государственный переворот получил название «славной революции». — 156.

¹² *Деисты* — сторонники религиозно-философского учения, признающего бога как безличную разумную первопричину мира, но отрицающего его вмешательство в жизнь природы и общества. В условиях господства феодально-церковного мировоззрения деизм нередко выступал с рационалистических позиций, критикуя средневековое теологическое мировоззрение, разоблачая паразитизм и шарлатанство духовенства. Однако деисты в то же время шли на компромисс с религией, выступая за сохранение ее для народных масс в рациональной форме.— 156.

¹³ «*Народная воля*» — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года, в результате раскола народнической организации «Земля и воля». — 158.

¹⁴ В. И. Ленин приводит цитату из романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (см.: *Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений*. М., 1949, том XIII, с. 197). — 158.

¹⁵ *Ритуализм* (более распространенное название — пьюизизм) — течение внутри англиканской церкви, возникшее в 30-х годах XIX века; его последователи призывали к восстановлению в англиканской церкви католической обрядности (откуда и происходит его название) и некоторых догматов католицизма.— 162.

¹⁶ «*Армия спасения*» — реакционная религиозно-филантропическая организация, основанная в 1865 г. проповедником У. Бутсом в Англии и распространившая в дальнейшем свою деятельность на другие страны (название приняла в 1880 г. после реорганизации ее по военному образцу). Пользуясь значительной поддержкой буржуазии, эта организация развернула широкую религиозную пропаганду, создала целую сеть благотворительных учреждений с целью отвращения трудящихся масс от борьбы против эксплуататоров. Отдельные проповедники ее прибегали к социальной демагогии, к показному осуждению эгоизма богачей.— 162.

¹⁷ Имеется в виду первая всемирная торгово-промышленная выставка в Лондоне, происходившая в мае — октябре 1851 года.— 164.

¹⁸ См. наст. изд., прим. 16, раздел VIII.— 164.

¹⁹ В 1824 г. английский парламент под давлением массового движения рабочих был вынужден принять акт, отменивший запрещение рабочих союзов (тред-юнионов). Однако в 1825 г. парламентом был принят закон о союзах, или закон о рабочих коалициях, который, подтвердив отмену запрещения тред-юнионов, в то же время крайне ограничил их деятельность. В частности, простая агитация за вступление рабочих в союз и за участие в стачках рассматривалась как «принуждение» и «насилие» и каралась как уголовное преступление.— 164.

²⁰ *Народная хартия*, содержащая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. Три петиции чартистов с требованием принятия Народной хартии, поданные в парламент, были отклонены им в 1839, 1842 и 1849 годах.

Лига против хлебных законов — организация английской промышленной буржуазии, была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм). После отмены хлебных законов Лига прекратила свое существование.— 165.

²¹ *Брат Джонатан* — ироническое прозвище, данное англичанами североамериканцам во время войны североамериканских колоний Англии за независимость (1775—1783).

Ревивализм — течение в протестантской церкви, возникшее в Англии в первой половине XVIII в. и распространившееся в Северной Америке; его приверженцы стремились путем религиозных проповедей и организации новых общин верующих укрепить и расширить влияние христианской религии.— 165.

²² *Война Алой и Белой розы* (1455—1485) — война между представителями двух борющихся за престол английских феодальных родов: Йорков, на гербе которых была изображена белая роза, и Ланкастеров, носивших на гербе алую розу. Вокруг Йорков группировались часть крупных феодалов более развитого в экономическом отношении юга, рыцарство и горожане; Ланкастеров поддерживала феодальная аристократия северных графств. Война привела почти к полному истреблению старинных феодальных родов и завершилась приходом к власти новой династии Тюдоров, установившей в Англии абсолютизм.— 165.

²³ Выражение из предисловия Гоббса к его книге «*De Cive*» («О гражданине»), написанной в Париже в 1642 г., первоначально распространявшейся в рукописи и опубликованной в Амстердаме в 1647 году.— 167.

²⁴ «*Голос Москвы*» — ежедневная газета, орган октябристов — контрреволюционной партии крупной промышленной буржуазии и крупных помещиков; выходила в Москве с 1905 по 1915 год.— 168.

²⁵ *Высокая церковь* — направление в англиканской церкви, имевшее приверженцев преимущественно среди аристократии; сохраняло старинные пышные обряды, подчеркивая преемственную связь с католицизмом.

Низкая церковь — другое направление англиканской церкви, получившее распространение главным образом среди буржуазии и низшего духовенства; в противовес высокой церкви делало упор на проповедь буржуазно-христианской морали.

Диссиденты — представители религиозных сект и течений, отступающих в той или иной мере от догматов официальной церкви. — 173.

²⁶ В соответствии с процедурой, принятой в английском парламенте, палата общин при обсуждении некоторых важных вопросов объявляет себя заседающей в полном составе в качестве комитета (Committee of the whole House); обязанности председательствующего (Chairman of Committees) на таких заседаниях исполняет одно из состоящих в списке представителей лиц, которое специально назначается спикером палаты общин для проведения данного заседания. — 173.

²⁷ *«Оракул разума»* («The Oracle of Reason») — еженедельный атеистический журнал, выходивший с 1841 по 1843 г. в Лондоне и других городах Англии. — 175.

²⁸ *«Культуркампф»* («борьба за культуру») — название, данное буржуазными либералами системе законодательных мероприятий правительства Бисмарка в 70-х годах XIX века, проведенных под флагом борьбы за светскую культуру и направленных против католической церкви и партии «центра», которая поддерживала сепаратистские и антипрусские тенденции чиновничества, помещиков и буржуазии мелких и средних государств Юго-Западной Германии. В 80-х годах, в целях сплочения реакционных сил, Бисмарк отменил большую часть этих мероприятий. — 184.

РАЗДЕЛ IX

¹ *Корибанты* — жрецы культа богини Кибелы; *кабири* — жрецы культа древнегреческих богов — кабиров. Корибанты и кабири отождествлялись в Малой Азии с критскими куретами — жрецами матери Зевса, богини Реи. Согласно мифу, куреты ударами мечей о щиты заглушали крик новорожденного Зевса. — 194.

² Речь идет о планете Нептун, открытой в 1846 г. немецким астрономом Иоганном Галле. — 198.

³ Энгельс перечисляет ряд крупнейших сражений в европейских войнах XIX века.

Сражение под Аустерлицем 2 декабря (20 ноября) 1805 г. между русскими и австрийскими войсками, с одной стороны, и французскими — с другой, закончилось победой Наполеона. Сражение при Йене между французской армией под командованием Наполеона и прусскими войсками произошло 14 октября 1806 года. Закончившееся разгромом прусской армии, это сражение повлекло за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией. Сражение при Кёниггреце (в настоящее время Градец-Кралове) произошло 3 июля 1866 г. в Чехии между австрийскими и саксонскими войсками, с одной стороны, и прусскими войсками — с другой, и явилось решающим сражением в австро-прусской войне 1866 г., которая закончилась победой Пруссии над Австрией. В истории это сражение известно также как битва при Садове. Сражение при Седане 1—2 сентября 1870 г., в котором прусские войска нанесли поражение французской армии Мак-Магона и вынудили ее капитулировать, явилось решающим сражением франко-прусской войны 1870—1871 годов. — 199.

⁴ См. письмо К. Маркса к Кугельману от 5 декабря 1868 года. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32).— 206.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 257—258.— 212.

⁶ «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («Немецко-французский Ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 г. В нем были опубликованы произведения К. Маркса «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»». Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия К. Маркса с буржуазным радикалом Руге.— 212.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21—22.— 212.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 326.— 214.

⁹ См.: Писарев Д. И. Промахи незрелой мысли (Соч. М., 1956, т. 3, с. 147—151).— 218.

¹⁰ Термин «агностицизм» был введен в 1869 году английским естествоиспытателем Г. Гексли. В. И. Ленин в статье «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» (1913) следующим образом поясняет его значение: «Агностицизм (от греческих слов «а» — не и «гносис» — знание) есть колебание между материализмом и идеализмом, т. е. на практике колебания между материалистической наукой и поповщиной. К агностикам принадлежат сторонники Канта (кантианцы), Юма (позитивисты, реалисты и пр.) и современные «махисты» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 118).— 219.

¹¹ И. Дицген развивал аналогичные мысли. Например, в книге «Сущность головной работы человека» в параграфе «Дух и материя» он писал: «Уже давно, в особенности со времен христианства, вошло в привычку с презрением относиться к материальным, чувственным, плотским вещам, подаваемым мозгом и ржавчиной» (см.: Избранные философские произведения. М., 1941, с. 57).— 219.

¹² В. И. Ленин сравнивает ошибочное высказывание Л. Фейербаха о том, что «и духовная деятельность — телесна» с аналогичными мыслями И. Дицгена, встречающимися в ряде его работ. Выступая против идеалистического отрыва мышления от его материального субстрата — мозга, Дицген сделал неверную попытку «расширить» понятие материи, включив в него и мышление. На «некоторую путаницу» понятий у Дицгена указывал К. Маркс, познакомившись с рукописью его книги «Сущность головной работы человека» (см. письмо Л. Кугельману от 5 декабря 1868 года — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32).— 220.

¹³ См.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 285).— 222.

¹⁴ В. И. Ленин имеет в виду следующие слова Фейербаха: «...божество состоит, так сказать, из двух составных частей, из которых одна принадлежит фантазии человека, другая — природе. Молись! — говорит одна часть, то есть бог, отличный от природы; работай! — говорит другая часть, то есть бог, не отличающийся от природы, а лишь выражающий ее существо; ибо природа — рабочая пчела, боги же — трутни» (Избранные философские произведения. М., 1955, т. II, с. 846).— 225.

РАЗДЕЛ X

¹ Эта цитата взята из работы Фейербаха «Grundsätze der Philosophie. Nothwendigkeit einer Veränderung» («Основные положения философии. Необходимость изменения»), опубликованной в книге: *Grün K. Ludwig Feuerbach, Bd. I. Leipzig und Heidelberg, 1874, S. 407.— 236.*

² *Суры нового корана* — проницательный намек на книгу Даумера «Mahomed und sein Werk». Hamburg, 1848 («Магомет и его произведение». Гамбург, 1848); суры — арабское название глав корана.— 238.

³ Имеется в виду работа А. Книгге «Ueber den Umgang mit Menschen». Hannover, 1804 («Об обращении с людьми». Ганновер, 1804), в которой он устанавливает правила поведения человека в его взаимоотношениях с другими людьми. Книга изобилует поверхностными рассуждениями и прописными истинами.— 238.

⁴ В указанном месте книги Даумера цитируется ода Клопштока «Вездесущему» («Dem Allgegenwärtigen»).— 239.

⁵ *Пророчества Нострадамуса*, известного в XVI в. французского астролога и лекаря короля Карла IX, были облечены в стихотворную форму и отличались крайней туманностью и загадочностью.

Ясновидение шотландцев — способность распознавать будущее и явления, недоступные восприятию обыкновенного человека, которая суеверно приписывалась жителям горных районов Шотландии.

Животный магнетизм — учение австрийского врача XVIII в. Месмера о возможности воздействия на поведение человека путем гипнотического внушения.— 239.

⁶ Ссылка на произведение Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», в котором имеются сцены, показывающие тягостную зависимость людей науки и искусства от титулованных особ.— 240.

⁷ Ленин имеет в виду свою статью «Марксизм и ревизионизм», напечатанную в сборнике «Карл Маркс (1818—1883)», в которой он впервые в печати заявил о том, что в ближайшем будущем в ряде статей или в отдельной книге выступит против «неокумистских» и «необерклианских» ревизионистов — А. А. Богданова, В. А. Базарова и др. (см.: Полн. собр. соч., т. 17, с. 15—26).— 240.

⁸ Письмо Ленина вызвано появлением в газете «Русское слово» № 219 от 22 сентября 1913 года статьи А. М. Горького «О карамазовщине» с протестом против инсценировки Московским Художественным театром реакционного романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Буржуазная пресса выступила в защиту пьесы Достоевского. Горький ответил новой статьей — «Еще о карамазовщине», которая была напечатана в № 248 «Русского слова» от 27 октября 1913 года. В больших выдержках, но без заключительного абзаца ответ Горького был перепечатан 28 октября (10 ноября) в газете «Речь» № 295. На следующий день эта статья Горького, включая также и заключительный абзац, полностью процитированный Лениным в письме, была перепечатана ликвидаторской «Новой рабочей газетой» № 69.— 242.

⁹ Здесь и ниже Ленин имеет в виду и цитирует «Манифест Коммунистической партии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 4, с. 448—449, 456).— 251.

РАЗДЕЛ XI

¹ *Брамины* (брахманы) — в древней Индии жрецы, руководители жертвоприношений и других культовых действий.

Веды — древнейшие памятники индийской литературы и религии, написанные стихами и прозой; создавались на протяжении ряда веков — не позднее VI в. до н. э.— 253.

² «Sire, je n'avais pas besoin de cette hypothèse» («Государь, я не нуждался в этой гипотезе») — ответ Лапласа на вопрос Наполеона о том, почему в своем «Трактате о небесной механике» Лаплас даже не упоминает имени творца мира.— 255.

³ Энгельс имеет в виду вступительную речь Дж. Тиндаля на открывшемся 19 августа 1874 г. в Белфасте 44-м съезде Британской ассоциации содействия прогрессу науки. Речь была напечатана в журнале «Nature» № 251 от 20 августа 1874 года. В письме Энгельса Марксу от 21 сентября 1874 г. дана более подробная характеристика этого выступления Тиндаля.— 255.

⁴ Энгельс имеет в виду хорал Лютера «Ein'feste Burg ist unser Gott» («Господь наш истинный оплот»). «Марсельзой Реформации» называет эту песнь Г. Гейне в своей работе «К истории религии и философии в Германии», книга вторая.— 260.

⁵ Имеется в виду публичное сожжение Лютером буллы, в которой папа Лев X отлучил его от католической церкви. Сожжение папской буллы, как и другие выступления Лютера, послужили толчком к началу широкого общественного движения в Германии, против которого Лютер впоследствии боролся. *Сост.*— 260.

⁶ Экземпляр своей только что напечатанной книги «De revolutionibus orbium coelestium» («Об обращении небесных кругов»), в которой излагалась гелиоцентрическая система мира, Коперник получил в день своей смерти — 24 мая (стар. стиль) 1543 года.— 260.

⁷ Согласно господствовавшим в химии XVIII в. взглядам, считалось, что процесс горения обусловлен наличием в телах, способных к горению, особого вещества — флогистона, который выделяется из таких тел во время горения. Поскольку, однако, было известно, что при прокаливании металлов на воздухе их вес увеличивается, сторонники флогистонной теории пытались приписать флогистону физически бессмысленный, отрицательный вес. Несостоятельность этой теории показал выдающийся французский химик А. Л. Лавуазье, который дал правильное объяснение процесса горения как реакции соединения горящего вещества с кислородом.— 261.

⁸ Небулярная гипотеза Канта, согласно которой солнечная система развилась из первоначальной туманности (лат. *nebula* — туман), изложена в его сочинении «Всеобщая естественная история и теория неба, или Опыт изложения устройства и механического происхождения всего мироздания по принципам Ньютона».— 263.

⁹ Имеется в виду мысль, высказанная И. Ньютоном в заключении ко второму изданию его основного труда «Математические начала натуральной философии», кн. III, Общее поучение. «До сих пор,— пишет Ньютон,— я изъяснил небесные явления и приливы наших морей на основании силы тяготения, но я не указывал причины самого тяготения». Перечислив затем некоторые свойства тяготения, Ньютон продолжает: «Причину же этих свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю (*hypotheses non fingo*). Все же, что не выводится из явлений, должно называться *гипотезой*, гипотезам же метафизическим, физическим, механическим, скрытым свойствам не место в экспериментальной философии.— В такой философии предложения выводятся из явлений и обобщаются помощью наведения» (т. е. индукции). Имея в виду высказы-

вание Ньютона, Гегель в своей «Энциклопедии философских наук», § 98, Добавление 1-е, отмечал: «Ньютон... прямо предостерегал физику, чтобы она не впадала в метафизику...».— 263.

¹⁰ Речь идет о теории катастроф известного французского естествоиспытателя Ж. Кювье, выдвинутой им в 1812 г. для объяснения смены ископаемых видов фауны в различных слоях земной коры. Согласно этой теории, история земли знала периодические перевороты — катастрофы, после которых новые виды возникали благодаря новым творческим актам божества. Эта религиозно-идеалистическая теория была полностью disproвергнута благодаря трудам Ж. Б. Ламарка, Ч. Лайеля и Ч. Дарвина. *Сост.*— 264.

¹¹ Чарлз Гров (1811—1896) — английский физик и юрист.— 265.

¹² *Ланцетник* (амфиокс) — небольшое рыбообразное животное, представляющее собой переходную форму от беспозвоночных к позвоночным, водится в ряде морей и океанов.

Чешуйчатник (лепидосирен) — животное, принадлежащее к подклассу двоякодышащих рыб, в которых имеются и легкие и жабры, водится в Южной Америке.— 266.

¹³ *Рогозуб* (цератод) — двоякодышащая рыба, водится в Австралии.

Археоптерикс — ископаемое позвоночное, являющееся одним из древнейших представителей класса птиц и имеющее в то же время некоторые черты пресмыкающихся.— 266.

¹⁴ *Ариаднина нить* — в данном случае означает путеводную нить, руководящую мысль, помогающую решать вопрос. Выражение возникло на основе древнегреческого мифа об Ариадне, дочери Критского царя Миноса и Пасифаи (возможно, древнекритское божество), вручившей нить афинскому герою Тезею. Эта нить помогла Тезею выйти из лабиринта после победоносного сражения с обитавшим там чудовищем Миянотавром. *Сост.*— 266.

¹⁵ *Протисты* (от греч. πρῶτιστος — самый первый) — по классификации Геккеля, обширная группа простейших организмов, охватывающая как одноклеточные, так и бесклеточные организмы и образующая наряду с двумя царствами многоклеточных (растения и животные) особое, третье царство органической природы.— 267.

¹⁶ Наиболее известным сочинением И. Ньютона на богословские темы является книга «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис 16 Иоанна», изданная посмертно в 1773 г.— 271.

¹⁷ *Месмеризм* — антинаучное учение о некоем «животном магнетизме», названное по имени его родоначальника австрийского врача Ф. Месмера (1734—1815). Месмеризм получил широкое распространение в конце XVIII в. и явился одним из ранних предшественников спиритизма.— 271.

¹⁸ Согласно френологии — вульгарно-материалистическому учению, созданному в начале XIX в. австрийским врачом Ф. И. Галлем, каждое психическое свойство человека имеет свой орган: оно локализуется в определенных участках головного мозга, развитие того или иного психического свойства вызывает рост его органа и образования выпуклости на соответствующем участке черепа, так что по конфигурации черепа якобы возможно судить о психических особенностях человека.— 271.

¹⁹ *Баратария* (от греч. слова barato — дешевый) — название несуществующего острова, служащее в одном из эпизодов романа Сервантеса «Дон-

Кихот» (ч. II, гл. 45—53) для обозначения небольшого города, мнимым губернатором которого был назначен оруженосец Дон-Кихота Санчо Панса.— 272.

²⁰ Ноттинг-Хилл — район в западной части Лондона.— 274.

²¹ *Таллий* был открыт У. Круксом в 1861 г. *Радиометр* («Lichtmühle» — «световая мельничка») — прибор для измерения энергии световых лучей путем определения угла отклонения закручивающейся тонкой нити, на которой укреплены легкие крылышки, вращающиеся под действием излучения. Радиометр был сконструирован Круксом в 1873—1874 гг.— 275.

²² Речь идет о комиссии для рассмотрения медиумических явлений, учрежденной Физическим обществом при Петербургском университете 6 мая 1875 г. и закончившей свои занятия 21 марта 1876 г. В состав комиссии входили Д. И. Менделеев и ряд других известных ученых. Комиссия обратилась к лицам, распространявшим спиритизм в России, — А. Н. Аксакову, А. М. Бутлерову и Н. П. Вагнеру — с предложением представить сведения о «подлинных спиритических явлениях». Комиссия пришла к тому заключению, что «спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие», и опубликовала свои выводы в газете «Голос» от 25 марта 1876 г. Материалы комиссии были изданы Д. И. Менделеевым в виде книги «Материалы для суждения о спиритизме». С.-Петербург, 1876.— 276.

²³ Начало дуэта Памины и Папагено из оперы Моцарта «Волшебная флейта» (действие I, сцена 18). Слова этого дуэта обыгрываются и в следующем предложении.— 278.

²⁴ Энгельс намекает на те реакционные выпады против дарвинизма, которые получили в Германии особенное распространение после Парижской Коммуны 1871 г. Даже такой крупный ученый, как Вирхов, ранее приверженец дарвинизма, выступил в 1877 г. на Мюнхенском съезде естествоиспытателей с предложением запретить преподавание дарвинизма, утверждая, что дарвинизм тесно связан с социалистическим движением и поэтому опасен для существующего общественного строя.— 278.

²⁵ В 1870 г. в Риме был провозглашен догмат о «непогрешимости» папы. Немецкий католический теолог Дёллингер отказался признать этот догмат. Епископ Майнцский Кеттелер вначале тоже был против провозглашения нового догмата, но очень скоро примирился с ним и стал его ревностным защитником.— 279.

²⁶ «...над долиною Аяалонскою!» (кн. Иисуса Навина, 10 : 12). *Сост.*— 280.

²⁷ «*Königsberger Zeitung*» — сокращенное название ежедневной газеты «*Königlich-Preußische Staats-, Kriegs- und Friedens-Zeitung*» («Королевско-прусская газета по государственным, военным и мирным вопросам»); под этим названием выходила в Кёнигсберге с 1752 по 1850 год. В 40-х годах XIX в. — прогрессивная буржуазная газета.— 280.

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 361.— 281.

РАЗДЕЛ XII

¹ Из книги Ш. Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб», ч. II, эпилог.— 283.

² Исход, 20 : 15; Второзаконие, 5 : 19. *Сост.*— 284.

³ Карлейль, Ричард (1790—1873) — английский радикальный публицист, социальный реформатор.— 285.

⁴ *Драйден*. Петух и лиса.— 293.

⁵ *Рудольф* и *Мастака* — персонажи романа Э. Сю «Парижские тайны». Сост.— 293.

⁶ Речь идет о восстании в Индии, начавшемся в 1857 году. Восстание носило национально-освободительный характер; было подавлено английскими войсками в 1859 году.— 295.

⁷ Англо-бурская война (октябрь 1899 — май 1902 года), колониальная, захватническая война Англии против двух южноафриканских республик — Трансвааля и Оранжевой, в результате которой последние потеряли самостоятельность, стали колониями Великобритании.— 295.

⁸ *Мария* — Флер де Мари — героиня романа Э. Сю «Парижские тайны». Сост.— 298.

РАЗДЕЛ XIII

¹ *Crédit Mobilier* — крупный французский акционерный банк. Главным источником его доходов была спекуляция на бирже ценными бумагами учрежденных им акционерных обществ. На средства, полученные от выпуска своих собственных акций, гарантируемых только имеющимися у него ценными бумагами других предприятий, *Crédit Mobilier* скупал акции разных компаний, гарантируемые стоимостью их имущества. Таким образом, одна и та же реальная собственность вызывала к жизни фиктивный капитал в двойном размере: в форме акций данного предприятия и в форме акций *Crédit Mobilier*, который финансировал это предприятие и скупал его акции.— 305.

² *Фамма* — римское название греческой богини молвы Оссы, служит олицетворением быстро распространяющихся слухов.— 305.

³ См. наст. изд., прим. 1, раздел IV.— 307.

РАЗДЕЛ XIV

¹ См. наст. изд., прим. 28, раздел VIII.— 308.

² См. статью Ф. Энгельса «Эмигрантская литература» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18).— 324.

³ Имеется в виду выступление депутата III Государственной думы, социал-демократа П. И. Суркова при обсуждении сметы расходов Синода на заседании Думы 14 (27) апреля 1909 г.— 325.

⁴ См.: *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18).— 326.

⁵ См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1937, с. 299—301.— 326.

⁶ Имеется в виду «Введение» Ф. Энгельса к брошюре К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. М., 1955, т. I, с. 439).— 326.

⁷ «*Вехи*» — сборник статей видных кадетских публицистов, представителей контрреволюционной либеральной буржуазии: Н. А. Бердяева,

С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве и С. Л. Франка; вышел в Москве весной 1909 года. В своих статьях, посвященных русской интеллигенции, «веховцы» пытались опочтить революционно-демократические традиции освободительного движения в России, взгляды и деятельность В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева; оплевывали революционное движение 1905 г., благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В. И. Ленин дал в статье «О «Вехах»» (см.: Полн. собр. соч., т. 19, с. 167—175). Сравнивал программу сборника «Вехи» и в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские ведомости», Ленин называл его «энциклопедией либерального ренегатства», «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр сборника «Вехи» с многочисленными пометками Ленина.— 332.

⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 195.— 334.

⁹ 21 апреля 1921 г. в «Правде», в дополнение к ранее опубликованному циркуляру, ЦК РКП(б) опубликовал письмо, в котором предлагалось при праздновании 1 Мая «ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, оскорбляющих религиозное чувство массы населения».— 333.

¹⁰ Имеется в виду полученное В. И. Лениным письмо Г. В. Чичерина в ЦК РКП(б), в котором он предлагал обратиться к партийным организациям республик и областей с мусульманским населением с особым циркуляром в необходимости при проведении антирелигиозной пропаганды соблюдать тактичность и не оскорблять религиозных чувств мусульман. В своем письме Чичерин упоминал об одном из выступлений Н. Н. Нариманова: «В свое время тов. Нариманов давал очень ценные указания агитаторам на Востоке именно по этому вопросу. Его речь к муллам о разделении церкви и государства есть образец тактичного подхода к мусульманской публике». В письме Чичерина Ленин сделал подчеркивания тех мест, где предлагалось издание циркуляра и характеризовалась речь Нариманова (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).— 338.

¹¹ Имеются в виду постановления, резолюции и др. материалы I Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных объединений, а также письма правления совета съезда и председателя этого правления В. Г. Черткова В. И. Ленину от 30 мая 1921 года с просьбой разрешить Черткову и Н. С. Родионову (секретарю правления) присутствовать в Малом Совете при рассмотрении вопроса о резолюциях съезда. 1 июня Н. П. Горбунов потребовал выписку из этого постановления, а 2 июня сообщил Черткову, что он будет своевременно извещен, если по делу Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных объединений потребуются какие-либо детали сведения.— 338.

¹² См.: *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 514).— 338.

- Алхимия и религия** 237
- Альбигойцы** 104, 107
- Анабаптисты** 114—120
- Англиканская церковь** 122, 129—132, 173, 176, 178, 184
- Армия спасения** 162, 164, 165
- Атеизм** 116, 286—287
- как отрицание бога 115, 172, 175, 183, 197, 218, 258, 287
 - как гуманизм 146, 152, 187, 287—289, 290
 - естественнонаучный 267—270
 - античный 32, 38, 67, 68, 142—144, 147
 - буржуазный 7, 10—13, 24, 33, 64, 73, 142, 144, 146—156, 159—168, 332, 337
 - революционных демократов 156—159
 - марксистский 8, 173—188, 197, 322, 323, 325, 326, 331—332
- Атеистическая пропаганда**
- содержание и методы атеистической работы 323—324, 328, 337, 338, 339
 - атеистическая работа среди женщин 340
 - принципы научно-атеистической пропаганды 328, 329, 334—335, 340
 - атеистическая работа среди различных категорий населения 335, 338
- Библия** 27, 38, 40—46, 66, 111, 115, 125, 129, 132, 290
- Бог** 5, 15, 19, 44, 45, 52, 56, 78, 110, 129, 159, 175, 183, 184, 214—219, 234—235, 241, 255, 287
- реакционный социальный смысл и значение идеи бога 242—243, 245—246
 - идея бога и классовая борьба 245—246
 - бытие бога 39—40, 200, 255, 258, 272
 - оправдание идеи бога — оправдание реакции 243, 245
 - как отражение бытия человека 6—7, 19, 27—28, 288
 - как создание религиозной фантазии 5, 14, 37, 39
- Богоскательство** 242
- Богословие** — см. *Теология*
- Богостроительство** 229—230, 236, 240, 241—244
- попытки богостроителей соединить социализм с религией 241
- Брак и религия** 28—31, 49—50, 60, 291, 292
- Буддизм** 64
- Буржуазия и религия** 91, 104—120, 122—124, 159—172, 180—182, 291—293, 324, 336
- Восточные религии** 7, 25, 63
- Государственная религия** 122, 130—132
- Государство и религия** 7, 9, 11, 20, 32, 34—35, 322
- Государство и церковь** 90—91, 101, 129—130, 322, 324. См. также *Отделение церкви от государства*
- Дарвинизм** 268
- Деизм** 150, 153, 167, 182
- Диалектический и исторический материализм** — философская основа научного атеизма 195—196
- материальное единство мира 199—201, 268
 - философское понятие материи 197, 201—205
 - пространство и время — объективные формы существования материи 204
 - отрицание объективной закономерности ведет к религии 203—205, 207—209
 - материалистическая теория познания — универсальное оружие против религиозной веры 205—

- 209, 217—226, 227, 230—231, 234—235
- партийность философии и религии 210—214, 228—230, 240—241
- Догматы религии** 38, 49—61, 63, 71, 78, 101, 106, 112, 116, 129, 163
- Духовенство** 33, 72, 100, 184, 309—310
- католическое 98—99, 100, 105—106, 260
 - православное 78—79, 80, 81, 82—83, 85, 92—95, 96, 97, 189—190
 - протестантское 260
- Евангелие** 38, 39, 41—42, 43—46, 110, 113, 117, 119, 127, 129, 154—155
- Ереси и еретики** 104—114, 167, 320
- Естествоиспытатели и религия** 17, 255, 264. См. также *Наука и религия*
- Женщина и религия** 28—29, 31—32
- Жизнь, ее происхождение** 267, 268, 270
- Землевладения церковные** 79—80, 93—94, 172
- Идеализм и религия** 145, 159, 237
- идеализм как защита и поддержка религии 203, 210
 - внутренняя связь идеализма и религии 205, 247, 336
 - идеализм как утонченная, рафинированная форма фидеизма 205, 210—211, 247
 - гносеологические корни идеализма и религии 214—226
 - субъективный идеализм и религия 214—226, 232—233
- Идеология религиозная** 19, 104
- Индуизм** 4, 7, 140—141
- Инквизиция** 79, 195, 261
- Ислам** 64, 66, 100, 136—140, 335, 341
- Искусство и религия** 247—252, 259—260, 289, 305—307
- Иудаизм** 5, 27, 35, 37, 38, 49, 50—51, 53, 56—57, 58, 61—62, 136—138, 140
- Кальвинизм** 73, 122—124, 126
- Католицизм** 33, 49, 73, 98—104, 115, 130, 145, 286
- Клерикализм**
- католический 84, 103—104, 326
 - православный 82, 89—97, 169, 319
- Колониализм и религия** 295—296
- Коммунизм и религия** 24, 65—74, 151—152, 187—188, 258, 289—290
- Коммунистическая партия и религия**
- полное уважение к искреннему религиозному убеждению 336
 - необходимость отделения церкви от государства 322—324, 334
 - религия не есть частное дело по отношению к партии 323, 326—327, 330—331, 334
 - философские основы марксистской тактики по отношению к религии 323—324, 325, 327—328, 329
 - насилье есть лучший способ оживить интерес к религии 184, 325—326, 335
 - диалектический подход к атеистической работе 327—330
- Коран** 44, 137, 238
- Корни религии** 11, 12, 13, 14, 17—25, 227, 324, 328, 340
- социальные 12—14, 34—36, 245, 328, 345
 - исторические и экономические 17, 33, 34, 245, 323
 - гносеологические 37—40, 214—226
- Крестьянство и религия** 80, 82, 83, 86—88, 134, 158, 171—172, 249—250
- политический протест крестьян в религиозной оболочке 105—109, 111—112, 133, 134—135
 - антирелигиозные настроения в крестьянстве 99, 189—193
- Культура и религия** 45, 305—307, 310, 311, 312—314, 316, 319—320
- Культы и обряды религиозные** 28, 30, 34, 39, 48—49, 63, 140, 141, 239, 286, 327
- Лютеранство** 44, 57, 113, 121—122, 123, 127, 260
- Материализм** 144, 146—154, 155, 160, 167, 194—205, 206
- и атеизм 327—328, 329, 335
 - и идеализм 144, 197—199, 201, 211
 - и религия 197, 204, 262, 263, 267, 329
 - французский XVIII в. 144, 146—154, 259, 263
- Мировоззрение** 261, 310, 323
- Мистика, мистицизм** 28, 47, 106, 107—109, 114, 124—126, 168, 239, 271—279
- Мифология религиозная** 4, 19—20, 27, 28—32, 58, 140, 154, 305—306
- Монастыри** 72, 80, 303—304
- Монашество** 72, 99, 110
- Монотеизм** 5, 38, 58, 137
- Мораль**
- и религия 18, 20, 21, 24, 151, 282, 283, 286, 296
 - ее социальная сущность 18, 117, 284, 294—295

- христианская 44—45, 60—61, 282, 284, 290, 291, 293—295, 298—304
- вера в бога и индивидуализм 245, 290
- непротивление злу насилием 250—251
- противоположность коммунистической и религиозной морали 297—298
- Наука и религия** 150, 198, 199, 209, 212—214, 253—281
- борьба науки и религии 15, 17, 26, 33, 46, 201, 227, 253—254, 255, 256, 260, 263
- буржуазные ученые и религия 253—254, 276, 338
- законы науки и религия 101, 255, 256
- Национальный вопрос и религия** 310—322, 341, 355
- Отделение церкви от государства** 82, 182, 185, 208, 308—309, 322—323, 334
- Пантеизм** 115, 286, 289
- Папа римский** 81, 99, 111, 122, 130, 260
- Первобытное общество, религия в нем** 19—32
- Православие** 75—98. См. также *Церковь православная*
- Пророки и пророчества** 58—61, 120, 130, 270—281
- Протестантизм** 33, 44, 74, 104—114, 123, 145, 159, 163, 253, 259, 260, 286, 292
- Рабовладельческое общество, религия в нем** 7
- Рабочий класс и религия** 8, 12, 13, 72, 76, 83—84, 102, 124—125, 161, 165, 173—186, 315—316, 324—325
- Рабочая партия и религия** 84—89, 92, 96, 102—103, 133
- Революция и религия** 5, 12—13, 64—65, 73, 80—89, 137, 139, 153, 160
- Религия**
 - ее определение 4, 5, 8, 9, 11, 16, 19, 33, 196, 237—239, 285, 286, 325
 - ее первобытные формы 4, 5, 19—32, 197
 - ее эволюция 4, 17, 18, 19, 20—21, 23, 238
 - как форма идеологии 12, 19, 21, 33—34, 36
 - опиум народа 8, 12, 304, 325, 333
 - ее социальная и классовая роль 12, 13, 14, 75—76, 98—99, 154, 169, 245, 246, 294, 325, 336, 339
 - ее место и роль в развитии общества 6, 12, 285
 - и страх 14, 26, 27, 328
 - и борьба с ней 287, 325, 326, 332
 - ее преодоление 7—8, 9, 12, 14—16, 33, 34, 76, 286, 324, 326, 328
 - религиозное мировоззрение 5, 8, 100—103
- Реформация** 104—114, 115, 122—123
- Свобода совести** 24, 73—77, 168—170, 308—310
- отношение к ней рабочей партии 308—310, 322—323, 331, 332
- Свободомыслие** 73, 74, 142—154, 189—193, 259
- Сектанство и секты** 49, 59—60, 76, 78, 82, 89—90, 114, 116, 133—135, 164, 167, 178—179, 183, 309, 337
- Секуляризация церковных имуществ** 90, 112
- Спиритизм** 274—276, 278—279
- Социализм и религия** 49, 65—67, 174—177, 240, 241, 259, 331
- Суеверия** 7, 141, 148, 270—271, 288
- Таинства христианские** 55—58, 114
- Теизм** 150
- Телеология** 262, 268
- Теология** 7, 9, 18, 33, 41—42, 46, 50, 58, 85, 100—103, 104—105, 121, 142, 149, 154, 212, 246, 253, 256, 260, 262, 279
- Толстовство** 190, 247—252
- Традиции религиозные** 163
- Фантазия и религия** 47, 155, 203—204, 220
- Фетишизм** 26, 33
- Фидеизм** 204—205, 209, 210—211, 227, 230—232, 233, 247
- Философия и религия** 5, 9, 18, 20—21, 24—25, 35—36, 37—39, 41—42, 58, 104—105, 142—143, 146—155, 194—195, 234, 263, 279—280. См. также *Идеализм и религия, материализм*
- Христианство** 33—75, 144, 238, 254, 282—283, 286—287, 310
 - его социальные принципы 65, 66, 70—71, 72, 75—76, 294—295
 - как система идей 49, 115, 132, 144, 253, 256
 - и иудаизм 36, 37, 38, 48—58, 140
 - первоначальное 24, 33—36, 47—48, 50—51, 54—55, 59, 60—61, 65, 69, 70, 72, 165
 - средневековое 66, 70, 72, 104—109
 - как мировая религия 48, 63—65

Христианский социализм 65—74, 82, 85, 86, 244

Церковь 145, 168

— ее духовная диктатура 75, 76, 259

— раннехристианская 106, 107

— англиканская 122, 129—132, 173, 176, 178, 184

— ирландская 131

— католическая 98—99, 100—101, 122, 292

— православная 75—86, 89—97, 168—173, 233, 250

Человек

— его сущность 6, 10, 11, 20—29, 258, 268, 270, 288

— как создатель религии 7, 8—10, 11, 37—38, 195, 257, 288

— и религия 34, 188, 286, 287

— и природа 5, 17—18, 24, 257, 268, 287—288

Чудо, чудеса 12, 99, 121, 122, 149, 168, 271, 273, 280

Школа и религия 177—181, 310—311, 318, 323

Этика религиозная 38, 46, 63, 236—237

Язычество 4, 5, 7, 38, 50, 57, 62, 64, 72, 116, 142, 185, 306

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

РЕЛИГИЯ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

1. Религия — фантастическое отражение в голове человека стихийных сил природы и общества	4
2. Религия — опиум народа	8
3. Социальная природа религиозного отчуждения	9
4. Социальные корни и функции религии	12
5. Уничтожение социальных корней религии — важнейшее условие ее преодоления	14

Раздел II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ И ЕЕ РАННИЕ ФОРМЫ

1. Научно-материалистический подход к истории религии	17
2. Религиозное сознание — порождение исторически определенных общественных отношений	19
3. Ранние формы религии	25

Раздел III

ХРИСТИАНСТВО

1. Христианство — продукт разложения античного общества	33
2. Философские и религиозные источники христианства	37
3. Научная критика Библии	40
4. Догматика, этика и эсхатология первоначального христианства. Откровение Иоанна Богослова	46
5. Превращение христианства в мировую религию	63
6. Христианство и коммунизм	65

Раздел IV

ПРАВОСЛАВИЕ

1. Православная церковь в царской России — враг свободы совести	75
2. Православная церковь и революция 1905 года	80
3. Воинствующий клерикализм православной церкви	89
4. Православное духовенство и империалистическая война	96

Раздел V

КАТОЛИЦИЗМ И ПРОТЕСТАНТИЗМ

1. Римско-католическая церковь как центр средневековой феодальной системы	98
2. Протестантизм как буржуазная форма христианства. Лютеранство. Кальвинизм. Англиканская церковь	104

Раздел VI

ХРИСТИАНСКОЕ СЕКТАНТСТВО

133

Раздел VII
РЕЛИГИИ ВОСТОКА

1. Ислам и иудаизм	136
2. Социальная природа религий Индии	140

Раздел VIII
ИСТОРИЯ АТЕИЗМА И СВОБОДОМЫСЛИЯ

1. Атеизм в древности	142
2. История философского материализма — история свободомыслия и атеизма	144
— Атеизм французских материалистов	146
— Критика религии младогегельянцами и Л. Фейербахом	154
— Классовая сущность буржуазного атеизма	156
— Атеизм русских революционных демократов	—
3. Отношение буржуазии к атеизму и религии	159
— Религия и скептицизм в среде английской буржуазии	—
— Отказ буржуазии от свободомыслия и атеизма	161
— Русская буржуазия и церковь	168
4. Атеизм и рабочий класс	173
— Антицерковное движение рабочего класса Англии	—
— Безразличие к религии в массе рабочего класса	180
— Атеизм и коммунизм	187
5. Атеизм и свободомыслие среди крестьянства	189

Раздел IX
ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ —
ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА МАРКСИСТСКОГО АТЕИЗМА

1. Материализм — подлинно научное атеистическое мировоззрение	194
— Философия и религия	—
— Материалистическое решение основного вопроса философии	195
— Действительное единство мира — в его материальности	199
— Философское понятие материи	201
2. Диалектико-материалистическая теория познания — универсальное оружие против религиозной веры	205
— Человеческая практика — критерий истины	—
— Отрицание объективной истины — путь к религиозной вере	—
3. Идеализм и религия	210
— Идеализм как утонченная рафинированная форма фидеизма	—
— Гносеологические корни идеализма и религии	216
— Прогресс естествознания и философский идеализм	227

Раздел X
МАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА ПОПЫТОК СОЗДАТЬ НОВУЮ РЕЛИГИЮ

1. «Религия любви» Л. Фейербаха	236
2. «Новая религия» Г. Даумера	237
3. Реакционная сущность богостроительства и богоискательства	240
4. Реакционная сущность толстовства	247

Раздел XI
НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС И РЕЛИГИЯ

1. Научный прогресс не оставляет места для творца	253
2. Из истории борьбы науки и религии	258
3. Естественнаучное обоснование атеизма	267
4. Религиозные пророчества и научные предвидения	270

Раздел XII
МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ

1. Марксизм о классовой сущности религиозной морали	282
2. Атеизм и гуманизм	285
3. Буржуазная мораль и религия	290

Раздел XIII
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ

Раздел XIV
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ
ОТНОШЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
К РЕЛИГИИ, ЦЕРКВИ И ВЕРУЮЩИМ

1. Буржуазное и пролетарское понимание свободы совести	308
2. Борьба коммунистической партии за свободу совести до Октябрьской революции	309
3. Национальный вопрос и религия	310
— Религия и национальный гнет в буржуазном обществе	317
4. Отношение социалистического государства и коммунистической партии к религии и церкви	322
— Полное отделение церкви от государства — требование пролетариата	—
— Религия не есть частное дело по отношению к рабочей партии	323
— Атеистическая пропаганда должна быть подчинена борьбе за уничтожение социальных корней религии	327
— Традиции буржуазной борьбы с религией. Буржуазный антиклерикализм	331
5. Система атеистического воспитания трудящихся	334
— Организация широкой антирелигиозной пропаганды	—
— Воинствующий атеизм и материализм	337
— Борьба с религиозными предрассудками среди женщин	340
Примечания	341
Предметный указатель	362

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И.

О РЕЛИГИИ

Заведующий редакцией *А. В. Белов*
Редактор *Ю. В. Степанов*
Младший редактор *М. В. Архипенко*
Художник *А. А. Брантман*
Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*
Технический редактор *М. И. Токмечина*
Корректоры *Е. Н. Кудрявцева, Т. И. Аверьянова*

ИБ № 3833

Сдано в набор 28.12.82. Подписано в печать 01.04.83. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 23. Условн. кр.-отт. 23. Учетно-изд. л. 25,29. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 3017. Цена 80 коп.

Политиздат. 125811, ГСП. Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 18.

